

СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА

СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА

ДЕЛО №

АДЕН ДАЙЛЕС

ГБР

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

ЧРОВИЧ
СРОЧНО
ПРОТОКЛ

ИСКУССТВО ШПИОНАЖА

А. ДАЙЛЕС

ЧРОВИЧ

СРОЧНО
ПРОТОКЛ

**СЕКРЕТНАЯ
ЧАСТЬ**

ДЕЛО №_____

Год

ХРАНИТЬ _____ ЛНТ

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

2000

СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА

ДЕЛО №_____

ALLEN DULLES

РОД

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

IM GEHEIM
DIENST

СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА

ДЕЛО № _____

АЛLEN ДАЛЛЕС

ГОД

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

ЦРУ ПРОТИВ КГБ ИСКУССТВО ШПИОНАЖА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2000

УДК 830
ББК 84(4Гем)
Д15

Серия «Секретная палка» выпускается
с 1999 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Оценка издательством событий и фактов, изложенных
в книге, может не совпадать с позицией автора.

За сведения и факты, изложенные в книге,
издательство ответственности не несет.

Перевод

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2000

Художественное оформление серии

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2000

Издание на русском языке

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2000

ISBN 5-227-00540-0

Охраняется Законом РФ об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона

будут преследоваться в судебном порядке.

Сотрудникам Центрального разведывательного управления, мужчинам и женщинам, посвятившим себя делу создания американской разведслужбы

Глава 1 О СЕБЕ

Интерес к международным проблемам появился у меня рано, фактически еще в детские годы. Я был воспитан на историях о 131-дневном путешествии на парусном судне моего деда с отцовской стороны из Бостона в индийский Мадрас, где он был миссионером. По пути он чуть было не потерпел кораблекрушение. А в юности я часто бывал в Вашингтоне с дедушкой и бабушкой по материнской линии. Мой дед Джон Фостер был государственным секретарем в 1892 году при президенте Гаррисоне¹. За участие в Гражданской войне он получил звание генерала. Позже был назначен посланником в Мексику, Россию и Испанию. Моя мать в свои юные годы провела много времени в столицах этих стран, а отец получил образование за границей. Я рос в атмосфере семейных дебатов о том, что происходило в мире.

¹ Гаррисон Бенджамин (1833—1901) — 26-й президент США (1889—1893). (Здесь и далее примеч. перев., кроме оговоренных особо.)

Мои самые ранние воспоминания — об испанской¹ и бурской² войнах. В 1901 году в возрасте восьми лет я жадно прислушивался к горячим спорам дедушки с его зятем Робертом Лансингом, который стал государственным секретарем при президенте Вудро Вильсоне³, о достоинствах британцев и буров. Я даже изложил свое собственное мнение по этим вопросам в письменной форме — категорично и с орфографическими ошибками. Записки были обнаружены родителями и опубликованы в виде небольшой брошюры, которая пользовалась большим успехом в Вашингтоне и столичном округе. С таким «насилием над личностью» мне пришлось примириться.

После окончания колледжа в 1914 году за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, будучи в полном неведении о драматических событиях, которые должны были вскоре разыграться, я отправился вокруг света, занимаясь преподавательской деятельностью в Индии, а затем в Китае и совершая длительные путешествия по Дальнему Востоку. В Соединенные Штаты мне пришлось возвратиться в 1915 году, а за год до вступления нашей страны в войну⁴ стал сотрудником дипломатической службы.

В течение последующих десяти лет я служил, занимая ряд весьма интересных должностей: вначале в

¹ Испано-американская война (1898), в результате которой США захватили Филиппины, острова Гуам и Пуэрто-Рико и установили протекторат.

² Англо-бурская война (1899—1902), закончившаяся захватом Великобританией бурских республик в Южной Африке — Трансвааля и Оранжевого свободного государства.

³ Вильсон Томас Вудро (1856—1924) — 28-й президент США (1913—1921) от демократической партии. Инициатор вступления США в Первую мировую войну. В январе 1918 г. выдвинул программу мира, активно поддерживал создание Лиги Наций.

⁴ США вступили в Первую мировую войну 6 апреля 1917 г. на стороне Антанты (блок, в который входили Англия, Франция, Россия и еще более 20 государств).

Австро-Венгрии, где в 1916—1917 годах наблюдал начало распада Габсбургской монархии, затем в Швейцарии — наши войска вели тогда боевые действия в Европе, а я собирал разведывательные данные о том, что происходило за линией фронта в Германии, Австро-Венгрии и на Балканах. Таким образом фактически я был в большей степени офицером разведки, нежели дипломатом. В 1919 году меня направили на Парижскую мирную конференцию, где я помогал вести переговоры по заключению Версальского договора, участвовал в определении границ нового государства — Чехословакии и занимался проблемами, касающимися революции в России и установления мира в Центральной Европе. После завершения конференции был в числе тех, кто открыл нашу первую послевоенную миссию в Берлине в 1920 году, а после служебной командировки в Константинополь работал четыре года в качестве начальника отдела Ближнего-Востока государственного департамента.

В 1926 году я еще не исчерпал любознательности к мировым проблемам, но истощил свои финансовые ресурсы, поэтому мне пришлось возвратиться к практической деятельности в области юриспруденции, поступив на работу в нью-йоркскую юридическую фирму, старшим компаньоном которой был мой брат¹.

Эта практика неоднократно прерывалась правительственные командировками, когда я выступал как официальный советник нашей делегации на конференциях Лиги Наций по вопросам сокращения вооружений. В ходе этой работы я встречался с Гитлером, Муссолини, Литвиновым и лидерами Великобритании и Франции.

¹ Речь идет о старшем брате Аллене Уэлла Даллеса — Джоне Фостере. С приходом к власти администрации президента Д. Эйзенхауэра в январе 1953 г. он стал государственным секретарем.

Я был тесно связан со своим братом Джоном Фостером Даллесом не только практической работой в области юриспруденции. Хотя он и был старше меня на пять лет, мы провели вместе многие годы нашей юности. В летнее время в начале девяностых годов, да и позже, как только позволяла работа, Фостер и я отправлялись на семейную дачу в Гендерсон-Харбор на юго-восточном берегу озера Онтарио. Ее построил дед Джон Фостер еще в конце прошлого столетия. Он был страстным любителем ловли окуней на удочку. Это увлечение унаследовали и мы с братом. Вскоре к деду присоединились мои отец и мать с пятью детьми, из которых брат Фостер был самым старшим. Зять Фостера — Роберт Лансинг и моя тетя Элеонора Фостер Лансинг завершили команду старшего поколения.

Здесь на лоне прекрасной природы мы не только увлекались рыбалкой, парусным спортом и теннисом, но и вели нескончаемые дискуссии по крупнейшим мировым проблемам, с которыми начала сталкиваться наша страна по мере роста своего могущества. Дискуссии, естественно, имели вес и авторитет, поскольку в них участвовали бывший государственный секретарь и государственный секретарь будущий¹. Мы, дети, были вначале лишь слушателями, но со временем стали принимать самое активное участие в дебатах по международным вопросам. Джон Фостер Даллес часто выступал как оратор, представлявший молодое поколение.

Мы были вместе в Париже в 1908—1909 годах, когда Джон работал над дипломом в Сорbonne, а я

¹ Лансинг Роберт (1864—1928) — государственный секретарь в 1915—1920 гг.; Даллес Джон Фостер (1888—1959) — государственный секретарь в 1953—59 гг.

готовился к поступлению в Принстонский колледж. С 1914-го по 1919 год наши дороги разошлись, так как я отправился в кругосветное путешествие, а позднее приступил к службе в дипломатической миссии США в Вене. Но мы вновь встретились на Парижской мирной конференции в 1919 году. Наши задачи там были различными. Он принимал участие в работе по экономическим и финансовым вопросам мирного договора, я же — по политическим. Эта близость была мне дорога и продолжалась в последующие годы. Позже мы работали вместе, когда он стал государственным секретарем при президенте Эйзенхауэр¹, а я, будучи членом конгресса, при президенте Трумэне² получил назначение на должность заместителя директора Центрального разведывательного управления³.

Будучи глубоко озабоченным основными проблемами нашего времени и переживая трагедию двух братоубийственных войн между наиболее развитыми странами мира, Джон Фостер своевременно разглядел появление новой опасности делу мира в философии и политике коммунизма. Он стал убежденным сторонником нового Центрального разведывательного управления и поддержал его деятельность, потому что хотел проверить свои собственные впечатления и мнение коллег в государственном департаменте,

¹ Эйзенхауэр Дуайт Дейвид (1890—1969) — 34-й президент США (1953—1961) от республиканской партии, генерал армии (1944). С декабря 1943 г. верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе. В 1945 г. командующий оккупационными силами США в Германии. В 1950—1952 гг. главнокомандующий вооруженными силами НАТО.

² Трумэн Гарри (1884—1972) — 33-й президент США (1945—1953) от демократической партии. Один из инициаторов политики «холодной войны».

³ Даллес Аллен Уэлш (1893—1969) — в 1942—1945 гг. резидент разведки США (Управление стратегических служб) в Европе, в 1951—1953 гг. — заместитель директора Центрального разведывательного управления, а в 1953—1961 гг. — директор ЦРУ.

основываясь на всестороннем объективном анализе проблем, с которыми президенту и ему приходилось сталкиваться. Он всегда пытался определить сильные и слабые стороны того или иного аргумента, используя проверенные данные. Он не строил воздушных замков в международной политике, а старался проверить свои взгляды на оселке жестких реалий разведывательных оценок, расставляющих в определенном порядке элементы любой кризисной ситуации. В задачу разведки как раз и входило снабжение такими данными президента и государственного секретаря.

Как Фостер, так и я, еще со времен нашей прежней деятельности в области юриспруденции и дипломатии находились под сильным влиянием принципов Вудро Вильсона. На нас произвела глубокое впечатление его высокая целеустремленность, которую он проявил в ходе парижских мирных переговоров, где его первой и главной целью было создание Лиги Наций, предназначенней для осуществления политики мира.

Мы разделяли его озабоченность срывом версальских переговоров, которые, несмотря на все то, что предпринимал президент Вильсон, не смогли обеспечить создания реального базиса для прочного мира. Мой брат, как и другие его коллеги по делегации США, боролся против нереалистических пунктов о размерах reparаций Германии. А я работал над тем, чтобы смягчить некоторые территориальные решения, которые победители буквально навязывали немцам в Версальском договоре. Все, вместе взятое, что мы тогда могли увидеть, способствовало возникновению у немецкого народа чувства горечи, ущербности и обиды, что в конце концов привело Гитлера к власти и войне в Европе.

Когда в 1941 году война стала угрожать нам, президент Франклин Рузвельт¹ вызвал полковника (он стал впоследствии генерал-майором) Уильяма Донована в Вашингтон и поручил ему создать разветвленную разведывательную службу. В качестве организатора и директора Управления стратегических служб (УСС) — так назвали новый секретный орган в период Второй мировой войны — Билл Донован, по моему мнению, может по праву рассматриваться как отец современной разведки Соединенных Штатов. После событий в Перл-Харборе² он попросил меня перейти к нему, и я служил в этом управлении до окончания войны против Германии и Японии.

В течение этих потребовавших много сил и нервного напряжения четырех лет я работал главным образом в Швейцарии, а после окончания военных действий с Германией — в Берлине. Я полагаю, что каждый эпизод моей службы может служить наглядным пособием для освоения профессии разведчика. А у меня такие случаи следовали один за другим. Поэтому воспользуюсь ими для иллюстрации отдельных положений и выводов в этом повествовании. После прекращения боевых действий с Японией я вернулся в Нью-Йорк и возобновил юридическую практику. Но как бы то ни было, все это не мешало мне играть активную роль в разработке законодательных

¹ Рузвельт Франклин Делано (1882—1945) — 32-й президент США (с 1933 г.) от демократической партии (избирался на этот пост 4 раза). Провел ряд крупных реформ (так называемый «новый курс»). В 1933 г. правительство Рузвельта установило дипломатические отношения с СССР. Внес большой вклад в создание антигитлеровской коалиции. Один из главных инициаторов создания ООН и послевоенного международного сотрудничества, в том числе между США и СССР.

² Перл-Харбор — военно-морская база США на южном берегу острова Оаху (Гавайские острова), нападением на которую 7 декабря 1941 г. Япония развязала войну на Тихом океане.

основ для создания в 1947 году Центрального разведывательного управления.

А еще через год президент Трумэн попросил меня возглавить комитет, состоявший, кроме меня, еще из двух членов — Уильяма Джексона, служившего в военное время в армейской разведке, и Матиаса Корреа, бывшего помощника по специальным вопросам военно-морского министра Джеймса Форрестола. В нашу задачу входило составление доклада об эффективности ЦРУ, созданного в соответствии с законом 1947 года¹, и характере его связей с деятельностью других разведывательных органов правительства.

Наш доклад был представлен президенту Трумэну в момент его переизбрания, и я возвратился снова к своей юридической практике, полагая, что на этот раз окончательно. Но составление доклада для правительства имеет иногда неожиданные последствия. Вас могут попросить помочь выполнить собственные рекомендации. Именно это и случилось со мной. Наш доклад содержал предложения о некоторых коренных изменениях в организации ЦРУ и, в частности, в системе определения разведывательных оценок. Генерал Уолтер Беделл Смит, который был назначен директором ЦРУ в 1950 году и уже выдвинул в качестве своего заместителя кандидатуру Уильяма Джексона, пригласил меня приехать к нему для обсуждения доклада. Я отправился в Вашингтон, рассчитывая пробыть там неделю шесть. Но остался в ЦРУ на одиннадцать лет, из них почти девять в качестве директора управления.

¹ Закон о национальной безопасности (июнь 1947 г.), в соответствии с которым были созданы Совет национальной безопасности и Центральное разведывательное управление. Статус последнего был определен специальным законом о ЦРУ (сентябрь 1949 г.).

Возвратившись к частной жизни в ноябре 1961 года, я почувствовал, что настало время, чтобы кто-нибудь сказал то, что должно быть сказано о разведке, как жизненно важной структуре нашего правительства. Поразмыслив, я решил, что, наверно, мне удастся сделать это лучше многих.

Я работал над книгой как частное лицо и хочу, чтобы всем было ясно: высказанные здесь взгляды принадлежат лично мне и на их публикацию не искашивалось специально ни разрешения, ни одобрения Центрального разведывательного управления или других правительственных органов.

Разведка, по-видимому, наименее понятная и наиболее изображаемая в искаженном виде профессия. Одну из причин такого явления вскрыл президент Кеннеди¹ в своем выступлении 28 ноября 1961 года, когда он приехал к нам, чтобы торжественно открыть новое здание штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли² и одновременно распрощаться со мной, как с директором. Он тогда заметил: «О ваших успехах громко не говорят, об ошибках же трубят вовсю». Ибо по вполне понятным причинам нельзя ничего говорить об операциях, которые проводятся успешно. Те же, которые терпят неудачу, становятся известны вопреки нашей воле..

Президент добавил тогда еще несколько слов, чтобы подбодрить тысячи сотрудников ЦРУ: «...но я уверен, что вы понимаете, насколько важна ваша работа, сколь она полезна — и как высоко будут оценены ваши усилия на всем протяжении истории. А сейчас я хочу выразить вам свою признательность; уверен, что вы и в будущем будете достой-

¹ К енн е д и Джон Фицджеральд (1917—1963) — 35-й президент США (1961—1963). Убит в Далласе.

² Л эн г л и — пригород Вашингтона на противоположном берегу реки Потомак в штате Вирджиния.

ны той похвалы всей страны, которую заслужили в прошлом».

Вряд ли имеет какой-либо смысл ожидать должностного понимания разведывательской работы и ее поддержки в стране, где лишь считанные единицы в исполнительных и законодательных органах знают все, касающееся ЦРУ. Все остальные люди пополняют свои знания о разведке из так называемых доверительных историй, написанных авторами, которые сами никогда не имели допуска к первоисточникам.

Конечно, разведывательные секреты не раскрываются по всяkim причинам. Следует хорошо помнить: то, что известно широкой публике, обязательно становится достоянием противника. Как бы то ни было, строжайшая дисциплина и конспирация — главные составляющие профессионального искусства разведки независимо от того, какая нация ее ведет. Это общеизвестно и не составляет никакого секрета. Но то, что я не вправе раскрывать, так и останется нераскрытым. Это в первую очередь — где, как и когда применялись или будут использованы те или иные оперативные приемы. И мы обязаны молчать до тех пор, пока их не раскроют где-то в другом месте и помимо нашей воли, как, например, в случае с «У-2»¹.

ЦРУ не является подпольной организацией. Это вполне легальное учреждение и, чтобы получить точное представление о том, чем оно занимается, следует прочитать закон — Акт о национальной безопасности 1947 года. Конечно, у него есть секретные приложения, и они позволяют Совету национальной безопасности, а в конечном счете и президенту ста-

¹ Разведывательный самолет «У-2», направленный ЦРУ в полет над территорией СССР, был сбит 1 мая 1961 г. подразделением зенитных ракет в районе Свердловска.

вить перед управлением и другие разведывательные задачи, кроме оговоренных в законе. Дополнительные функции, естественно, не раскрываются. Но ЦРУ — отнюдь не единственный правительственный орган, где секретность играет важную роль. Государственный департамент и министерство обороны также соблюдают строжайшую секретность относительно своей деятельности.

Одним из моих руководящих принципов в разведывательной работе, когда я был директором Центрального разведывательного управления, — использование любых цивилизованных средств для сохранения секретности и безопасности производимых операций, но только там, где это необходимо, не делая из этого фетиша в тех случаях, когда это стало известно как друзьям, так и врагам.

Вскоре после того, как я стал директором, мне пришлось столкнуться с ярким примером, когда секретность при определенных условиях становится совершенно бесполезной. Доктор Милтон Эйзенхаузэр, брат президента, условился о встрече со мною. Президент вызвался подвезти его ко мне в управление. Они выехали (я полагаю, не предупредив об этом секретную службу¹), но не могли найти управления, пока не позвонили мне по телефону, чтобы уточнить адрес. Это побудило меня выяснить, для чего нужна такая секретность. В то время на воротах в заборе, окружавшем штаб-квартиру ЦРУ, висела вывеска «Правительственная типография». А водители вашингтонских экскурсионных автобусов имели обыкновение останавливаться недалеко от них, давая возможность экскурсоводам

¹ Секретная служба — специальный орган США, занимающийся охраной президента и членов его семьи, а также борьбой с фальшивомонетчиками. По традиции входит в состав министерства финансов.

рассказать туристам о том, что за колючей проволокой находится самое секретное учреждение Вашингтона, могущественная американская шпионская организация — Центральное разведывательное управление. Я выяснил также, что фактически каждый водитель такси в столице знал, где находится ЦРУ. Тогда я распорядился снять фальшивую вывеску и повесить у въездных ворот другую, с настоящим названием. И сразу с нас спало покрывало романтичности и таинственности и мы перестали быть загадочным объектом для гостей столицы, а сделались просто одним из правительственные учреждений. Излишняя секретность может нанести вред, как и излишняя болтливость.

Примером, как определенная публикация оказывается полезной в сборе разведывательной информации, может служить то, что случилось со мною во время Второй мировой войны, когда в ноябре 1942 года я был послан в Швейцарию генералом Доднованом из Управления стратегических служб. В Берне я занял должность помощника руководителя нашей дипломатической миссии. Один из наиболее известных швейцарских журналов опубликовал статью, в которой говорилось, что я прибыл туда в качестве специального и секретного представителя президента Франклина Рузвельта. Исходя из этого, могло создаться впечатление, что эта непрошеная реклама будет мешать моей работе. Но произошло совершенно обратное. Хотя я скромно отрицал, что мне приписывали, в сообщение журнала почему-то поверили. А в результате ко мне стали стекаться толпы носителей информации, среди которых, правда, были люди со странностями, но встречались и очень интересные личности. С разведывательной точки зрения, конечно. И если я не мог порой отделить зерен от плевел, то это лишь по-

тому, что не был подготовлен к такой работе. Способность правильно оценивать людей — одно из главных качеств офицера разведки.

Если мы будем пытаться окутывать секретностью все, что касается разведки, это может привести нас к напрасной трате сил и средств для обеспечения безопасности операций, в которых секретность обязательна, чтобы достичь успеха. Каждую конкретную ситуацию следует оценивать, исходя из фактов, имея в виду принцип сокрытия от потенциального противника любой полезной для него информации о секретной разведывательной операции и людях, в ней участвующих. Предписание Джорджа Вашингтона, посланное 26 июля 1777 года полковнику Элиасу Дейтону, не потеряло своего значения для организации и проведения современных разведывательных операций:

«Необходимость организации и ведения надежной разведки несомнена и не требует в дальнейшем доказательств. Мне остается добавить только то, что Вы должны держать все это в секрете насколько возможно. Успех многих предприятий зависит от того, как строго соблюдается секретность, без этого они в большинстве своем терпят провал, даже если их хорошо спланируют и создадут реальные предпосылки для успеха».

А в общем американцам присуще говорить слишком много о делах, которые должны быть секретными. У меня такое чувство, что мы выдаем значительное количество наших секретов, в особенности в области производства вооружений, и что мы часто не видим существенного различия между операциями, которые должны сохраняться в секрете, и теми, которые по своему характеру не являются секретными. Временами случается, что наша пресса слишком усердствует в поисках «сенсаций», связанных с буду-

щими действиями в области дипломатии, политики и военного планирования. Мы научились понимать значение секретности во время войны, хотя даже и тогда время от времени случались серьезные промахи и совершались неблагоразумные поступки. Но нам следует четко сознавать, что в период «холодной войны» противник постарается использовать любой случай, когда мы ненароком разгласим тайну или допустим какую-либо публикацию, которую можно использовать в разведывательных целях.

Разумеется, при нашей системе государственного правления и с учетом законных интересов общественности и прессы невозможно возвести степень молчания вокруг разведки. Да я и не предлагаю, чтобы это было сделано. Ни конгресс, ни администрация не имели такое в виду, когда принимался закон 1947 года. Более того, нужно давать соответствующую информацию, когда необходимо укрепить доверие общественности к разведывательной деятельности и когда профессия офицера разведки должна получить заслуженно высокую оценку и по-всеместное признание.

Самое важное из всего сказанного — это необходимость того, чтобы как лица, имеющие допуск к секретным материалам, то есть сотрудники разведывательных органов, так и общественность разделяли убеждение: тайные операции и вся разведывательная деятельность могут существенно помочь в деле безопасности страны.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В пятом веке до нашей эры китайский мудрец Сунь-Цзы¹ писал, что предвидение является «причиной осведомленности правителя и мудрого разгрома противника, куда бы он ни направлялся». В 1955 году в докладе второй комиссии Герберта Гувера², занимавшейся анализом разведывательной деятельности, (документ имел консультативный характер), который она представила правительству, отмечалось: «Разведка имеет дело со всем тем, что необходимо знать, прежде чем предпринять какое-либо направленное действие». Оба утверждения, разделенные многими столетиями, имеют то общее, что особо подчеркивают практическое значение использования опережающей информации.

Стремление к получению таких сведений, вне сомнения, поконится на инстинкте выживания. Правитель спрашивает себя: «Что может произойти в ближайшее время? Как будут идти мои дела? Какое

¹ С у нь - Ц зы — древнекитайский военный теоретик и полководец в VI—V вв. до н.э. Автор трактата о военном искусстве, проникнутого стихийной диалектикой (связь войны и политики, факторы победы, стратегия и тактика).

² Г е р б е р т К л а р к Г у в е р (1874—1960) — 31-й президент США от республиканской партии в 1929—1933 гг. После Второй мировой войны неоднократно выполнял специальные миссии по поручению правительства.

именно действие мне следует предпринять? Сколько сильны мои враги и что они замышляют против меня?» Начиная с того времени, когда появились письменные исторические источники, можно отметить, что подобные вопросы задаются не только в связи с деятельностью отдельной, пусть очень значимой личности, но и целых групп людей — рода, племени, нации.

Самыми ранними источниками информации во времена, когда верили во вмешательство сверхъестественных сил в дела людей, были прорицатели, ясновидящие, оракулы, предсказатели и астрологи. А раз так, то было логичным попытаться выяснить у служителей всезнающих богов, что им известно о предстоящих событиях, — понять иносказания святых, разгадать загадки оракулов, разобраться в расположении звезд, правильно истолковать сновидения.

В мифологии и истории религии можно найти многочисленные примеры откровений, предсказывающих поступки и судьбы лиц независимо от того, интересовались те или не интересовались, что с ними будет. И многим из них приходилось иметь дело даже с предсказаниями об исходе трудных военных походов и рискованных сражений. В письменных исторических источниках древности можно найти и такие случаи, которые я рассматриваю как результат своевременного получения разведывательных данных.

Саул накануне своей последней битвы увидел полчища филистимлян; он испугался, и его сердце начало сильно биться. Когда же он обратился к Богу, Господь не ответил ему ни в сновидениях, ни через Урима, ни через провидца. Оказавшись без «источников информации», Саул тем не менее постарался узнать, чем закончится предстоящая битва.

Он, как известно, вызвал дух Самуила через колдуна у врат в потусторонний мир и услышал от него, что он, Саул, потерпит поражение и погибнет. В другой главе книги Самуила мы находим место, где Давид прямо просит Бога о военном совете и получает именно те сведения, которые были ему нужны. «Должен ли я после этого преследовать войска противника? Должен ли я застать их врасплох?» И Он (Господь) ответил ему: «Преследуй, ибо ты непременно застигнешь их врасплох и обязательно одержишь победу».

В Библии описана еще более ранняя «разведывательная операция», которая, правда, носит совершенно иной характер. Здесь Бог советует человеку самому немедленно заняться сбором информации.

Когда Моисей оказался в пустыне с детьми Израилевыми, он получил прямое указание от Господа послать вождей каждого из племен «разведать страну Ханаанскую», которую Всевышний определил им в качестве родины. Моисей дал им инструкцию «осмотреть страну, определить, что она собой представляет, какие там люди проживают — сильные или слабые, много их или мало». Вожди провели в Ханаане сорок дней, выполняя задание. Когда они возвратились, то доложили об этой стране Моисею и Аарону: «Она абсолютно точно изобилует молоком и медом, а вот фрукты, там произрастающие» и показали виноград, гранаты и инжир. Но десять из двенадцати вождей, ходивших в разведку, предупредили: люди, там проживающие, сильнее мужчин Израиля (Иисус и Халеб так не считали). Они, по мнению лазутчиков, «были высокого роста, а города тамошние укреплены валами и очень большие, и зря дети Израилевы ропщут против Моисея и Аарона».

Тогда Господь повелел им — потому что люди проявили к нему мало доверия — «отправиться в

пустыню на сорок лет», назначив год за каждый день, которые вожди провели в стране Ханаанской, собрав скучные и неверные сведения.

В этой специфической разведывательной миссии заключено больше, нежели то, что бросается в глаза при первом прочтении. Начать хотя бы с того, что если надо было получить точные и объективные сведения о стране Ханаанской и ее людях, туда не следовало бы посыпать политических лидеров, а людей, хорошо знакомых с техникой разведывательного дела, и, конечно, не двенадцать, а двоих или троих. Более того, Моисею и Аарону информация о стране Израиль была не нужна, если они верили Господу. Фактически истинной целью этого задания было не выяснение того, что представляла собой страна Израиль, а что за люди были вожди израильских племен, насколько умны, отважны и честны и можно ли было оказать им доверие. И если только двое выдержали испытание в глазах Господа, остальные вместе с согражданами были осуждены им на изгнание в пустыню и должны были находиться там до тех пор, пока не вырастет новое, более сильное поколение, которое возьмет бразды правления в свои руки.

Это исторический пример, свидетельствующий о том, что разведка должна носить беспристрастный характер, быть максимально объективной, а также о том, что очень часто ею пренебрегают или вообще не ведут. Кассандра, дочь Приама из Трои, в которую был влюблен Аполлон, получила от него пророческий дар. Но как гласит древнегреческая мифология, она отвергла Аполлона. Тогда тот решил наказать красавицу. Он не мог отобрать у нее свой дар, но сделал так, что в ее предсказания никто не верил. Поэтому люди не приняли во внимание предупреждение Кассандры о том, что похищение Елены приведет к войне и гибели Трои. Не

вняли они и ее словам об опасности знаменитого троянского коня (кстати, это была одна из первых зафиксированных в истории подрывных операций, отраженная в легенде).

Древние греки с их пессимистическими взгляда-ми на взаимоотношения людей с богами, по-види-мому, попадали в затруднительные ситуации даже тогда, когда получали от богов информацию. Ибо эти сведения были настолько загадочны и противоречивы, что не столько проясняли, сколько еще более запутывали обстановку. Рассказы о «разведы-вательных операциях», которыми полна греческая мифология, главным образом иллюстрируют убеж-дение, что пути богов и их судьбы неисповедимы для человека.

Древнегреческий историк Геродот сообщает нам, что когда лакедемоняне обратились к дельфийско-му оракулу¹, чтобы узнать, чем может окончиться военная кампания против Аркадии, оракул ответил, что они будут танцевать в Тегее (часть Аркадии) «под громкий звон». Лакедемоняне истолковали, что, значит, они отметят там свою победу танцами. Они вторглись в Тегею, захватив кандалы, чтобы заковать в них тегейцев и превратить их в своих рабов. Но лакедемоняне потерпели поражение, их самих превратили в рабов, и они были вынуждены работать в поле, закованные в те самые кандалы, которые принесли с собою. Кандалы, естественно, производили тот «громкий звон», о котором упоминал оракул.

В течение последующих веков дельфийский ора-кул пережил эволюцию, пройдя целый ряд ступеней от сверхъестественного феномена до вполне земно-

¹ Д е л ь ф и й с к и й о р а к у л — оракул при храме Аполлона в Дельфах — одном из религиозных центров в Древней Греции. Роль оракула играла жрица — прародительница Пифия.

го явления. На первых порах дева, сидящая над расщелиной в скале, из которой поднимались ядовитые испарения, получала в трансе ответы бога Аполлона на вопросы, которые ему задавались, а жрец истолковывал магические и мистические слова «медиума». Возможность ошибок и предвзятости при этом была, конечно, очень велика. Позже деву заменили женщиной в возрасте старше пятидесяти лет, поскольку посетители, по всей видимости, нарушали таинственность действия оракула, проявляя повышенный интерес чисто человеческого плана к самой жрице. Но это еще не оказывало воздействия на божественный характер откровений.

Что позволило оракулам в большей степени заниматься мирскими делами, так это то, что жрецы, несомненно, располагали разветвленной информационной сетью в греческих землях и были лучше информированы о положении дел в мире, чем люди, приходившие к ним за советом. Информация служителей богов, конечно, не носила ни в коем случае божественного характера, хотя сведения и выдавались за таковые. На еще более поздней ступени, как нам представляется, возникла целая система коррупции в результате того, что часть жрецов владела секретами, которые посетители доверили им. Правитель или богачи, пользующиеся благосклонностью жрецов или давшие им взятки, могли получить от них информацию о своих соперниках или врагах, которые доверили сведения о себе оракулам, когда обращались к ним за советом. И оракулы нередко действительно снабжали своих клиентов отличной информацией и ценными практическими рекомендациями.

В четырехсотых годах до нашей эры искусство разведки на Востоке превосходило то, что делалось в этой области на Западе. Что касается оракулов и

пророков, которые, видимо, играли значительную роль в ранние периоды китайской истории. Сунь-Цзы высказывает более практическую точку зрения:

«То, что называется «предвидением», не может произойти ни с помощью духов или богов, ни путем аналогии с событиями прошлого, ни на основе теоретических расчетов, — писал он. — Это сведения, а их нужно получать только от людей, знающих положение противника»¹.

В главе «Использование секретных агентов» своей книги «Искусство войны» Сунь-Цзы раскрывает основы ведения шпионажа так, как это практиковалось китайцами в четырехсотые годы до нашей эры. Многое из этого используется и в наши дни. Автор говорит о пяти видах агентуры: местные жители; лица, имеющие доступ к секретным сведениям; двойники; перебежчики и лица, активно действующие. Агентура из местных жителей и лиц, имеющих доступ к секретам, — по сути дела, секретные сотрудники, которых мы сейчас назвали бы агентами, внедренными в разрабатываемый объект. Двойники — термин, использующийся до настоящего времени, что означает вражеского агента, схваченного противной стороной, перевербованного и засланныго назад, где он начинает выступать уже в качестве агента перевербованной его стороны. Агенты-перебежчики — своеобразная китайская хитрость, которую мы рассмотрим несколько позже, когда будем говорить о технике дезинформации. Это агенты, через которых дезинформация поступает к противнику. По Сунь-Цзы, они, перебежав на другую сторону, становятся добровольны-

¹ Своими ссылками на Сунь-Цзы я обязан недавно вышедшему отличному переводу книги «Искусство войны» с комментариями генерала Сэма Гриффита (Оксфорд, Клерлендон пресс, 1963). (Примеч. автора.)

ми заложниками: их могут казнить, если узнают, что их информация ложна. Но готовность пожертвовать собой способствует тому, что противник без колебаний принимает дезинформацию за правдивые сведения. А агенты, которых китайский военачальник называл «активно действующими», позже стали называться агентами внедрения. Они проникают в расположение противника, собирают там информацию и ухитряются возвратиться назад живыми.

Сунь-Цзы заслуживает всяческой похвалы не только за свой выдающийся анализ о путях и методах шпионажа, но и за первые письменные рекомендации по организации разведывательной службы. Он подчеркивает, что руководитель разведки должен использовать все пять видов агентов одновременно, создавая «паутину предвидения». Здесь напрашивается аналогия с рыболовной сетью, состоящей из множества отдельных ячеек. Этим еще не исчерпывается вклад Сунь-Цзы в данную проблему. Он разбирает и вопросы контрразведки, ведения психологической войны, использования ложных слухов и фальсификаций, обеспечения безопасности, короче говоря, все аспекты искусства разведки. Не удивительно, что его труд стал настольной книгой Мао Цзэдуна и рекомендован для изучения деятелям китайской коммунистической администрации. При организации и ведении военных кампаний и сборе разведывательных данных они применяют на практике положения, разработанные китайским полководцем.

Независимый от духов и богов шпионаж, который рекомендовал Сунь-Цзы, осуществлялся в античные времена, естественно, и на Западе. Правда, здесь в гораздо меньшей степени шли в ход софизмы. К тому же в западной части нашей планеты деятельность шпионов была более гибкой и не такой догматичной.

Хотя большинство письменных источников не вдавалось глубоко в проблемы, которые мы теперь могли бы считать разведывательными, к одной из них можно отнести вторую и более удачную попытку израильтян разведать страну обетованную. Иисус Навин послал двух соглядатаев в Иерихон для шпионажа, и они были приняты в доме блудницы Раав. Это, я полагаю, первый случай в истории, когда письменно упоминается о том, что ныне в разведывательной профессии называется «конспиративной квартирой». Раав укрыла шпионов, а затем вывела их благополучно из города, когда они добыли разведывательные сведения. Израильтяне взяли штурмом Иерихон, разрушили его полностью и истребили жителей, не тронув Раав и ее семью. Так было положено начало традиции вознаграждать тех, кто помогал осуществить разведывательную операцию.

Геродот пишет, что греки заслали трех шпионов в Персию перед началом своего вторжения в 480 году до нашей эры с тем, чтобы установить, сколь велики были силы, которые собирал персидский царь Ксеркс. Их схватили на месте преступления и хотели казнить, но Ксеркс отменил казнь и, к великому удивлению своих советников, провел шпионов вокруг своего лагеря, показывая им всех пеших и конных и давая возможность внимательно осмотреть все, что они хотели. Затем он отправил их в Грецию. Замысел Ксеркса заключался в том, чтобы предоставить грекам точную информацию о тех вооруженных полчищах, которые он собрал под свои знамена: это должно было напугать противника и побудить его сдаться без боя. Тем не менее, как мы знаем, греки не испугались. Таким образом, Ксеркс не добился успеха, применив своего рода психологическую диверсию. Я склонен полагать, что Сунь-Цзы посоветовал бы прямо противоположное. Он бы, видимо,

порекомендовал персидскому царю подкупить шпионов и отослать их назад с донесением, что его армия значительно меньше, чем была в действительности. Когда же греки позднее натолкнулись бы на неожиданность, она могла бы стать для них роковой. Кроме того, перевербованная шпионская троица должна была сообщить о том, что происходило в греческом лагере.

Перед началом битвы под Фермопилами Ксеркс и сам послал «шпионов на коне» уточнить, что делают удерживающие перевал греки и каковы их силы. Это было не что иное, как рекогносцировочное задание. Но разведчик подобрался к греческим позициям настолько близко, что мог по возвращении доложить в своем знаменитом донесении: «некоторые из мужчин, которых он там видел, занимались гимнастическими упражнениями, а другие расчесывали свои длинные волосы». Это был пример «сырой разведывательной информации», как бы мы назвали ее ныне, поскольку она явно нуждалась в анализе и интерпретации.

Получив такие сведения, Ксеркс позвал одного из своих советников, который знал обычай греков, и тот дал ему такое объяснение: «Эти воины пришли сюда, чтобы отстоять перевал в битве не за жизнь, а на смерть, и к этому они сейчас как раз и готовятся. В их обычай украшать свою голову с величайшей тщательностью перед тем, как вступить в смертельную схватку. Тебе, царь, придется иметь дело с храбрейшими мужами Греции». Ксеркс не придал большого значения такой оценке и потерял множество своих лучших воинов, бросив войско в лоб на позиции небольшого отряда греков под предводительством Леонидаса.

В целом в западном мире в античные времена использование шпионажа и его размах, как представ-

ляется, зависели от личных качеств и амбиций королей, царей и полководцев-завоевателей, от их склонности к обману и хитрости, их стремления укрепить мощь своего государства и обеспечить его безопасность. Климат Афин в эпоху демократии и Рима в республиканскую эру не благоприятствовал расцвету шпионажа. Правительства осуществляли свою политику открыто, и войны обычно планировались и готовились явно. В секрете хранились лишь данные о численности и дислокации войск, особенно на главных направлениях боевых действий в начале войны. Таким образом, вряд ли была уж очень большая нужда в разведывательной информации и божественных предвидениях. Они все равно не могли оказать большого влияния на исход сражений и развитие успеха. Тем не менее у великих полководцев-завоевателей, таких, как Александр и Ганнибал, в короткий срок сколотивших обширные империи, которые не менее быстро распались после смерти своих создателей, дело обстояло иным образом. Им требовалось неусыпное наблюдение за подвластными народами, чтобы во время обнаружить признаки готовящихся восстаний. Быстроходные военные кампании зачастую носили характер рискованных предприятий, где на успех мог рассчитывать тот, кто располагал упреждающими сведениями о силе и богатстве намеченных к покорению государств и о настроениях и моральной стойкости их правителей и народных масс. С очевидностью можно утверждать: все создатели подобных империй — Александр Великий, Митридат Понтийский и Ганнибал — широко использовали разведку и полагались на нее в большей степени, нежели их предшественники и современники. Великий стратег Ганнибал, как известно, перед началом походов всегда собирал информацию не только о военном потенциале своих противников, но и об экономике

их государств, политическом состоянии общества и уровне его морали. Плутарх неоднократно отмечает, что Ганнибал располагал хорошей разведкой и засыпал шпионов во вражеский лагерь.

Ганнибал показал гораздо худшее знание иностранных языков, нежели стратегии. Плутарх рассказывает, что полководец, находясь в Южной Италии, приказал разведчикам вывести его на равнину у Касиума (речь шла о городе Кассино, который приобрел широкую известность в период Второй мировой войны): «Они, неправильно истолковав его слова... поскольку его итальянский язык был очень плох, приняли одно понятие за другое и привели его вместе с армией... в район города Касилинума». Местность там была сильно пересечена, и Ганнибал едва не попал в западню, но успел выяснить, кто же ввел его в заблуждение. «Поняв, какую ошибку допустили его разведчики, и оценив, сколь велика была опасность, в которую его ввергли, — пишет далее Плутарх, — он приказал скрутить им руки и повесить». Эту историю часто используют в разведывательных школах, чтобы наглядно показать молодым офицерам, как важно придерживаться точности и в словах, и в действиях.

Митридат разбил римлян, бездействовавших в Азии, как на второстепенном направлении, не в последнюю очередь потому, что под его командой служил выдающийся офицер разведки. В отличие от Ганнибала царь Понта владел двадцатью двумя языками и диалектами и знал местные племена и их обычай намного лучше римлян.

В средние века в условиях всеобщей политической раздробленности и колоссальных трудностей в транспортировке, снабжении и мобилизации вооруженных сил было невозможно добиться стратегической внезапности в военных кампаниях. Требо-

вались недели и даже месяцы, чтобы сколотить армию. И даже после того, как войско было сконцентрировано, оно могло совершить марш лишь на несколько миль в день. Морем, правда, войска перебрасывались на значительно большие расстояния, однако собрать корабли скрытно было трудно. Например, король Англии Гарольд в 1066 году имел все необходимые разведывательные данные задолго до высадки Вильяма Завоевателя¹ в Гастингсе. Сам Гарольд был в Нормандии и видел французскую армию в деле. Он знал, что Вильям планировал нападение, и установил с большой точностью дату намеченной посадки войск на суда и место их высадки в Англии. Ему удалось также сделать довольно точное предположение о численности войск Вильяма. И все же Гарольд потерпел поражение, но не в результате плохой стратегической разведки, а скорее из-за того, что его войско устало от непрерывных сражений. Он только что разбил датчан, одержав сокрушительную победу под Стенфорд-Бридже. И к тому же воины его перед схваткой с полчищами Вильяма были до предела измотаны после продолжительного форсированного марша.

Наиболее серьезные политические ошибки правители Западной Европы в средние века совершили по отношению к Востоку в значительной степени вследствие неадекватной разведывательной деятельности. Они постоянно ослабляли Византию вместо того, чтобы поддерживать ее в качестве мощного бастиона против вторжения восточных народов. Европейские правители не сумели распознать ни опасностей, ни последствий, связанных с продвижением татаро-

¹ Вильгельм (Вильям) I Завоеватель (ок. 1027—1087 гг.) — герцог Нормандии. В 1066 г. высадился в Англии и, разбив при Гастингсе войско англо-саксонского короля Гарольда II, стал английским королем.

монголов на Запад. Они недооценили и турецкую опасность, когда османы еще собирали свои силы. Впрочем, они настолько находились в пленау предубеждений, что все равно совершили бы те же самые ошибки, даже если бы имели лучше поставленную разведывательную службу. Конечно, без таковой у них, можно сказать, вовсе не было шансов, чтобы принять правильные решения.

Европейские правители располагали скучной информацией о Византийской империи и восточных славянах, еще меньше знали о мусульманском мире и почти полностью игнорировали все, что происходило в Центральной и Восточной Азии. Император Фридрих II (1212—1250)¹ попытался установить контакт с мусульманскими правителями (и был за свои старания обвинен в ереси), а король Франции Людовик IX (1226—1270) послал эмиссаров к монголам. В известной книге Марко Поло о Китае содержались материалы, которые могли бы стать полезными для стратегической разведки, но никто не рассматривал их в этом плане. Почти весь период средневековья итальянские купцы обладали значительной информацией о Востоке, но они, к сожалению, редко имели возможность предоставить ее людям, которые определяли европейскую восточную политику. Римские папы неодобрительно относились к стремлению купцов торговать с противниками веры, а короли имели с мусульманами мало контактов.

В XV веке итальянцы сделали значительный вклад в сбор разведывательных данных, учредив свои постоянные представительства за границей. Посланники Венеции имели специальные поручения

¹ Германский король с 1212 г., император Священной Римской империи с 1220 г.

по сбору стратегической разведывательной информации. Большинство их докладов были весьма высокого качества, содержали точные наблюдения и проницательные оценки. Постоянные представительства, однако, занимались не только наблюдениями подобного рода, но и закладывали основу, на которой создавалась постоянно действующая агентурная сеть шпионажа. К XVI столетию большинство европейских правительств последовало примеру руководителей итальянских государств.

Поскольку в период раннего средневековья изготавление географических карт было почти неизвестным искусством, важной составной частью разведывательных данных являлись данные о местной географии. Знание брода через реку позволяло армии избежать окружения, а вовремя найденная горная тропа могла стать путем обхода сильной позиции неприятеля. Обычно находились силы и средства, с помощью которых местные жители становились источниками подобного рода информации. Людовик IX, например, выплатил большое вознаграждение бедуинам, которые показали ему место переправы через рукав Нила, что позволило ему неожиданно атаковать мусульманскую армию. Сын Людовика обошел сильную оборонительную позицию в Пиренеях, купив сведения о мало используемой тропинке в горах. Еще шире известен инцидент во время кампании в районе Креси¹, когда английский король Эдуард III был почти взят в клещи крупными силами французской армии. Пастух показал королю брод для переправы через Сомму, и Эдуард не только избежал преследования,

¹ К р е с и - в и - П о н т ъ е — населенный пункт в северо-восточной Франции, в районе которого во время Столетней войны (1337—1453) в 1346 г. английские войска под командованием короля Эдуарда III разгромили французскую армию короля Филиппа VI.

но и, обойдя сильно укрепленную позицию неприятеля, смог в конечном счете разбить французскую армию стремительной атакой.

С ростом национализма и усилением религиозной борьбы в XVI и XVII веках на западной арене стали появляться первые настоящие специалисты разведки — министры и секретари кабинетов, которые посвятили значительную часть своей карьеры организации сбора секретной информации. Этот период времени характеризуется частыми внутренними распрями и гражданскими раздорами, но вместе с тем мы наблюдаем в это же время начало различий между внешней разведкой и внутренней безопасностью. Правда, час для существования двух отдельных служб с различными задачами еще не прошел. Это пришло значительно позже. И все же уже тогда поняли: шпионы дома были столь же важны, как и шпионы за границей, и обе эти категории соглядатаев должны быть руководимы одной и той же рукой.

Один из мастеров двух видов шпионского искусства — сэр Френсис Уоллингем, который прослужил значительную часть своей жизни в качестве главного секретаря (министра) и начальника тайного отдела на службе английской королевы Елизаветы. Руку Уоллингема можно обнаружить во многих крупнейших тайных операциях периода царствования Елизаветы, когда он собирал секретную информацию, провоцировал тайные заговоры, а затем раскрывал их. Вряд ли найдется какой-либо из приемов шпионажа, который не встретился бы в арсенале этого искусного интригана. Благодаря ему глупый и плохо продуманный тайный заговор Бабингтона, имевший целью посадить шотландскую королеву Марию на английский престол, стараниями ловкого главного секретаря принял такие размеры, что в конце кон-

зов дал Елизавете правдоподобное основание подписать Марии смертный приговор. Большинство из способных выпускников Оксфорда и Кембриджа были привлечены Уолсингемом к шпионской деятельности. Он засыпал их во Францию для продолжения образования, а на самом деле с целью проникновения во двор французского короля с тем, чтобы выведать его намерения против Англии. Кристофер Марло¹ был, кажется, одним из них, а его преждевременная смерть в скандальной драке в таверне в Дептфорде представляется неудачным результатом одной из интриг Уолсингема.

Одним из самых хитроумных ходов главного секретаря была, несомненно, всесторонне продуманная операция, обеспечившая Англию необходимой морской разведкой, на данных которой базировались ее оборонительные действия против испанской армады, называемой великой². Вместо того чтобы действовать напрямую против основной своей цели — двора короля Филиппа II, Уолсингем уклонился от напрашивавшейся открытой рекогносцировочной тактики (за что поначалу подвергался сильной критике) и стал действовать в других сферах, где хорошо знал наличие уязвимых мест, которые могли способствовать его успеху в Испании. Он направил супружескую пару молодых англичан Стендэнов в Италию, поскольку те имели отличные связи среди придворных короля Тосканы. (Во всех операциях Уолсингема можно обнаружить случаи минимого принятия другого вероисповедания, что играло важнейшую роль для их успешной реализации:

¹ Кристофер Марло (1534—1593) — английский поэт и драматург.

² Огромный военно-морской флот (около 800 кораблей, 30 тыс. моряков и 60 тыс. солдат), собранный испанским королем Филиппом II в конце 80-х гг. XVI в. для нападения на Англию.

протестанты в данном случае маскировались под католиков, что помогало агентам правдоподобно выдавать себя за идейных противников «еретической» Англии.)

Юный Энтони Станден столь успешно «обработал» тосканского посла в Испании, что тот включил английских агентов в состав своей миссии. Дальнейшее было уже делом шпионской техники: в испанских портах оказались надежные соглядатаи, не англичане по национальности, которых никак нельзя было заподозрить, что они находятся на службе у Уолсингема. А Стандены, обосновавшиеся к тому времени прочно в Тоскане, настолько «приручили» тосканского посла в Испании, что тот разрешил «друзьям» молодой четы посыпать письма из Испании в Тоскану через свою дипломатическую почту.

При Уолсингеме вошло в практику, что главный секретарь ее величества перехватывал как внутреннюю, так и иностранную корреспонденцию, вскрывал ее, внимательно прочитывал, вновь запечатывал и посыпал дальше по адресу. Если корреспонденция была закодирована или зашифрована, то на этот случай на службе Уолсингема находился эксперт, некто Томас Фелиппес, бывший как криптографом, так и криптоаналитиком, который разрабатывал надежные коды для начальника тайного отдела и в то же время расшифровывал коды, используемые в перехваченных посланиях. Именно Фелиппес прочитал небрежно зашифрованные послания шотландской королевы Марии Стюарт в период заговора Бабингтона.

Короче говоря, Уолсингем создал первую в мире профессиональную разведывательную службу. В качестве равноценной ему фигуры в то время можно считать только французского кардинала Ришелье. Других мастеров шпионажа подобного класса в истории вплоть до XIX века не встретишь.

Чтобы быть более точным, следует отметить, что многое было сделано в этой области шефом разведки генерала Кромвеля¹ — Джоном Турло, но в исторической ретроспективе я не нахожу, что он обладал теми же качествами — находчивостью, изобретательностью и дерзостью, которыми отличался Уолсингем. Ключом к успеху Турло в значительной степени явился внушительный денежный фонд, который находился в его распоряжении. Отмечают, что он расходовал более 70 000 фунтов стерлингов в год. Может быть, размер фонда несколько преувеличен, но документы свидетельствуют, что Турло платил своим шпионам неординарные суммы и вследствие этого ни разу не сталкивался с большими трудностями. Напротив, Уолсингем работал с весьма скромным бюджетом, поскольку королева неохотно развязывала свой кошелек и, как утверждают, ему зачастую приходилось платить своим агентам из собственного кармана. Справедливоosti ради заметим, что эти суммы были значительно меньше тех, которыми оперировал Турло.

Последний, как и Уолсингем, имел титул главного секретаря, но к тому моменту его ведомство стало называться «департаментом разведки» — один из ранних случаев официального использования этого обозначения в английском языке для государственного учреждения. Это было, конечно, время великих заговоров, связанных с реставрацией Чарльза Стюарта на королевский трон. Как и Уолсингем, Турло занимался и вопросами внутренней безопасности, и ведением внешней разведки. В целях последней он использовал английских консулов и дипломатов за границей, дополняя их донесения

¹ Кромвель Оливер (1599—1658) — деятель Английской буржуазной революции XVII в., лорд-протектор Англии.

информацией, полученной от секретных агентов. Турло даже в большей степени, чем Уолсингем, доверял сведениям, почерпнутым в результате перлюстрации почтовой переписки. Ему можно поставить в заслугу, что он создал весьма эффективную, с точки зрения контрразведки, почтовую цензуру.

Несмотря на то, что Турло для сбора разведывательной информации использовал простые и надежные методы, его довольно часто вовлекали в мрачные и скандальные интриги. Одна из них, затеянная по подсказке Кромвеля, преследовала цель организовать предательское убийство короля Карла и его братьев — герцогов Йоркского и Клочестерского. Это было ответом на раскрытий Турло роялистский заговор, который готовил покушение на жизнь Кромвеля. Планом шефа секретной службы предусматривалось заманить в Англию всех трех августейших братьев, находившихся во Франции. Экс-короля убедили в том, что на месте высадки заговорщики будут встречены отрядом верных им солдат, которые поднимут восстание и начнут поход на Лондон. Все это звучит теперь, по прошествии многих лет, довольно убедительно и изобретательно. И тем не менее эта провокация по своей тонкости далеко уступает интригам Уолсингема (взять хотя бы псевдозаговор, в который была вовлечена шотландская королева Мария Стюарт). Нам не стоит, однако, гадать, попался бы Карл в такую ловушку или нет, поскольку один из ближайших сподвижников Турло, его секретарь Морленд, выдал заговор королю. Буквально через пять дней после того, как Карл вновь воцарился на троне, Морленд был возведен в рыцарское достоинство и король открыто назвал причину — тот в течение длительного времени исправно снабжал монарха подробной информацией о действиях и планах секретной службы.

Другой примечательный пример успешной разведывательной деятельности в XVII веке дает Швеция, которая сохраняла свои позиции как великая держава в значительной степени благодаря самой сильной разведке в Европе. Тогдашний посол России в Стокгольме отмечал: «Шведы знают о нас больше, нежели мы сами». Они во время религиозных войн широко использовали шведских протестантов, а также единоверцев других национальностей, скажем французских гугенотов, в качестве секретных агентов. Причем в основном применяли методы Уолсингема. Швеция и в какой-то степени Голландия в те дни ярко показали, как относительно небольшие державы компенсировали слабость своих вооруженных сил лучшей организацией разведывательной работы и более тонкими техническими приемами шпионажа.

В конце XVIII и начале XIX веков стали возникать различия в деятельности по обеспечению внутренней безопасности и сбору зарубежной разведывательной информации. В крупных государствах создаются специальные службы с соответствующими экспертами, которые все в большей степени занимаются разведывательными и контрразведывательными проблемами. Несомненной причиной этого являлись рост внутренних разногласий и угроза восстаний и революций, которые могли привести к нарушению стабильности и подрыву моцки самодержавных и имперских систем в Европе XIX века, в результате чего появляются зачатки секретных полицейских служб, предназначенные для защиты и охраны императоров и правителей.

При Наполеоне — вначале пользовавшийся дурной славой Жозеф Фуше (ловкий карьерист смутных времен Французской революции), а затем полковник Савари по очереди возглавляли министерство юсти-

ции и были одновременно шефами политической секретной полиции и контрразведывательной службы. Сбор военной и политической информации за рубежом в то время находился в руках эльзасца Карла Шульмайстера, который, будучи номинально подчинен Савари, провел серию самостоятельных акций, целью которых было не только получение информации об австрийской армии, но и дезинформация австрийцев о численности и намерениях французских войск.

Появление в XIX веке крупных и агрессивных вооруженных сил в ряде европейских государств постепенно вызвало необходимость передачи вопросов ведения внешней разведки в части непосредственно военных аспектов в ведение армейского руководства. В период до начала Первой мировой войны под эгидой генеральных штабов большинства европейских стран стала создаваться военная разведывательная служба, ставшая основным источником зарубежной разведывательной информации. Ее возглавляли, как правило, военные, которые обычно подчинялись военным министрам. Политическая разведка была оставлена дипломатам.

Пруссия до 1871 года являлась исключением из этого общего правила, прежде всего из-за своей военной слабости, хотя способнейший разведчик Вильгельм Штибер¹ и держал в своих амбициозных руках как военную разведку, так и секретную полицию. К его заслугам относятся использование массовой агентуры и метод насыщения района объекта столь большим числом шпионов, что обеспечивало получение детальной информации о военном и политическом положении противника. Агентурная сеть Штибера

¹ Штибер Вильгельм (1818—1882) — начальник прусской политической полиции.

была и своего рода пятой колонной, с помощью которой достигалось моральное разложение гражданского населения путем распространения провокационных и панических слухов. До этого в целях шпионажа в основном использовались отдельные специально подобранные и занимавшие обычно высокое положение лица. Штибер же не гнушался простыми крестьянами, мелкими купцами, лавочниками, официантами и горничными. Свои методы он широко применил при подготовке нападения Пруссии на Австрию в 1866 году и на Францию в 1870-м.

Численность и оснащенность службы внутренней безопасности находятся, как правило, в прямой зависимости от степени подозрительности и страха правящей клики. При диктаторах и автократических правителях секретная полиция расцветает пышным цветом, эта ужасная паразитическая структура, которая пронизывает все слои народа, все общество. Яркий пример подобной организации можно найти в России XIX века, где тормозившая общественное развитие страны политическая система постоянно испытывала страх перед народными массами, либеральными лидерами, опасными идеями и даже политическим и культурным влиянием своих соседей.

Такое положение дел в России, однако, не являлось новостью или чем-то необычным в XIX веке. В ее ранней истории татары и другие степные народы постоянно испытывали силу русских гарнизонов, находившихся в укрепленных валами и частоколами поселениях. В результате этого у русских возникла ставшая впоследствии чертой национального характера подозрительность, когда кто-либо пытался проникнуть в укрепленный город, и опасение, что истинной целью этих лиц был шпионаж. Традиции выделения пристава (то есть специально

приставленного человека к кому-либо) для иностранца, прибывшего с визитом в русское государство, восходят, по крайней мере, к XVI веку. Надзор за чужеземцем и «твердо установленный маршрут» для него в России имеют долгую предысторию. В XVII веке, когда русские стали посыпать своих людей за границу для обучения в тамошних университетах, зародилась и другая практика: обычно в каждую группу студентов-россиян включалось доверенное лицо для наблюдения за ними. Обычай включать сотрудника секретной службы в состав делегаций, принимающих участие в международных конференциях, как это стало теперь очевидным, уходит своими корнями в седую старину.

Наличие государственной политической полиции в России может быть прослежено вплоть до 1826 года, когда царем Николаем I было учреждено Третье отделение Собственной его величества императорской канцелярии. В 1878 году оно было упразднено и его функции переданы охранке — охранному отделению Министерства внутренних дел¹.

Целью создания царской охранки была охрана императора, его семьи и защита императорского режима. Она установила постоянное наблюдение за русским народом, используя огромную армию информаторов. «Охранники» однажды отличились, пустьив хвост за Львом Толстым — человеком почти-

¹ Так у автора. На самом деле впервые охранные отделения были созданы в 1866 г. в Петербурге, а затем в 1880 г. в Москве и Варшаве. Их полное название — «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка». Подчинялись они Департаменту полиции Министерства внутренних дел. Основная задача охранных отделений заключалась в розыске революционных организаций и отдельных революционеров. Арест и дознание по материалам, собранным ими, осуществляли губернские жандармские управления. Охранные отделения имели обширную специальную агентуру как «наружного наблюдения» (филеров), так и секретных агентов «и обследуемой среды» (пассивных осведомителей и активных участников революционных организаций — провокаторов).

таемым во всей России. Толстой задолго до этого стал всемирно известным литератором и философом, но для охранки оставался лишь армейским лейтенантом в отставке и «подозрительной личностью»¹.

В конце XIX века за пределами России находилось столько русских революционеров, радикальных студентов и эмигрантов, что охранка не надеялась больше обеспечить безопасность императорской России лишь подавлением революционных настроений внутри страны. Ей необходимо было расправиться с опасными диссидентами и за рубежом. Агенты охранки стали проникать в организации русских революционеров в Западной Европе. Там они занимались провокационной деятельностью, старались деморализовать членов этих организаций, похищали партийные документы, раскрывали каналы, по которым нелегальная литература переправлялась в Россию. Когда Ленин находился в 1912 году в Праге, он, сам того не ведая, предоставил в своем доме убежище агенту охранки.

Когда большевики пришли к власти в 1917 году, они распустили и в какой-то степени разоблачили старую охранку как типичный репрессивный инструмент самодержавия, заявив, что новое государство трудящихся не нуждается в подобных зловещих институтах для соблюдения законности и порядка. Тем не менее сами они вскоре создали собственную секретную политическую полицию — ЧК², о которой я расскажу чуть позже. ЧК по размаху, мощи, жесто-

¹ Л.Н. Толстой в отставку вышел в 1866 году, дослужившись до поручика артиллерии, по-нынешнему — старшего лейтенанта.

² Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем создана по постановлению СНК РСФСР 7 (20) декабря 1917 г. Постановлением ВЦИК 6 февраля 1922 г. вместо ВЧК было организовано при НКВД Государственное политическое управление (ГПУ).

кости и двуличности вскоре превзошла все, о чём

только мог мечтать царь.

Одна из крупнейших разведывательных служб в XIX веке в Европе была создана не правительством, а частной фирмой — банкирским домом Ротшильдов. Прецедентом послужила деятельность существовавшей задолго до того — в XVI веке — банкирской семьи Фуггер в Аугсбурге, которая создала финансовую империю весьма внушительных размеров, давая взаймы деньги разорившимся суверенам и государствам, что, впрочем, делал позднее и Ротшильд. То, что Фуггеры сделали мало ошибок, размещая свои инвестиции, являлось в значительной степени результатом отлично поставленной частной службы сбора разведывательной информации. Ротшильды же, как только почувствовали свою силу, стали извлекать выгоду не только для своих клиентов, но и для себя самих, также благодаря тому, что организовали оперативное получение шпионских сведений.

Обеспечивая финансовые интересы своих работодателей, агенты Ротшильда во Франкфурте-на-Майне, Лондоне, Париже, Вене и Неаполе зачастую добывали ту или иную важную информацию раньше, чем ее получали соответствующие правительства. Так, в 1815 году, когда Европа ожидала сведения об исходе битвы под Ватерлоо¹, Натан Ротшильд в Лондоне уже знал, что англичане одержали победу. Он стал на бирже играть на понижение, продавая ценные бумаги британского правительства. Конкуренты, внимательно наблюдавшие за каждым его шагом, решили, что британцы и их союзники потерпели поражение, и последовали примеру хит-

¹ Населенный пункт в Бельгии, к югу от Брюсселя, под которым 18 июля 1815 г. была разгромлена армия Наполеона I английскими и прусскими войсками.

рого финансиста. Однако тот в подходящий момент скупил акции по низкой цене и, когда наконец пришла весть о победе над Наполеоном, получил огромные барыши.

Шестьдесятю годами позже у Лионеля Ротшильда, потомка Натана, на званом ужине в качестве гостя присутствовал Дизраэли¹. Сидя за столом, Лионель получил секретное известие, что контрольный пакет акций компании Суэцкого канала, владельцем которого был хедив² Египта, предложен для продажи. Премьер-министр заинтересовался этой идеей и выяснил, что за покупку необходимо уплатить 44 миллиона фунтов стерлингов. Парламент в это время был на каникулах, и он не мог быстро получить указанную сумму. Тогда Лионель купил акции для британского правительства, предоставив Дизраэли возможность совершить одну из самых удачных сделок в своей карьере. Ходили слухи, что некоторые успешные операции Ротшильда были проведены в результате использования почтовых голубей. Правда, для таких слухов оснований было мало, хотя один из Ротшильдов, оказавшись в окруженному пруссаками Париже — это было в 1870 году, прибегнул к помощи воздушных шаров, а возможно, и почтовых голубей для установления связи с внешним миром. Весть о прекращении военных действий распространилась в большей степени благодаря этим средствам, нежели обычным каналам связи.

Великие европейские державы вступили в Первую мировую войну, имея разведывательные службы, которые ни в коей мере не соизмерялись с мо-

¹ Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфилд (1804—1881) — видный английский политический деятель. Лидер партии тори, а затем консерваторов. Был министром финансов, много лет возглавлял консервативное правительство.

² Хедив (перс. — господин, государь) — титул египетских правителей в 1867—1914 гг.

щю и оснащенностью их вооруженных сил и были не в состоянии справиться со сложным характером предстоящего конфликта. Это касалось обеих сторон — как Антанты, так и центральных держав. Французская военная разведка была сильно потрясена аферой Дрейфуса¹ и втянута во внутренние распри и интриги. Она допустила огромную ошибку, установив вдвое меньшую численность немецкой армии по сравнению с той, с которой пришлось французам, англичанам и русским столкнуться на поле боя в 1914 году.

Немецкая разведывательная служба, которая при Штибере в 1870 году действовала достаточно эффективно, попала в полосу забвения после его ухода в отставку. Для германского генерального штаба в 1914 году были типичными высокомерие и самоуверенность. Немецкие генштабисты презрительно относились к разведке, игнорировали ее важность.

Русские незадолго до войны добились своего крупнейшего разведывательного успеха благодаря предательству офицера австрийского генерального штаба полковника Альфреда Редля, арестованного в 1913 году. Я еще вернусь к нему в последующих главах. От Редля Петербург получил разработанные в Вене планы войны, которые помогли русским нанести поражение австро-венгерской армии в ряде сражений начального периода Первой мировой войны. Правда, в Вене успели изменить некоторые планы, вследствие чего русские, слепо доверяя материалам Редля, часто сталкивались с серьезными затруднениями. К тому же они на удивление безза-

¹ Судебное дело по несправедливому обвинению в шпионаже в пользу Германии офицера французского Генерального штаба Альфреда Дрейфуса, еврея по национальности, сфабрикованное в 1894 г. реакцией французской военщины, стало предметом ожесточенной политической борьбы во Франции в конце XIX — начале XX в.

ботно относились к связи с войсками на поле боя: приказы отдавались открытым текстом — незашифрованно и незакодированно. Немцы радостно потирали руки, получая без всякого труда важную информацию о противнике.

Австрийцы, видимо, в какой-то степени смогли компенсировать предательство Редля, используя своего агента Альтшиллера¹, приближенного царского военного министра Владимира Сухомлинова и его жены. Сухомлинов, фаворит императорской семьи, проявил достаточно здравого смысла и держался на расстоянии от другого любимца царской четы из дворцовой камарильи — Распутина². Но к сожалению, военный министр не блестал умом. Более того, он был просто глуп, продажен и некомпетентен. Да еще имел привычку разбрасывать всюду в своем доме важные военные документы. У немцев был агент в ближайшем окружении министерской четы — некий полковник Мясоедов, считавшийся любовником мадам Сухомлиновой. В 1915 году он был разоблачен русской военной контрразведкой как германский шпион и кончил свою жизнь на виселице.

В целом можно все же сказать, что в течение Первой мировой войны велась эффективная шпионская

¹ А ль т ш и л л е р — немецкий коммерсант, проживавший в России. Но это было лишь его прикрытием. На самом деле он офицер австро-венгерской армии, резидент немецкой и австро-венгерской разведок в Киеве, а затем в Петербурге. Считают, что ему удалось завербовать жену российского военного министра Сухомлинова.

² Р а с п у т и н (Новых) Григорий (1864 или 1865—1916), фаворит императора Николая II и его жены. Под маской религиозного фанатика вел разгульную жизнь, за что получил прозвище Распутин, ставшее затем его фамилией. Сумел внушить Николаю II и его жене, что только он своими молитвами сможет спасти больного гемофилией наследника Алексея и обеспечить «божественную» поддержку царствованию Николая II. Стремясь спасти царскую власть от дискредитации, монархисты Ф. Юсупов, В. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович убили эротомана и авантюриста Распутина. «Распутинщина» явилась ярким проявлением распада и вырождения царского режима, всей правящей верхушки Российской империи.

деятельность, за исключением тактической разведки наземных операций. Здесь дело обстояло значительно хуже, особенно на фронтах в Европе. Разведывательные операции были связаны в основном с ведением войны на морском театре. Англичанам удалось добить немецкий военно-морской код, что позволило Британии, как говорится, держать голову над водой даже в самые тяжелые для нее дни войны.

Лоуренс Аравийский¹ на Среднем Востоке и немец Васмус² в Персии смогли добиться несомненных успехов в подрывной деятельности и подстрекательстве беспорядков и восстаний, что оказало прямое воздействие на ход военных действий в этих районах. Немецкий шпионаж и диверсии в Соединенных Штатах могут быть отнесены к наиболее успешным акциям разведки Берлина в Первой мировой войне, отчасти, конечно, благодаря недостаткам нашей контрразведки.

Первая мировая война вызвала к жизни ряд новшеств в сфере шпионажа. Одно из них — использование радиоперехватов, что открыло широкую возможность получения разведывательных данных из большого количества тактических, а порой и стратегических сведений. Второе — внедрение в практику секретных служб успешных методов прочтения кодированных и зашифрованных сообщений.

Соблюдение нейтралитета некоторыми, со стратегической точки зрения, выгодно расположенным странами, такими, как Швеция, Норвегия, Гол-

¹ Лоуренс Томас Эдуард (1888—1935) — английский разведчик. Занимался шпионской деятельностью в Сирии, Палестине, Аравии, Египте. С территории Индии вел подрывную работу против Афганистана и СССР.

² Капитан Васмус — немецкий разведчик. Перед Первой мировой войной был немецким консулом в персидском городе Бушир. После начала военных действий поднял местные племена против англичан. Организовал ряд успешных диверсий.

ландия и Швейцария, дало толчок к применению новой тактики ведения шпионажа на одну страну через другую. Серьезные меры нейтралов не допустить использования своих территорий в целях разведки не дали положительных результатов. В дальнейшем этот прием стали применять и в мирное время, в частности, в Европе. И, наконец, Дальний Восток самым решительным образом заявил о себе в сфере международного шпионажа: японская секретная служба стала высоко эффективным и опасным субъектом разведывательного мира.

Период между двумя мировыми войнами ознаменовался ростом числа разведывательных служб и усложнением их внутренних структур. Для новых диктаторских режимов в Германии, Италии, Японии и СССР шпионские органы стали главным инструментом политического, военного и экономического зондирования за рубежом и подготовки своей экспансии. В то же время свободные страны, в особенности Англия, перед лицом угрозы диктаторских режимов были вынуждены взять на себя новые — весьма крупные и ответственные разведывательные задачи. Бесшумные сражения между секретными службами обеих сторон во время Второй мировой войны изобиловали яркими эпизодами, к которым я возвращусь несколько позже. Сотрудничество разведывательных органов стран антигитлеровской коалиции отличалось высокими результатами и не имело подобных примеров во всей истории. У наших противников такого не было.

Во время войны я был сотрудником УСС¹. Мне выпала приятная возможность поработать с моими коллегами из британской разведки. Тогда между

¹ УСС — Управление стратегических служб — стратегическая разведка США, созданная в 1942 г. Ликвидирована после войны. Некоторые ее структуры и кадры были обращены на формирование ЦРУ, которое начало функционировать в 1947 г.

нами установились весьма тесные деловые и личные отношения, которые мы поддерживали и после войны.

В Швейцарии у меня были контакты с группой французских офицеров, которые выполняли задачи, возлагавшиеся ранее на второе бюро (французская разведка). Они помогли создать разведывательную службу генерала де Голля и Свободной Франции. В конце войны, когда Италия порвала с фашизмом и примкнула к союзникам, установилось сотрудничество с частью итальянской секретной службы, оставшейся верной королю Виктору-Эммануилу.

Поддерживал я связь и с подпольной антинацистской группой в абвере — службе военной разведки и контрразведки Верховного главнокомандования немецких вооруженных сил. Эта группа составила заговор против Гитлера. Шеф абвера адмирал Канарис, весьма неординарная личность, был казнен. Это случилось после того, как в ходе расследования неудавшегося покушения на фюрера в 1944 году гестаповцы документально доказали связь Канариса с заговорщиками.

Сотрудничество военного времени внесло, я полагаю, немалый вклад в объединение целей разведывательных служб свободного мира. После войны свободная Германия (Западная) добавила в это дело свою значительную лепту. Все, вместе взятое, помогло нам противостоять массированным атакам, которые ныне предпринимаются против нас разведывательными службами и органами безопасности государств коммунистического блока.

Глава 3

СТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

В истории Соединенных Штатов вплоть до периода Второй мировой войны отмечено немало случаев разведывательной деятельности правительства, за исключением, понятно, военного времени. С установлением мира разведывательные организации, вызванные к жизни необходимостью соответствующим образом обеспечивать боевые действия, каждый раз значительно сокращались или вообще ликвидировались. Знания и опыт, приобретенные в лихую годину вооруженных конфликтов, терялись и забывались. Когда в истории нашего государства возникали кризисы — характерный пример — Перл-Харбор, — сотрудникам разведки приходилось начинать все с самого начала.

Разведка, особенно в период нашей ранней истории, имела практически неформальную основу и нечеткую организацию. Поэтому — что особенно важно знать историкам и лицам, изучающим становление разведывательных органов Вашингтона, — в архивах почти нет официальных документов на сей счет. Шпионские операции проводились зачастую по личной инициативе какого-либо генерала или дипломата соответствующего ранга. Впрочем, в те времена такое положение вещей гарантировало определенную безопасность, которой часто недоста-

вало позже, когда секретные донесения готовились в семи экземплярах от руки или же, более того, размножались на mimeографе в еще большем количестве и рассыпались широкому кругу официальных лиц часто без малейшего учета интересов разведки.

Историки сталкиваются с трудностями и иного рода. В штабе генерала Вашингтона только Александр Гамильтон был одним из немногих, кому доверялись обработка и чтение сообщений, написанных симпатическими чернилами или закодированных; при этом никаких копий не снималось. Вашингтон, который настойчиво требовал от подчиненных соблюдать строгую секретность, хранил планы своих операций в такой тайне, что мы никогда не сможем получить о них подробных данных.

Чтобы быть более точными, отметим, что два офицера разведки генерала Вашингтона — Будино и Толмедж написали мемуары, но они были весьма сдержаными во всем, что касалось шпионских дел. Спустя пятьдесят лет после окончания войны с англичанами, когда Джон Джей рассказал Джеймсу Фенимору Куперу подлинную историю о разведчике американской революции, которую писатель положил в основу своего романа «Шпион», тот же Джей отказался назвать истинное имя героя этой истории. Многое из того, что мы ныне знаем о разведке как эпохи нашей революции, так и времен Гражданской войны, стало достоянием гласности лишь после того, как по прошествии исторических событий сменилось не одно поколение.

Разведчик стоит денег: ведь агентам надо платить. Но так как эти деньги дает казна, даже самый бесшабашный генерал, лихой рубака, которому пре-

тят штабная писанина и бюрократические формальности, чувствует себя обязанным надлежащим образом оформить свои расходы на разведку. Генерал Вашингтон скрупулезно вел книгу записей денежных трат на получение шпионской информации. Обычно он выдавал аванс из своего личного фонда, а затем включал эту оплату в общий счет своих расходов, который посыпал конгрессу. И поскольку финансовые выкладки аккуратно разносились по бухгалтерским книгам, можно точно определить: за годы войны он израсходовал почти семнадцать тысяч долларов на эти цели — значительную по тем временам сумму. Уолсингем в Англии за двести лет до Вашингтона тоже вел записи, и именно из них нашим современникам удалось выяснить детали его разведывательных операций.

Однако официальные отчеты отражают не только финансовую сторону деятельности разведслужб. Характерная черта шпионажа в военное время — это некоторый разрыв между завершением агентурной операции и ее оплатой. Агента забрасывают за линию фронта, и он не может возвратиться домой, пока не закончится война. Или же штаб, с которым шпион сотрудничал, могли спешно передислоцировать в другое место, а его оставить одного на территории противника без связи и, главное, без всякого вознаграждения. Случалось, что спустя многие годы и порою лишь из-за того, что бывший агент или его наследники попадали в тяжкое финансовое положение, ими предъявлялся иск к правительству по поводу оплаты прежних заслуг. А поскольку разведка все-таки секретное дело и ее стараются вести, не привлекая лишних людей, может статься, что не найдутся живые свидетели и документы, которые подтвердили бы иск. Подобные случаи нередко помогают выявить интересные подробности раз-

ведывательных операций в нашей истории, которые в противном случае могли бы остаться неизвестными.

Так, в декабре 1852 года некто Даниэль Бриан обратился к мировому судье в Таиога-Каунти (штат Нью-Йорк) и дал под присягой показание о своем отце Александре Бриане, скончавшемся в 1825 году. Даниэль Бриан заявил, что генерал Гейтс в 1777 году вызвал его отца и сказал ему, что хотел бы послать его «в неприятельскую армию в качестве шпиона, поскольку ему в этот критический момент необходимы точные сведения о неприятельской артиллерией, числе пушек и их калибрах и, по возможности, данные о предполагаемых маршрутах передвижения неприятельских войск». А было это накануне битвы под Саратогой¹. Бриан «отправился в расположение британской армии, купил там кусок ткани на штаны и побрел, спотыкаясь, в поисках портного. Таким образом он вскоре определил мощь артиллерии и нумерацию пехотных частей неприятельской армии и, хотя планируемые передвижения частей противника держались в тайне, выяснил, что на следующий день неприятель собирался овладеть господствующими высотами».

В показании далее говорится, каким образом Александр Бриан выбрался из расположения неприятельской армии, добрался до позиций американских войск, явился к Гейтсу и своевременно представил ему информацию, в результате чего генерал на следующее утро занял высоты и подготовился к отражению атаки противника.

¹ 17 октября 1777 г. в районе города Саратога-Спрингс во время войны за независимость в Северной Америке войска под командованием генерала Г. Гейтса окружили и вынудили к капитуляции английские войска под командованием генерала Дж. Бургойна. Эта победа имела следствием выступление Франции, а затем Испании и Нидерландов на стороне США против Великобритании.

Насколько нам известно, в этом сражении английская армия была разбита и через несколько дней капитулировала. Судя по исковому заявлению, Бриан за это не получил вознаграждения. Его больной ребенок умер в ночь, когда он отсутствовал, жена тоже была при смерти. Гейтс обещал послать семье Бриана доктора, но не сдержал обещания. Через семьдесят пять лет сын Бриана сделал официальное заявление об этой тайной истории¹. Что его побудило к этому — до сих пор неизвестно. Нет никаких документов относительно подачи иска о денежной компенсации (заявление не зарегистрировано, во всяком случае официально).

Главное, этот случай и некоторые другие явились для нас дополнительными источниками информации, свидетельствующей о том, что победа Гейтса, которая в значительной степени способствовала изменению хода войны в нашу пользу и побудила французов начать оказывать нам помочь, в немалой степени обязана шпионской операции, проведенной Брианом. Исторические эпизоды подобного рода заставляют нас задуматься о том, сколько же было безымянных героев, которые, рискуя жизнью, добывали разведывательную информацию для Америки.

Одним из шпионов — героев войны за независимость, о котором ныне знает любой американский школьник, является Натан Хейл. Но даже он, пожертвовавший свою жизнью, мог быть забыт, если бы о нем в 1799 году не вспомнила Ханна Адамс в своей «Истории Новой Англии». Удивительно, как это сейчас может показаться, через двадцать два года

¹ Оригинал этого протокола находится в сборнике материалов о разведке, составленном Уолтером Пфорцхаймером, а приведенные здесь цитаты появились исключительно благодаря его любезности. (Примеч. автора.)

после своей смерти его совершенно забыли и, как писала Ханна Адамс, «здесь вряд ли знают, что такая личность вообще когда-то существовала». Стойкость и патриотизм Хейла воодушевляют ныне новые поколения. И это благодаря Ханне Адамс, возродившей героический эпизод войны за независимость. Хейл погиб не только в результате несчастливого стечения обстоятельств. Он — доброволец, им двигало высокое чувство патриотизма. Но он был и дилетантом, плохо подготовленным для выполнения сложного шпионского задания. Известия об обстоятельствах его смерти, дошедшие до генерала Вашингтона, побудили последнего принять меры для лучшей подготовки разведывательных операций и привлечения к их выполнению более квалифицированных кадров. Американский главнокомандующий принял решение об организации постоянного разведывательного бюро и назначил одним из его руководителей майора Бенджамина Толмеджа, соученика и друга Натана Хейла по Йельскому колледжу. Ближайшим его сотрудником стал некий Роберт Таунсенд.

Таунсенд руководил одной из шпионских сетей, успешно действовавшей в тылу колонизаторов в период войны за освобождение. По крайней мере, мы не можем сказать об этой организации ничего иного. Операции ее проводились в районе Нью-Йорка, где в то время находилась штаб-квартира британской армии. Сеть Таунсенда имела комплексный характер: занималась не только сбором информации, сколько вопросами оперативной связи. (Я вспоминаю, как генерал Донован всегда внушал мне мысль о жизненно важном значении связи. Сбор разведывательных сведений бесполезен, если их нельзя быстро и точно передать тому, кто принимает решение).

Поскольку англичане держали Нью-Йорк, реку Гудзон и район гавани под своим контролем, было по меньшей мере очень рискованно, если даже вообще возможно, проскользнуть через их оборонительные линии к Джорджу Вашингтону, штаб которого располагался в Вестчестере. Информация от агентов Таунсенд из Нью-Йорка поступала поэтому кружным путем, который в то время был, однако, более быстрым, эффективным и надежным, нежели прямой. Донесения доставлялись на северный берег острова Лонг-Айленд, затем через узкий пролив в лодке до берегов Коннектикута, где попадали в руки Толмеджа, а тот переправлял их генералу Вашингтону.

Другая хорошо известная шпионская история времен Освободительной войны — дело майора Джона Андре и Бенедикта Арнольда. Оба джентльмена, возможно, никогда и не были бы разоблачены как шпионы, а следовательно, ущерб патриотическому делу оказался бы неисчислимым, если бы не Таунсенд и Толмедж, которые уделяли контрразведке столь же большое внимание, что и сбору военной информации.

Поводом для этого послужило то обстоятельство, что во время визита, который Андре нанес английскому майору, квартировавшему в доме Таунсенд, сестра последнего случайно подслушала их разговор. Кое-что в нем вызвало у нее подозрение, и она поведала о своих сомнениях брату. Позже, когда Андре задержали при переходе через американские позиции по маршруту, указанному ему Арнольдом, был совершен ряд грубых ошибок, которые Толмедж не смог предотвратить. В результате Арнольда предупредили, что он раскрыт, и ему удалось бежать и избавиться от опасности.

В типичной инструкции, написанной Вашингтоном лично Таунсенду в конце 1778 года, среди дру-

тих вопросов говорится следующее: «...общайся по возможности чаще с офицерами и беженцами, посещай кофейни и все общественные места (в Нью-Йорке)». Затем Вашингтон перечисляет заслуживающие особого внимания задачи и информацию, которую он желал бы иметь: «...возводятся ли какие-либо укрепления по реке Гарлем вблизи местечка Гарлем-Таун и завершены ли фортификационные работы на излучине реки Хорн-Хук. Если да, то сколько солдат расположено в каждом пункте и число орудий и их калибр в этих укреплениях».

Это — образец разведывательного задания. В нем конкретно говорится, что требуется, и даже объясняется, каким образом агентам следует получать информацию.

Непосредственным сбором информации о британских штабах в Нью-Йорке и Филадельфии, как нам представляется, занимались горожане, торговцы, продавцы книг и газет, содержатели таверн и другие лица, которые имели постоянный контакт с британскими офицерами, дружили с ними, прислушивались к их разговорам, маскируясь под сторонников тори, чтобы завоевать их доверие. Тот факт, что оппозицию составляли люди, говорившие на том же языке, происходившие от одних и тех же корней и отличавшиеся друг от друга лишь политическими взглядами, делал шпионаж непохожим и в определенной степени более легким делом, нежели в конфликтах между сторонами разной национальности, с непохожими языками и по своим физическим данным внешне отличающимися друг от друга. Понятно, что контрразведкой в таких условиях заниматься было значительно сложнее.

Геркулес Муллигэн являл собой типичный пример забытого шпиона-патриота. Это — нью-йоркский портной, имевший большую клиентуру среди

английских офицеров. Его соседи считали: он — тори или, по крайней мере, человек, им симпатизирующий. Поэтому они относились к нему презрительно, старались осложнить его жизнь. Генерал Вашингтон в первое же утро после освобождения Нью-Йорка, когда война закончилась, вызвав недоумение у жителей города, остановился в доме Муллигэна и позавтракал с хозяином. Лишь тогда соседи сообразили, что тот собой представлял. Он собирая по кусочкам важную информацию, прислушиваясь к разговорам своих болтливых клиентов из числа британских военных, и ухитрялся передавать ее генералу Вашингтону, используя, по всей вероятности, агентурную сеть Таунсенда.

Разведывательная деятельность в период Освободительной войны ни в коем случае не ограничивалась только военным шпионажем в колониях. Игра больших мастеров международного политического шпионажа велась с крупными ставками в дипломатических кругах, главным образом, во Франции, где Бенджамин Франклин возглавлял американскую миссию, целью которой было обеспечить французскую помощь делу, за которое боролись колонии. Для англичан поэтому было чрезвычайно важно знать, как проходили переговоры Франклина и какую помощь Франция была готова оказать колонистам. Сколько шпионов окружало Франклина и сколько их он сам имел в Англии, мы, по всей видимости, никогда не узнаем. Он был очень осторожным человеком и о своем пребывании за рубежом написал мало. Но как бы то ни было, мы знаем человека, который, очевидно, сумел перехитрить Франклина.

Речь идет о докторе Эдуарде Банкрофте. Он родился в колониях, в городе Вестфильд (штат Массачусетс), но получил образование в Англии. Его включ-

чили в состав американской миссии в Париже в качестве секретаря. Сумев войти в доверие к Франклину, Банкрофт стал его главным помощником и протеже. Он успешно сыграл роль лояльного и преданного американца. Англичане щедро субсидировали его: пятьсот фунтов стерлингов — разовая выдача и еще пятьсот — годовое жалованье и пожизненная пенсия.

Будучи посвященным, как он полагал, во все секретные переговоры Франклина, Банкрофт, несомненно, являлся ценным агентом для англичан. Он направлял свои донесения британскому посольству в Париже, помещая их в пустую бутылку, которую прятал в дупло дерева в саду Тюильри¹. Написаны они были симпатическими чернилами между строк любовного послания. Если же он располагал большой по объему информацией, которая не помещалась в бутылку, или же ему были необходимы новые директивы, он просто-напросто наносил визит в Лондон — с благословения Франклина, убедив того, что сможет получить там ценную информацию для американцев. Англичане охотно снабжали его тем, что мы ныне называем «липой» — дезинформацией, предназначеннной специально для противника. Таким образом Банкрофт стал одним из первых агентов-двойников в истории нашей разведки.

Англичане, чтобы отвести возможное подозрение от своего агента, однажды даже арестовали Банкрофта, когда он выезжал из Англии. Это была акция, преследовавшая цель внушить Франклину мысль о добросовестности его помощника и опасности, которой тот подвергался, посвятив себя делу Вашингтона. Все, конечно, зависело от актерских способнос-

¹ Дворец в Париже, служивший одной из резиденций французских королей. Ныне не существует. На его месте разбит сад.

тей доктора, которые, видимо, были столь эффективны, что, когда Франклину позже представили доказательства его двурушничества, он отказался поверить этому.

Возможно, хитрый Франклин в действительности был в курсе этого, но не хотел признаться. В 1777 году посол Вашингтона написал письмо американской леди, жившей во Франции, — Юлиане Ритчи (которая предупредила его, что он находится в окружении шпионов):

«Сердечно благодарен за дружеское беспокойство о моем благополучии, которое выражено в Вашем послании. Уверен, оно вполне обосновано. Поскольку невозможно воспрепятствовать шпионам следить за мной, пока есть люди, в этом заинтересованные, я строго придерживаюсь правила, которое помогает мне избежать любую неприятность. Оно очень простое. Во-первых, я никогда не стану говорить о делах, которые, став известными, могут скомпрометировать меня. А во-вторых, я делаю только то, что шпион желает увидеть. Если деяния человека честны и благородны, то чем больше о них говорят, тем более прочной и заслуженной становится его репутация. Узнай я, что мой камердинер — шпион — возможно, он им и есть на самом деле, — думаю, что не стал бы его из-за этого увольнять, если в других отношениях он мне подходит.

Б. Ф.¹

Однажды, когда англичане заявили дипломатический протест французам по поводу их поддержки американцев, то в качестве обоснования они использова-

¹ Оригинал этого письма находится в архиве документов Франклина, принадлежащем Американскому философскому обществу в Филадельфии. (Примеч. автора.)

ли секретное донесение Банкрофта, приведя из него факты и цифры, которые доктор получил от Франклина. Составители ноты даже сохранили стиль американского посла. Это было ошибкой, а они время от времени случаются в разведывательной практике. Банкрофт был напуган до смерти: Франклин может почуять недоброе и начать подозревать его. Он попросил англичан заготовить ему паспорт с тем, чтобы бежать в случае опасности. По данному поводу Франклин высказал мнение, что «столь точная информация может исходить из источников, очень близких к самому нему». Однако, насколько нам известно, он не предпринял ничего конкретного, чтобы проверить свое подозрение.

Таким образом, у англичан появился повод подозревать Банкрофта. Король Георг III, видимо, не полностью доверял ему и сомневался в правдивости и точности его донесений, особенно с тех пор, как монарху стало известно: ловкий помощник Франклина вкладывает нажитые на шпионаже фунты стерлингов в ценные бумаги, курс которых повысился бы с победой американцев.

Двуречничество Банкрофта не было убедительно подтверждено вплоть до 1889 года, когда соответствующие документы британского архива, относящиеся к периоду Освободительной войны, не стали достоянием общественности. Среди них было письмо, адресованное лорду Кармассену, министру иностранных дел его величества, написанное в 1784 году, в котором Банкрофт кратко напоминает о своей деятельности в качестве британского агента. По-видимому, лондонское правительство задержало ему выплату шпионского гонорара, и Банкрофт представил ему иск с напоминанием своим работодателям о прежних заслугах. Письмо заканчивалось словами: «Я не предъявляю даже иска в отношении постоянной пожиз-

ненной ренты в размере 500 фунтов стерлингов в год, которую британское правительство обязалось выплачивать мне, ради чего я принес в жертву около восьми лет своей жизни».

У Франклина тоже были свои агенты в Лондоне, занимавшие, видимо, весьма высокие посты. В начале 1778 года он знал содержание представленного в Лондон доклада генерала Корнуэллиса о положении в Америке менее чем через месяц после его отправки в метрополию. Смысл доклада — победить американских колонистов невозможно. И если агенты Франклина смогли проникнуть в британское правительство, вполне возможно, что они могли, так сказать, учゅять разведывательную информацию, переданную англичанам Банкрофтом.

В Гражданскую войну¹ тот факт, что противоборствующие стороны состояли из людей одной и той же национальной принадлежности, владеющих одним и тем же языком, с одними и теми же нравами и культурой, а также то обстоятельство, что большая часть населения, с точки зрения географической, находилась на одной стороне, но в политическом плане симпатизировала другой, облегчили шпионаж и, наоборот, усложняли контрразведку еще в большей степени, чем в годы Освободительной войны. Документы свидетельствуют: для обеих сторон было характерно проведение относительно небольшого числа продолжительных по времени шпионских операций, которые можно было бы сравнить по значению и результативности, а также по техническому исполнению с акциями периода Освободительной войны. Ни одно крупное сражение не было выиграно или проиграно в результате

¹ Гражданская война в США (1861—1865) между буржуазным Севером и рабовладельческим Ютом закончилась победой северян.

превосходства разведки той или другой стороны: ни северяне, ни южане таких козырей не имели. Разведывательные операции ограничивались в основном решением задачи местного значения. Как сказал один из писателей: «В любом средневековом итальянском городе, видимо, больше занимались шпионской деятельностью, нежели в Штатах за четыре года Гражданской войны».

Причин для такого положения с разведкой было немало. До начала войны ни у южан, ни у северян не имелось никаких разведывательных организаций, и у военных начисто отсутствовал опыт в области шпионажа. Если сравнить с временами Освободительной войны, то тогда дело обстояло по-иному. Лидеры колонистов вели тайную войну против англичан в течение долгих лет и к началу вооруженного конфликта располагали изрядным числом работавших на них в Англии «активных источников» и отлаженной системой шпионажа, четко действовавшей дома, в Америке.

Вашингтон был выдающимся и талантливым руководителем разведки. Он лично целиком и полностью направлял секретную деятельность американских вооруженных сил, контролируя от начала до конца проведение наиболее важных операций. Среди плеяды федеративных и конфедеративных¹ генералов не было ни одного, равного ему по военному таланту. И наконец, Гражданскую войну никак нельзя назвать войной неожиданностей и тайн. Громоздкие, неповоротливые армии подолгу находились в своих лагерях, топтались на одном и том же месте. И если они начинали движение, молва непременно бежала впереди них. Вашингтон, имея значительно меньшее войско, мог не только распус-

¹ Федераты — северяне, конфедераты — южане.

кать ложные слухи о своей силе, но и совершать передвижения столь быстро, что англичане не находили его там, где он был лишь день назад. Особенно так получалось тогда, когда американский генерал заранее узнавал от своих шпионов о маневрах британцев.

В начале Гражданской войны город Вашингтон был подобен решету: в нем не держались никакие секреты. Численность войск северян и их передвижения фиксировались невооруженным глазом заинтересованного наблюдателя. В различных документах отмечается: конфедератам никогда более не удалось организовать столь успешной разведки, как это было в первом сражении на реке Бул-Ран.

Одним из первых событий того периода, выставивших настоятельную необходимость создания регулярной разведывательной службы, был заговор кучки горячих голов в Балтиморе, намеревавшихся совершить террористический акт против Линкольна в феврале 1861 года (предполагалось сделать это, когда он будет следовать к месту, где произойдет церемония его вступления на пост президента). Аллен Пинкертон, получивший к тому времени известность как частный детектив (он успешно выполнил несколько трудных поручений железнодорожных компаний), был нанят сторонниками Линкольна для его охраны. Сыщик доставил Линкольна в Вашингтон без происшествий. И сделал это просто, но надежно: договорился, чтобы поезд президента проследовал через Балтимор поздно ночью без уведомления. Одновременно сотрудники Пинкертонса внедрились в среду балтиморских заговорщиков и установили надежное наблюдение за их деятельностью.

Сколько ни был бы хорош Пинкертон в делах по обеспечению личной безопасности клиентов и контршпионаже, он мало что понимал в методах добы-

чи разведывательной информации. Из его сотрудников лишь один составил исключение. Речь идет об отличном агенте Тимоти Вебстере, который по собственной инициативе собрал неплохую разведывательную информацию в Вирджинии. К сожалению, в самом начале войны Вебстера арестовали южане. Он провалился из-за непродуманного шага Пинкертона и позднее был казнен. Затем мы находим Пинкертона в штабе генерала Макклеллана. Там он возглавил отдел военной разведки и пытался реализовать свою идею о методе подсчета численности неприятельских войск, полагая это самым важным для обеспечения успеха: агенты определяли цифру, а затем подсчитывали, чтобы убедиться в правильности первоначальных данных. Идея Пинкертона очень пришлась по душе Макклеллану: генерал был известен тем, что не вступал в бой, пока не располагал численным перевесом над противником. Но вряд ли пинкертоновское пересчитывание вносило существенный вклад в исход сражений, руководимых Макклелланом. Даже имея численный перевес, генерал потерпел поражение, не разгадав искусного маневра под Антиэтсом полководца южан Ли. Когда Линкольн отстранил Макклеллана от командования, Пинкerton ушел в отставку. Северяне вновь остались фактически без секретной службы.

Линкольн использовал лично платного агента для выполнения разведывательных заданий во время сражения на реке Бул-Ран. Этот факт стал известен только в 1876 году, когда правительству был предъявлен иск в связи с неуплатой вознаграждения агенту (фактически, как это часто бывает в подобных случаях, он всплыл случайно). В марте 1876 года Верховный суд Соединенных Штатов заслушал апелляцию по делу некоего Эноха Тоттена, предъявившего правительству претензию «по вопросу получения

компенсации за услуги, оказанные неким Уильямом Ллойдом по контракту с президентом Линкольном в июле 1861 года, в соответствии с которым ему надлежало отправиться на Юг и установить численность войск, дислоцировавшихся в различных пунктах мятежных штатов, добыть планы форсов и фортификационных сооружений... и представить эти сведения президенту... Ллойд проник в расположение мятежников и находился там довольно длительное время, собирая информацию и время от времени переправляя ее президенту». В конце войны ему оплатили расходы, но не жалование в размере 200 долларов в месяц, которое, как это следует из иска, ему обещал Линкольн. Случай этот интересен сам по себе хотя бы потому, что приведенные скучные сведения проливают свет на предусмотрительность Линкольна и его отношение к вопросам разведки. Но, пожалуй, самое интересное, что Верховный суд констатировал: «Как наниматель, так и агент должны были понимать: уста исполнителя навечно скрепляются печатью молчания, исходя из важности данного вопроса».

Таким образом, этот случай устанавливает прецедент: агент разведывательной службы не может возместить свои убытки за оказанные им ранее секретные услуги, предъявляя открыто правительству иск нормальным судебным путем. Суд определил: «Агенты... должны получать компенсацию из бюджетного фонда того департамента, который их нанял, и в таких размерах, которые определяются возможностями фонда. Секретность, с которой связаны подобные контракты, не должна нарушаться любыми действиями, особенно теми, которые оказывают на власти какое-либо давление». Что это, как не предостережение агенту, чтобы он получше прятал свои деньги в кубышку во время проведения операции и не обви-

нял своих хозяев, что они обманули его, не выплатив сполна все, что ему полагалось.

После того как Пинкerton бесславно сошел со сцены, была предпринята попытка создать чисто военную разведывательную организацию — Бюро военной информации. Руководителем назначили Джорджа Шарпа (впоследствии он стал генералом). Этот бравый служака старался честно выполнить свой долг, но, к сожалению, ничего не смыслил в разведке. Не удивительно, что ему не удалось провести ни одной секретной операции. А то, что правительство все же получало неплохую информацию, — заслуга случайных и смелых волонтеров-разведчиков, большинство из которых сами придумывали свои акции и организовывали связь без указаний и советов специалистов. Одним из них был Лафайет Бейкер, странствующий фотограф на Юге, который имел возможность посещать воинские лагеря конфедератов в Вирджинии. Он фотографировал офицеров и солдат и спокойно собирал ценную информацию. Интересно, что Бейкер поступил на службу в армию и сделал быструю карьеру, став бригадным генералом. В конце концов он возглавил Национальную уголовную полицию, своего рода предшественницу нынешней секретной службы. И если Пинкerton выделялся в вопросах контршпионажа, но не обладал необходимыми качествами руководителя шпионской организации, то Бейкер преуспел в разведывательных делах. Однако, как шеф секретной службы, он допустил грубые ошибки, которые привели к тому, что мы безвременно потеряли одного из великих президентов. До сих пор никто не знает, где были люди Бейкера в ночь на 14 апреля 1865 года, когда Авраам Линкольн сидел в неохраняемой ложе театра Форда и смотрел спектакль. Или почему наемные убийцы, собравшиеся в кафе ма-

дам Сюррат, фанатичной противницы Линкольна, взгляды которой были хорошо известны всему Вашингтону, не находились под наблюдением Бейкера. Даже арест Бутса¹ и его сообщников произвел не щеф секретной службы, хотя заслугу этой операции он приписал себе.

Известна также Элизабет ван Лью, добровольная шпионка северян. Она жила в Ричмонде и всю войну успешно работала на правительство Линкольна. Считают, что эта отважная женщина была самым ценным секретным агентом, которого когда-либо имел Север. Грант² лично подтвердил, что ей принадлежат самые ценные сведения, добытые за все время войны.

Бросается в глаза, что в Гражданскую войну фактически отсутствовало «проникновение» в тот или иной крупный штаб в целях шпионажа. Это — всегда наиболее драматичный момент любой разведывательной операции высокого класса. К такого рода шпионским акциям можно отнести, пожалуй, действия лишь Элизабет ван Лью, которая устроила прислугой в дом Джефферсона Дэвиса³ свою служанку-негритянку и полученную от нее информацию посыпала майору Шарпу в Вашингтон.

Примерно в 1880 году в Соединенных Штатах были созданы первые постоянные разведывательные организации, которые функционировали и в мирное время. Армейская (сухопутных сил) развед-

¹ Бутс Джон — актер, исполнитель террористического акта против президента Линкольна (нанес последнему смертельное ранение ножом).

² Грант Улисс Симпсон (1822—1885) — военный и политический деятель США, генерал-лейтенант. В 1864 г. назначен главнокомандующим всеми федеральными армиями. В 1869—1877 гг. — 18-й президент США.

³ Джейферсон Дэвис (1808—1889) — политический деятель США, в 1861—1865 гг. — президент конфедерации южных рабовладельческих штатов. В 1865 г. захвачен в плен северянами.

ка была известна под названием Военного информационного отдела и подчинялась генерал-адъютанту (высшая должность административно-хозяйственной службы в тогдашней армии США). Отдел военно-морской разведки относился к Навигационному бюро. В это же десятилетие стали назначать в дипломатические посольства и миссии США военных и военно-морских атташе, где они официально функционировали как офицеры разведки. С созданием в 1903 году Генерального штаба армии Военный информационный отдел был преобразован во Второй отдел Генштаба (G-2 — Джи-2, начальная буква слова «генеральный»). Это сокращение по традиции до сих пор обозначает разведку сухопутных сил США.

К сожалению, в конце прошлого и начале нынешнего столетий из-за недостатка ответственности у американских политических и военных деятелей Второй отдел потерял свое значение и фактически прекратил свою деятельность. В результате мы встретили Первую мировую войну фактически без разведывательной службы. Но на этот раз наше положение было иным. Мы вели боевые действия за рубежом. Это раз. Далее, наши войска находились на фронте немногим более года. И на конец, мы действовали не одни — у нас были союзники. Поэтому времени для создания многочисленной и развитленной службы разведки нам просто не хватало. Да в этом, собственно, и не было необходимости, поскольку в вопросах военной разведки мы могли положиться на союзников — англичан и французов, у которых были крупные, накопившие длительный опыт шпионские организации.

Но мы учились быстро благодаря офицерам, которым я хочу воздать должное. Это полковник Рольф ван Диман, которого многие считают иници-

атором создания военной разведки и контрразведки Соединенных Штатов. Его кипучая деятельность описана в книге Ричарда Уилмера «История секретной службы», которую я считаю лучшим очерком о разведывательных службах, принадлежащим первому американского автора. Я лично служил с полковником ван Диманом в Первую мировую войну, когда был в Берне, и могу подтвердить высокую эффективность работы, которую он и его преемники генерал Деннис Ноулэн и генерал Марлборо Черчилль проделали, чтобы создать базу для нашей сегодняшней военной разведки.

Ко времени окончания войны был уже построен фундамент, на котором постепенно создали армейскую и военно-морскую разведки (они существовали до начала Второй мировой войны), а также Си-Ай-Си — контрразведывательную службу «Полевой разведывательный корпус» (до 1942 года было другое название — «Корпус разведывательной полиции»).

Немало послужил нам опыт периода Первой мировой войны в области криптографии, о которой я расскажу подробнее в последующих главах. Отталкиваясь от него, мы сумели в годы между мировыми войнами добиться определенных успехов в разработке новых дешифровальных методов, ставших жизненно важными инструментами американской разведки. Это позволило нам в 1941 году раскрыть японские дипломатический и военно-морской коды.

Только во Вторую мировую войну и, в частности, после нападения Японии на Перл-Харбор мы приступили к совершенствованию своей разведывательной системы. Наряду с нашими военными разведывательными органами нам удалось в короткий срок создать невоенную организацию по сбору секретной информации и ведению тайных операций. Я уже упоминал выше, эта работа началась после

того, как президент Франклин Рузвельт в 1941 году вызвал в Вашингтон Уильяма Донована.

Полковник (в последующем генерал-майор) Донован был подходящим человеком для этого дела. Известный юрист, ветеран Первой мировой войны, награжденный медалью Почета, он делил свою деловую жизнь в мирное время между юриспруденцией, правительственной службой и политикой. Он знал мир, побывал во многих странах. Неплохо разбирался Донован и в людях, чутко реагировал на необычное и опасное. Короче говоря, полковник отвечал всем требованиям, которые могли быть предъявлены к офицеру разведки.

Вероломное нападение японцев на Перл-Харбор и вступление США в войну, естественно, стимулировали быструю организацию Управления стратегических служб (УСС) и бурный рост проводимых им разведывательных операций.

УСС начало действовать официально как исследовательская организация. В его составе видную роль играла группа тщательно подобранных ученых — историков, экономистов, политологов, географов. В июне 1942 года Управление по координации информации (УКИ) — как вначале называлась организация Донована — было переименовано в Управление стратегических служб с задачей «собирать и анализировать стратегическую информацию, а также планировать операции специальных служб и осуществлять руководство ими».

К этому времени УСС уже достаточно глубоко вникло в суть задач «специальных служб» — кодовое наименование разведывательных и секретных операций всех видов и, в частности, в вопросы поддержки различных антинацистских подпольных групп за линией фронта и скрытной подготовки вторжения союзников в Северную Африку.

В 1943 году резидентуры УСС действовали уже в глобальном масштабе, за исключением Латинской Америки, там хозяйствовало Федеральное бюро расследований (ФБР), и несколько районов Дальнего Востока и Тихого океана, где еще раньше окопалась разведка генерала Макартура¹.

Подразделение УСС, занимающееся вопросами партизанской борьбы и движением сопротивления, было сформировано по образцу ныне широко известной английской Организации по специальным операциям и тесно сотрудничало с последней на европейском театре военных действий. Оно начало забрасывать агентурные группы во Францию, Италию и Югославию, а также в Индокитай. Главные цели этих операций — поддержка и снабжение всем необходимым уже существовавших отрядов движения Сопротивления, а там, где их еще не было, — организация боевых партизанских групп и обучение бойцов. Наибольшую известность получили заброшенная во Францию группа «Джедбаргс» и отряд 101, действовавший в Бирме. Несколько позже УСС создало специальные подразделения для подготовки материалов «черной пропаганды»² и их распространения, ведения контршпионажа и организации диверсий и саботажа. Для их выполнения требовались люди незаурядных способностей. Кто мог, например, подготовить и провести подводные взрывы

¹ М а к а р т у р Дуглас (1880—1964) — генерал армии. В 1941 г. был назначен командующим американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. В 1942—1945 гг. — верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана. В 1945—1951 гг. — командующий оккупационными войсками в Японии. Руководил операциями вооруженных сил союзников в войне против КНДР (1950—1951 гг.).

² Ч е р н а я п р о п а г а н д а — вид психологической войны. Использует исключительно разведывательный материал. Настоящий источник никогда не называется. При этом создается впечатление, что она исходит непосредственно с территории противника и ведется подпольем в самой гуще врага.

на военно-морских базах противника? Конечно, только отборные и хорошо обученные бойцы. Управлению пришлось срочно организовать собственные специальные школы для подготовки таких кадров.

В конце войны, когда войска США продвинулись на территорию Германии, УСС создало специальные подразделения для розыска и ареста военных преступников и возврата награбленных нацистами художественных ценностей, а также выявления валюты и драгоценностей, которые, как тогда полагали, нацистские лидеры припрячут в укромных местах, чтобы обеспечить свой возврат к власти в недалеком будущем. Короче, чем только не приходилось заниматься управлению Донована в разное время и разных местах в период между 1942-м и 1945 годом.

С окончанием войны все подразделения УСС, за исключением отделов агентурной разведки и анализа, постепенно ликвидировали. И даже этим двум подразделениям некоторое время угрожало закрытие.

После победы над Японией короткое время казалось, что Соединенные Штаты выведут свои войска из Европы и с Дальнего Востока. Этот процесс, по-видимому, включил бы в себя и расформирование разведывательных органов. В конце 1945 года представлялось, что мы поступим так же, как после Первой мировой войны — свернем наши, так сказать, разведывательные палатки и возвратимся к обычным мирным делам. Но на сей раз, в отличие от 1919 года, когда мы отреклись от Лиги Наций, нам пришлось стать одними из основателей Организации Объединенных Наций и оказать ейнюю поддержку в надежде, что она окрепнет и превратится в гаранта мира во всем мире.

Если бы коммунисты не зарвались, наше правительство могло бы склониться к решению возложить во все большей и большей степени ответственность за сохранение мира на Организацию Объединенных Наций. В самом деле, когда Сталин в Ялте спросил Рузвельта, сколь долго мы планируем держать наши войска в Европе, президент ответил: не более двух лет. С учетом событий, следовавших быстро одно за другим в послевоенные годы, становится ясным, что в период между 1945-м и 1950 годом премьер Сталин вместе с Мао Цзэдуном решили, что не будут ждать, пока мы «изящно» уйдем из Европы и Азии, а просто вышвырнут нас оттуда.

Москва установила коммунистические режимы в Польше, Румынии и Болгарии прежде, чем высоки чернила на соглашениях, подписанных в Ялте и Потсдаме. Кремль угрожал Ирану в 1946 году и сразу после этого навязал Венгрии коммунистическую систему, разжег гражданскую войну в Греции, инсценировал захват своими ставленниками власти в Чехословакии и установил блокаду Берлина (Западного). Позже, в 1950 году, Мао присоединился к Сталину для подготовки нападения на Южную Корею. Еще до этого пекинский лидер укрепил свои позиции в континентальной части Китая. Эти чувствительные удары в различных частях света заставили washingtonских лидеров пробудиться и понять простую, но чрезвычайно необходимую идею — организовать в США глобальную разведывательную систему.

Ведь мы, сами того не сознавая, оказались в положении свидетелей, присутствующих при реализации части плана, который предусматривал разрушение демократических общественных систем в Европе и Азии и изоляцию Соединенных Штатов. В итоге коммунисты должны были взять в свои

руки бразды правления на всем земном шаре. А мы начали это сознавать, то, естественно, возникла необходимость знать больше, чем до сих пор, о тайных планах Кремля по расширению границ коммунизма.

В своем послании конгрессу 12 марта 1947 года президент Трумэн заявил, что безопасность страны ставится под угрозу в результате коммунистических акций, и констатировал, что нашей политической отныне «станет оказание помощи свободным народам в сохранении их демократических институтов и борьбе против агрессивных сил, пытающихся навязать им тоталитарные режимы». Он также добавил, что мы не можем позволить нарушить статус-кво «с помощью насилия или таких коварных приемов, как политическая инфильтрация» — и в том и другом случаях грубо попиралась бы Хартия ООН.

К тому же стало очевидным, что Организация Объединенных Наций, скованная советским вето, не сможет играть роль стражи мира. Было ясно: нас ожидал длительный кризис. При таких условиях правительством был принят ряд мер, чтобы перейти от слов к конкретным делам. Один из первых шагов — реорганизация структуры нашей национальной обороны, которая обеспечивала унификацию военных служб, передачу их в подчинение министра обороны и создание Совета национальной безопасности.

В это время президент Трумэн, взяв за основу проект, представленный генералом Донованом, предложил создать постоянную правительственную организацию — Центральное разведывательное управление. Конгресс, большинство в котором составляли республиканцы (сам Трумэн был демократом), дал согласие. При одобрении обеих партий (республиканской и де-

мократической) ЦРУ было узаконено Актом о национальной безопасности 1947 года¹.

С самого начала управление действовало как легальная правительственные структура, хотя и имевшая, естественно, много задач секретного характера. Президент Трумэн придерживался взгляда, что новая организация должна поддерживать усилия правительства в деле противодействия коммунистической тактике «насилия, уверток и политической инфильтрации». Многое из того, что знало и умело УСС, а также часть его персонала были переданы ЦРУ. К счастью, большинство высших офицеров в УСС после ликвидации этой организации оставались в различных временных разведывательных подразделениях, функционировавших под эги-

¹ Речь идет о принятом в июне 1947 г. законе о национальной безопасности, предусматривавшем коренную перестройку военных ведомств, создание единого министерства обороны, Объединенного комитета начальников штабов, министерства военно-воздушных сил. Тогда же был учрежден Совет национальной безопасности (СНБ) — высший совещательный орган при президенте. На СНБ легла главная ответственность в правительстве по проведению разведывательных операций за рубежом, контрразведывательных операций, а также соответствующей политики и программ, за общее руководство и направление этой работы.

Закон наделил Центральное разведывательное управление исключительными полномочиями. Оно должно было

1) консультировать СНБ по вопросам разведывательной деятельности;

2) давать рекомендации СНБ относительно координации разведывательных усилий всех причастных к этому правительственных организаций;

3) оказывать помощь существующим разведывательным организациям;

4) осуществлять по указаниям СНБ другие обязанности, относящиеся к разведывательной деятельности и затрагивающие национальную безопасность США.

Таким образом, с самого начала ЦРУ представлялось его создателям не только аппаратом сбора информации и координации разведывательных действий, но и орудием осуществления внешней политики путем проведения тайных операций в глобальном масштабе.

Что касается Совета национальной безопасности, то это — консультативный орган при президенте (он его возглавляет). Кроме главы администрации, в Совет входят вице-президент, государственный секретарь и министр обороны. Директор ЦРУ и председатель комитета начальников штабов — постоянные советники СНБ.

дой государственного департамента и военного министерства в период 1945—1947 годов.

Однако ЦРУ не копировало полностью ни УСС, ни построение разведывательных организаций других стран. Его широкая и гибкая организационная схема была в своем роде уникальной, поскольку объединяла в одних руках задачи по анализу разведывательных данных и координацию секретных разведывательных операций различного типа, о которых я скажу чуть ниже. Итак, новая организация была предназначена для заполнения брешей в существующей разведывательной структуре без ликвидации разведывательных органов в государственном департаменте и министерстве обороны США или ненужного соперничества с ними. В то же время во внимание было принято то, что от госдепартамента, зависевшего в получении информации целиком от докладов дипломатических учреждений за рубежом, и от вооруженных сил, получавших ее, главным образом, от своих военных атташе за границей, нельзя было ожидать сбора информации во всех частях света: трудности получения секретных сведений там все возрастили, так как во многих странах отсутствовали постоянные американские представительства, имевшие в своем составе опытных офицеров разведки. Вот почему ЦРУ разрешили организовывать собственные секретные каналы получения разведывательной информации, помимо имевшихся у других правительственный ведомств путей и методов сбора и оценки таких сведений.

Одна из главных особенностей ЦРУ состоит в том, что в его аналитических и координирующих подразделениях разведывательные материалы, полученные по собственным секретным каналам, обрабатываются и проверяются так же тщательно и глубоко, как информация, поступившая из других правительственный учреждений. Другая особенность — управле-

ние координирует все виды секретной деятельности министерств и ведомств США, хотя это произошло не сразу, а постепенно по мере накопления опыта, доказавшего практическую выгоду и эффективность новых методов ведения разведки. Ведь традиционно разведывательные службы США до 1947 года вели шпионаж и контршпионаж изолированно друг от друга. И еще другие секретные организации занимались вопросами, относящимися к ведению «психологической войны»¹.

С созданием ЦРУ все перегородки были ликвидированы, что привело к почти полному устраниению параллелизма и путаницы в деятельности наших секретных структур.

Самая последняя реорганизация системы американской разведки коснулась ее военных структур. В августе 1961 года было создано Разведывательное управление министерства обороны (РУМО). Его первым директором стал выдающийся пилот ВВС США генерал-лейтенант Джозеф Керолл. Ему помогают два опытных офицера разведки. Я тесно сотрудничал с его заместителем генерал-лейтенантом Уильямом Куинном, когда тот был начальником отдела разведки штаба седьмой армии генерала Александра Петча в период вторжения наших войск в Южную Францию и Германию. В те дни, летом и осенью 1944 года, я обычно тайно встречался с ним в различных пунктах освобожденной Франции недалеко от северной границы Швейцарии и снабжал его военной информацией, которую мне удавалось собрать о передвижениях нацистских частей и планах, когда гитлеровские войска отходили в направлении «горного редута» в Южной Германии и Австрии. Контр-адмирал Самуэль Френкель, начальник штаба, тоже опытный

¹ Речь идет о так называемых «скрытых операциях».

офицер разведки, сделал ценный вклад в работу Национального совета по делам разведки США, когда я являлся его председателем. Создание РУМО не означало слияния разведывательных служб всех родов вооруженных сил. Скорее всего это было попыткой достигнуть максимальной координации и эффективности разведывательного процесса трех военных разведслужб, которые сохранились после организации РУМО.

Таким образом, вопреки нашей традиции, когда мы ликвидировали разведывательные органы после окончания войны, на этот раз разведке было позволено стать силой, способной решать все более усложняющиеся задачи и отвечать на вызовы времени. Создание таких организаций, как РУМО, а до этого и ЦРУ, — результат осознания необходимости придать разведке надлежащий статус в структуре нашей национальной безопасности. Естественно, всегда существует возможность, что две такие мощные и хорошо финансируемые организации, как ЦРУ и РУМО, могут стать соперниками и конкурентами. В какой-то степени это и полезно, но, естественно, до определенного предела. Если конкуренция слишком обострится, она может стать не только дорогим, но и опасным явлением.

Четкое разграничение функций всегда необходимо, мы это понимаем, и оно в широком плане, безусловно, существует. Более того, высокое положение лиц, как гражданских, так и военных, стоящих во главе этих двух организаций, гарантирует эффективность их деятельности. И тем не менее предоставляется жизненно необходимым для США постоянно поддерживать авторитет директора ЦРУ в области окончательной оценки результатов всей нашей разведывательной работы.

Глава 4

РАЗВЕДКА И СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО

В наше время Соединенным Штатам брошен вызов группой стран, проповедующих иную жизненную философию, другое мировоззрение, правительства которых настроены к нам враждебно. Это само по себе открытие не новое. Мы и раньше сталкивались с подобными вызовами. Теперь изменилось то, что мы впервые стоим лицом к лицу с противником, обладающим военной мощью и способным нанести разрушительный удар непосредственно по Соединенным Штатам. В век ядерных ракет это может быть сделано в течение часов и даже минут, причем на приведение в состояние готовности нам будет отпущен минимум времени.

Чтобы быть точным, следует заметить: мы обладаем такой же мощью, что и наш противник. Но в нашем свободном обществе все оборонительные мероприятия и меры устрашения проводятся широко и открыто, в то время как наши противники создали трудно преодолимую стену секретности и сверхбезопасности. Для того чтобы помочь правительству получить стратегическую информацию, нам следует все в большей степени полагаться на разведывательную деятельность.

Государственный департамент и министерство обороны ведут сбор информации за рубежом, а их экс-

перты в области разведки проводят анализ и готовят доклады, принося тем самым большую пользу стране. Но в состоянии ли они выполнить весь объем задач?

Ответ, который дали пятнадцать лет тому назад как исполнительные, так и законодательные власти, был однозначен — «нет». Он основывался на нашем растущем понимании характера коммунистической угрозы, на том факте, что коммунисты приняли такие меры секретности и безопасности, прикрываясь которыми готовят свою ракетно-ядерную угрозу, а также на их усилившемся подрывном проникновении в свободный мир.

Обширные районы как Советского Союза, так и коммунистического Китая плотно закрыты от иностранного взгляда. Эти страны не сообщают нам ничего о своих военных базах и других объектах, которые мы не в состоянии тщательно контролировать. А данные о них необходимы для обеспечения не только нашей обороны, но и обороны всего свободного мира. Коммунисты отказались от принципа взаимных инспекций, который мы рассматриваем как важную составную часть контролируемого разоружения¹.

Они бесстыдно заявляют: секретность — крупный и ценный вклад в фундамент их внешней политики. Они заявляют о праве на вооружение с соблюдением секретности, чтобы быть в состоянии, когда пожелают, нанести скрытый удар. Они грубо отвергли предложение президента Эйзенхауэра об «открытом небе»², которое он сделал в 1955 году. Мы серьезно готови-

¹ После начала перестройки в Советском Союзе, когда в международных делах были принятые выдвинутые М.С. Горбачевым принципы нового политического мышления, предложение о взаимных инспекциях было реализовано и сейчас повсеместно применяется в практике многих держав, в том числе СССР, США, Англии, Франции и др.

² Президент США Дуайт Эйзенхауэр на Женевском совещании глав правительств четырех держав в 1955 году предложил проводить взаимные аэрофотосъемки территорий СССР и США. Этот проект получил название «План открытого неба» и был встречен без особого энтузиазма даже союзниками США — Францией и Англией. В условиях «холодной войны» он неизбежно был обречен на неудачу.

лись к принятию этого предложения нашей страной, но Советы не согласились с ним. Отказ Москвы вынудил нас принять меры к выравниванию баланса секретной информации, который складывался не в нашу пользу, к усилению разведывательной деятельности, чтобы пробить щит секретности, возведенный русскими.

Берлинская стена не только рассекла территориально политически разделенный город на две половины, но и значительно сократила поток беглецов из Восточной Германии на Запад. Вместе с тем это была попытка заткнуть одну из последних больших брешей в «железном занавесе» — барьер из колючей проволоки, минных полей, сторожевых вышек, передвижных патрулей и пограничных кордонов, протянувшихся от Балтики через весь европейский континент в южном направлении. Возведя Берлинскую стену, Советы закончили изоляцию Восточной Европы от всего остального мира, на что им пришлось затратить шестнадцать лет.

И тем не менее есть пути преодолеть коммунистическую преграду — пройдя под ней или же сверху, или же в обход ее. Но стена — лишь первое из нескольких препятствий. За ней тянутся изолированные и спецрежимные районы, а за ними — многие барьеры, возведенные из секретных инструкций, правил и предписаний. Все, вместе взятое, ограждает то, что советское государство считает необходимым скрыть от «назойливого любопытства Запада» — свои сильные или слабые стороны.

«Железный» или «бамбуковый»¹ занавесы разделяют мир, с точки зрения западных разведы-

¹ «Бамбуковым занавесом» американская и вся западная пропаганда окрестила меры правительства КНР по установлению строгого контроля на своих границах, ограничения въезда и выезда жителей КНР и иностранных граждан из страны и въезда в нее, жесткой цензуры печати, сокращения контактов китайских граждан с иностранцами и т. д.

вательных служб, на две категории территорий — свободные районы и закрытые районы. Главные объекты их интереса расположены там, куда нет допуска, — за «занавесами». Это военные базы и сооружения, промышленные и ядерные предприятия, составляющие становой хребет коммунистической моши. Наша разведка старается выяснить и планы деятелей, стоящих у руководства советской России и коммунистического Китая, их военные приготовления и «мирные» политические намерения.

Не является секретом, что деятельность государственного департамента и министерства обороны по сбору разведывательных сведений об этих целях, представляющая большую ценность, явно недостаточна. Для проникновения сквозь барьер безопасности коммунистического блока нужна специальная уникальная техника, которой следует оснастить наши секретные службы.

Нынешней разведке необходимо постоянно наблюдать за тем, что делается во всех районах земного шара, и делать это независимо от того, что в данный момент привлекает основное внимание дипломатов и военных. Наши жизненные интересы во всех концах земного шара могут подвергнуться опасности в любое время.

Еще несколько десятилетий назад вряд ли кто-либо взялся бы предсказать, что в шестидесятых годах наши вооруженные силы будут дислоцироваться в Корее, что их втянут в военные действия в Южном Вьетнаме, что Куба превратится во враждебную нам коммунистическую страну и станет ближайшим союзником Москвы или что Конго приобретет важное значение в нашей внешней политике. В ближайшее время, несомненно, могут произойти и другие необычные события.

Сегодня невозможно предсказать, где может возникнуть следующий опасный очаг. Задача разведки поэтому — предупредить о подобных опасностях, чтобы правительство заранее могло бы принять необходимые меры. Добыча интересующей информации не должна ныне ограничиваться несколькими странами. Весь мир представляет сейчас арену конфликта. В ракетно-ядерный век даже Арктика и Антарктика превратились в районы стратегического значения. Фактор удаленности, большого расстояния во многом потерял свое прежнее значение, поскольку время в стратегическом исчислении будет отсчитываться часами и даже минутами. Оceansы, которые в период Второй мировой войны еще надежно защищали нашу страну и давали достаточное время для подготовки отпора, столь же обширны, как и прежде. Но ныне ракеты могут пересечь их за несколько минут, а бомбардировщики — за несколько часов. Сейчас Соединенные Штаты находятся на передовой линии фронта, и противник рассматривает их как свою основную цель. Для агрессии не требуется длительного периода мобилизации. Ракеты стоят наготове на своих пусковых установках, а часть стратегических бомбардировщиков постоянно находится в боевой готовности.

Поэтому у разведки в настоящее время появились дополнительные обязанности, поскольку она не может ждать неопровергимых доказательств, что противник нанесет удар. Ибо этот удар будет нанесен через такое короткое время, что мы не успеем ничего предпринять, чтобы отвести его. Наше правительство должно быть предупреждено как можно раньше о том, что может последовать такое решение. Ситуация все более усложняется в связи с тем, что в случае с Кореей и Вьетнамом, например, провокационное нападение было направлено не против

Соединенных Штатов, а против отдаленных заокеанских районов, потеря которых для свободного мира могла бы создать угрозу нашей собственной безопасности. Прочно сплоченная, четко действующая разведслужба, пребывающая постоянно в боевой готовности и способная докладывать быстро и точно о событиях почти во всех районах земного шара, — лучшая страховка против неожиданного нападения. То, что разведка постоянно наготове и что имеется возможность заранее предупредить правительство об опасности, два эти обстоятельства могут сами по себе создать наиболее эффективное средство устрашения и воздействия на потенциального противника, заставить его отказаться от нанесения удара. Поэтому мы должны не скрывать, что располагаем таким средством, а предать данный факт широкой огласке. Правда, средства и механизм предупреждения должны оставаться в тайне. В принципе же разведке нельзя бездумно поклоняться идолу секретности, накладывать табу на всю свою деятельность. То положительное, чего мы уже добились в результате создания самой эффективной разведывательной службы в мире, — нужно обязательно довести до сведения широкой общественности в США и за рубежом.

Наряду с получением информации возникает вопрос, каким образом ее следует обработать и проанализировать. Полагаю, что имеются достаточно важные причины для возложения ответственности за подготовку и координацию анализа разведывательных данных на централизованные правительственные службы, которые не несут ответственности за политику или выбор систем вооружений для обеспечения нашей обороны. Совершенно естественно, что делающие политику лица имеют тенденцию защищать и проводить ту политическую ли-

нию, за которую несут ответственность. Сотрудники государственного департамента и министерства обороны не избавлены от этой вполне понятной человеческой слабости. Поэтому они нередко смотрят на разведдонесения предвзятым взглядом, что может привести к принятию неверных политических решений или искажению реальных представлений о помощи Советов в той или иной конкретной сфере военного дела. Самую серьезную опасность в области разведки, которая может привести к большому числу ошибок, нежели обман и интриги противной стороны, представляет предвзятость. Я допускаю, что все мы люди, которым в той или иной степени присуща необъективность. Все без исключения, включая ^и руководство ЦРУ. Однако, поручив координацию разведывательной деятельности нашей центральной разведывательной службе, которая не занимается решением важных политических вопросов и не связана с огромными военно-промышленными компаниями, можно избежать соблазна подогнать факты, добытые разведкой, для удовлетворения чьих-то политических амбиций или извлечения огромных прибылей в ущерб жизненным интересам американской нации.

Перед Перл-Харбором высокие руководители в США и за рубежом были убеждены, что японцы, если и нанесут удар, то в южном направлении — в мягкое подбрюшье английского, французского и голландского колониального района. Возможность того, что они начнут войну сразу против наиболее опасного противника — Соединенных Штатов, нами в расчет не принималась. Нападение японцев на Гавайи и Филиппины и плохое руководство тогдашней американской разведкой заставили правительство США быстро принять решение о реорганизации разведслужбы. Поскольку агентурные предупреждения, по-

лученные до нападения на Перл-Харбор, по-видимому, оказались недостаточно ясными и были неправильно истолкованы (в частности, нельзя было точно определить, что речь идет о Гавайях и Филиппинах), наши лидеры не смогли сразу найти адекватное решение. Но это продолжалось недолго. После дополнительного анализа они отказались от прежней концепции и нацелили нас на нависшую над Тихим океаном опасность.

Если у кого-нибудь имеются сомнения относительно важности объективной разведывательной информации, я бы предложил изучить ошибки, допущенные некоторыми лидерами из-за того, что они не располагали достаточными сведениями или же получили их в необходимом объеме, но недооценили действия или намерения руководителей других стран. Когда кайзер Вильгельм II совершил нападение на Францию в 1914 году, германские военные руководители убедили его в том, что необходимо нарушить нейтралитет Бельгии. Они успокоили его и в том отношении, что Англия не вступит в войну из-за германской агрессии против Франции и Бельгии, хотя немецкая разведка заранее предупредила об этом. Кайзер совершил большую ошибку, недооценив точную и проверенную информацию.

В дни, предшествующие Второй мировой войне, британское правительство, несмотря на предупреждение Уинстона Черчилля, не смогло осознать размеры нацистской угрозы и недооценило германскую военную мощь, особенно силу авиации.

Гитлер, со своей стороны, начав войну, допустил ряд просчетов. Он недооценил твердость намерений Англии и ее силы, а позже, в июне 1941 года, открыл второй фронт против России, опрометчиво проигнорировав возможные последствия. Когда в 1942 году ему был представлен доклад о планах американо-ан-

глийской высадки в Северной Африке, он не обратил должного внимания на представленные ему разведывательные сведения. Мне говорили, что он замечал по этому поводу небрежно: «У них нет кораблей для этого».

Что же касается Японии, успешно осуществившей нападение на Перл-Харбор, то последующие события доказали, что ее правительство допустило самый большой просчет — оно недооценило военный потенциал Соединенных Штатов.

В настоящее время новая опасность, которой мы, можно сказать, не знали в прошлом, до коммунистической революции в России, заставила нас внести существенные изменения в нашу разведывательную деятельность. Говоря об опасности, я имею в виду попытки коммунистов после Второй мировой войны подорвать безопасность свободных стран. А поскольку это делается тайно, нам пришлось использовать технические средства разведки, чтобы вскрыть и обезвредить их подрывные акции.

В лице Советского Союза мы имеем противника, который поднял искусство шпионажа на небывалую высоту, разработав новые механизмы подрыва и обмана и превратив подрывные акции в грозный политический инструмент. Ни одна другая страна не пыталась когда-либо делать это в подобных масштабах. Такие операции, которые проводятся в поддержку глобальной политики СССР, временами для видимости отодвигаются на задний план. Это происходит в периоды так называемой «оттепели». Но, повторяю, они не прекращаются и не ослабевают, а просто более тщательно маскируются. Даже провозглашение коммунистами эпохи «мирного сосуществования» не привело к свертыванию подрывной деятельности. Она продолжается с такой же энергией, как и в периоды острых международных политических кризисов. И нашей раз-

ведке приходится выполнять большую часть работы по нейтрализации враждебных акций Кремля, представляющих опасность для нас и наших союзников.

Говорят, что многие советские акции как в области шпионажа, так и подрывной деятельности остались до последнего времени нераскрытыми в ряде стран НАТО. Это не так, их просто-напросто не было, ибо Советы значительно сократили количество операций. Они были вынуждены сделать это, поскольку убедились в том, что свободные страны создали укомплектованные опытными специалистами контрразведывательные организации, которые действуют с возрастающей эффективностью, преодолевая свои недостатки, укоренившиеся в прошлые годы, которые можно назвать «золотым веком» советского шпионажа. Естественно, вместе с нашими союзниками по НАТО и в остальном мире мы очень заинтересованы в безопасности тех государств, с которыми нам приходится делиться теми или иными секретами. Если натовский документ выкраден коммунистами у одного из наших союзников, это столь же пагубно, как если бы он был украден из нашего собственного досье. Значит, настоятельно необходимо международное сотрудничество в сфере разведывательной деятельности.

Союзные и многие дружественные нам страны, не являющиеся формально союзникам, в целом разделяют наш взгляд на коммунистическую опасность. Многие из них могут внести и уже вносят свой реальный вклад в суммарную мощь свободного мира, включая и область разведки (информируя нас, к примеру, о планах коммунистических шпионских служб). Однако некоторые из наших друзей не имеют достаточных средств, чтобы делать все то, что они хотели бы. Поэтому они ожидают: Соединенные Штаты возьмут на себя роль лидера в области разведки, как, впрочем, и

в ряде других областей. Если мы раскроем враждебные планы коммунистов, наши союзники полагают, что мы поможем им распознать опасность, которой подвергнется их собственная безопасность. Да и в наших интересах действовать именно так. И нужно отметить: чрезвычайно отрадной чертой в деятельности американских разведывательных служб в последнее время и беспрецедентным случаем в их долгой истории является все растущее сотрудничество между ними и их партнерами во всем свободном мире, которые перед лицом опасности, одинаково угрожающей всем нам, делают общее с нами дело.

Многих людей, как я полагаю, беспокоит такой непростой вопрос о работе нашей разведки. Так ли уж необходимо, спрашивают они, для Соединенных Штатов с их высокими идеалами и демократическими традициями впутываться непосредственно самим в шпионаж, посыпать самолеты-разведчики «У-2» в полеты над чужой территорией, расшифровывать секретные и личные послания руководителей других стран и читать письма простых людей?

Многие люди понимают, что подобная деятельность необходима в военную годину. Но они сомневаются в том, что такие акции оправданы в мирное время. Шпионим ли мы за друзьями в равной степени, что и за врагами, и вынуждены ли мы поступать таким образом просто потому, что другие, менее щепетильные страны, в которых мораль находится на низком уровне, поступают так по отношению к нам? Я не считаю подобные вопросы неуместными, глупыми или нескромными. И конечно же не рассматриваю их как желание какого-нибудь фанатика-нигилиста задеть нас за живое. Думаю, что раз такие вопросы возникают, это делает нам честь.

Лично я нахожу мало оправданий шпионажу против друзей или союзников в мирное время. Не гово-

ря уже о моральной стороне, у нас имеются другие, гораздо более важные направления использования нашего небезграничного разведывательного потенциала. Тем более, что есть и другие способы получения нужной нам информации, например, по обычным дипломатическим каналам. Конечно, следует принимать в расчет тот исторический факт, что у нас были друзья, ставшие врагами, — Германия, Италия и Япония. Всегда полезно иметь в «банке данных» депонированные для последующего использования базовые разведывательные сведения обо всех странах, большей частью не очень секретные. Помню, что в первые дни Второй мировой войны мы обратились к населению Соединенных Штатов с просьбой предоставить в наше распоряжение любительские и профессиональные фотографии различных районов мира, в особенности островов Тихого океана. У нас тогда просто не было достаточных сведений о состоянии береговой линии, наличии отмелей, о флоре и фауне большинства пунктов, где в ближайшее время могли быть высадены наши войска.

Ответом на вопрос о необходимости ведения разведки, в частности против коммунистического блока, может быть следующее: мы в действительности не находимся с ним сейчас в мирных отношениях, да и прежде не были, поскольку коммунизм объявил войну нашей общественной системе и образу жизни. Мы стоим лицом к лицу с закрытым обществом, в котором доминирует полицейская система. Мы не можем надеяться на то, что удержим свои позиции, когда этот противник, самонадеянный и уверенный в успехе, нанесет неожиданный удар по свободному миру в любое время и в любом месте по своему усмотрению и без всякого предупреждения.

Глава 5

ДОБЫЧА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ

Добыча зарубежной разведывательной информации за рубежом достигается различными путями, причем не все из них являются тайными. Часть полезных сведений получают из открытых источников — газет, книг, учебников, технической литературы, докладов правительства и его ведомств, научных трудов, сообщений радио и телевидения. Даже роман или театральная пьеса могут содержать нужную информацию о положении в стране.

В Советском Союзе имеется два солидных источника открытой информации — газеты «Известия» и «Правда». Первая — правительственный орган, а вторая — партийный. Кроме того, по всей России издаются местные «Известия» и «Правды». В одном из советских анекдотов сказано: в «Известиях» нет никаких вестей, а в «Правде» — никакой правды. Это довольно точное определение, но тем не менее реальный интерес представляет то, что публикуют Советы и что они игнорируют и какую оценку они дают важным событиям, замолчать которые невозможно.

Яркий пример: сравнение опубликованного в печати текста импровизированного выступления Хрущева на одном из высоких собраний с тем, что он сказал в действительности. Его ставшая широко из-

вестной всему миру реплика «Мы вас похороним», брошенная западным дипломатам на приеме в польском посольстве 18 ноября 1956 года в Москве, была опущена в сообщениях советской прессы, хотя услышали ее многие. Официальной печати, по-видимому, разрешили корректировать устные экспромты премьера Хрущева, и, надо полагать, с его согласия. Но реплика Хрущева не осталась незамеченной, ее подхватили западные средства массовой информации. Советский лидер вынужден был дать обстоятельное, успокаивающее мировое общественное мнение объяснение, почему ему пришли на ум такие резкие слова. Следовательно, каким образом и почему исказжаются те или иные высказывания или даже вообще упускаются при публикациях — это не праздное любопытство, а актуальный политический вопрос. Зачастую бывает и так, что для, так сказать, домашнего использования дается одна версия, для стран коммунистического блока — другая, а для остальных иностранных государств — третья, нередко совершенно иная. Важно и то, что, когда коммунистические лидеры рассказывают собственному народу чистейшие небылицы, — это свидетельствует о их слабостях и страхе перед своим же обществом.

Сбор открытой зарубежной информации — в основном дело государственного департамента, сотрудничающего с другими правительственные ведомствами. ЦРУ заинтересовано в этой «продукции» и берет на себя определенную часть работы по ее получению, переводу и анализу.

Очевидно, что сбор и обработка открытой информации в масштабе всего мира требует огромного труда, но работа эта организована хорошо и делится между заинтересованными сторонами с учетом их возможностей. Прослушивание передач

иностранных радиостанций, представляющее для нас большой интерес, пожалуй, самая большая по объему часть такой деятельности. Только страны, расположенные за «железным занавесом», наводняют эфир ежедневно миллионами слов. Конечно, наибольший интерес представляют радиопередачи Москвы и Пекина — и те из них, которые рассчитаны на внутреннюю аудиторию, и те, что направлены на заграницу.

Все эти открытые сведения, образно выражаясь, — зерна для разведывательной мельницы. Но в собираемых горах этих злаков чистого зерна очень мало, и чтобы отделить его от плевел, нужно много хорошо обученного персонала. Например, осенью 1961 года буквально через несколько часов после принятия Советами решения о возобновлении ядерных испытаний мы были уже оповещены об этом важном шаге Москвы. Одной нашей молодой сотруднице на отдаленном пункте прослушивания, несмотря на сильные помехи, удалось поймать отрывок передачи. Она правильно ее оценила и, поняв, что в ней идет речь о важном деле, немедленно передала в Вашингтон. Ее внимательность и сообразительность сослужили нам добрую службу: из потока смертельно скучных слов ей удалось выделить важную информацию.

В свободных странах, где пресса вольна публиковать политическую, экономическую и научно-техническую информацию, какая только покажется интересной, сбор открытых сведений представляет особую ценность для подготовки разведывательных оценок. А поскольку Соединенные Штаты именно такое государство, мы сталкиваемся с тем, что противник активно занимается сбором у нас подобной информации. Советы выхватывают очень важные данные о нас из наших же публикаций, в особенности из технических и научных журналов, стено-

графических отчетов о слушаниях в конгрессе и тому подобного. Для получения этих изданий они часто используют персонал посольств и миссий своих сателлитов в Вашингтоне, поскольку у них нет никаких затруднений в приобретении подобной литературы. А Советы хотят сосредоточить главные усилия на более важных задачах. К тому же они понимают, что польские или чешские агенты вызывают меньше подозрений, чем русские.

Разведка может получить подобную информацию в процессе поддержания официальных отношений своей страны с иностранными государствами. Конечно, для успешных дипломатических переговоров необходимы определенные меры по обеспечению секретности. Получить сведения из такого источника, безусловно, гораздо труднее, чем изучая прессу или слушая радиопередачи. Но информация, собранная по дипломатическим каналам, позволяет разведывательной службе сделать более важные и глубокие выводы. Особенно если она связывается с данными, полученными из других источников. Если министр иностранных дел государства Икс колеблется принять посла Соединенных Штатов в понедельник, то, весьма возможно, потому, что он намерен во вторник встретиться с представителем Советского Союза и надеется извлечь из этого большую выгоду. В дальнейшем же совершенно из других источников мы можем получить определенное представление об этих советских предложениях. Взятые вместе, данные сообщения будут, видимо, иметь гораздо большее значение, чем каждое из них в отдельности.

Сбор открытой информации нужно вести на широком фронте, не жалея усилий, времени и средств. Нельзя отказываться от любой возможности, каждая мелочь полезна. Но иногда возникает такая ситуация: объекты представляют исключительный интерес

для нашего правительства, но агентурные сведения не перекрываются материалами из открытых источников. Или же эти материалы не содержат достаточно деталей, или же неубедительны и недостаточно правдоподобны. Подобные случаи нередко возникают, когда имеешь дело с закрытым обществом. Ведь мы не можем полагаться на то, что публикуют Советы, — не исключено, что они стараются дать ложные сведения по проблемам, которые интересуют наше правительство, или же хотят ввести в заблуждение свой народ. Так что Кремлю никогда нельзя верить сразу — все нужно перепроверить. Даже если Советы предоставляют официальную информацию. Например, опубликованная статистика может восхвалять пятилетний план, расписывать его большие успехи. Но разведка получает данные от компетентных информаторов, что план этот провалился, во всяком случае по некоторым разделам, и что приведенные данные в рублях не соответствуют истинному стоимостному индексу. Фотографии могут быть фальсифицированы, как это было с известной советской публикацией снимка, на котором изображалась груда обломков металлического лома: ее выдали за обломки сбитого «У-2».

Ракеты на военном параде, которые видели и сфотографировали западные корреспонденты и военные атташе, присутствовавшие на Красной площади, тоже могут быть поддельными, муляжами, похожими на боевое оружие, но ничего общего не имеющими с реальными, находящимися на вооружении. Обмануть в таких случаях совсем не сложно. По этой причине, несмотря на простоту сбора сведений из открытых источников, шпионаж, то есть тайный сбор разведывательных данных, должен оставаться главным и самым важным видом разведывательной деятельности.

Тайная добыча секретной информации — прежде всего действенное средство по преодолению препятствий для подхода к объекту. Мы выбираем тот или иной объект. Дело противной стороны взвесит преграды, чтобы мы не проникли туда. Обычно противник знает, какие объекты более всего интересуют нас. Их он охраняет особенно тщательно. Например, когда Советы приступили к испытаниям своих ракет, они выбрали места для стартовых площадок в отдаленных и труднодоступных пустынных районах. Поэтому разведке Соединенных Штатов приходится прилагать неимоверные усилия, чтобы выявить эти важнейшие военные сооружения, скрытые нередко за тысячи миль от проторенных дорог.

Для тайного сбора информации используются люди — агенты, информаторы, связники. В этих целях привлекается и техника: ныне имеются такие технические средства, которые могут «увидеть» то, что не способен заметить человек. Конечно, противник всеми силами будет пытаться помешать применению разведывательной техники, впрочем, как и использованию агентов. Значит, все операции, в которых задействованы и люди, и техника, должны проводиться в строгом секрете. Поэтому мы говорим о тайном сборе информации, который традиционно называют шпионажем.

Суть шпионажа, его альфа и омега — создать возможности для подхода к объекту, получить доступ к нему. И, конечно, так, чтобы не привлечь внимания лиц, которые охраняют этот объект. Затем информация должна быть доставлена тем государственным или политическим деятелям, которым она нужна. И в максимально короткий срок, иначе она может устареть. Само собой понятно: следует принять надлежащие меры, чтобы сведения не утеря-

лись в процессе доставки или же их не перехватил

противник.

Короче говоря, шпионаж является не чем иным, как своего рода хорошо скрытой рекогносцировкой. Ведь шпиону тоже нужно как можно быстрее осмотреть объект. Тайный агент находит путь к нему, устанавливает за ним наблюдение, затем возвращается и докладывает о том, что увидел. Объект обычно достаточно велик и хорошо различим — расположение войск, фортификационные сооружения или, скажем, аэродромы. Иногда агенту удается проникнуть в закрытое помещение, осмотреть его и даже извлечь документы из железного шкафа или сейфа. Но нужно иметь в виду: пребывание его там ограничено. Очень трудно организовать все так, чтобы агент, находясь на объекте, мог докладывать о своих шагах и результатах проникновения прямо с места событий: ведь он попадает туда нелегально и действует скрытно.

Ныне за «железным занавесом» такой метод шпионажа вряд ли адекватен — не только из-за того, что препятствия трудно преодолимы или их невозможно обойти, но и вследствие того, что даже получившие необходимую оперативную подготовку агенты, не смогут собрать достаточную информацию об объекте, ибо уровень их научных или технических знаний недостаточен. Если, к примеру, вы ничего не смыслите в ядерных реакторах, то вряд ли от вас можно ожидать толковой информации, проберись вы хоть в самую секретную лабораторию. Вообще-то даже хорошо разбирающийся в ядерной физике агент, попав на такой объект, не сумеет выполнить разведывательное задание в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. Ибо нужен подробный анализ реальной работы реактора. По этой причине наивно полагать, что туристы

из США и других западных стран, находящиеся в Советском Союзе, могут принести большую пользу в сборе разведывательной информации по ядерной проблеме. Но в пропагандистских целях Советы продолжают задерживать и подвергать аресту наших туристов, чтобы в мире создалось впечатление: Соединенные Штаты в больших масштабах используют для шпионажа даже безобидных путешественников.

Внедрение агента на интересующий объект более важная операция, чем визуальная разведка. В этом случае он не только попадает туда на короткий срок, но и остается там продолжительное время. Каким образом это удается? Чаще всего агент ловко втирается в доверие руководителей государства, где он оперирует, и те, не подозревая ничего плохого, способствуют своему протеже проникнуть на интересующий его объект. Он получает возможность выуживать необходимую информацию у людей, которые ему доверяют и не имеют ни малейшего представления о его истинной роли. Кстати, внедрение — один из самых древних шпионских приемов.

Случай с секретарем Франклина, Эдуардом Банкрофтом, о котором я упоминал в предыдущей главе, — классический пример внедрения агента. Операция такого рода базируется на внешней показной лояльности, которая, к сожалению, зачастую даже не подвергается проверке. Да и осуществить в данном случае проверку не так-то просто, особенно если противники говорят на одном и том же языке и происходят от одного корня. Однако сейчас, когда линия, отделяющая одну нацию от другой, намечена предельно четко и определенно, использовать ложную лояльность в течение длительного времени, да еще при ужесточившемся режиме секретности, ста-

новится все более трудным делом. Хотя иногда и удается. Одной из наиболее известных советских шпионских операций перед началом и в период Второй мировой войны справедливо считают деятельность разведывательной сети на Дальнем Востоке, которую возглавлял Рихард Зорге, немец, токийский корреспондент газеты «Франкфуртер цайтунг». Он ловко использовал свои связи с земляками в германском посольстве в Японии: ему удалось определиться на штатную должность пресс-атташе. Это обеспечило не только отличное прикрытие для работы с японской агентурой, но и возможность лично получать из первоисточника сведения о нацистских планах ведения войны против России, об отношениях между Германией и Японией.

Для достижения своей цели Зорге должен был изображать из себя убежденного нациста, что он и делал, по всей видимости, очень убедительно, хотя всем сердцем ненавидел фашизм. Уполномоченный гестапо в посольстве, сам посол и военный атташе были его друзьями. Если бы гестаповцы своевременно провели расследование прошлого удачливого корреспондента франкфуртской газеты (это сделали лишь после его ареста японцами в 1941 году), они без труда узнали бы: Зорге был коммунистическим агентом и агитатором в Германии в начале двадцатых годов и провел многие годы в Москве.

Вскоре после этого и Запад — США, Англия, Канада — оказался объектом советского шпионажа. Здесь можно назвать таких агентов, как Бруно Понтекорво¹

¹ Понтекорво Бруно Макс — известный ученый-физик, родился в Италии в 1913 г. С 1939 г. член итальянской компартии. С 1940 г. работал в США, Канаде, Великобритании. Участвовал в со-зданении атомной бомбы в США. В 1950 г. приехал в СССР. Получил советское гражданство, вступил в КПСС. В 1964 г. избран членом Академии наук СССР. Лауреат Государственной (1953) и Ленинской (1963) премий. Скончался в 1986 г.

и Клаус Фукс¹, маски с которых были сорваны после войны. В досье некоторых советских агентов, имевшихся в службах безопасности Запада, можно было найти сведения об их коммунистической деятельности в недалеком прошлом. Но поскольку они занимали ответственные посты, на эти старые факты не обращалось должного внимания. Так как выдающиеся ученые — физики или математики — вроде Фукса и Понтекорво переходили с одной работы на другую в союзных западных странах, пребывая один год в Великобритании, другой — в Канаде, третий — в Соединенных Штатах, а также вследствие того, что в научных лабораториях персонал трудился с большим напряжением, и высококвалифицированных сотрудников не хватало, ученого с рекомендациями одной союзной страны принимали на работу в другой нередко без должной проверки на лояльность, полагая, что он ранее уже проходил необходимый контроль. Кроме того, компрометирующие сведения зафиксированные в досье, особенно относящиеся к нацистскому периоду (если ученый происходил из Германии), видимо, зачастую не брались в расчет, поскольку Россия была в то время нашим союзником, а Гитлер — общим врагом. Вместе с тем, несомненно, учитывалось, что победа в войне требовала совместных усилий на-

¹ Клаус Фукс — выдающийся немецкий математик и физик, родился в Германии в 1911 г., член КПГ. В 1933 г. эмигрировал в Англию. Принимал деятельное участие в создании атомной бомбы в США. В 1941 г. из идейных побуждений установил контакт с советской разведкой и сотрудничал с ней до момента своего ареста английской контрразведкой в 1950 г. За это время передал в Москву много ценной информации по технологии производства и конструкции атомной и о разработке водородной бомбы, что существенно ускорило создание советского ядерного оружия. Английский суд приговорил К. Фукса к 14 годам тюремного заключения. В 1959 г. его досрочно освободили и он уехал в ГДР, где вскоре был назначен заместителем директора Института ядерной физики. В 1972 г. был избран членом Академии наук ГДР и членом ЦК СЕПГ. В 1975 г. за научные достижения получил Государственную премию ГДР. Умер в 1988 г.

учных учреждений и талантливых ученых всех стран антигитлеровской коалиции.

Эти промахи, недосмотры и ошибки, допущенные в военные годы, заслуживают всяческого порицания. Полученный суворый урок не должен быть забыт. Мы не можем позволить появление новых Фуксов и Понтекорво. Поэтому проводимая ныне тщательная проверка лиц, предлагающих свои услуги важным учреждениям и предприятиям США, вполне оправдана и абсолютно законна.

Таким образом, намеченный к внедрению агент в наше время должен обладать не только актерскими, но и другими недюжинными способностями. Ведь современные методы проверки и режим секретности значительно усложнились. Следовательно, возросла опасность провала, если в делах или картотеках спецслужб зафиксированы сведения, что данное лицо когда-то представляло собою нечто иное, чем то, за кого пытается себя выдавать сейчас. Пожалуй, единственный способ скрыть прошлое человека в наши дни — это превратить его в совершенно другую личность, чтобы он не вызывал ни малейшего подозрения, прижился во враждебном обществе и смог находиться в нем столько времени, сколько понадобится. Превращение это длится не малое время и включает в себя годы подготовки, чтобы надежно скрыть свое прошлое. Это достигается путем разработки и документального подтверждения легенды — фиктивной биографии.

Если вы, например, родились в Финляндии, а вашим местом рождения по легенде должен стать Мюнхен в Германии, вам необходимо иметь документы, подтверждающие факт вашего появления на свет в этом городе. И вы должны обладать знаниями, которые позволят вам уверенно вести себя, как и некоему лицу, родившемуся и жившему там на-

самом деле. Кроме того, в Мюнхене нужно непременно принять меры для подтверждения вашего происхождения из этого города на случай, если когда-либо там в отношении вас будет проведена проверка. Кстати, Мюнхен в данном случае тоже выбран не случайно. Во время войны он подвергся жестокой бомбардировке союзной авиацией, во время которой были уничтожены записи актов гражданского состояния и другие городские архивы, что существенно затруднит любой контроль.

Агента, который подготовлен таким образом, называют «нелегал». Несколько позже я еще вернусь к методам нелегальной разведки. А пока ограничусь лишь следующим замечанием. Разведслужба идет на такое хлопотное дело, как шпионаж с нелегальных позиций, лишь в том случае, если она намерена предпринять долгосрочные акции, преследующие важные цели.

Если разведывательная служба не может внедрить своего агента на весьма важный для нее объект, в качестве альтернативы она может завербовать кого-нибудь из числа тамошнего персонала. Пусть это будет сотрудник объекта, который пока не имеет доступа к нужной разведывательной информации. Или на вербовку пошел человек, только что начавший делать свою карьеру, которая со временем приведет его в то место на объекте, какое нужно. Главное, что у него есть профессиональная подготовка, он прошел проверку, короче говоря, он уже является на объекте своим человеком. Он внедрен туда, куда требуется, и нужно набраться терпения — так или иначе со временем агент начнет давать отдачу.

Одним из наиболее ценных наших агентов в период Второй мировой войны (подробно рассказ о нем пойдет немного погодя) был человек как раз такого типа. Когда я впервые установил с ним контакт, он уже служил в германском министерстве иностранных

дел, занимая должность, которая давала ему доступ к телеграммам и письмам всех немецких зарубежных представительств. Этот человек, с нашей точки зрения, находился как раз в нужном месте. Ни один из дипломатов за рубежом, какой бы высокий пост он там ни занимал, не располагал таким количеством информации, сколько было у нашего человека. Ведь он имел доступ ко всем наиболее важным досье министерства.

Как бы мы самым тщательным образом ни планировали нашу работу, как бы ни старался наш агент, безупречно игравший роль правоверного нациста, внедрить его в такое учреждение и на такое перспективное место можно было бы только с помощью счастливого случая. В жизни подобное везение встретишь крайне редко. Другое дело приобрести агента прямо на нужном месте. Такая вербовка, несмотря на громадные трудности, имеет то преимущество, что позволяет разведывательной службе сфокусировать все свое внимание на том объекте, куда она собирается проникнуть, установить наиболее важные и уязвимые места, а затем подыскать занятого в этом месте человека, который пойдет на сотрудничество с разведкой. Что легче, приобрести агента на месте или внедрить его в интересующий нас объект? Пожалуй, нужно отдать предпочтение первому методу. Может быть, он и не легче, но уж наверняка перспективнее.

Не случайно в последние годы большинство из известных случаев советского проникновения на важнейшие объекты Запада произошло в результате вербовки агента из числа занятого там персонала.

Дэвид Грингласс хотя и был всего чертежником в Лос-Аламосе¹, но имел доступ к устройству атом-

¹ В Лос-Аламосе (штат Нью-Мехико, США) находится центр ядерных исследований, где впервые была создана атомная бомба.

ной бомбы. Юдиф Коплон сразу после войны работала в отделе министерства юстиции, который занимался регистрацией иностранных агентов в Соединенных Штатах. Она регулярно просматривала попадавшие на ее стол доклады ФБР о результатах расследования случаев шпионажа в Соединенных Штатах и снимала с них копии для Советов.

Гарри Хаутон и Джон Вассал, занимавшие также небольшие должности и занятые в основном административными делами, могли тем не менее добывать ценные технические документы британского Адмиралтейства, где оба работали в конце пятидесятых годов. Депутат бундестага ФРГ Альфред Френцель имел доступ к документам НАТО, которые направлялись в парламентский комитет по вопросам обороны (он состоял его членом в середине пятидесятых годов). Ирвин Скарбек в 1960—1961 годах был лишь административным служащим в нашем посольстве в Варшаве. Он вступил в связь с местной девушкой. Польская секретная служба использовала этот факт для шантажа и его вербовки. Скарбек передал полякам, действовавшим под руководством Советов, некоторые секретные доклады нашего посла государственному департаменту о политической ситуации в Восточной Европе.

Все эти люди уже находились на службе и представляли несомненный интерес для коммунистов даже тогда, когда были только что завербованы. Некоторые из них позже продвинулись по службе, заняв более высокие должности, что сделало их еще более ценными для советской разведки. В отдельных случаях это было достигнуто с тайной помощью Советов. Хаутона и Вассала завербовали еще в период их службы в британских дипломатических представительствах за «железным занавесом». Когда и тот и другой возвратились домой и получили

назначение в Адмиралтейство, доступ их к важным документам, естественно, расширился. Такое произошло бы и со Скарбеком, если последнего в результате осторожных контрразведывательных мер не изолировали бы еще в Варшаве. Не случись этого, он, по-видимому, в течение многих лет мог бы оказывать во все возрастающем объеме услуги Советам, поскольку после окончания своей службы в Польше его собирались командировать в другое посольство Соединенных Штатов.

Советский Союз привлек внимание мировой общественности к случаю с одним из советских граждан, занимавшим важный пост и имевшим доступ к секретным материалам, который по своей собственной инициативе связался с западными разведслужбами и стал с ними активно сотрудничать. Я имею в виду полковника Олега Пеньковского¹, который был арестован Советами и приговорен судом к смертной казни. Так что дело это стало уже достоянием истории. Судебный процесс над ним и англичанином Грэвиллом Винном² продолжался неделю в начале мая 1963 года. До сих пор неясно, почему Советы предпочли «открытый суд», а не сохранили всю эту историю в тайне, что было, конечно, в их силах.

Так или иначе, те материалы, которые следствие представило на рассмотрение суда, убедительно под-

¹ Пеньковский, сотрудник ГРУ Генштаба ВС СССР, в 1961 г. изменил родине и предложил свои услуги английской разведке. Затем к использованию шпиона подключилась разведка США. Нанес немалый ущерб Советскому Союзу. В 1962 г. советская контрразведка разоблачила Пеньковского.

² Грэвилл Винн — кадровый сотрудник английской разведки, часто бывал в конце 50-х — начале 60-х гг. в Советском Союзе и европейских социалистических странах, прикрываясь частной коммерческой деятельностью. Выполнял обязанности связника между Пеньковским и шпионским центром в Лондоне. В 1962 г. был арестован в Венгрии и передан венгерскими властями советской юстиции. Осужден вместе с Пеньковским в 1963 г. Вскоре Винна обменяли на советского разведчика Конона Молодого (Лонсдейла), арестованного в Англии и осужденного к 25 годам тюремного заключения.

твердили, что комбинация западных разведывательных служб несколько лет тому назад была успешно завершена и они получили возможность пользоваться услугами советского полковника, занимавшего важную должность в Советской Армии. Он пользовался доверием Советов, которые разрешали ему выезжать на различные международные конференции в Западную Европу, что давало возможность английской и американской разведкам спокойно встречаться со своим агентом.

Советы заявили, что Пеньковского соблазнили материальными благами. Он, мол, был охочь до вина, женщин и прочих удовольствий. Но это — избитый метод дискредитации личности, действия и мотивы которой в действительности могут быть гораздо более значительными, чем их пытаются изобразить. Ведь Пеньковский был опытным и высокопоставленным офицером, имевшим многие советские правительственные награды, а не каким-то юным искателем приключений, авантюристом. И он, безусловно, не стяжатель, клюнувший лишь на материальные блага. Пеньковского побудили к неординарным действиям более серьезные мотивы, нежели вскрытые на суде и затем многократно повторенные советскими средствами массовой информации. Главная причина в том, что полковник Советской Армии потерял веру в систему, которой он долго и честно служил. Вот почему, какими бы ни были мотивы Пеньковского, дело это типично для шпионажа. Кремлевская иерархия была очень сильно потрясена случившимся: мятежный полковник имел широкий доступ к важной информации. Служебное положение предоставляло ему большие преимущества, ибо ни визуальное наблюдение за объектом, ни агенты-маршрутники, ни использование разведывательной техники не могли заменить

такого источника информации, как Пеньковский. Он находился в нужном месте. Но его надо было найти, установить с ним контакт и убедить, чтобы он начал действовать без опаски, эффективно, с максимальной отдачей для пользы дела, в которое поверил.

Открытые и скрытые методы сбора информации, о которых я веду разговор, очевидно, не вполне достаточны, чтобы одними ими можно было удовлетворить все потребности нашей разведки в настоящее время. Они могут дополняться другими способами, в частности теми, которые используют новейшие достижения науки и техники. Необходимо особо отметить, что много ценных сведений поступают к нам от, так сказать, «добровольцев» — сотрудников коммунистических спецслужб, решивших порвать с Советами и перешедших на нашу сторону. О них я расскажу позже.

Глава 6

СБОР ИНФОРМАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Разведывательной службе потребовался человек, говорящий на суахили и по-французски, имеющий степень бакалавра в области химического машиностроения, холостой, старше тридцати пяти лет и ростом ниже пяти футов. Вы нажимаете на кнопку, и менее чем через сорок секунд электронно-вычислительная машина выдает вам данные, проходит ли по карточке такой человек и если да, то и все необходимые сведения о нем. Подобные машины используются для сортировки и подборки разведывательных сведений.

Это означает, что среди сотрудников разведслужбы, занимающихся анализом и оценкой секретной информации, ныне имеются лица, подготовленные к «технологическому процессу обработки данных» и техническому обслуживанию компьютеров и других комплексных «думающих» машин.

Но и у нас нет иллюзий, что сами ЭВМ могут повысить ценность сведений. Это всегда будет зависеть от надежности источника и мастерства аналитика. То, что машина может делать, это — быстрая и точная выдача данных из громадного банка введенной в нее информации, необходимых для оценки текущих событий. И если до появления машин аналитику требовались недели для подбора и изучения ма-

териалов, собранных в досье, то ЭВМ теперь может выполнить эту работу в течение нескольких минут.

Но сортировка и выдача информации — простая работа в сравнении с тем, что технические средства в настоящее время могут сделать в области сбора сведений. Я говорю не о компьютерах, а о специальных устройствах, разработанных для наблюдения и регистрации того, что происходит на том или ином объекте. Они, эти машины и приборы, созданы для замены человеческих глаз и рук, особенно в тех областях, которые недосягаемы для возможностей людей.

Технические особенности многих современных объектов наводят разведчиков на мысль о возможности создания устройств, которые могли бы вести за ними наблюдение. Если какой-то объект издает шумы или звуки, которые могут быть зафиксированы существующими приборами, то для контроля и наблюдения за ним устанавливается акустическое сенсорное устройство. Если же от объекта исходят волнообразные колебания в земной поверхности, то для их обнаружения используется сейсмографическая аппаратура.

Более того, необходимость наблюдения и измерения эффективности наших собственных испытаний ядерного оружия и ракет ускорило дело усовершенствования оборудования, которое при определенной модификации может быть использовано также для наблюдения за подобными экспериментами в других странах. Радар и высокоточное фотографирование на большие расстояния являются базовыми инструментами технического сбора информации. Еще один вид — сбор и анализ воздушных проб в целях определения наличия радиоактивности в атмосфере. А поскольку радиоактивные частицы переносятся ветрами через национальные границы, нет никакой необходимости в проникновении на территорию противника ни по воздуху, ни по суше для сбора подобных проб.

В 1948 году наше правительство установило круглосуточный контроль за атмосферой путем использования авиации для обнаружения проведения испытаний атомного оружия. Первое доказательство советского атомного взрыва в азиатской материковой части СССР было получено как раз этими средствами в сентябре 1949 года, к удивлению всего мира и многих ученых, полагавших на основании имевшихся тогда данных, что Советы «не смогут иметь бомбы» в течение еще долгих лет. Усовершенствование технических средств сделало для нас возможным не только обнаружение факта проведения атомного взрыва, но и определение мощности и типа взорванного атомного устройства или оружия.

Такая эволюция, которую следовало ожидать, по-видимому, побудила противника, обнаружившего, что его испытания фиксируются нами, принять контрмеры также на высоком технологическом уровне. В результате в настоящее время вполне возможно с помощью специальных экранов существенно изменить параметры ядерных взрывов как подземных, так и в верхних слоях атмосферы. В первую очередь это касается искажения характеристик по мощности и типу — своего рода дезинформационная акция. Поэтому следующим раундом этой незримой схватки должна стать разработка нашими учеными и инженерами соответствующих средств, чтобы нейтрализовать контрмеры противника.

Затянувшиеся в последние годы переговоры с Советами по вопросам разоружения и запрещения ядерных испытаний включает в себя и эти проблемы. К тому же открытым остается вопрос о проведении целого комплекса секретных исследований, которые мы, как и Советы, посвящаем, с одной стороны, защите испытаний ядерных устройств, а с другой — их обнаружению вопреки защите, какой бы она ни была.

Современная техника пытается установить контроль и наблюдение за научными и военными экспериментами и испытаниями других стран, сосредотачивая свое внимание на, так сказать, «побочных эффектах» этих испытаний. Космические исследования, напротив, предоставляют другие шансы для контроля. Искусственные спутники Земли при помощи электронных сигналов и телеметрии посыпают с орбит данные о своих технических характеристиках, а также сведения об условиях в открытом космосе и вблизи небесных тел. Эти сигналы, конечно, предназначены для баз и наземных станций страны, которая произвела их запуск. Как и в случае с обычным радиопосланием, никто и ничто не может воспрепятствовать кому-либо, у кого есть соответствующие средства, перехватить эти сигналы. Вполне понятно, что государства, конкурирующие в области космических экспериментов, будут стараться перехватить друг у друга подобную телеметрию, чтобы определить, куда направлены чужие эксперименты и насколько успешно они проходят. Здесь все дело заключается в правильном прочтении сигналов.

Многие важные военные и технические объекты являются к тому же стационарными и не могут изменить своей дислокации или характера деятельности так, чтобы их нельзя было обнаружить, проследить, проконтролировать или перехватить. Заводы, верфи, арсеналы, ракетные базы в процессе строительства не дают очевидных данных о своем существовании, которые можно было бы зафиксировать на расстоянии. Чтобы обнаружить подобные сооружения, необходимо либо подойти к ним на близкое расстояние, либо расположить прямо над ними на очень большой высоте фотокамеры с большой разрешающей способностью. Это мы сделали с помощью самолета «У-2», который мог собирать информацию

на большой скорости, более точно и надежно, чем любой секретный агент на земле. В определенной степени успех, достигнутый нашим самолетом-разведчиком, можно было бы сравнить лишь с добычей технической документации непосредственно из советских учреждений и лабораторий агентурным путем. «У-2» ознаменовал новую ступень, а может быть даже не одну, а несколько ступеней, в деле добычи разведывательной информации. Томас Гейтс-младший, бывший министром обороны Соединенных Штатов во время инцидента с самолетом «У-2», дал 2 июня 1960 года следующее показание перед сенатским комитетом по международным отношениям:

«Благодаря этим полетам мы получали информацию об аэродромах, авиации, ракетах и их испытаниях, складах специального вооружения, строительстве подводных лодок, атомной продукции и дислокации авиационных соединений... короче говоря, — все виды жизненно важной информации. Эти результаты учитывались при составлении наших военных программ. Естественно, мы были главными и первыми заказчиками, больше всех заинтересованными в таких сведениях».

В более позднее время благодаря высотным разведывательным полетам самолетов «У-2» мы получили неопровергимые доказательства о наличии советских ракет среднего радиуса действия на Кубе (это случилось примерно в конце октября 1962 года). Их отчетливо рассмотрели на фотоснимках, поскольку строительство ракетных баз находилось в стадии завершения, и маскировочные работы не были еще закончены. Если бы ракет не обнаружили, то эти базы представили бы собою смертельную опасность для нашей страны, да и всего западного полушария.

В данном случае можно говорить о счастливом сочетании классических методов сбора информации

с научными методами, что принесло чрезвычайно ценные результаты. Наши секретные агенты и кубинские эмигранты сообщали, что на острове ведется строительство каких-то объектов, похожих на ракетные базы. Они указали районы, где шло строительство, а это повлекло за собою необходимость получения новых доказательств путем авиационной рекогносцировки.

Красноречивое доказательство ценности научного сбора информации, проверенного не одну сотню раз, дано Уинстоном Черчиллем в его книге об истории Второй мировой войны¹. Он описывает использование англичанами радара в битве за Британию в сентябре 1940 года и применение установок, с помощью которых посылаемые из Берлина сигналы, по которым ориентировались немецкие бомбардировщики при налетах, грубо искалились. Черчилль называет все это «войной ведьм» и заканчивает свое повествование словами: «Если бы британская наука не доказала свое превосходство над немецкой, а ее скрытые резервы не были эффективно использованы в борьбе не на жизнь, а на смерть, мы могли бы потерпеть сокрушительное поражение, а затем нас просто уничтожили бы».

В заключение следует сказать: наука все больше становится неотъемлемой частью разведывательной службы. Мы ведем жесткую конкурентную борьбу в научной сфере с коммунистическим блоком, и в частности с Советским Союзом, и должны предпринять все, чтобы сохранить за собой ведущие позиции. В один прекрасный день это может стать для нас столь же важным, как радар для Великобритании в 1940 году.

¹ Вторая мировая война. Хаутон, Миффлин и К°, 1948—1953.
(Примеч. автора.)

Шпионаж имеет в своем арсенале и другие технические средства, в принципиальное устройство которых входят микрофон и передатчик, обеспечивающие непрерывное поступление потока речевой информации с объекта на расположенный неподалеку подслушивающий пост. Широкой публике это известно как «прослушивание телефонов» и установка «аудиосенсорных устройств». Звуковой контроль — «подслушивание», как его называют в разведке, требует отличного электронного оборудования, хитрых методов его маскировки и агента — человека, который мог бы проникнуть в нужное помещение и скрытно установить там электронное устройство.

Генри Лодж¹ продемонстрировал в начале июня 1966 года в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке макет государственной печати Соединенных Штатов, который висел в кабинете американского посла в Москве. Туда Советы вмонтировали крошечное устройство, которое при включении передавало на советский подслушивающий пост все, о чем говорилось. Впрочем, установка этого устройства не составила Советам большого труда, поскольку каждое иностранное посольство в Москве вынуждено приглашать на работу местных электриков, телефонистов, водопроводчиков, уборщиц и другой обслуживающий персонал. Советская контрразведка привлекает этих людей к сотрудничеству и заставляет участвовать в подобных операциях. Кроме того, КГБ может внедрить в обслуживающий персонал своего сотрудника, который под

¹ Л одж Г енри К ёбот-младший — американский политический деятель и дипломат. В 1953—1960 гг. постоянный представитель США в ООН и представитель США в Совете Безопасности.

видом техника выполнит работу по установке подслушивающих устройств.

В Советской России и в большинстве городов стран-сателлитов существует практика выделения в гостиницах специальных номеров, предназначенных для иностранцев и оборудованных подслушивающей аппаратурой. Там не бросаются спешно устанавливать микрофоны, если на сцене появляется «интересный» иностранец. Необходимые приспособления уже на месте, и дело лишь за тем, чтобы поместить туда заезжего гостя. Все гостиницы принадлежат государству и имеют постоянных полицейских осведомителей среди обслуживающего персонала, которые обязаны следить за тем, чтобы иностранцы были поселены в специальные номера.

Когда канцлер Аденауэр в сентябре 1955 года нанес известный визит в Москву, чтобы обсудить вопрос о возобновлении дипломатических отношений между Россией и Западной Германией, он совершил свою поездку на специальном поезде. По его прибытии в Москву Советы, к своему огорчению, узнали, что хитрый канцлер (он не мог воспользоваться помещением посольства ФРГ, где ему была бы предоставлена безопасная резиденция, поскольку дипломатического представительства ФРГ в Советском Союзе тогда еще не существовало) намерен проживать в своем поезде и не собирался воспользоваться советским «гостеприимством», поселившись в апартаментах какой-нибудь гостиницы для иностранцев высокого ранга. Говорили, что немецкие специалисты оборудовали поезд канцлера самыми современными устройствами против подслушивания.

За пределами своей страны разведывательная служба должна считаться с возможностью возникновения неприятностей, если будет обнаружен факт, что она нелегально проникла в официальное помещение

и установила там подслушивающее устройство. Как и во всех шпионских операциях, вся сложность заключается в том, чтобы найти достаточно квалифицированного специалиста, который взялся бы за выполнение такой миссии из патриотических или идейных побуждений или же ради материальной заинтересованности. Известен случай, когда Советам удалось установить микрофоны в горшки с цветами, украшавшие служебные помещения одного из западных посольств в нейтральной стране. Управляющий домом, имевший слабость к спиртному, был рад оказать услугу за небольшое вознаграждение. Он даже не знал, кто были эти люди, которые время от времени брали горшки с цветами и заменяли их новыми, и понятия не имел, что они с ними делали.

В принципе вряд ли найдется электронное устройство, против которого нельзя было бы предпринять контрмеры. При этом сами приборы могут быть не только обнаружены и нейтрализованы, но иногда и использованы против тех, кто их установил. И уж если они обнаружены, то часто имеет смысл оставить их на прежнем месте в целях подпитки другой стороны ложными или вводящими в заблуждение сведениями, то есть дезинформацией.

В своих дипломатических учреждениях за рубежом Советы и их спутники весьма опасаются установки подслушивающих устройств противной стороной. В здания, занимаемые ими, не допускают местный обслуживающий персонал для установки телефонов и даже проводки простейших электросетей. Советские инстанции стараются послать за границу собственных техников и электромонтёров по дипломатическим паспортам с временным сроком пребывания — пока идут монтажные работы. Однажды сотрудники службы безопасности одного из советских посольств, видимо, заподозрили,

что к зданию подведена проводка для подслушивания, и послали целую команду землекопов в столицу — не будем называть какую, — где находилось данное посольство. Все работяги получили дипломатические паспорта. К большому развлечению местных властей эти так называемые дипломаты в течение нескольких недель появлялись в рабочих комбинезонах с лопатами в руках, чтобы отрыть траншею глубиной от четырех до пяти футов вокруг здания посольства в поисках якобы спрятанных в земле проводов, подведенных к посольству. Само собой разумеется: они так ничего и не нашли.

КОДЫ И ШИФРЫ

«Джентльмены, — сказал в 1929 году государственный секретарь Стимсон, — не читают чужих писем». Сказал и запретил дальнейшую деятельность криптоаналитической службы, единственного учреждения, занимавшегося в то время в США чтением зашифрованной дипломатической переписки других государств. Позднее — во время Второй мировой войны, когда Стимсон был военным министром, он стал понимать, какую важную роль играет разведслужба, включая и ту ее часть, которую мы ныне называем «разведкой средств связи». Когда судьба страны и жизнь ее солдат поставлены на карту, джентльмены начинают читать чужие письма, если они попадают в их руки.

Я не говорю, конечно, об обычной почте, хотя почтовая цензура сама по себе довольно часто играла существенную роль в разведывательной деятельности. Но почтовая цензура занята, по сути дела, лишь одним — обнаружением писем и телеграмм, содержащих открытым или тайным текстом шпионские сведения. Технические устройства здесь фактически не исполь-

зуются. Что же касается современной разведки средств связи, то это — область сложнейшей техники. Тут в ходе непрерывной войны умов задействованы талантливые математики, идет ожесточенная битва за научную информацию, о чем я уже упоминал.

Каждое правительство предпринимает непрерывные усилия для разработки не поддающихся расшифровке систем связи, защите их и обслуживающего персонала. В то же время оно пытается сделать все возможное, чтобы получить доступ, а еще лучше проникнуть в линии связи других правительств, политика которых приносит ему наибольшее беспокойство. Содержание официальных правительственные сообщений и посланий политического или военного характера, связанных с наиболее чувствительными и щепетильными проблемами, особенно в периоды кризисов, самые секретные разведывательные данные — вот что правительство надеется получить в ходе использования средств связи другого.

Существует большая разница в дилетантской и профессиональной терминологии в этой области. Если я буду придерживаться выражений любителей, то наверняка вызову раздражение профессионалов, а если стану применять профессиональную терминологию, то, очевидно, быстро надоем дилетантам и приведу их в раздражение. Поэтому я постараюсь быть краток. В коде какое-то слово, символ или группа символов заменяет другое, вполне определенное слово, группу слов или даже законченную мысль. Таким образом «ХЛМДП» или «79648» — в зависимости от того, используется буквенный или цифровой коды, будут означать «война», и каждый раз, когда они появляются в сообщении, это именно то, что имеется в виду. Правительство Японии ввело в действие свой код, известный под названием «Восточный ветер», для переписки с дипломати-

ческим представительством в Соединенных Штатах только для того, чтобы с помощью простейших, заранее обусловленных кодовых слов предупредить японских агентов о предстоящем нападении на американцев в Тихом океане.

В шифре для каждой отдельной буквы слова используется символ в виде буквы или цифры. Таким образом, «б» или «2» могут означать «е» или какую-то другую букву. В простейших шифрах тот же самый символ используется для обозначения одной и той же буквы. В сложных шифрах, применяемых ныне, символ обозначает различные буквы, изменяющиеся каждый раз. Иногда текст сначала кодируется, а затем шифруется.

Вооруженные силы Соединенных Штатов смогли прибегнуть к использованию усложненных кодов в период Первой мировой войны, а в отдельных случаях и во Второй — для обеспечения связи между воинскими частями на поле боя. В их основу были заложены выражения из языков аборигенов — различных племен американских индейцев, главным образом навахов. Этот язык, не имевший письменности, никогда не изучался иностранными студентами. Два представителя одного племени на обоих концах полевой телефонной линии связи могли передавать сообщения, которые никто из слушающих, за исключением навахов, не мог понять. Не стоит даже говорить, что ни у немцев, ни у японцев навахов не было.

В современной терминологии слово «крипт» означает что-то «скрытое» и обычно применяется для обозначения различия между простым текстом и кодами и шифрами, поскольку относится ко всем методам трансформации «обычного» или «открыто-го» текста в символы. Всеохватывающим термином для этого вида деятельности в настоящее время является «криптология». Однако здесь тем не менее

следует различать две различные области. Криптография занимается разработкой, изобретением или защитой кодов и шифров, которыми пользуется свое правительство и его учреждения. Криптоанализ же раскрывает чужие коды и шифры — дешифрует их, то есть переводит перехваченное сообщение на обычный язык. Подвергнуть собственное сообщение кодированию или шифровке значит «зашифровать» его. Но когда мы переводим свое собственное послание опять на обычный язык, то занимаемся «дешифровкой».

Криптограмма — это какое-либо закодированное или зашифрованное сообщение. «Коммуникационные разведывательные данные» — так называют сведения, полученные в результате успешной деятельности криптоаналитиков по обработке текстов, перехваченных на линиях связи. А теперь, когда мы окончательно запутали читателя, можно перейти к сути вопроса.

Дипломатические службы, вооруженные силы и разведывательные органы любой страны используют секретные коды и шифры для передачи срочных секретных сообщений на большие расстояния. При этом используется радиосвязь, а также коммерческие или специальные правительственные средства связи. Любой человек может слышать, как производится радиообмен. Это никому не возбраняется. Каждый вправе зафиксировать передачу радиосигналов — тут нет ничего противозаконного. Это распространяется и на любое правительственное учреждение и на само правительство. Последнее может получать копии зашифрованных сообщений, которые иностранные дипломаты, находящиеся на территории данной страны посыпают своему правительству по коммерческим средствам связи — телеграфу, телефону, радио. Проблема в том, чтобы

раскрыть использованные в них коды и шифры — расшифровать их.

Одни коды и шифры могут быть расшифрованы криptoаналитиками путем математического анализа перехваченных сообщений, другие же — более драматично или, наоборот, проще — агентурным путем: нужно только добыть копии кодов, кодовых книг или получить информацию о шифровальных устройствах, используемых противником.

На заре нашей дипломатической службы, вплоть до Первой мировой войны, вопрос о кодах решался спонтанно, порою кавалерийским наскоком, из-за чего часто случались непредсказуемые последствия. Вспоминаю историю, рассказалую мне в назидание, когда я был еще молодым сотрудником ведомства иностранных дел. В 1913 году пост нашего посланника в Румынии занимал достойный уважения политик со Среднего Запада, сделавший много хорошего для своей партии. В порядке поощрения его направили в Бухарест посланником. Конечно, он был новичком в дипломатических играх, коды и шифры мало что для него значили. В те дни наша система тайных посланий базировалась на книге кода, назову его «розовым кодом», хотя не этот цвет был избран на самом деле для его названия. Я провел тысячи беспокойных часов над этой книгой, которую с тех пор не видал вот уже более сорока лет. Но и сейчас еще точно помню, что в ней было шесть или семь слов, обозначающих «период». Одним из них было «ПИВИР» и другим — «НИНУД». Другие четыре или пять я не буду называть, так как их уже твердо не помню. Суть же заключалась в том — а это было достаточно наивным, — что, имея эти шесть или семь слов, мы сумеем запутать противника так, что он не сможет разобрать каждое предложение нашего текста.

Наш новоиспеченный посланник выехал из Вашингтона с «розовым кодом», опечатанным в большом конверте, и благополучно добрался до Бухареста. Предполагалось, что код будет храниться в одном из сейфов дипломатической миссии. Однако надлежащее обращение со сложным замком сейфа не являлось сильной стороной новоиспеченного дипломата, и он вскоре счел более удобным класть код под свой матрац, где тот и находился спокойно в течение нескольких месяцев. Но однажды пакет исчез, а в нем все коды и, главное, кодовая книга посланника. В последующем было высказано предположение: все эти секреты отправились прямиком в Санкт-Петербург.

Новый посланник попал в большое затруднение, из которого он, как опытный политик, быстро и изобретательно нашел приемлемый выход. В то время обмен кодированными посланиями с Бухарестом был относительно прост и в основном касался вопроса об иммигрантах в Соединенные Штаты из Румынии и Бессарабии. Поэтому, когда у главы миссии оказалось полдюжины закодированных посланий, полученных им из Вашингтона, он сел в поезд и отправился в Вену, где нанес визит нашему тамошнему посланнику. В ходе беседы визитер из Бухареста как бы между прочим сказал, что как раз перед своим отъездом получил несколько депеш из госдепартамента, но не имел времени расшифровать их и поэтому захватил с собой эти шифротики в надежде, что венский коллега предоставит ему возможность воспользоваться своим «розовым кодом». (В те добрые старые времена мы разослали одни и те же кодовые книги во все наши дипломатические миссии.) Посланник в Вене оказал ему такую любезность, и наш герой прочитал полученные послания и зашифровал ответные письма. За-

тем сел в поезд, вернулся в Бухарест и постепенно, через определенные промежутки времени, отоспал в Вашингтон закодированные ответы. Всё сошло довольно гладко. Исчезновение кодовой книги он скрывал до августа 1914 года, который принес с собой поток посланий и сообщений из госдепартамента о драматических событиях, приведших к развязыванию Первой мировой войны. Положение нашего бухарестского посланника стало критическим. Во-яжи в Вену уже не могли спасти его. Он был вынужден признаться в том, что допустил халатность и нарушил долг. В итоге последовала отставка и возвращение в США.

Неконтролируемые события и бедствия войны иногда раскрывают противнику криптографические материалы, которыми пользуется другая сторона. Скажем, штаб какой-нибудь войсковой части подвергается внезапному нападению, и в суматохе поспешного отхода кодовые книги могут оказаться в руках противника. Немало подобных случаев имело место в ходе Первой мировой войны на море. Особенно повезло англичанам: с затонувших немецких кораблей они подняли уцелевшие коды, что дало им возможность ознакомиться с секретными военными и дипломатическими документами Берлина. В самом начале войны русские потопили немецкий крейсер «Магдебург» и обнаружили в руках одного из погибших германских моряков книгу морского кода, которую немедленно передали своим британским союзникам. Операции англичан по подъему затонувших немецких подводных лодок в некоторых случаях также приводили к подобным находкам. А в 1917 году два немецких дирижабля, возвращавшихся из рейда на Англию, попали в шторм и были вынуждены приземлиться на территории Франции. Среди найденных в них материалов были обнаружены закодиро-

ванные карты и книга Кода, используемого немецкими подводными лодками в Атлантике.

Военные операции, спланированные с учетом данных о противнике, которые почерпнуты из его раскодированных документов, заканчиваются, как правило, успешно. Когда немцы сообразили, что их подводные лодки обнаруживаются и берутся в клещи англичанами удивительно часто, им было нетрудно догадаться: шифровки, которыми обменивается штаб подводного флота с субмаринами, читаются противником. Все коды немцы немедленно заменили.

Нередко возникает проблема: как поступать с информацией, полученной путем чтения шифровки противника. Можно рискнуть и использовать полученные сведения немедленно для достижения военного или дипломатического успеха. Или же продолжать сбор данных во все больших масштабах, накапливать сведения о передвижениях противника, его действиях и планах, чтобы при благоприятном стечении обстоятельств нанести ему возможно большие потери.

На практике обычно стараются не раскрывать источник ценной информации, сохранить его как можно дольше. Излюбленный прием в таких случаях — передача противнику фальшивых доказательств, что получаемые сведения мы добываем совсем иным способом. Иногда даже отказываются от операций, которые нанесли бы противнику немалые потери, если есть опасение, что их проведение насторожит врага и натолкнет его на мысль: информация могла быть получена лишь в результате прочтения его шифрованных сообщений.

В период мировой войны 1914—1918 годов первая серьезная американская криптоаналитическая акция была проведена под эгидой военного министерства. Сотрудники 8-го отдела военной развед-

ки, занимавшиеся чтением кодированных и шифрованных сообщений, предпочитали называть свое подразделение «черным кабинетом». Это наименование в течение нескольких столетий использовалось для обозначения секретных бюро почтовой цензуры в большинстве европейских стран. Группа дилетантов, пришедшая на службу в начале войны, под руководством Герберта Ярдли, бывшего телеграфного оператора, к 1918 году стала первоклассной профессиональной командой, успешно разгадывавшей тайны зашифрованных документов. Одним из выдающихся достижений этого отдела после Первой мировой войны было раскрытие японских дипломатических кодов. Во время переговоров на Вашингтонской конференции по разоружению в 1921 году Соединенные Штаты добивались получить согласие японцев на то, чтобы морские силы США и Японии находились в соотношении 10:6. Представители Страны восходящего солнца прибыли на конференцию с твердым намерением добиться соотношения 10:7. В дипломатии, как и в торговой сделке, вы получаете громадное преимущество, если заранее узнаете, что ваш конкурент готов в случае необходимости отойти на запасные позиции. С помощью сотрудников «черного кабинета» наше правительство своевременно ознакомилось с японскими намерениями и узнало, что японцы готовы согласиться на снижение соотношения до желаемой нами величины, если США будут твердо настаивать на таком решении. Вследствие этого мы смогли усилить нажим на партнеров по переговорам, не рискуя сорвать конференцию.

«Черный кабинет» сохранялся до 1929 года и работал в основном на госдепартамент, когда глава дипломатической службы Стимсон отказался от дальнейших услуг этого подразделения и оно было расфор-

мировано. Макджордж Банди, биограф Стимсона, дает по этому поводу следующее объяснение:

«Стимсон избрал своим руководящим принципом в вопросах международной политики тот, которому всегда старался следовать в личных отношениях: доверяй людям, и они будут оказывать доверие тебе. В этом духе он и принял решение, за которое впоследствии неоднократно подвергался критике: ликвидировал так называемый «черный кабинет»... Но он никогда об этом не сожалел... Стимсон, будучи госсекретарем, вел себя как джентльмен по отношению к джентльменам, которые были присланы к нам в качестве послов и посланников из дружественных стран»¹.

Наши армия и флот начали, к счастью, заниматься проблемами криптоанализа еще в конце двадцатых годов. Главное внимание обращалось на Японию, поскольку американская военная доктрина в то время рассматривала Страну восходящего солнца как потенциального противника Соединенных Штатов номер один в будущей войне. К 1941 году, когда произошло нападение на Перл-Харбор, наши криптоаналитики раскрыли большую часть важнейших японских морских и дипломатических кодов и шифров, в результате чего мы заблаговременно получили сведения о надвигающейся агрессии Японии на Тихом океане.

Битва у острова Мидуэй в июне 1942 года явилась поворотным пунктом морской войны на Тихом океане. К ней мы стремились, поскольку знали из дешифрованных сообщений, что основные силы японского императорского флота были сконцентрированы именно там. Эта разведывательная информация содержала данные о численности и диспози-

¹ Генри Стимсон и Макджордж Банди. На службе в годы мира и войны. Харпер энд бразерс, 1948. (Примеч. автора.)

ции сил противника, что дало возможность нашему флоту осуществить внезапное нападение.

После Перл-Харбора перед нами возникла серьезная проблема: как сохранить в тайне то, что нам удалось раскрыть японские коды. Волна расследований, взаимные обвинения, стремление различных ведомств и служб возложить вину на кого-то другого за потрясающие американские потери в живой силе, боевых кораблях и технике накалили атмосферу в стране. Общественность требовала ответа у правительства. В таких условиях могла произойти утечка информации, чреватая тем, что стал бы известен источник ценнейших сведений. К счастью, этого не случилось. Ведь до тех пор, пока мы не создали военно-морской флот, превосходящий военно-морские силы Японии, чтение зашифрованных японских сообщений было одним из немногих преимуществ, которыми мы располагали в битве со Страной восходящего солнца. Правда, временами кое-какие утечки происходили, но все же не было ни одного случая, который вывел бы японцев прямо на наш источник.

В 1944 году Томас Дьюи, выставивший свою кандидатуру на пост президента против Рузельта, узнал, как, впрочем, и некоторые другие лица, стоявшие близко к федеральному правительству, о наших достижениях в раскрытии японских кодов и об очередном провале перед событиями в Перл-Харбore, когда мы не смогли наилучшим образом воспользоваться имеющейся в наших руках информацией¹.

¹ Разведка Вашингтона в результате чтения зашифрованных японских дипломатических документов задолго до нападения на Перл-Харбор знала о готовящейся агрессии Японии против США. Эти сведения были доложены высшему военному командованию и правительству. Но там их не приняли всерьез. Причина в том, что подавляющее большинство американских руководителей были убеждены: Япония выступит против Советского Союза, а в отношении США она блефует. Это мнение окончательно взяло верх после нападения Германии на СССР. Поход японской армии против северного соседа считался вопросом ближайшего времени.

Возникло опасение, что кандидат от республиканской партии возьмет да и скажет об этом в перепалках избирательной кампании. Такая мысль бросала в дрожь начальников объединенных штабов. Генерал Маршалл¹ написал личное письмо Дьюи, в котором сообщил: японцы до сих пор не знают, что нам удалось раскрыть их коды. Он подчеркнул, что мы добиваемся военных успехов в результате перехвата и дешифровки их сообщений и донесений. И Дьюи ни разу в своих выступлениях не упомянул, что мы читаем японские кодированные сообщения. Тайна была сохранена.

Одна из наиболее захватывающих операций разведки средств связи — дешифровка так называемой телеграммы Циммермана в январе 1917 года, когда Соединенные Штаты находились на грани вступления в Первую мировую войну².

Честь раскусить этот орешек выпала экспертам из «комнаты номер 40». Так тогда называли криptoаналитический центр Великобритании. Телеграмму послал министр иностранных дел Германии Циммерман из Берлина немецкому посланнику в Мексико. В ней излагался план возобновления неограниченной подводной войны с 1 февраля 1917 года. При этом не исключалась возможность, что такая акция побудит Соединенные Штаты вступить в вой-

¹ М а р ш а л л Джордж Кэтлетт (1880—1959) — государственный и военный деятель США, генерал армии. В 1939—1945 гг. — начальник штаба армии США. Затем два года был специальным представителем президента Трумэна в Китае. В 1947—1949 гг. — государственный секретарь США. Принимал деятельное участие в разработке политического курса Вашингтона, известного под названием «доктрины Трумэна», и послевоенной программы американской помощи западно-европейским странам (план Маршалла). В 1950—1951 гг. министр обороны. Затем отошел от активной государственной и политической деятельности.

² Эта история очень хорошо изложена в книге Барбары Тачмен «Телеграмма Циммермана», Нью-Йорк, издательство «Викинг», 1958 г. (Примеч. автора.)

ну. Посланнику предлагалось оказать воздействие на Мексику, чтобы она тоже включилась в вооруженный конфликт, но на стороне Германии. За это после победы мексиканцы получат обратно «потерянные территории — Техас, Нью-Мексико и Аризону».

Адмирал Холл, легендарный начальник британской морской разведки, куда входил криптоаналитический центр, продержал у себя это сообщение более месяца. У него были свои проблемы. Прежде всего, как передать расшифрованный текст американцам и убедить их в его достоверности, обеспечив при этом самую строгую секретность, чтобы немцы ни в коем случае не узнали, что в Лондоне раскрыли их код. В конце концов ситуация побудила лорда Бальфура, министра иностранных дел Великобритании, официально передать послание Циммермана американскому послу в Лондоне. Белый дом и госдепартамент расценили сообщение как настоящую сенсацию. Его, естественно, нужно было проверить. Перед нами возникла серьезная проблема: во-первых, как это сделать, а во-вторых, каким образом распространить соответствующую публикацию, чтобы не сложилось впечатление — это, мол, англо-американский трюк, цель которого вовлечь Соединенные Штаты в войну. Мой дядя Роберт Лансинг, в то время государственный секретарь, позже рассказал мне о драматических событиях, последовавших за получением информации из Лондона, которая вплотную приблизила Америку к войне.

Ситуация осложнялась тем, что немцы использовали дипломатическую связь со своим послом в Вашингтоне графом Бернсдорфом для передачи сообщения германскому посланнику в Мехико. Президент Вильсон разрешил Берлину пользоваться нашей телефонной линией между Европой и США при

том условии, что передаваемые депеши будут служить мирным целям.

Когда президент узнал, для чего немцы используют его любезное согласие, он очень расстроился. Но нет худа без добра. То, что немцы нарушили свое обещание и воспользовались нашей линией связи для недобрых дел, обернулось для нас большой пользой. Во-первых, госдепартамент получил в свое распоряжение копию телеграммы Циммермана Бернсдорфу, конечно не имея ни малейшего представления о ее содержании. Чтобы установить тождество расшифрованного текста, он был переслан в наше посольство в Лондон, где один из специалистов адмирала Холла снова зашифровал его в присутствии одного из американских дипломатов, что сняло всякие сомнения в отношении истинного содержания телеграммы. Во-вторых, тот факт, что расшифрованный текст телеграммы видели некоторые немецкие дипломаты как в Вашингтоне, так и в Мехико значительно помог в решении той важной проблемы, которая причиняла адмиралу Холлу столь много забот и хлопот: каким образом одуречить немцев и не дать им возможность установить истинный источник, откуда была получена эта информация. В конце концов у немцев сложилось впечатление, что содержание телеграммы дошло до них в результате чьей-то небрежности, а возможно, сведения были похищены в одном из германских дипломатических представительств или мексиканских правительственные учреждений, имевших ее копию. Поэтому они продолжали использовать те же коды, проявив тем самым удивительную тупость. Против этого мы, естественно, ничего не имели. Первого марта 1917 года государственный департамент передал текст телеграммы для опубликования агентству Ассошиэйтед Пресс. На американский на-

род сообщение произвело впечатление разорвавшейся бомбы. В апреле мы объявили войну Германии.

Если сравнить применяемые ныне криптографические системы с теми, которым правительства в Первую мировую войну доверяли жизненно важные тайны, то последние кажутся несовершенными и дилетантскими, в особенности из-за использования часто повторяющихся символов, за которыми скрыты важные слова и понятия. Когда криптоаналитики адмирала Холла обнаружили в телеграмме Циммермана цифровую комбинацию «67893», они уже знали, что это «Мехико». Такая комбинация уже встречалась им в других шифровках. И всегда это было «Мехико». Сейчас же ту или иную группу цифр никогда не повторят для обозначения одного и того же слова.

В настоящее время при передаче официальных правительственные сообщений и посланий используются комплексные и весьма надежные криптографические системы. Они же применяются и для связи с агентурой. Советские агенты, например, для своих донесений в Москву предпочитают весьма изощренные шифровые системы. Но и здесь, как, впрочем, и во всех других областях, с развитием защитных мер разрабатываются и адекватные контрмеры для их преодоления.

Глава 7

ПЛАНИРОВАНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ

Вопросы, интересующие разведывательную службу, столь многочисленны и разнообразны, что необходима четкая система организации процесса сбора информации. Это по логике вещей является обязанностью разведывательного центра. Только у него есть полная картина всего мира и только он знает, какие требования выдвигает в данный момент правительство, что ему нужно именно сейчас, а что через месяц или год.

Без руководства и указаний офицеры разведки в различных частях света могут зря потратить уйму времени на дублирование той работы, которую уже делают другие. В результате в нашей информации могут возникнуть серьезные пробелы. Офицер разведки на своем посту за рубежом не в состоянии объективно и полно оценить проведенную им операцию.

Наше правительство определяет цели разведки и характер информации, которая ему нужна. Оно устанавливает приоритеты между этими целями в зависимости от их важности и срочности. Например, советские межконтинентальные баллистические ракеты имеют приоритет перед продукцией металлургической промышленности. Вопрос о том, вмешается ли Советский Союз в войну в Лаосе или

воздержится, более важен, нежели политическая поддержка Москвой нового режима на Среднем Востоке. И только после того, как установят приоритеты, рассматривается вопрос о целях. Если необходимая информация может быть получена в процессе обработки прессы или же в ходе текущей дипломатической работы, то перед разведывательной службой такой задачи не поставят, чтобы не распылять ограниченные силы разведки на сбор сведений, которые можно добыть открытым способом. Разведка займется этим вопросом лишь в том случае, если нужные сведения получить из открытых источников не представляется возможным.

При подготовке указаний по разведывательным действиям в определенных районах центр прежде всего учитывает факторы политической и физической географии и наличие здесь лиц, имеющих доступ к требуемой информации. Прилегающие к периферии коммунистического мира территории можно рассматривать как своего рода окна в этот мир. Пусть даже сильно затмённые, но другой возможности нет. Другая возможность получения информации о коммунистическом блоке — это активная работа с делегациями социалистических стран, участвующими в различного рода конференциях, конгрессах, симпозиумах и других мероприятиях подобного рода, проводящихся на территории свободного мира.

Нужно заниматься и гражданами стран, граничащих с коммунистическим миром, а также нейтральных государств. При поездках в Советский Союз и другие коммунистические государства они пользуются большими свободами и подвергаются меньшему контролю, чем американцы.

Все это должно учитываться центром при планировании разведывательных операций и руководстве

ими. Если нашему правительству потребуется, скажем, информация о состоянии промышленности в красном Китае, где США не имеют посольства и вообще никаких, даже неофициальных, представителей, разведывательная служба, и только она, может решить эту задачу. Но каким образом? Очевидно, ей удастся получить такие сведения в районах, прилегающих к Китаю, куда время от времени прибывают китайские эмигранты, или в не столь удаленных от КНР странах, где Пекин имеет свои дипломатические представительства, или же в поддерживающих торговые связи с Китаем государствах, представители которых могут туда выезжать. Однако разведка не получит приказа действовать в таком районе, где нет ни одного из вышеперечисленных условий. Следовательно, офицеры секретной службы не будут поставлены в условия, когда они на свой собственный страх и риск должны будут предпринимать все возможное, чтобы получить информацию, которую там практически невозможно добыть.

На XX съезде компартии в 1956 году Хрущев произнес секретную речь, в которой осудил Сталина и культа личности. Судя по кратким сообщениям, появившимся в прессе, можно было заключить, что выступление нового советского лидера длилось долго. Такую речь не мог произнести экспромтом даже Хрущев, известный своими пространными импровизированными тостами и репликами. Значит, речь была написана и отпечатана, и, конечно, не в единственном экземпляре. А раз так, то текст, несомненно, разослали по многим адресам. Оставалось лишь добыть один из таких экземпляров.

Так началась охота нашей разведки за этим документом, представлявшим исключительный интерес для свободного мира. В конце концов текст был найден, и очень далеко от Москвы. В этом случае цент-

ру было важно воспользоваться самыми различными источниками, ничего не упустить, привести в движение все рычаги. Я всегда вспоминаю об этом, как об одном из самых моих крупных успехов за все время службы в разведке. Полный текст документа опубликовал государственный департамент. Секрет Кремля стал известен всему миру. Но как мы добыли этот документ, раскрывать нельзя даже сейчас, спустя почти десять лет: наши источники и методы работы необходимо держать в секрете.

После получения задания выбор способа добычи информации предоставляется самому офицеру. Мой источник в министерстве иностранных дел Германии тайно переправил мне в Швейцарию — я находился там в 1943—1945 годах — более двух тысяч секретных дипломатических и военных документов. Он мог представить гораздо больше, но по техническим причинам это было невозможно. Ему пришлось довольствоваться лишь частью имеющейся у него под рукой информации, и отбирал он ее по собственному разумению.

Война в Европе близилась к концу, а вот вооруженному конфликту с Японией не было видно конца. Нам реально угрожала опасность, что он затянется на долгое время. Такая перспектива очень беспокоила Вашингтон, и я получил из центра указание: наш источник в германском МИДе должен сосредоточить свои усилия главным образом на передаче мне сообщений немецких дипломатических миссий на Дальнем Востоке, в частности в Токио и Шанхае. И хотя я согласился с центром, что это окно конечно же надо как можно скорее раскрыть шире, быстро выполнить такое задание оказалось не так-то просто.

Мой источник находился в Берлине, а я — в Берне, столице Швейцарии. Он мог приезжать в альпий-

скую республику очень редко, а мне попасть в Германию было просто невозможно. Поэтому мы не виделись неделями, если не месяцами. Дело же было слишком срочным, чтобы оставлять его до нашей следующей явки. Обычно мы никогда не встречались на швейцарско-германской границе, поскольку это представляло слишком большую опасность. Но у нас была договоренность дать знать друг другу в случае срочной необходимости, используя почтовую переписку. Связь эта прикрывалась легендой о том, что у моего источника есть подруга в Швейцарии, которую он изредка навещает и с которой переписывается. Поэтому я решил известить его о новом задании, направив на домашний адрес открытку, естественно, с условным текстом. Так вот, «подруга» написала, что один ее знакомый в Цюрихе до недавних пор продавал в своей лавочке японские игрушки, но его запас кончился, а он не может закупить новые в Японии из-за ограничения военного времени. Далее она попросила берлинского друга: не сможет ли он, учитывая тесные связи между Германией и Японией, посоветовать ей, где в Германии можно было бы приобрести японские игрушки для лавочника в Цюрихе. Мой источник, как я и ожидал, сразу смекнул, в чем дело. В очередном пакете с копиями поступивших в МИД телеграмм, которые он с курьером прислал мне, большинство было из немецких дипломатических миссий на Дальнем Востоке с данными о японских военно-морском флоте и ВВС.

Иногда по политическим, дипломатическим или иным причинам Центр запрещает проведение разведывательных операций и высыпает инструкции, в которых говорится, чего не следует делать. Можно понять разочарование какого-нибудь инициативного офицера разведки, который вышел на перспективу получения великолепной информации, но, связав-

вшись с Центром, узнает, что этого делать не следует. Очень часто ему даже не сообщается, по какой причине. Нецелесообразно — и все.

Генерал Маршалл в письме губернатору Дьюи, о чем упоминалось ранее, подчеркнул тонкость операций, связанных с использованием вражеских кодов и шифров. Он рассказал о нескоординированной попытке американской разведки заполучить немецкий шифр в Португалии. Операция дала осечку и насторожила немцев. Они сменили код, который мы уже раскрыли. Ценный источник информации был потерян.

Я ничего не знал об этом случае и, естественно, очень удивился, когда получил по радио указание не предпринимать никаких попыток заполучить любой иностранный код без предварительной санкции центра. Вскоре после этого, в конце 1944 года, один из моих наиболее надежных немецких агентов сообщил, что может добыть детальную информацию о некоторых нацистских кодах и шифрах. Предложение поставило меня в довольно-таки затруднительное положение. Я доверял агенту, но все же не хотел дать ему понять, что мы уже раскрыли некоторые немецкие коды. Если бы я не проявил никакого интереса, он мог расценить это как признак того, что так именно и обстояло дело. Любой офицер разведки не пренебрег бы такой возможностью. Я решил потянуть с ответом и сказал агенту, что мне необходимо немного подумать, как лучше воспользоваться его предложением. На следующий день я сообщил ему, что поддерживаю связь с Вашингтоном только по радио: курьеры в Швейцарию, окруженную Германией и ее союзниками, пробраться не могут. Но доверять такие секреты радиосвязи слишком рискованно. Поэтому я предпочел бы подождать немного, пока не будет освобождена Франция, ведь вторжение в Нормандию

уже состоялось и союзные войска продвигались к швейцарской границе. Тогда можно будет отправить полученный материал дипломатической почтой. Это самый надежный путь. Агент с пониманием воспринял мои аргументы.

Самое лучшее планирование и безупречное руководство не могут, конечно, предусмотреть все. Любая разведывательная служба и самые способные ее сотрудники нередко сталкиваются со случайностями. Это и неожиданные неприятности, и необъяснимые удачи. Иногда человек за «железным занавесом» решает связать свою судьбу со свободным миром. Но он считает, что такой шаг может сделать за десять тысяч миль от родины. И лучше всего, если он встретится с офицером западной разведки. Так будет безопаснее для него. Вот и ждет такой человек, когда ему удастся выехать за границу. И вовсе не обязательно для него попасть в США, Англию или какую-нибудь другую западную страну. К тому же советский ученый или специалист при поездке, например, в Юго-Восточную Азию может чувствовать себя там более свободно, чем в Нью-Йорке, где вероятность попасться на глаза сотрудникам Лубянки гораздо выше. Инструкции Кремля, данные советскому представителю, скажем, в Египте, могут пролить некоторый свет на политику Москвы в отношении Берлина.

В 1958 году студент из Ирака, обучавшийся в Аризоне, получил письмо из Багдада, в котором ему предлагалось немедленно выехать домой. Перед отъездом он намекнул своему американскому другу, что причина, заставившая его внезапно покинуть США, — предстоящие важные политические события на родине. Через несколько недель в Ираке произошел государственный переворот, удививший западный мир и заставивший некоторых офицеров разведки по-

краснеть. Ведь информация о причине поспешного отъезда иракского студента была незамедлительно передана из Аризоны в разведывательный центр Вашингтона. К сожалению, там пришли к заключению: «одна ласточка весны не делает», и более того, не исключено, что летит она совсем не в ту сторону, куда нужно. Короче говоря, на важное сообщение не обратили должного внимания.

Эта история вместе с тем показывает, что многое зависит от сотрудника разведки, действующего на периферии, от его внимательности, сообразительности, инициативы. Он не должен пренебрегать даже отрывочной информацией. Если бы, например, в случае с Ираком центр получил три-четыре сообщения о том, что лица, находящиеся «не в ладах» с иракским правительством, срочно собираются выехать в Багдад, была бы поднята тревога.

Несколько лет тому назад заседания Центрального комитета Коммунистической партии в Москве очень часто проводились в условиях строгой секретности. И тем не менее можно было предсказать заранее, когда они состоятся. Нужно было только внимательно следить за членами Центрального комитета, находившимися на дипломатических или иных постах за рубежом. Если они спокойно, как по команде, отправлялись в Москву, значит, там должно состояться важное совещание. В данном случае факт отъезда советских официальных представителей в столицу СССР нужно было рассматривать как важную информацию, мимо которой сотрудники разведки не должны проходить.

Руководство со стороны центра необходимо, но оно ни в коем случае не может заменить инициативы сотрудников на местах, чему лишний раз учит случай в Аризоне.

Глава 8

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК — КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Большинство тоталитарных государств с течением времени создали даже не одну, а две разведывательные службы с совершенно различными функциями, хотя их работа иногда и дублируется. Одна из них — военная разведка, которая подчиняется генеральному штабу вооруженных сил и отвечает за сбор военной и технической информации за рубежом, в СССР эта служба называется Главным разведывательным управлением (ГРУ). Офицеры ГРУ, находившиеся под «крышей» советского посольства в Оттаве, руководили атомной шпионской сетью в Канаде во время Второй мировой войны.

Другой структурой, которая более типична для тоталитарного государства, является служба государственной безопасности. Как обычно, такое учреждение уходит корнями в органы секретной полиции, созданные для решения внутренних задач — таких, как репрессии против инакомыслящих и защита существующего режима. Постепенно служба безопасности переносит свои действия за пределы государства, сначала в соседние страны, а затем и на весь земной шар, превращаясь в глобальную разведывательную организацию.

Поскольку служба госбезопасности прежде все-го детище клики или партии, стоящей у власти, она

пользуется большим доверием, чем военная разведка. Отталкиваясь от этого, политическая разведка старается не только контролировать военную спецслужбу, но и подчинить ее себе, а то и просто поглотить. В нацистской Германии Главное управление имперской безопасности, возглавлявшееся Гиммлером, в 1944 году взяло окончательно верх над своим военным двойником — Управлением военной разведки и контрразведки (абвером).

В 1947 году службу госбезопасности и военную разведку в Советской России объединили в один разведывательный орган, в котором главная роль была отведена политическим разведчикам. Он просуществовал всего лишь один год¹.

В 1958 году Хрущев назначил одного из своих наиболее доверенных лиц, председателя Комитета государственной безопасности, генерала Ивана Серова начальником Главного разведуправления Генштаба, чтобы держать военную разведку в своем поле зрения. Именно Серову, одному из самых жестоких шефов в истории советской разведки, советский лидер поручил возглавить операцию по удушению венгерской революции и восстановлению советской власти в Венгрии в ноябре 1956 года. Правда, мы располагаем данными, что это ему не помогло. Через короткое время Серова потерпела фи-

¹ Речь идет о Комитете информации (КИ) при Совете Министров СССР — объединенном центре внешней разведки, созданном летом 1947 г. в результате слияния Первого главного управления (внешняя разведка) МГБ СССР и Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР. Председателем КИ был назначен В.М. Молотов, его заместителями, руководившими повседневной работой комитета, — генерал-лейтенант Федотов П. М. (от МГБ СССР) и генерал-полковник Кузнецов Ф. Ф. (от ГРУ Генштаба ВС СССР), А. Даллес ошибается, утверждая, что КИ «просуществовал всего один год». На самом деле в таком виде комитет функционировал до 1949 г., а затем военные разведчики вернулись в ГРУ Генштаба. Усеченный КИ, теперь уже при МИДе СССР, просуществовал до конца 1951 г. и был ликвидирован. Сотрудники внешней разведки возвратились в МГБ СССР. Группа аналитиков осталась в дипломатическом ведомстве.

аско. Он попал в новую достаточно драматическую чистку, его отстранили от разведывательной деятельности и отправили в отставку.

Независимо от того, установит служба госбезопасности тоталитарного государства контроль над военной разведкой или нет, все равно она становится мощной, обладающей большой властью организацией. Ее полномочия как внутри страны, так и во внешних делах намного превышают роль и значение разведывательных служб свободного общества. В настоящее время служба безопасности Кремля (КГБ) — глаза и уши советского государства как в своем собственною доме, так и за рубежом. Это — многоцелевая, универсальная секретная организация, которая, судя по последним данным, способна выполнить, можно сказать, любое задание кремлевского руководства. Она — больше, нежели секретная полицейская организация, мощнее, чем разведка и контрразведка, вместе взятые. Она — инструмент подрывной деятельности, манипуляций и насилия, тайного вмешательства в дела других стран. Она — агрессивный механизм советских амбиций в «холодной войне». Если Советы пошлют космонавтов на Луну, я не удивлюсь, что их будет сопровождать офицер КГБ.

Едва захватив власть в России, большевики немедленно создали свою тайную полицию. В декабре 1917 года появилась ЧК — служба безопасности, обладающая исполнительной властью, во главе с Феликсом Дзержинским. Ее полное название — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. ЧК — это военизированное, террористическое полицейское формирование, которое безжалостно истребляло гражданское население, широко используя доносы и просто подозрения в буржуазном происхождении. Чекисты следовали за

Красной Армией в годы Гражданской войны и создавали контрразведывательные отделы, выявлявшие сторонников белогвардейцев среди населения. С этого, собственно, и начиналась советизация районов, где был ликвидирован белый режим. В 1921 году в ЧК была создана зарубежная служба¹.

Вызвано это было тем, что из России в другие страны после поражения в Гражданской войне эмигрировали сотни тысяч военнослужащих-белогвардейцев, а также гражданских лиц, враждебно настроенных к большевикам. Они образовали в Западной Европе, на Среднем и Дальнем Востоке ряд организаций, которые начали наносить удары по Советской России.

У зарубежной службы ЧК сразу же появилось куда больше дел, чем у царской охранки. В ее задачи входило не только проникновение в составлявшие против Советов заговоры организации русских эмигрантов, но и их обезвреживание, сбор информации о враждебных большевикам силах и, по возможности, оказание на них своего влияния. Таким образом, зарубежная служба ЧК превратилась в политическую разведывательную организацию с далеко идущими агрессивными целями. Для их достижения она использовала насилие и жестокость, похищения людей, убийства и террор как у себя в стране, так и за рубежом. Вся эта деятельность была направлена не только против «врагов народа», но и своих же большевиков, которым верхушка партии перестала доверять или от которых надо было избавиться по другим причинам.

В Париже в 1926 году был убит генерал Петлюра, лидер украинских националистов. Некоторые утвер-

¹ Иностранный отдел начал действовать с 20 декабря 1920 г. Эта дата считается днем основания внешней разведки ЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ.

ждают, что это дело рук советской службы безопасности. Правда, есть и такие, кто считает: убийство произошло на почве личной мести. В 1930 году в том же Париже агенты НКВД похитили генерала Кутепова, руководителя организации белых офицеров, а в 1937 году та же участь постигла его преемника генерала Миллера¹.

В течение более десяти лет за Львом Троцким, высланным из СССР за границу в 1929 году, охотились агенты Сталина. Двадцать первого августа 1940 года старый революционер скончался в Мехико после смертельного ранения, нанесенного ему агентом советской службы безопасности. Список офицеров и агентов разведки Кремля, которые покинули Москву и бежали за границу, а затем по приказу Сталина были уничтожены службой безопасности, включает еще больше имен.

Не нужно думать, что акты насилия против эмигрантов, оппозиционеров или людей, решивших покинуть с большевиками, характерны лишь для периода «смутного времени», — когда утверждалась советская власть, или же эпохи массовых репрессий тридцатых—сороковых годов, связанных из-за подозрительности и мстительности Сталина. Я хочу подчеркнуть, что и в более позднее время, скажем, в 1956 году, когда Хрущев провозгласил «социалистическую законность», были уничтожены почти все оставшиеся еще в живых лидеры эмиграции. Единственное различие между массовым террором на заре советского государства и политическими убийствами последнего времени состоит в том, что сейчас исполнители пользуются более изощренными и эффективными орудиями уничтожения людей.

¹ Генералы Кутепов и Миллер возглавляли главную организацию белой эмиграции 20-х—30-х гг. Русский общевоинский союз (РОВС). Штаб-квартира союза находилась в Париже.

Загадочная смерть в Мюнхене Льва Ребета в 1957 году и Степана Бандеры в 1959-м — оба были лидерами украинской эмиграции — явилась следствием распыления цианистого калия с почти мгновенным действием. Метод этот оказался столь эффективен, что судебные медицинские эксперты несколько лет считали причиной кончины Ребета сердечную недостаточность. Правду узнали лишь тогда, когда агент КГБ Богдан Сташинский¹ в 1961 году перешел в Западный Берлин и сдался немецкой полиции. Он признался, что совершил оба убийства. За первое, как он утверждал, в его честь руководство КГБ устроило шикарный банкет, а за второе он был награжден орденом Красного Знамени.

С первых дней существования советской власти тайный террор стал официальной функцией аппарата службы безопасности. Специальный отдел занимается планированием террористических актов, подбором и подготовкой террористов. Дело организуется таким образом, чтобы советскому правительству нельзя было предъявить обвинение в том, что та или иная террористическая акция произведена по его приказу. Во всех случаях кремлевское руководство должно остаться в стороне.

Отдел терактов до сих пор является наиболее важным подразделением советской службы внешней разведки. Об этом свидетельствует тот факт, что недавно его начальником был назначен генерал Коровин². Он работал, прикрываясь должностью советника совет-

¹ Стасинский Богдан — ценный агент внешней разведки МГБ-КГБ, использовался для выполнения террористических актов. В 1959 г. убил в Мюнхене лидера непримиримой украинской эмиграции Степана Бандеру. Через некоторое время бежал из ГДР в ФРГ. Был осужден немецким судом к длительному тюремному заключению.

² Это была вымышленная фамилия, которой генерал пользовался в Лондоне. Его настоящие имя и фамилия Николай Родин. (Примеч. автора.)

ского посла в Лондоне с 1953-го и до начала 1961 года, и имел на связи двух шпионов Джорджа Блейка и Джона Вассала. После провала последнего английская земля стала гореть под ногами генерала. Он был отозван и возглавил «корпорацию убийц» КГБ.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКИХ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

В 1922 году ЧК стала именоваться ГПУ (Государственное политическое управление), которое в 1934 году вошло в состав НКВД (Народный комиссариат внутренних дел). Под одной министерской крышей собирались все гражданские службы безопасности и разведки — тайные и явные, находящиеся в самой стране и за рубежом. И если служба внешней безопасности выросла в огромную глобальную шпионскую и террористическую организацию, то внутренние органы безопасности превратились в гигантского спрута, миллионы щупальцев которого проникли во все поры советского общества. Утверждают, что при Сталине один из каждых пяти советских граждан был секретным осведомителем. Кроме того, служба госбезопасности контролировала пограничную милицию, имела собственные войска, управляла всеми тюрьмами, трудовыми и концентрационными лагерями. Можно сказать, что она, эта служба, превратилась в сторожевого пса, присматривающего за правительством и даже Коммунистической партией. Страх, который испытывало все советское общество перед тайной полицией, был вызван тем, что ей предоставили право арестовывать людей не только по указанию диктатора и его подручных, но и по своему усмотрению судить их и казнить.

И все это без следствия и суда, предусмотренных конституцией и существующими законами.

В военные годы и после войны монстр НКВД претерпел не одно изменение. Сначала его воссоздали, затем вновь разделили и опять воссоздали, но в конце концов еще раз разделили на две организации: МГБ (Министерство государственной безопасности) — ныне КГБ (Комитет государственной безопасности) — и МВД (Министерство внутренних дел).

МГБ занималось шпионажем за рубежом и обеспечивало внутреннюю безопасность. МВД сохранило все полицейские функции, не связанные непосредственно с государственной безопасностью.

Очевидно, что любая секретная служба, которая totally контролирует все слои общества и даже высшие эшелоны власти, должна сама жестко контролироваться диктатором, — в противном случае она проглотит его самого. Поэтому любой тиран понимает: время от времени ее необходимо чистить и ослаблять. История органов государственной безопасности СССР подтверждает это: тайная полиция развивалась циклообразно — то усиливалась, то ослаблялась; то ее штаты росли, то сокращались в результате чисток, иногда кровавых; то ее шефов возносили до небес, то их низвергали, преследовали и даже казнили.

Нередко после периода, в течение которого диктатор использовал тайную полицию, чтобы удержаться у власти, и, естественно, в знак благодарности осыпал ее всяческими милостями, наступало время, когда он резко сокращал численность ее персонала и сменил руководителей. И все это не только потому, что тайной полиции было слишком многое известно, но и из-за опасения: она может стать настолько сильной, что будет угрожать его собственной безопасности. После смерти диктатора его преемник обычно рассуждал таким же образом.

Сталин использовал ГПУ, чтобы ускорить коллективизацию и ликвидацию кулачества в начале тридцатых годов, и НКВД в середине тех же тридцатых — для устранения всех лиц, которым он не доверял — в партии, армии и правительстве. Потом в 1937 году провел чистку самого репрессивного аппарата. В чем же причина? Да в том, что его руководители и ответственные сотрудники знали о преступлениях диктатора. Плюс к этому их сила и влияние лишь немногого уступали его мощи и власти. В 1953 году, после смерти Сталина, служба безопасности располагала достаточными возможностями, чтобы стать главной силой в борьбе за власть. Так называемое «коллективное руководство», образовавшееся после кончины диктатора, чувствовало, что не будет в безопасности, пока не ликвидированы верховный шеф тайной полиции Лаврентий Берия и его приспешники.

В ныне известном секретном докладе Хрущева на XX съезде Коммунистической партии в 1956 году — он вскрыл в нем преступления Сталина — особый упор был сделан на те акции, которые диктатор провел с помощью НКВД. И это не случайно. Хрущев не только возвестил о начале наступления против сталинизма и сталинистов, остававшихся еще в руководящих органах Советов, но и преследовал цель оправдать новую чистку в Министерстве государственной безопасности, которое он намеревался поставить под свой контроль, чтобы усилить собственные позиции в борьбе за место диктатора. Стремясь создать впечатление как в своей стране, так и во внешнем мире, что начинается новая эра «социалистической законности», Хрущев постепенно предпринимал различные шаги, чтобы стереть из памяти людей представление о службе безопасности как о репрессивном исполнительном органе. Одним из них было объявление 3 сентября 1962 года о пере-

именовании Министерства внутренних дел (МВД) в Министерство охраны общественного порядка. Однако он не уточнил, чем же новое министерство будет заниматься, хотя и пообещал, что впредь ни один советский гражданин не предстанет перед тайным судом — судебный процесс должен быть гласным и открытым.

Однако система контроля в советском государстве продолжала существовать, хотя и в новой форме. Так, например, указом от 28 ноября 1962 года был введен усовершенствованный контроль, который, как писала газета «Нью-Йорк таймс» (29 ноября 1962 года), «превратит каждого рабочего на каждом предприятии в контролера за исполнением партийных и государственных директив». В комментариях к этому указу «Правда», сославшись на существовавший до того слабый контроль, в результате чего возросли случаи «мошенничества, воровства, взяточничества и бюрократической волокиты», заявила, что новая система явится «острым оружием» против них, также как и против «липовых докладов о досрочном завершении работ», « злоупотреблений властью» и «рас-точительства народного добра». Новый «сторожевой пес» был назван Комитетом партийного и государственного контроля¹.

Огромное число секретных осведомителей и необычайно широкий спектр видов преступлений и судебно наказуемых проступков позволяют властям посадить за решетку фактически любого советского гражданина в любое время. Печать полна сообщений, что суды в Советском Союзе выносят смерт-

¹ Речь идет о Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР — едином союзно-республиканском органе партийного и государственного контроля в СССР, который существовал с ноября 1962 г. по декабрь 1965 г. Органы партийно-государственного контроля были преобразованы в органы народного контроля.

ные приговоры и осуждают на длительные тюремные сроки за деяния, большинство из которых в Соединенных Штатах рассматриваются как незначительные преступления и несерьезные нарушения законности.

Пятого февраля 1963 года, например, стало известно, что директор и администратор железнодорожного ресторана в Свердловске были приговорены к смертной казни. За что, спрашивается? Они сконструировали и построили приспособление для приготовления жаркого и пирожков, да такое, что на каждой порции экономилось два-три грамма жиров. Разница шла, конечно, в их карман, и таким образом государство теряло четыре сотни рублей в месяц. Все страшно прогнило в этом государстве, где в наше время выносятся смертные приговоры за незначительные преступления и вместе с тем власти открыто призывают граждан помогать секретной службе в их раскрытии. Кстати, Александр Шелепин, назначенный по предложению Центрального комитета КПСС председателем Комитета партийно-государственного контроля, возглавлял прежде КГБ, став в 1958 году преемником генерала Ивана Серова.

Но все эти потрясения, чистки и организационные изменения, как представляется, оказывают незначительное влияние на цели, методы и возможности той части советской службы безопасности, которая представляет для нас наибольший интерес — ее внешней разведки. За сорок пять лет существования этот тайный аппарат, щупальца которого охватили весь мир, накопил кладезь знаний и приобрел опыт, причем значительный. Его технические приемы прошли неоднократные испытания и не раз выдержали проверку на пригодность для достижения скрытых целей Советов в различных районах земного шара, а бесчисленные досье с разведывательной

информацией непрерывно пополнялись, несмотря на все перипетии борьбы за политическую власть. На различных руководящих постах там находятся офицеры разведки (естественно, те, кому удалось пережить чистки), имеющие опыт работы от двадцати до тридцати лет. Дисциплинированные и опытные агенты и информаторы разбросаны по всему свету, многие из них активно сотрудничают еще с тридцатых годов. А вообще традиции организации уходят корнями во времена царизма.

Двадцатого декабря 1962 года в «Правде» появилась статья за подпись председателя КГБ М. Семичастного, которая начиналась словами: «Сорок пять лет тому назад... по инициативе В.И. Ленина...» Затем автор перешел к описанию истории создания первой советской службы безопасности — ЧК — в 1917 году и кратко изложил подъемы и спады в ее деятельности за сорок с половиной десятилетий. Хотя статья предназначалась, вне всякого сомнения, для того, чтобы воздействовать на советское общественное мнение и заставить его изменить в лучшую сторону отношение к учреждению, которое все боялись и ненавидели, значение ее для иностранного наблюдателя трудно переоценить. Оно состоит, прежде всего, в том, что кремлевское руководство молчаливо признает: несмотря на изменение названия службы безопасности и назначение новых шефов, она сохраняет ту же суть и те же самые принципы, которые были заложены при ее основании.

Пытаясь избежать провала и ареста царской охранкой, русские революционеры в конце XIX и начале XX веков разработали технику конспирации, которая впоследствии очень пригодилась Советам. Сложные и хитрые трюки по хранению и передаче сообщений, фальсификации документов, использованию безобидных способов связи с лицами, нахо-

дящимися под подозрением, бесконтактной передаче материалов, оружия и других предметов — все это способствовало выживанию нелегальных организаций. Их разработали после крупных провалов и горьких потерь в борьбе с царской полицией. Когда Советы создали собственную разведывательную службу, этим трюкам стали обучать своих агентов, чтобы те не попадали в руки полиции тех стран, где действовали. Даже слова и термины, которые большевики использовали, работая в подполье до 1917 года, вошли в жаргон советской разведывательной службы. Скажем, такое слово, как «дубок», обозначающее тайник, в котором хранится или через который передается секретная информация.

Западные обозреватели постоянно задаются вопросом: отражается ли борьба за власть внутри СССР (а она ведется, можно сказать, постоянно) на положении КГБ — этой привилегированной организации в советском государстве. Я не одинок во мнении, что лица, занимающие в ней главенствующее положение, могут быть сняты со своих постов или даже казнены, что произошло в свое время с бывшими ее шефами Ежовым, Ягодой и Берия. Но это не ослабляет секретную службу в такой степени, как массовая чистка ее рядов. В последнем случае она, безусловно, многое теряет в конкурентном противостоянии с другими государственными структурами. Основной соперник органов безопасности в борьбе за власть — армия, которая на протяжении всей советской истории то и дело ущемлялась диктаторами, отдававшими предпочтение секретной службе. И понятно почему: каждый хозяин Кремля рассматривает госбезопасность как самое преданное ему учреждение, которое он может использовать, чтобы присматривать за военными.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ ЕВРОПЕЙСКИХ САТЕЛЛИТОВ И КРАСНОГО КИТАЯ

Органы государственной безопасности СССР основали службы разведки и безопасности своих европейских сателлитов, подготовили для них кадры и до сих пор контролируют их деятельность. Все эти структуры представляют из себя как бы «КГБ в миниатюре». Их сотрудники иногда в своем кругу даже величают себя «чекистами». Короче говоря, в спецслужбах, созданных Советами, в их структуре, методах и технике отражаются, как в зеркале, многолетний опыт «большого советского брата». Главные цели и основные задачи им диктует Кремль, хотя, конечно, не возбраняется проявлять ограниченную инициативу в вопросах их собственной, так сказать, внутренней безопасности. Поляки и чехи, например, ведут операции по выявлению западных шпионов, деятельность которых направлена против их государств. Если же им удается перевербовать ценного агента, через которого, скажем так, представляется прекрасная возможность проникнуть в какое-либо западное правительственные учреждение, то Советы охотно переключают его на себя, а разведслужбе сателлитов остается лишь скрывать за улыбками свое разочарование и горечь.

Такое случилось, например, с Гарри Хаутоном, которого первоначально завербовали польские разведчики, когда он находился в посольстве Великобритании в Варшаве. По возвращении в Лондон он стал работать в Адмиралтействе, и Советы решили, что его возможности чересчур велики, чтобы им занимались поляки. Они взяли дело Хаутона себе, и в польской разведслужбе больше о нем не слышали, пока в газетах не появилось сообщение о его аресте англичанами.

С самого начала Советы сохраняли в своих руках эффективные средства руководства спецслужбами своих сателлитов. Пожалуй, наиболее действенное из них — назначение на руководящие должности старых и преданных советских агентов, большинство из которых прошло подготовку в Москве еще до Второй мировой войны. Костяк нынешней польской разведслужбы, например, состоит из польских коммунистов, бежавших в Россию в 1939 году и возвратившихся на родину в 1944 году вместе с польскими военными формированиями, прианными Красной Армии. Эти люди провели военные годы в Москве, прошли подготовку для будущей работы в проектируемой тогда, но еще не существовавшей разведке новой Польши. Само собой разумеется, личный состав спецслужб был тщательно отобран Советами.

И сейчас Советы руководят службами разведки и безопасности своих сателлитов, но не непосредственно, а через своих представителей, которые именуются советниками. Московские советники командируются в наиболее важные управления и отделы этих органов. Им докладываются все важные текущие материалы. Что касается планируемых операций, то наиболее серьезные должны получить их утверждение, советники контролируют, как выполняются оперативные планы, их слово является последним¹.

¹ Автор сильно отставал от жизни. Институт советников МГБ—КГБ (равно как и других московских ведомств) действовал в странах, входивших в советский блок, до второй половины пятидесятых годов. По мере получения этими странами полного суверенитета советнические аппараты были ликвидированы. Советников заменили в значительно меньшем числе представители, которые уже не советовали, а поддерживали контакты с соответствующими учреждениями для лучшей координации действий. Что касается системы государственной безопасности, включая внешнюю разведку, то были учреждены представительства КГБ СССР при аналогичных ведомствах союзнических с Москвой государств.

Следует отметить следующую интересную деталь, проливающую дополнительный свет на отношения Москвы со своими сателлитами. Советы не доверяют полностью своим советникам. Точнее, в Москве опасаются, что те не сумеют все узнать о своих подопечных, что руководители служб стран-сателлитов могут кое-что от них утаить. Чтобы не допустить этого, Кремль идет напролом, вербя офицеров разведки своих сателлитов, которые тайно снабжают их информацией о планах, личном составе, взаимоотношениях руководителей спецслужб между собой, их лояльности коммунистическому режиму и о всем другом, что может не попасть в поле зрения советников.

Поскольку Советы и в самом деле не могут полностью доверять своим сателлитам, они стараются использовать их, чтобы те таскали каштаны из огня, особенно в тех случаях, когда есть шансы на успех. Советы, например, быстро сообразили, что множество лиц польской, чешской и венгерской национальности, проживающие в Западной Европе, Канаде и Соединенных Штатах, теоретически представляют собой перспективную базу для вербовки агентуры. К ним спецслужбы сателлитов могут найти доступ значительно легче, чем советская разведка: тут идут в ход общее этническое происхождение, родственные связи, сентиментальные воспоминания о родине и тому подобное. И в самом деле мы зафиксировали: попытки вербовки выходцев из Центральной Европы и с Балкан как здесь, то есть в США, так и за пределами Америки в качестве секретных агентов коммунистического шпионажа в большинстве случаев предпринимаются персоналом разведывательных служб стран-сателлитов. Как правило, они успеха не имеют: граждане США и других стран НАТО первого и даже второго поколения сохраняют,

в подавляющем большинстве, верность своей новой родине.

В отличие от малых государств Восточной Европы, красный Китай не зависит от Советского Союза, поэтому его спецслужбы ни в малейшей степени не работают перед КГБ. В разведке, как и в области науки и техники, Советы длительное время имели в Китае своих советников, но те действительно только давали рекомендации, а не выполняли роль контролеров и надсмотрщиков, как в восточно-европейских государствах. К тому же они давно выехали из страны. В настоящее время, учитывая трещины, появившиеся в советско-китайских отношениях, вряд ли между краснокитайской и советской разведывательными службами существует нечто большее, чем просто формальные сотрудничество и координация действий. Более того, можно с большой степенью уверенности предположить, что правительства этих двух стран используют свои разведывательные службы, чтобы пристально следить друг за другом.

Только сейчас мы начали рассматривать шпионскую деятельность красного Китая как серьезную угрозу безопасности Соединенных Штатов. Надо полагать, что в ближайшие годы китайский шпионаж превратится в устрашающую реальность для Запада, каким он уже стал в Азии и на Тихом океане.

Конечно, китайцы находятся в невыгодном положении, когда проводят операции против нас. Впрочем, и наши исходные данные ничуть не лучше, если мы действуем в Китае. Физические и культурные различия значительно затрудняют маскировку истинной национальной принадлежности офицеров и гражданских служащих как китайской, так и американской разведок.

Украинец смог, пройдя основательную подготовку и получив необходимые подлинные документы,

выдать себя в Англии за канадца англо-саксонского происхождения Гордона Лонсдейла¹.

Китайцу сделать такое было бы, конечно, невозможно. В районах, где немалое число постоянных жителей китайцы — например, на Малайском архипелаге, Гавайях и тому подобное, китаец будет обладать, так сказать, этническим преимуществом перед европейцем. И наоборот. Поэтому китайская разведслужба старается проникнуть в первую очередь в наши западные районы через Южную Америку, где местные коммунисты-фанатики оказывают им всяческое содействие. Если спецслужбам Пекина удастся завербовать здесь агентов из числа американских граждан испанского происхождения, тогда китайские шпионы успешно проникнут на восток и север США, а также в европейские страны, и сделают это не хуже, чем офицер советской разведки Лонсдейл.

ОФИЦЕР СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

По своему собственному опыту у меня сложилось впечатление, что офицер разведслужбы Кремля является собою специфический тип советского человека. Это гомо советикус, так сказать, в самом совершенном виде. Преданность коммунистическим идеям — самая важная часть его характеристики, более важная, чем даже уровень его разведывательной подготовки. Мне кажется, что он — самое выдающееся творение советской системы, наделенное коммунистическим мышлением высочайшей степени.

¹ Речь идет о выдающемся советском разведчике полковнике Константине Молодом, который действовал в Англии в 1956—1961 гг. Он провалился и был приговорен английским судом к 25 годам тюремного заключения. В 1964 г. обменян на сотрудника британской разведслужбы Гревилла Винна, арестованного в 1962 г. в Советском Союзе.

Кадровый сотрудник советской разведки слепо, не задавая себе никаких вопросов, посвящает себя «делу партии и правительства» — по крайней мере, в начале карьеры. Он целиком и полностью предан коммунистической доктрине и свято выполняет один из главных ее постулатов: важен лишь конечный результат — все средства для его достижения оправданы. Второй натурой советского человека стала привычка относиться с подозрением ко всем и всему, утаивать свое истинное отношение к политическим вопросам и каждодневным жизненным проблемам. Эти черты особенно развиты у сотрудников разведки. И когда такой человек попадает в условия свободы, его разочарование советским образом жизни принимает особенно глубокий характер. Такое уже не раз встречалось.

Офицер советской разведки в течение всей своей карьеры находится в тисках строжайшей дисциплины. Один из них как-то образно выразился, что закончил «школу железной выучки». С одной стороны, он относится к элите советского общества, у него привилегии и власть, которых нет у рядовых людей. Он, скажем, числится водителем посольского автомобиля, но у него более высокий чин и больше власти, чем у самого посла. С другой стороны, ни звание, ни положение, ни прошлые заслуги не спасут его, если он допустит какой-либо промах. Если офицера разведки задержит местная контрразведка или арестует агентов из-за его неосторожности или ошибки, он может ждать снижения в должности, увольнения и даже заключения в тюрьму. В сталинские времена за это даже расстреливали.

В качестве яркого примера, в кого советская система превращает офицера разведки, я могу привести случай с одним из шефов секретной службы при Сталине, генералом Абакумовым. Во время войны его сестра была задержана где-то в глубине России за не-

значительный проступок: на черном рынке она продавала носильные вещи, то есть занималась «спекуляцией», как это квалифицирует советский уголовный кодекс. Зная, что ее брат занимает видное положение в советской иерархии, руководители местной полиции послали Абакумову запрос, как, по его мнению, должно быть рассмотрено это дело. Они были в полной уверенности, что он предложит снять с нее обвинение. Абакумов же начертал на присланном ему официальном письме такую резолюцию: «Почему вы меня спрашиваете? Разве не знаете своих служебных обязанностей? Спекуляция в военное время — измена Родине. Расстрелять». Ничего человеческого не осталось в Абакумове. О его нравственном падении свидетельствует, например, такой факт: по примеру своего шефа Берия он тоже завел гарем, больше похожий на персональный публичный дом.

Абакумов разделил судьбу многих офицеров советской разведки после смерти Сталина и ликвидации Берия. В то время он возглавлял Управление службы госбезопасности, занимавшееся внутренними вопросами. Там хранилось досье на членов правительства и руководителей партии. Абакумова и многих его сотрудников тайно расстреляли, а управление уничтожили при режиме Маленкова¹. Они знали слишком много.

Несмотря на то, что во времена Хрущева напряжение в советском обществе уменьшилось и жить ста-

¹ А. Даллес приводит искаженные данные о судьбе В. Абакумова. Просто удивительно, что американская разведка располагала на этот счет такими поверхностными сведениями. В действительности дело обстояло следующим образом. В начале войны Абакумов был начальником Управления особых отделов НКВД. Затем возглавлял Главное управление военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам») НКО СССР. После войны стал министром госбезопасности. По его инициативе был сфабрикован ряд ложных дел по обвинению в преступлениях против государства видных партийных и государственных деятелей и работников культуры. А главное, он вышел из доверия Сталина. По приказу последнего в 1950 г. был арестован, а в 1956 г. его приговорили к высшей мере наказания.

ло спокойнее, в секретной службе по-прежнему царила атмосфера террора, ибо эта опора Советов ни на мгновение не могла ослабить контроль за народом.

В Советской России, где внешняя разведка и внутренняя секретная полиция входят в КГБ, большинство офицеров проходят службу попеременно то в одном, то в другом подразделении. В начале карьеры они обычно направляются в одно из провинциальных учреждений секретной полиции, как правило, не в те районы, где родились и выросли. Их главная задача — подбор и вербовка информаторов среди местного населения. Это, как считают советские руководители, основа основ внутренней безопасности. Но наряду с этим молодые офицеры получают и практическую подготовку в фундаментальных вопросах шпионажа и контршпионажа. Если они на этом уровне и делают ошибки, то их спокойно поправляют и не считают, что такие случаи должны серьезно повлиять на дальнейшую карьеру сотрудников.

Менее способные офицеры остаются на незначительных постах в провинции в течение чуть ли не всей своей службы. Самые толковые откомандировываются со временем «наверх» — в разведывательный центр. Когда они приобретут достаточный опыт и пройдут проверку на высшую степень надежности — с коммунистической точки зрения, конечно, — их могут послать на работу за рубеж.

Петр Дерябин¹, перешедший на нашу сторону в Вене в 1954 году, рассказывает в своей книге, что начал карьеру в КГБ в Управлении охраны, которое не только отвечало за безопасность советских

¹ Сотрудник венской резидентуры КГБ Петр Дерябин, как выражаются профессионалы, «обслуживал» советскую колонию в Австрии. Другими словами, наблюдал за образом жизни и поведением служащих посольства, торгпредства и других советских учреждений, чтобы в первую очередь препятствовать иностранным разведкам приобретать агентов из их среды.

«шишек» — высокопоставленных персон, но и присматривало за их поведением и образом жизни¹. Там он прослужил пять лет, после чего, завоевав доверие начальства, был переведен в Управление внешней разведки, в отдел, отвечавший за операции в Австрии. Это, впрочем, как и в большинстве разведок других государств, постепенно открыло ему путь к переходу на зарубежную работу. Так он попал — что совершенно логично — в Вену. Заметьте, Дерябин прослужил в КГБ более шести лет, прежде чем ему доверили работу за кордоном.

Советы предпочитают посыпать за границу сотрудников органов безопасности, имеющих опыт контрразведывательной работы на территории Советской России. Такая практика заслуживает внимания. Проведя несколько лет на должностях, где в их основную обязанность входили выявление и арест противников режима, организация проникновения в диссидентские кружки и слежка за злодеями, подозреваемыми в сотрудничестве с «империалистами», они получали хорошее представление о методах работы секретной полиции и характере мышления ее сотрудников. Когда же советские контрразведчики попадали в зарубежные страны и становились разведчиками, руководившими своей шпионской сетью, роли менялись, но они могли мыслить и как контрразведчики, что давало им возможность предвосхищать действия местных полицейских органов и расстраивать планы тамошних охотников за шпионами.

После возвращения из зарубежной командировки, во время которой сотрудники себя ничем особенно не проявили, они вновь могут быть назначены на работу в провинциальные полицейские учреждения.

¹ Пётр Дерябин и Фрэнк Гибни. Секретный мир. Нью-Йорк, Даблдей, 1959. (Примеч. автора.)

Таким образом, Советы имеют отработанную систему, которая позволяет избавиться от офицеров разведки, достигших предельного возраста или оказавшихся малоспособными. Если же офицеры хорошо зарекомендовали себя за рубежом, то их оставляют в Управлении внешней разведки. Они могут сделать карьеру в этом наиболее престижном и привилегированном подразделении советской секретной службы.

Советский гражданин обычно не обращается в разведку с просьбой принять его на работу. Разведслужба сама подбирает кадры для себя. Чаще всего до рекомендации высших партийных органов. Отобранные молодые люди должны быть членами или кандидатами в члены КПСС или же состоять в комсомоле — своего рода молодежной компартии. Их прошлое — безупречно в политическом отношении — по коммунистическим стандартам. Это означает: у них не может быть никаких «буржуазных пятен» в биографии или разногласий с режимом, даже малейших отклонений. И не только у них, но и у членов их семей, близких и дальних родственников, и чтобы предки были в порядке.

Тщеславный молодой человек, мечтающий о карьере в одной из служб советской разведки, — такой тип пользуется предпочтением. Работа в органах госбезопасности открывает перед ним двери в «новый советский класс» — элиту, знать советского государства. Офицеры разведки имеют те же звания, что и в армии. Правда, пользоваться ими они могут лишь во время службы в Советском Союзе. Рудольф Абель¹, велико-

¹ А б е л ь Р у д о л ь ф Иванович (настоящие фамилия и имя — Фишер Вильям Генрикович) (1903—1971) — выдающийся советский разведчик. В 1957 г. при выполнении разведзадания в США арестован, приговорен американским судом к 30 годам каторжной тюрьмы. В 1962 г. возвращен на родину в результате обмена на американского летчика Ф. Пауэрса, сбитого на самолете-шпионе «У-2» 1 мая 1960 г. в советском воздушном пространстве.

лепно сыгравший роль второстепенного фотографа в Бруклине¹, был полковником советской разведки. Руководители крупных управлений имеют обычно звания генерал-майор или генерал-лейтенант. Служба в органах госбезопасности и в разведке при Хрущеве была намного престижнее, чем в армии. Офицеры разведки получают денежное содержание значительно большее, чем такие же чины в бюрократии других союзных ведомств. Они свободно выезжают за границу, что разрешено лишь немногим советским гражданам. Карьера в разведке может открыть дорогу в высшие политические круги и служить трамплином для занятия высших постов в Коммунистической партии.

Офицеры разведки — особая порода людей. Это они руководили такими агентами, как Чэмберс и Клаус Фукс, Розенберги, Берджесс и Маклин, Джордж Блейк, Хаутон и Вассал. Они добились выдающихся успехов. Какие же у них слабости и недостатки?

У советской службы безопасности те же слабости, которые присущи советской бюрократии и коммунистическому обществу вообще. Но главный недостаток — это безразличие к личности, ее чувствам и стремлениям. Отсюда несправедливые назначения по службе, непризнание природных способностей или заслуженных успехов, пристрастные наказания, что вызывает у советского человека — да так реагировал бы и любой другой гомо сапиенс — боязнь проявить инициативу, пассивность, раздражение и недовольство. Служба в условиях советской бюрократии не способствует независимому мышлению и выработке качеств руководителя. Должностное лицо в советской разведывательной службе, как и в любом другом учреждении старается не брать на себя

¹ Район в Нью-Йорке.

ответственность, чтобы не рисковать своей карьерой. Там прочно укоренилась тенденция выполнять задания от сих и до сих — по инструкции, приспособливаться, уклоняться от трудного задания и сваливать вину на другого, если дело принимает нежелательный оборот.

Теперь понятно, что руководители советской разведки, командируя своих офицеров за границу, каждый раз рисуют: сумеют ли они противостоять воздействию той самой системы, которую они призваны разрушить. Если по какой-то причине советский разведчик испытывает разочарование коммунистическим образом жизни или же недоволен службой и своим начальством, его соприкосновение с западным миром может стать своего рода катализатором бурного всплеска этого недовольства и как следствие — разрыв с Советами. Непрерывно растущее число офицеров разведки Кремля, перешедших на нашу сторону, убедительно свидетельствует: советская разведка ни в коем случае не является столь монолитной и неуязвимой, как тщится доказать всему миру московское правительство.

СОВЕТСКИЕ МЕТОДЫ — «ЛЕГАЛЬНЫЕ» И «НЕЛЕГАЛЬНЫЕ»

В одной из предыдущих глав я уже говорил о нелегалах, как о разведчиках, сделанных по образу и подобию других людей. В практике советской разведслужбы за границу в качестве нелегалов направляются не только агенты, но и кадровые офицеры. В двадцатые годы, когда Советы руководили разведывательными операциями из своих зарубежных дипломатических учреждений, эти операции, которые в то время не были особенно тонкими и хит-

роумными, часто проваливались, наткнувшись на контрмеры местной полиции: она, как правило, быстро устанавливала, что шпионские нити ведут в советское посольство. Разведывательный персонал, имевший отношение к провалившейся операции и работавший под «крышой» дипломатической миссии или посольства, немедленно отзывался. Подобные чрезвычайные происшествия часто наносили ущерб советским отношениям с такими крупными государствами, как Франция и Англия. А с ними Советы по экономическим и другим важным причинам хотели бы сохранить хорошие взаимоотношения или, в крайнем случае, видимость таковых. Именно в то время Кремль начал попытки отделять шпионаж от дипломатии, что, по мнению советских правителей, пошло бы на пользу и шпионам и дипломатам. В конце концов возникла идея создать дублирующие шпионские аппараты в каждой стране. В составе посольств по-прежнему будут находиться офицеры разведки, но они ограничатся, за исключением чрезвычайных случаев, лишь проведением «чистых» операций (о них я расскажу подробнее ниже). Такую шпионскую организацию внутри посольств Советы назвали «легальной резидентурой». За стенами дипломатического представительства, где-нибудь подальше от него, под вывеской какого-нибудь безобидного предприятия или заведения, скажем, книжной лавочки или фотографии, прячется другой, шпионский центр, предназначенный для ведения «грязных» операций. Это — «нелегальная резидентура». В нее входят офицеры, которые в течение ряда лет самым тщательным образом воплощаются в местных граждан или иностранцев, да так, что в них практически невозможно признать выходцев из Советского Союза. Таким же методом готовятся агенты и другой разведыватель-

ный персонал. Нелегал, пока его не задержали вместе с агентом или если агент не выдаст его, может легко исчезнуть из поля зрения контрразведки. И никакой след не поведет к советскому дипломатическому учреждению. Значит, оно не будет скомпрометировано, а его руководители не окажутся в затруднительном положении. Основополагающий принцип созданного двойного механизма: ни тот ни другой шпионский центр не ведут общих дел, за исключением чрезвычайных случаев. И у каждого — отдельный канал связи с Москвой. И тот и другой получает приказы только от московского центра. Легальная резидентура пользуется дипломатической связью. Нелегальную обслуживают собственные радисты. Радиосвязь — наиболее опасная сфера деятельности нелегалов. Во время войны большинство крупных агентурных сетей советской разведки были раскрыты немцами как раз из-за ошибок и упущений в области радиосвязи.

Сотрудник советской разведки, отобранный для нелегальной работы, командируется за рубеж на столько лет, сколько ему понадобится, чтобы в совершенстве овладеть языком той страны, где он будет действовать, а также досконально изучить быт и нравы и образ жизни местного населения этой страны. Однако в течение всего периода пребывания там перед ним не ставят никаких разведывательных задач. Он не делает ничего, что могло бы вызвать подозрение. Когда сотрудник достаточно акклиматизируется, следует команда возвратиться в Советский Союз, где он завершает подготовку и получает документы, необходимые для подкрепления его легенды — биографии. Затем его отправляют в страну для работы. Это может быть государство, где он проходил стажировку, или же совсем другое. И самое главное — теперь в сотруднике ни-

кто не распознает, что он советский гражданин или восточноевропеец. Все считают его либо немцем, либо скандинавом, либо южноамериканцем. Ибо его документы, язык, поведение, манеры, привычки — безупречны.

Иногда, чтобы обеспечить нелегалов подлинными документами, удостоверяющими личность, советская разведка использует бумаги лиц или даже целых семей, умерших или погибших, короче говоря, исчезнувших с лица земли. Так, например, когда после Первой мировой войны прибалтийские республики обрели самостоятельность, многие американцы литовского происхождения возвратились в родные пенаты вместе с детьми. Через два десятилетия Советы перешли государственные границы прибалтийских государств. Многие жители были арестованы, сосланы и уничтожены. Их документы, включая свидетельства о рождении детей в США, попали в руки советской полиции. А затем КГБ использовал эти бумаги, чтобы обеспечить своих агентов настоящими американскими паспортами¹.

В большинстве западных стран несложная процедура получения дубликатов свидетельств о рождении, браке, смерти и тому подобное позволяет разведывательным службам противника довольно просто приобрести имеющие юридическую силу документы для агентов. Такое положение дел нередко использовалось Советами в своих целях. Поэтому любые меры, направленные на усложнение процедуры оформления таких бумаг, несомненно, внесли бы определенный вклад в укрепление безопасности Запада.

¹ По законам США любое лицо, родившееся на их территории, имеет право на американское гражданство. Поэтому лицу, предъявившему выписку из актов гражданского состояния, подтверждающую факт рождения в США, выдается американский паспорт.

Поскольку нелегалы почти всегда прекрасно замаскированы и раскрыть их очень трудно, они представляют собой чрезвычайно серьезную угрозу для безопасности стран, против которых работают. Имеется достаточно доказательств, что Советы готовили разведчиков-нелегалов во все возрастающем числе, начиная с конца Второй мировой войны. В основном их используют в качестве руководителей шпионскими сетями и воздерживаются ставить перед ними задачи по проникновению на хорошо охраняемые объекты, не желая подвергать их опасности разоблачения.

Как бы то ни было, несмотря на тщательную и очень длительную подготовку, многие нелегалы, в том числе весьма опытные, в последние годы были разоблачены контрразведывательными службами Запада и арестованы. В 1957 году полковник Рудольф Абель, он же Эмиль Гольдфус, был арестован в Соединенных Штатах. Его судили и приговорили к тюремному заключению. В 1962 году Абеля обменяли на пилота сбитого над СССР самолета «У-2» Фрэнсиса Паузэrsa. В начале 1961 года англичане арестовали в Лондоне Конона Молодого, он же Гордон Лонсдейл, и вместе с ним четырех других советских агентов. Дело это получило название «секретного морского дела». Лонсдейл был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения и в настоящее время отбывает свой срок¹. Превращение советского гражданина Молодого в канадца Лонсдейла произошло давно, но Советы использовали его не в Канаде, где его могли быстро раскрыть — любая случайная встреча с земляком из «родного города» была чревата для него большой неприятно-

¹ А. Даллес писал свою книгу в 1962 г. Тогда К. Молодый (Г. Лонсдейл) находился в английской тюрьме. Но в 1964 г. его обменяли на провалившегося в СССР английского разведчика Г. Винна.

стью, — а в Англии: там он, как канадец, воспринимался вполне normally и был застрахован от роковых неожиданностей.

Если разведывательная служба тратит большие деньги и огромные усилия на перевоплощение своего сотрудника в нелегала, способного неприметно затеряться в толпе жителей другой страны, то она делает это в расчете, что он будет в течение длительного времени здесь активно работать на благо советского государства. Нелегальные сотрудники не могут рассчитывать на замену через сравнительно короткий срок службы за границей, как обычно происходит с официальными работниками дипломатических и разведывательных служб. Таким образом, если у нелегала есть семья, то, по вполне понятным причинам, она обычно не может следовать за ним. Жен и детей трудно «переделать». Поэтому в подавляющем большинстве случаев нелегал отправляется в длительную командировку один. Связь его с семьей в силу необходимости строго ограничена: ведь ее приходится поддерживать по секретным каналам. Единственное вещественное доказательство, по которому можно было судить о полковнике Абеле как о живом человеке, а не автомате с плотно сжатыми губами, — это несколько писем от жены и дочери, которые обнаружили в его вещах при аресте. А ведь он находился на нелегальном положении девять лет. И наверняка продолжал бы свою деятельность еще не один год, если бы его помощник, тоже нелегал, не дезертировал, явившись к нам с повинной.

Конечно, «крыша» посольства или торгового представительства предоставляет легальной резидентуре ряд преимуществ, которые невозможно получить нелегалам. Возьмем хотя бы такой случай. Разведчик, пользующийся прикрытием посольства, может уст-

новить полезные контакты в Кругах, куда он имеет доступ как дипломат. Нелегалу попасть туда просто невозможно¹.

Вот пример того, как разведчик работает с легальных позиций. Разведывательный центр хочет приобрести в одной из западных стран агента, который мог бы информировать о деятельности закрытого промышленного объекта. Советское торговое представительство дает в газетах объявление, что оно заинтересовано в закупке нестратегических изделий, изготовленных на этом предприятии или же на связанных с ним заводах. Их владельцы или представители наверняка заинтересуются предложением и нанесут визит в торговое представительство, чтобы выяснить возможность заключения соответствующих сделок. В ходе переговоров сотрудники советского учреждения предложат деловым людям заполнить опросные листы о личных данных, самой фирме, ее возможностях, финансовом положении, рекомендациях и так далее. Все эти материалы просмотрит офицер разведки, работающий в торговом представительстве. Если кого-либо из кандидатов сочтут перспективным — для этого тщательно взвесят все его личные качества и наклонности (особенно привлекают люди жадные и нуждающиеся в деньгах, стремящиеся возвыситься над другими), — с ним установят постоянную связь под тем предлогом, что выгодные и прочные деловые отношения сразу не наладишь. Для кандидата и его окружения разведкой тут никак не пахнет: ведь ничего противозаконного не делается.

Подобным же образом развиваются события, если офицер советской разведки, находящийся в составе посольства (в данном случае он тоже принадле-

¹ Но бывают, конечно, и исключения. Например, разведчик-нелегал Макс, советский гражданин, выдав себя за латиноамериканца, сделал блестящую карьеру в дипломатическом ведомстве одного из южноамериканских государств, став его послом в Европе.

жит к легальной резидентуре), встречает интересную и перспективную (конечно, с разведывательной точки зрения) личность из числа местных деятелей. Протокольные встречи, официальные званые обеды, различные мероприятия следуют одно за другим. Кандидат на вербовку в процессе этого общения тщательно изучается. Затем следуют попытки сблизиться с ним лично, установить дружеские отношения. Их стремятся закрепить, и «дружба» нередко становится базой для вербовки. В отличие от недавнего времени, советские разведчики сейчас гораздо чаще идут на риск такой вербовки. Кстати, некоторые из недавних подобных попыток советской разведки были настолько грубыми и неуклюжими, что приходится лишь удивляться. Ведь они предпринимались офицерами, использующими в качестве прикрытия деятельность в ООН. А там подвизаются опытные советские разведчики. И еще одно важное замечание. Факты последнего времени свидетельствуют: очевидно, Советам не удалось закрепить нелегалов в некоторых государствах, поэтому Кремль вынужден возвратиться к своей прежней практике — использовать легальных разведчиков даже для проведения рискованных операций.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПАРТИЙ

Советское правительство время от времени использует зарубежные коммунистические партии для ведения шпионажа. И старается делать это как можно реже. Ведь всякий раз, когда коммунисты арестовываются по шпионским делам, дискредитируется вся компартия. Каждому понятно: это вовсе не национальная политическая организация, исповедующая высокие идеалы, а послушный инстру-

мент враждебной иностранной державы, марионетка Москвы. Каждый раз, когда случались подобные разоблачения — особенно часто это бывало в двадцатые годы, — шпионская деятельность местных компартий свертывалась. Но проходило некоторое время, и все начиналось сначала. В конце концов в советском разведцентре убедились, что использовать плохо подготовленных для разведывательной работы лиц нецелесообразно, поскольку дилетанты быстро засвечивались и проваливали важные шпионские операции.

В тех странах, где деятельность компартий официально разрешена, и по разным причинам дело не было связано с созданием шпионских резидентур, советские разведслужбы были вынуждены обращаться за помощью к коммунистам. Так, например, случилось в Соединенных Штатах во время Второй мировой войны. Это вскрылось несколько позднее в результате разоблачения советских агентов, которые глубоко проникли в наши правительственные учреждения. Характерно, что одна из главных причин провалов советской разведки в США — плохая подготовка агентуры из числа коммунистов. Их идеологический уровень отвечал самым высоким требованиям. Но элементарные шпионские приемы они усвоили плохо. Видимо, не было достаточно времени и подходящих условий. Некоторым из привлеченных к шпионским делам претила такая деятельность, требовавшая изощренной конспирации и рабской дисциплины. Они, как, скажем, Уиттакер Чэмберс и Элизабет Бентли¹ в конце концов пере-

¹ У. Чэмберс и Э. Бентли — рядовые агенты советской военной разведки. Оба решили прекратить сотрудничество и явились с повинной в полицию. Чэмберс выдал сотрудника госдепартамента и аппарата Белого дома А. Хисса, поддерживавшего доверительные контакты с советскими разведчиками в конце 30-х — начале 40-х гг.

стали выполнять задания советской разведки, добровольно явились в ФБР и сделали признания.

Проблема приобретения качественной агентуры в Америке встала перед Советами сразу после окончания Второй мировой войны. И возникла она в первую очередь из-за того, что на нашу сторону добровольно перешел шифровальщик советского посольства в Оттаве Игорь Гузенко¹.

Как следствие этого Москва разослала в свои резидентуры секретный приказ: не привлекать более к разведывательной работе коммунистов.

Тем не менее аппараты коммунистических партий и организаций и сейчас используют для получения наводок на потенциальных агентов. В показаниях канадскому суду Гузенко впервые познакомил общественность с тщательно разработанной системой сотрудничества компартий с советской разведкой в области подбора агентурных кадров. Для этого применяются разнообразные методы и технические приемы. Так, на канадских военных заводах создавались группы друзей прогрессивной печати и кружки по изучению Советской России, которые объединяли рабочих и инженерно-технических специалистов, симпатизирующих СССР или желающих получить расширенную информацию о Советском государстве. И делалось это ради того, чтобы установить контакты с лицами, которых в дальнейшем можно было бы использовать для получения интересующей информации. В данном случае главная цель состояла в том, чтобы раскрыть секрет изготовления атомной бомбы.

¹ И. Гузенко, шифровальщик резидентуры Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, в сентябре 1945 г. изменил родине и попросил политическое убежище в США. К американским властям он явился не с пустыми руками, а прихватил портфель с совершенно секретными документами, раскрывающими цели и характер работы резидентуры ГРУ в Оттаве. Использовав эти материалы, контрразведывательные службы США и Канады разоблачили ряд агентов советской разведки.

Советы часто действуют, руководствуясь принципом: чтобы заставить человека делать то, что им надо, необходимо хитростью завлечь его в ловушку, в результате чего он оказался бы скомпрометирован. Тогда оперативный работник КГБ может легко окажаться на него давление и как угодно манипулировать своей жертвой, угрожая в случае неповиновения доставить компрометирующие сведения — смотря по обстоятельствам — до непосредственных начальников или властей. Случаи с Ирвином Скарбеком в Польше и Джоном Вассалом в СССР — ярко иллюстрируют этот излюбленный метод советской разведки.

На территории Советского Союза или его сателлитов, где Советы могут спокойно и беспрепятственно подготовить и осуществить инсценировку с привлечением агентов-провокаторов мужского или женского пола, обычно используется тактика завлечения людей в ловушку.

Грязную историю Вассала, сотрудника британского Адмиралтейства, который шпионил в пользу Советов в течение шести лет как в Москве, так и в Лондоне, — можно считать типичным случаем. По собственному опыту — а мне пришлось столкнуться с десятками подобных дел — могу сказать, что все операции с использованием ловушки разыгрываются по одному и тому же сценарию.

Офицеры КГБ, получившие задание заняться Вассалом, тщательно изучив его биографические данные и проанализировав его недостатки и слабости, решили вовлечь его в провокацию, в основу которой был положен серьезный порок: служащий английского посольства поклонялся гомосексуализму. Схема ловушки поражает своей банальностью: жертву пригласили на вечеринку, где создали условия, что-

бы она поддалась порочному искущению. Все это было записано на магнитофон и заснято на фотопленку. Затем Вассалу предъявили эти улики и поставили перед диллеммой: или он будет работать на советскую разведку, или же о его прегрешениях узнают руководители посольства. Незадачливый англичанин поддался шантажу и выбрал первое.

Если лицо, привлекшее внимание советской секретной службы, проявляет силу воли и находит в себе мужество рассказать своему начальнику, в какую гадкую историю он попал, попытка вербовки будет, естественно, сорвана. И не нужно опасаться каких-либо неприятных последствий со стороны Советов, даже если этот человек останется в СССР и продолжит свою службу.

Иногда старший начальник, в особенности если попытка вербовки была предпринята не в СССР, а в свободной стране, может начать игру с советской разведкой, чтобы, используя своего подчиненного, выявить всех агентов противника, задействованных в этой операции, и выяснить их тактику и методы работы. Тогда на некоторое время его сотрудник будет играть роль агента-двойника. Если же он не подходит для выполнения такой миссии, ему рекомендуют заявить ловцам душ, чтобы они оставили его в покое, и порвать с ними.

В ходе официального расследования дела Вассала выяснилось одно характерное обстоятельство: советская разведка, потерпев неудачу в операции, связанной с шантажом, больше не пытается повторить ее. Тот же самый агент КГБ (он служил в английском посольстве и пользовался там полным доверием), который заманил Вассала в гомосексуальную западню, позже, также используя шантаж, попробовал завербовать одного из механиков посольства (тот тоже совершил неблаговидный поступок: был замешан в

сделках на «черном рынке»). В секретной полиции рассчитывали, что эта жертва согласится сотрудничать, боясь разоблачения. Однако механик сообщил о домогательствах КГБ своему начальству. Его немедленно отправили в Англию, а советского агента, который причинил такой вред, выставили из посольства. В то время англичане, конечно, еще не знали о его причастности к вербовке Вассала¹.

Нам удалось вскрыть довольно интересный факт: некоторые сотрудники КГБ почувствовали очень большое отвращение к роли, порученной им при подобного рода вербовках, что у них самих появлялось желание порвать со всей этой грязью и изменять такую службу на лучшую жизнь.

Поскольку гомосексуализм сыграл заметную роль в большинстве из пользующихся дурной славой случаев последних лет, таких, как история с Вассалом, можно сказать, что использование человеческих пороков стало главным инструментом воздействия советской разведки на объект вербовки. Вместе с тем нужно учесть, что КГБ и разведывательные службы советских сателлитов со временем убедились: шантаж, основанный на страхе перед раскрытием уголовно наказуемых и осуждаемых обществом извращений, не всегда оказывает воздействие на кандидата в шпионы. Это зависит от нравов и моральных стандартов страны, гражданином которой он является. Если на его родине нарушение, скажем супружеской верности, рассматривают как серьезный нравственный проступок, естественно, человек, ставший на

¹ Не исключено, что какой-нибудь мой читатель уже сталкивался с попыткой подобного шантажа. Или встретится с ней в будущем. Полагаю, что мой рассказ поможет ему разгадать игру разведки противника. Хочу лишь пожелать ему, чтобы он непременно добровольно решился сделать откровенное признание своим властям. Такой шаг будет оценен по достоинству, ибо помешает советской разведке и разведслужбам сателлитов успешно пользоваться в дальнейшем своими излюбленными методами вербовки. (Примеч. автора.)

такой путь, будет опасаться, что сильно подорвет свой авторитет, когда окружающие вдруг узнают об этом. Он готов пойти на все, чтобы его тайна не выплыла наружу, — и поэтому становится легкой добычей советской разведки.

Воздержусь от перечисления стран, которые, по мнению Советов, подпадают под ту или иную категорию, ибо хочу избежать открытия международных дебатов по такому щекотливому вопросу. И все же не могу удержаться, чтобы не поведать историю, рассказалую мне несколько лет тому назад. Это случилось в те времена, когда чиновники некоего европейского сателлита СССР еще не знали толком, как относятся на самом деле к социальным вопросам в соседних западных странах. Секретная полиция государства, о котором идет речь, получила несколько фотоснимков, весьма компрометирующих одного западного дипломата. Ловцы человеческих душ рассчитывали использовать фотографии, чтобы заставить этого джентльмена сотрудничать с их разведывательной службой. Под каким-то благовидным предлогом дипломата пригласили в помещение секретной службы и предъявили снимки, прозрачно намекнув, что вряд ли супруга, да и вышестоящие начальники испытывают чувство гордости за него, если им показать эти интересные картинки. Но вопреки их ожиданиям, джентльмен остался совершенно спокоен. Он с любопытством рассмотрел разложенные на столе компрометирующие его фотоматериалы и хладнокровно произнес: «Чудесная работа! Хотел бы знать, будут ли ваши ребята столь любезны, чтобы сделать для меня несколько фотокопий. Мне нужно по две штуки вот этих и по две штуки тех...» Либо этот господин обладал железными нервами и ничто не могло взволновать его, либо знал, как следует обходиться с шантажистами.

Совершенно иной характер носит давление Советов и их сателлитов на эмигрантов и перемещенных лиц, имеющих близких родственников за «железным занавесом». Любой эмигрант на Западе может ожидать, что в один совсем не прекрасный для него день ему нанесет визит незнакомец и сделает вполне конкретное предложение: «Давайте сотрудничать с нами, или же вашей матери (брату, жене, детям и так далее) будет плохо». Но поскольку эмигрант может найти в себе мужество сообщить местным властям о домогательстве вербовщика, что приведет к задержанию и аресту агента, операция на практике, конечно, проводится не в такой грубой форме. Кандидат на вербовку получает письмо от одного из своих ближайших родственников на родине. В завуалированной форме тот сообщает, что власти наводят об эмигранте справки и что это может быть связано с неприятностями для его родных. Не исключено, что письмо может быть и сфабриковано секретной службой, особенно если эмигрант не поддерживает регулярную переписку с родственниками. Но в большинстве случаев письмо настоящее и написано близким человеком после доверительной беседы с сотрудником секретной полиции. Эмигрант, естественно, забеспокоится и скорее всего пошлет домой ответ и поинтересуется, как там идут дела. Родственник, опять же под диктовку секретной службы, сообщит, что он сейчас переживает трудные времена, но его положение можно улучшить, если эмигрант побеседует с сотрудником посольства их родной страны, куда он должен обратиться. Разведслужба Советов (или их сателлитов), по всей видимости, оценивает возможность успешной вербовки по тону ответного письма. Этот ход уменьшает риск провала агента-вербовщика и дает известную гарантию, что эмигрант не обратится к властям страны, которая его

приютила. Пока Советы не убедятся, что кандидат на вербовку готов принять их правила игры, они стараются не проводить с ним решающего разговора. Иногда такие приемы используются для того, чтобы убедить бежавших в свое время из стран за «железным занавесом» людей вернуться «домой».

ФОРМА СОВЕТСКИХ АКЦИЙ МЕНЯЕТСЯ

Успехи советской разведки в достижении поставленных перед ней целей ярче всего иллюстрируют ее операции в период Второй мировой войны, о которых мы узнали значительно позже. При этом нужно признать, что многие акции Советов еще не попали в поле нашего зрения. Но тех, что стали известны, вполне достаточно, чтобы подтвердить способность советской секретной службы даже в исключительно неблагоприятных условиях устанавливать и поддерживать тайные контакты на самом высоком уровне с источниками информации и таким образом получать важнейшие сведения.

Многие из этих операций успешно завершились потому, что их проводили люди, не только убежденные в преимуществе коммунистической идеологии, но занимавшие важные посты в правительствах или ключевых государственных учреждениях. Клаус Фукс, атомный шпион, — бесспорно, самое яркое дело, где Советы достигли максимального разведывательного успеха. Он был ведущим научным сотрудником в ключевых британских и американских научно-исследовательских институтах, где создавалась первая в мире атомная бомба. Но самое главное — он был убежденным коммунистом. Ныне Советы не могут рассчитывать — по крайней мере в странах своих главных противников — на то, что

им удастся найти агентов подобного масштаба, которые стали бы бескорыстно сотрудничать с ними на идейной базе. Поэтому они вынуждены все больше прибегать к другой тактике, где в ход идут главным образом шантаж и крупные денежные или материальные посулы.

Советские операции периода Второй мировой войны можно подразделить на два вида: те, что были направлены против Германии и ее сателлитов, и те, которые были обращены против западных союзников. В обоих случаях советская разведка должна была выполнять приказ Сталина: добывать документы, проникать непосредственно в те правительственные круги, где принимаются важные военные и политические решения. И непрерывно выуживать факты и цифры. В Германии, еще до ее нападения на Россию, и в Японии, с которой Советы поддерживали мирные отношения вплоть до самого конца войны, главная задача советской разведки заключалась в том, чтобы выявить масштабы и характер военных приготовлений против СССР.

В Японии самая значительная советская разведывательная сеть, возглавляемая немцем Рихардом Зорге¹, состояла почти целиком из японских чиновников и журналистов, большинство из которых симпатизировало коммунизму еще со студенческой поры. Главное достижение группы Зорге: Сталин в середине 1941 года получил точные данные, что японцы не выступят против СССР и что они начали концентрировать свои силы для военных действий в Юго-Восточной

¹ З о р г е Р и х а р д (1895—1944) — выдающийся советский разведчик, гражданин СССР. В 30—40-х годах, находясь в Германии, Китае и Японии в качестве немецкого журналиста, добывал ценную развединформацию. Сообщил дату предстоящего вторжения немецко-фашистских войск в СССР, количество дивизий и общую схему их плана военных действий. В октябре 1941 г. арестован японской контрразведкой и в ноябре 1944 г. казнен.

Азии и на Тихом океане — то есть что Токио отдал предпочтение тактике Перл-Харбора. Эта информация позволила Сталину перебросить значительное число дивизий с Дальнего Востока под Москву, ибо он убедился, что ему не придется вести войну на два фронта. Stalin даже признал, что он в долгу у Zорге, но не сделал ничего, чтобы спасти его, когда разведчика схватила японская контрразведка. Была ликвидирована и вся группа Zорге, но она успела сделать свое главное дело.

В Берлине Советы создали сильную шпионскую резидентуру, получавшую важную информацию из главных штабов сухопутных и военно-воздушных сил, а также министерства иностранных дел Германии. Ее возглавили Шульце-Бойзен и Харнак¹. Что касается задач и структуры этой резидентуры, ее можно сравнить с группой Zорге. Однако берлинская группа была укомплектована непрофессиональными разведчиками. В нее входило от тридцати до сорока антинацистски и прокоммунистически настроенных немцев — военные, чиновники, лица свободных профессий, аристократы, служившие во многих министерствах и ведомствах и в вооруженных силах фашистской Германии. Они плохо соблюдали правила конспирации и неизбежно должны были провалиться, что и случилось в 1942 году.

Шульце-Бойзен был офицером разведки в министерстве авиации, Харнак — сотрудник министерства экономики (кстати, его жена Милдред Фиш — американка, ее, как и всех руководителей группы, казни-

¹ Речь идет о резидентуре внешней разведки НКВД-НКГБ СССР, которую возглавляли ценные агенты Харро Шульце-Бойзен (1909—1942) и Арвид Харнак (1901—1942). Х. Шульце-Бойзен — псевдоним Старшина — обер-лейтенант, сотрудник разведывательной службы главного штаба германских BBC. Казнен в декабре 1942 г. по личному указанию Гитлера. Посмертно награжден орденом Красного Знамени. А. Харнак (Корсиканец) — старший правительственный советник в министерстве экономики Германии. Казнен в декабре 1942 г. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

ли). Широко разветвленные связи Щульце-Бойзена и Харнака сослужили Советам хорошую службу. В 1939—1942 годах резидентура направила в московский Центр несколько сот донесений, очень важных для Советов, поскольку в них содержалась детальная информация о дислокации германских ВВС и авиационных заводов, передвижениях войск и директивах верховного командования (например, решение отказаться от штурма Ленинграда, окружить его и установить блокаду).

Специальное отделение гестапо, созданное для борьбы с советской шпионской организацией в Берлине и ряде стран Западной Европы, дало ей кодовое название «Красная капелла» или «Красный оркестр» — настолько удачное, что им стала пользоваться даже разведслужба Кремля. В конце 1942 года резидентура была раскрыта и ликвидирована. Но Советы активизировали свою шпионскую группу в Швейцарии, которая приобрела фантастический источник, получавший первоклассную информацию из Германии. Речь идет о Рудольфе Рёсслере (псевдоним Люци)¹, кото-

¹ Рудольф Рёсслер — немецкий журналист и издатель, эмигрировал в Швейцарию вскоре после прихода Гитлера к власти. Поселился в Люцерне, создал там книжное издательство «Вита-Нова». Убежденный антинацист, он связался с оппозиционными Гитлеру кругами в Германии, в которые входили лица, занимавшие ответственные посты в немецкой армии, министерстве иностранных дел, партийной канцелярии и других ключевых министерствах и ведомствах Третьего рейха. Еще до войны Р. Рёсслер стал сотрудничать со швейцарской разведкой. После начала военных действий в Европе с согласия швейцарцев стал передавать информацию английской и американской разведслужбам. В конце 1942 г. Рёсслер согласился сотрудничать со швейцарской резидентурой разведуправления Красной Армии, которую возглавлял выдающийся советский разведчик Шандор Радо (псевдоним Дора). Люцернский издатель мотивировал свое решение тем, что возмущен нежеланием западных союзников использовать получаемую от него информацию. Рёсслер до провала резидентуры Доры в ноябре 1943 г. регулярно передавал ценные сведения. Свои источники в Германии он не раскрыл, но резидент на этом и не настаивал: таково было условие, на котором Рёсслер (он получил псевдоним Люци — от названия города, в котором жил) согласился сотрудничать с советской разведкой. После 1943 г. связь с ним не восстанавливалась. Он был арестован швейцарскими властями по делу Доры, просидел в тюрьме несколько лет. Выйдя из заключения, остался в Швейцарии, где прожил до своей смерти в 1981 г.

рый, каким-то образом до сих пор не раскрытым, не выезжая из Швейцарии, получал нередко менее чем через сутки разведывательные данные из верховного командования вооруженных сил Германии о принятых там решениях, касающихся Восточного фронта. Рёсслер, конечно, неординарная личность: его можно назвать прокоммунистическим католиком. Александр Фут¹ — радиист советской резидентуры в Швейцарии, передавший информацию Люци в Москву, написал о нем:

«Люци... держал в своих руках нити, идущие прямо из главных штабов трех родов германских вооруженных сил... Кроме того, он получал информацию из других немецких ведомств... Всякий, кому приходилось руководить сражениями из генерального штаба, знает, что дает возможность правильно и своевременно расставлять на оперативной карте флаги, обозначающие дислокацию частей и соединений противника, и соответственно планировать диспозицию собственных войск... Информация Люци часто позволяла Москве занять выигрышную позицию. Поэтому трудно переоценить его вклад в стратегию и тактику Красной Армии и, как итог, в безоговорочную капитуляцию вермахта»².

Зорге, «Красная капелла» и Люци — три лучшие операции советской разведки военного времени, конечно, из тех, что стали нам известны. Информация, которую секретная служба Москвы получила в результате проведения шпионских операций в годы Второй мировой войны, оказалась столь качественной, что разведка любой другой страны может об этом только мечтать.

¹ А. Фут — английский коммунист. В ноябре 1943 г. был арестован швейцарской полицией по делу Доры. До конца войны находился в заключении. В 1945 г. был освобожден и приехал в Советский Союз. Год спустя выехал в Швецию, затем Англию, где выступил с клеветническими заявлениями, дискредитирующими советскую разведку.

² Фут А. Руководство для шпионов. Лондон, 1949. (Примеч. автора.)

В союзных странах Советы, по сути дела, преследовали две цели. Сталин не доверял ни Рузельту, ни Черчиллю и уже в самом начале союзнического сотрудничества думал о неминуемом столкновении интересов в послевоенном мире. Поэтому одной из главных целей советской разведки было проникновение в министерства, ведомства и другие правительственные организации США и Англии, которые занимались решением мирных проблем. Другая важная цель касалась сферы науки, и в частности вопросов изучения атома. Советам было известно о значительных совместных усилиях западных союзников в области атомных исследований, и они хотели извлечь из этого для себя выгоду. Поэтому и появились Фукс, Алан Мей, Розенберги, Грингласс, Голд и множество других лиц, попавших в поле зрения нашей контрразведки в послевоенные годы¹.

В памяти нашей общественности дела и фамилии советских агентов, действовавших в чисто политической сфере, можно сказать, не сохранились, за исключением, пожалуй, дел Хисса и Берджесса — Маклина².

¹ Здесь перечислены фамилии агентов советской разведки, занимавшихся атомным шпионажем во время войны и в первые послевоенные годы. Автор ошибочно упомянул чету Розенбергов. Недавно выяснилось, что они никакого отношения к атомному шпионажу не имели. Розенберг, будучи действительно советским агентом, передавал информацию, но по другим научно-техническим проблемам.

² Элджер Хисс — руководящий сотрудник аппарата Белого дома при президенте Рузельте. В феврале 1945 г. сопровождал его на Ялтинскую конференцию. После войны возглавлял фонд Карнеги за установление международного мира. В 1950 г. был осужден за сотрудничество с советской разведкой к пяти годам тюрьмы. Гай Берджесс и Дональд Маклин — ответственные сотрудники министерства иностранных дел Великобритании (последний занимал, например, должность начальника американского отдела Форин Офис). Оба они — ценные агенты внешнеполитической разведки НКВД-МГБ. Были связаны с выдающимся советским разведчиком Гарольдом (Кимом) Филби (1912—1980), внедрившимся в 1941 г. в Сикрет интеллидженс сервис и прослужившим в ней более 20 лет. Занимал в английской разведке ряд руководящих постов. В 1963 г. из-за угрозы провала выехал в Советский Союз. Г. Берджесс и Д. Маклин еще до этого были раскрыты английской контрразведкой, но сумели в 1952 г. бежать в СССР.

Факт остается фактом: чтобы выяснить послевоенные планы правительства Соединенных Штатов в отношении Германии, Центральной Европы и Японии, Советы еще во время войны использовали более сорока ценных агентов в различных департаментах и управлениях Вашингтона. По крайней мере, таковым было число раскрытых дел, а сколько сохранилось в тайне, мы не знаем. Почти все разоблаченные агенты, как и атомные шпионы, в то время разделяли коммунистические взгляды. Многие, однако, сейчас от них отреклись.

Нашумевшая в 1951 году история Берджесса—Маклина, двух высокопоставленных английских дипломатов, внезапно бежавших в Советскую Россию, по моему мнению, была неправильно преподнесена как дело о «дезертирстве». Суть в том, что сенсационная ситуация затмила реальную сторону дела. Обоих нельзя считать обычными перебежчиками. Они бежали потому, что их вовремя предупредил третий — Гарольд (Ким) Филби: британская служба безопасности напала на след. Все трое занимали ответственные должности в министерстве иностранных дел Великобритании и работали на советскую разведку в течение многих лет. Они начали симпатизировать коммунизму еще с тридцатых годов, будучи студентами Кембриджского университета. Их ценность для Советов возросла после того, как в начале пятидесятых каждый из них поработал в английском посольстве в Вашингтоне. Шпионская деятельность Филби была раскрыта в 1963 году, когда он последовал примеру двух других сообщников и скрылся за «железным занавесом».

В последние десять лет, насколько можно судить по делам, получившим известность, советская разведка в поисках агентов, занимающих в США и Великобритании перспективные, с ее точки зрения,

позиций, перестала опираться на коммунистов и им симпатизирующих, какими были Фукс—Розенберги—Берджесс—Маклин. На это имелся ряд причин. Враждебные и агрессивные намерения Советской России нельзя было больше маскировать внешне дружескими дипломатическими отношениями. Спектакль, всякий раз разыгрываемый Соединенными Штатами или Великобританией, которые мягко нахимали на тормозные педали там, где дело касалось советского шпионажа, поскольку политика тридцатых годов и во время войны требовала соблюдать деликатность в отношениях с Советами, после 1947 года был уже немыслим. С этого времени стали приниматься меры безопасности, беспрецедентные в истории как нашей страны, так и других западных государств, чтобы оградить правительственные учреждения, военные сооружения и важнейшие научные и промышленные объекты от проникновения в них агентов советской разведки или лиц, которые могли бы стать шпионами КГБ. Вместе с тем утрата в послевоенный период иллюзий у многих интеллигентов по поводу утопических целей коммунизма привела к тому, что в пятидесятых годах уже не наблюдалась тяга студентов и молодых интеллектуалов к изучению коммунистических теорий и осуществлению их на практике, как это было в годы депрессии до начала Второй мировой войны.

Советы стали предпочитать других помощников — лиц, имевших иные мотивы для сотрудничества с ними, желали они того или нет. Наверное, наиболее типичным явлением в ранний послевоенный период, которое иллюстрирует способность советской разведки быстро приспосабливаться к изменившимся условиям и еще раз подтверждает тот факт, что в основе коммунистической тактики заложен хладнокровный pragmatism, была массовая вербовка бывших эсэсов-

цев и военных преступников как в Восточной, так и в Западной Германии. Советы считали, что в их распоряжении имелись два мощных фактора, которые они могли использовать для воздействия на этих типов. Прежде всего, по соглашению между союзниками, бывшие эсэсовцы и военные преступники относились к категории лиц, подлежащих автоматическому аресту. Военная администрация в нашей зоне оккупации Германии многих из них отправила в тюрьму. А Советы даже расстреляли некоторых наиболее одиозных преступников. И едва ли можно было найти лучший способ форсированной вербовки агента, чем обещание избавить его от ареста или освободить от тюремного заключения, которое грозило затянуться на долгие годы. Кто мог устоять против такого обещания за небольшую любезность — согласиться стать нашим шпионом? Таковой была линия, которой Советы придерживались в Восточной Германии. В Западной же процедура денацификации значительно осложнила возможность получения бывшими эсэсовцами, гестаповцами и членами других нацистских организаций приличной работы. Многие из этих типов, которые совсем недавно в нацистской Германии находились в верхних эшелонах власти, сейчас были изгнаны из общества, стали безработными, оказались в стесненном материальном положении, даже нищете. Их отношение к американским и английским оккупационным властям, мягко говоря, можно было оценить как негативное. Они достаточно созрели, чтобы принять советское предложение об измене родине. Собственно, они не видели в этом никакого преступления. Ведь, по их мнению, в Германии, находившейся под управлением иностранной военной администрации, не было реальной национальной власти, к которой они обязаны быть лояльными.

Характерным примером можно считать случай с занимавшим ответственную должность в западно-германской Федеральной разведывательной службе Хайнцем Фельфе¹, который был разоблачен своими коллегами и руководством в ноябре 1961 года. Буквально с первого дня своей службы в ФРС, долгие десять лет, он передавал Советам все, что знал о деятельности этой разведывательной организации. В 1945 году Фельфе, совсем еще молодой сотрудник отдела зарубежной разведки Главного управления имперской безопасности, занимал там небольшую должность. Он был родом из той части Германии, которая после окончания войны подпала под советскую оккупацию. Но его взяли в плен англичане, поскольку он оказался в Голландии. Вскоре его освободили. Пройдя процедуру денацификации, он попытался осесть в Западной Германии. Но столкнулся с большими трудностями в получении работы, которая была бы ему по душе. И все же, вооружившись мандатами и рекомендательными письмами, полученными от простаков, которых сумел уговорить, он подал прошение о приеме на работу в полицию. Это было единственное занятие, в котором он знал толк и которое ему нравилось. В сумбурной обстановке, царившей в тогдашних немецких учреждениях, за которыми присматривали союзники, он получил место в одной из служб, подведом-

¹ Ф е л ь ф е Х а й н ц — ценный агент внешней разведки МГБ-КГБ. Сумел внедриться в шпионскую организацию, созданную по заданию американской секретной службы в 1946 г. в Западной Германии бывшим нацистским генерал-лейтенантом Райнхардом Геленом. В 1956 г. эта организация была передана правительству Федеративной республики Германии и получила название Федеральной разведывательной службы. Фельфе сделал в ФРС быструю карьеру и занял высокую должность начальника контрразведывательного отдела. В 1961 г. он был раскрыт, арестован и осужден к длительному тюремному заключению. По отбытии срока выехал в ГДР, где занялся преподавательской деятельностью. Был профессором криминалистики в Берлинском университете. Сейчас проживает в ФРГ.

ственных контрразведке. Впоследствии установили, что ему помогли некоторые немецкие чиновники, которые были связаны с русскими.

Вскоре сам Фельфе стал советским агентом, угодив в лапы МГБ, когда тайно навестил родные края в Восточной Германии. Навел на него русских давний друг, тоже бывший эсэсовец, который уже некоторое время работал на советскую разведку. Фельфе, в свою очередь, дал наводки для вербовки своих коллег. Советы недорого заплатили за это — отпустили прошлые грехи, вручили немного денег, а на будущее обещали свою протекцию. Но над головами этих людей повис меч и их предупредили: он упадет в случае, если они предадут Советы. Советская разведка подбирала всех бывших эсэсовцев, с которыми только могла поладить. Некоторые оказались настолько ловкими, что сумели проложить себе дорогу в Федеральную разведывательную службу. Фельфе был одним из них и со временем стал высоко оплачиваемым агентом.

Случай с Фельфе — один из примеров вербовки агентов советской разведкой на базе нацистского прошлого. КГБ и сейчас не прочь использовать в этих же целях лиц, которые были и остались верны коммунистической идеологии, но тщательно скрывают это, как и свою принадлежность к компартии в прошлом. Именно так возникло дело Альфреда Френцеля, известного члена западногерманского парламента (бундестага), в который он впервые был избран в 1953 году. В течение ряда лет он работал в парламентском комитете по вопросам немецкой обороны и в таком качестве имел доступ к информации о строительстве и оснащении западногерманских вооруженных сил и связанных с этим планах НАТО.

Френцель — выходец из Судетской области Чехословакии. Там он в течение некоторого времени

был членом коммунистической партии, но его исключили по обвинению в растрате партийных денежных средств. Все это хорошо знала чехословацкая секретная служба.

Как и многие его земляки — судетские немцы, Френцель получил убежище в Западной Германии в послевоенные годы. Здесь он вступил на поприще политической деятельности, имел большой успех и полагал, что надежно похоронил свое прошлое. Когда чехословацкая разведка вышла на него в середине пятидесятых годов и пригрозила разрушить его карьеру, раскрыв его прошлую принадлежность к коммунистической партии, если он не согласится на секретное сотрудничество, Френцель довольно легко сдался. Он был идеальным объектом для вербовки, поскольку занимал видное политическое положение и в то же время скрывал достаточно преступное коммунистическое прошлое: разоблачение означало бы для него крах. В этом деле, как и в случае с Фельфе, Советы могли предложить ему финансовую помощь и протекцию. В течение целых пяти лет, вплоть до октября 1960 года, когда он был арестован, Френцель работал на чехословацкую секретную службу, а через нее и на советскую разведку. Хозяева из КГБ тщательно заботились о том, чтобы его «шпионский товар» хорошо оплачивался, а личная безопасность была надежно обеспечена.

Наряду с этим отмечается несколько случаев вербовки на территории Западной Германии на базе того, что объекты до их бегства на Запад совершили в советской зоне оккупации неблаговидные поступки. Подобные факты тщательно фиксировались, а затем пускались в ход. Так случилось с Розалией Кунце, секретаршей адмирала Вагнера, командующего западногерманским военно-морским флотом,

которая была завербована Советами. В ряде случаев врачи, сделавшие подпольные аборты в Восточной Германии, брались на учет и становились объектами вербовки, когда переезжали на жительство в Западную Германию.

Не имеющие корней бродяги, перемещенные лица послевоенной Европы — эта среда всегда привлекала большое внимание разведслужбы Кремля. Советская разведка пытается приобрести агентуру и среди тех, кто имеет крышу над головой в своей собственной стране, то есть среди людей сравнительно благополучной судьбы. Но она неустанно ищет неудачников, недовольных, тех, кто испытывает материальные затруднения или у кого не удовлетворены амбиции, людей несчастливых или порочных — гомосексуалистов, алкоголиков, наркоманов. Короче говоря, типов социально неустойчивых, которым достаточно лишь легкого толчка, легкого соблазна, чтобы они вступили на путь предательства. Некоторых из них необходимо завлечь в западню, но иногда и этого не требуется.

Конечно, руководители советской разведки отдают себе отчет в том, что лица морально ущемленные, слабые психологически не могут быть, как правило, ценными агентами. Их используют поэтому лишь там, где под рукою нет ничего лучшего. Советы, безусловно, предпочли бы лиц, симпатизирующих коммунистической идеологии. Таких они стараются найти и сейчас — сочувствующих, но, конечно, не состоящих в компартии.

Два недавних случая, которые произошли в далеко расположенных друг от друга районах, свидетельствуют, по-моему, о трудностях, которые испытывает советская разведка в настоящее время. Два советских дипломата в Исландии совсем недавно были высланы из страны за то, что попытались оказать давление

на молодого исландского фермера с целью привлечения его к шпионской деятельности в пользу Советского Союза. Они потребовали, чтобы он собирал для них информацию о военно-воздушной базе НАТО в Кефлавике¹. Чем особо интересен этот случай в наше быстро меняющееся время, так это тем, что человек, привлекший внимание советской разведки, некто Рагнар Гуннарссон, тридцати двух лет от роду, носил в своем кармане членский билет коммунистической партии, членом которой он состоит до сих пор — по крайней мере, до февраля 1963 года, когда была закончена эта книга.

И тем не менее — это очень симптоматично — коммунист отказался принять советское предложение, сообщил исландской полиции о домогательствах московских разведчиков и помог полицейским поймать их с поличным.

Советы обрабатывали Гуннарссона в течение длительного периода времени. Когда ему было всего двадцать два года, его пригласили посетить Советский Союз в составе туристической группы: трехнедельную поездку за счет советской стороны совершили тогда девять молодых исландцев. После того как вербовка сорвалась, советские представители пытались взыскать с Гуннарссона расходы по поездке в СССР, но он послал их куда подальше. Так и не смогли понять вербовщики КГБ: то ли они напали не на того человека, то ли времена изменились. Последнее более вероятно: теперь не каждый коммунист чувствует себя обязанным шпионить для Советского Союза. Некоторые даже предпринимают шаги, чтобы расстроить планы агентов КГБ, дают им решительный отпор. Уиттакер Чэмберс и Элизабет Бент-

¹ Объективности ради следует уточнить: военно-воздушная база в Кефлавике не столько объект НАТО, сколько один из главных опорных пунктов ВВС США в этом районе.

ли в 1945 году обратились в ФБР и рассказали все, что знали о советском шпионаже в Соединенных Штатах. Они решились на такой шаг, хотя сами в течение нескольких лет были вовлечены в эту деятельность. И сделали это потому, что окончательно во всем разочаровались и порвали с коммунизмом. Гуннарссон поступил по-другому: он сразу отказался заниматься шпионажем, но остался коммунистом.

По-видимому, на Гуннарсона оказал влияние тот факт, что Советский Союз даже для лиц, ему симпатизирующих, ныне не является более «священной Меккой коммунизма». Он — один из покровителей коммунистического движения, а не единственный, как было прежде, когда не существовали другие социалистические государства. Похоже на то, что это обстоятельство сильно осложняет советской разведке поиск новой агентуры. Вербовка на идеологической основе ныне повсюду, за исключением развивающихся стран, не приносит плодотворных результатов.

Случай, произошедший в феврале 1963 года в далекой Австралии, еще ярче, чем предыдущий, выставил провал хваленой советской секретной службы в ее попытках идти в ногу со временем и успешно выполнять свои задачи, особенно в стране, где имеется отличная контрразведка. Еще в 1954 году Советам был нанесен в Австралии сильнейший удар, когда дезертировал резидент КГБ Владимир Петров, прикрывавшийся должностью третьего секретаря советского посольства в Канберре. Один из побудительных мотивов, толкнувших его на такой поступок, состоит в том, что он уже тогда видел: задачи, поставленные КГБ перед ним в Австралии, безнадежно невыполнимы, а его шефы в Москве не могли понять элементарной вещи — Австралия в 1954 году совсем не походила, скажем, на Германию конца двадцатых

годов. И он знал, что вину за неспособность Центра организовать разведку в изменившейся обстановке взвалият на него.

Дезертир Петров раскрыл сеть советского шпионажа в Австралии, что привело к разрыву дипломатических отношений между Советским Союзом и этой страной, которые были вновь восстановлены лишь в 1959 году. К этому времени в тактике советского шпионажа было неоднократно зафиксировано появление «новой линии». Это коснулось и Австралии. Вновь открывшееся советское посольство в Канберре возглавил Иван Скрипов, один из руководителей КГБ — новое доказательство того, что в глазах Советов шпионаж — дело первостепенной важности. В конце концов Москва должна была наверстать упущенное на пятом континенте время. Скрипов — полная противоположность мрачным, молчаливым представителям «старой школы». Это веселый человек, охотно принимавший гостей, общительный, по-простецки хлопающий по плечу своего собеседника. Он импонировал австралийскому обществу, любящему открытость и общительность, и это помогало ему ввести любого в заблуждение относительно своих подлинных целей.

Кстати, «новая линия» просматривалась и в легкомысленных выходках капитана I ранга Евгения Иванова, заместителя советского военно-морского атташе (он же — офицер разведки) в Лондоне в начале шестидесятых годов, делившего благосклонность Кристин Килер с британским военным министром Джоном Профьюмо¹.

За спинами своих добросердечных австралийских хозяев Скрипов приступил к своей основной дея-

¹ Роман министра с «дамой полусвиста» закончился громким общественным скандалом. Д. Профьюмо был вынужден уйти в отставку.

тельности — созданию новой шпионской сети в стране. Но допустил серьезную ошибку: привлек для выполнения специальных заданий местную гражданку, которая была агентом службы безопасности Австралии. Это удачный ход со стороны австралийцев, которые, в сущности, использовали прием, часто практикуемый Советами. В данном случае он был обращен против них самих. Во многих других местах советская разведка обычно располагала хорошими возможностями для проверки надежности своих агентов или служащих посольств из числа местных граждан. За ними устанавливали наружное наблюдение, фиксировали, куда они ходили, с кем общались, о чем говорили, проверяли, как они выполняли задания. Но здесь, в Австралии, с сильной и бдительной контрразведкой, Советам не удалось привлечь к своей работе лиц из числа симпатизирующих компартии. Не было у них под рукой и достаточно доносчиков — информаторов и «топальщиков» (агентов, ведущих наружное наблюдение), чтобы контролировать даже своих группировок. Поэтому они вынуждены были полагаться на «добрую волю» и готовность работать на советскую разведку своих «добровольцев». Как оказалось впоследствии, все это было напускное. Но люди КГБ не сумели правильно оценить поведение «добровольцев», потому что психология последних была им совершенно чужда.

Тяжелейший провал в Австралии вполне закономерен. Скрипов пытался с помощью своей местной подручной создать нелегальную резидентуру КГБ, что позволило бы в будущем не привлекать советское посольство к проведению крупных шпионских операций. В этих целях некоему лицу в городе Аделаида были переданы быстродействующий передатчик, приспособления и материалы для устройства

подпольного пункта связи. Но австралийские контрразведчики с помощью своего агента-двойника задержали Скрипова с поличным. Тем самым они на длительное время вывели из строя как легальный, так и нелегальный шпионский аппарат КГБ в своей стране. Остается лишь ждать, попытаются ли Советы в третий раз создать агентурную сеть в Австралии.

Не желая показаться чересчур оптимистичным, я все же рискну сделать предположение, что шефы советской разведки в данном случае на некоторое время отступят. Конечно, офицеры за допущенные ими ошибки, приведшие к такому скандальному провалу, понесут суровые наказания. Но КГБ, повторю, придется выждать. А затем Советы, по-видимому, придумают какой-либо новый трюк, чтобы перехитрить австралийскую контрразведку. И в будущем, конечно, предпримут очередную попытку, основательно прозондировав почву. Так или иначе, советская разведка должна понять: ее шпионам трудно добиться успеха в стране, где власти прекрасно понимают, в чем состоят тайные цели Кремля, где имеется хорошо отлаженная и компетентная контрразведка и где компартия слаба и не пользуется авторитетом у населения.

В отместку за разоблачение и высылку Скрипова Советы объявили австралийских дипломатов в Москве нежелательными персонажами и выставили из СССР. Это отработанная практика: каждый раз, когда власти какой-либо западной страны уличали того или иного советского дипломата в шпионаже или ином уголовно наказуемом деянии и выдворяли его за пределы своих границ, правительство СССР немедленно объявляло одного из сотрудников посольства этой страны, примерно того же ранга, персоной non grata. И естественно, его тоже высыпали из Со-

ветского Союза, навесив на него ярлык шпиона или валютного спекулянта. В действительности такого не было и в помине. Но у министерства иностранных дел этой западной страны, конечно, возникали трудности кадрового порядка: нужно было срочно искать замену высылаемому из СССР сотруднику посольства, а это вопрос не простой. Чтобы решить его, требуется время, необходимо тратить непредвиденные силы и средства.

В случае с Австралией эта советская практика обернулась глупейшим фарсом. Поскольку австралийское посольство в Москве небольшое, среди его персонала трудно было найти сотрудника столь высокого ранга, против которого можно было бы сфабриковать мало-мальски правдоподобное обвинение. Советы избрали в качестве жертвы для своей мести первого секретаря посольства Уильяма Моррисона. Его объявили персоной нон грата за то, что он якобы занимался сбором разведывательной информации и, кроме того, продавал советским гражданам по спекулятивным ценам одежду иностранного производства, нарушая тем самым законы СССР. Последнее обвинение просто смехотворно, глупо и мелочно. Оно убедительно свидетельствует: обвинение в шпионаже настолько неосновательно, что Советы, по-видимому, чувствовали необходимость добавить кое-что еще, чтобы не потерять своего лица. Вероятность того, что иностранный дипломат будет заниматься торговлей с рук подержанными вещами, примерно так же велика, как если бы он стал бить своих слуг. К сожалению, дипломатической процедурой не предусмотрено право апелляции, когда какая-то страна объявляет дипломата другой страны персоной нон грата, и поэтому такая практика превратилась в своего рода инструмент репрессии.

Если арестованы и приговорены к тюремному заключению за шпионаж нелегалы или другие агенты, не защищенные дипломатическим паспортом, Советы и власти западных государств по взаимной договоренности применяют другую процедуру — обмен заключенными. Недавний случай такого рода, который привлек к себе внимание всего мира, — выдача в феврале 1962 года Фрэнсиса Паузерса и еще одного американского агента — Фредерика Приора, осужденных за шпионаж в Советском Союзе, в обмен на советского шпиона полковника Рудольфа Абеля. При этом выявились несколько интересных моментов. Во-первых, такая сделка означала, что Советы перестали притворяться: они-де не имеют никакого отношения к Абелю (такова была их упрямая позиция в момент его ареста, судебного процесса и вынесения приговора). Во-вторых, это узаконивало правило: «меняем нашего шпиона на вашего», которое становилось рутинной процедурой. Я был директором Центрального разведывательного управления, когда начались секретные переговоры в отношении обмена Паузерса на Абеля, и поддержал эту идею. И хотя у меня имелись некоторые сомнения на этот счет, я полагал и считаю до сих пор, что это — отличный ход и что в наших интересах было завершить переговоры по такому необычному делу с учетом тогдашней конкретной обстановки. Как бы то ни было, это могло привести к созданию прецедента, который имел бы непредвиденные последствия. Численность советских агентов на Западе, которых мы можем взять под свой контроль, намного превосходит количество западных агентов, находящихся за «железным занавесом». Исходя из этого, при известном профессионализме и достаточной бдительности мы должны в любой момент держать под своим конт-

ролем больше советских агентов, чем Советы — западных. Если идея обмена агентами войдет в повседневную практику, Москва будет озабочена тем, чтобы иметь достаточный резерв задержанных агентов Запада в своих руках. Поэтому в Кремле могут поддаться искушению — а так, видимо, и случится — арестовывать обычных визитеров с Запада, не имеющих никакого отношения к разведывательным делам.

В начале 1963 года прошел слух, что на рассмотрении находится еще один вариант обмена осужденными агентами. В течение последних двух лет англичанам удалось арестовать, осудить и отправить в тюрьму семерых крупных советских агентов — Блейка¹, Вассала и четверых членов группы Лондейла — Хаутона с приятельницей и чету Крогеров². В это же время Советы отправили за тюремную решетку только одного англичанина по обвинению в шпионаже. То был Грэвилл Винн, представитель лондонского делового мира, которого кремлевская контрразведка обвинила в связи с Олегом Пеньковским, приговоренным за измену родине к смертной казни. Винн получил восемь лет тюремного заключения по решению советского суда. Общая же сум-

¹ Б л е й к Джордж (настоящие имя и фамилия Жорж Бехар) — ценный агент внешней разведки КГБ. В течение семнадцати лет был сотрудником британской разведки Сикрет интеллиджанс сервис. Десятки английских агентов по наводке Д. Блейка были арестованы, а многие перевербованы КГБ. Ряд важных операций, предпринятых СИС против Советского Союза, стал известен советской контрразведке и окончился провалом. В их числе — прокладка в 1956 г. 150-метрового туннеля для подключения спецслужб Великобритании и США к советским подземным коммуникациям с целью негласного подслушивания правительственных и военных каналов связи. В 1961 г. был арестован и осужден английским судом к 42 годам каторжной тюрьмы. Но оттуда ему удалось бежать и добраться до Советского Союза. С тех пор живет в СССР, работает в Институте мировой экономики и международных отношений.

² К р о г е р Питер (настоящие фамилия и имя Коэн Моррис) и его жена Хелен (настоящее имя Леонтина) — ценные агенты внешней разведки КГБ.

ма лет тюремного заключения семерых лиц, осужденных в Англии, составляла более двухсот лет. Поэтому с точки зрения нормальной торговли, позиция Советов была явно слабее. Человеком, которого они желали бы получить в первую очередь, несомненно, является Лонсдейл — единственный из семерых советский гражданин, находившийся, подобно Абелю, длительное время на нелегальной работе. Говорили также, что Советы были заинтересованы в освобождении Кротеров, которые хорошо на них потрудились в течение нескольких десятилетий.

Но прежде чем сделать дальнейшие шаги по пути обмена агентами, нам будет полезно посмотреть, куда он нас может привести.

Глава 9

КОНТРАЗВЕДКА

Нынешнему миру шпионаж угрожает со всех сторон. Поэтому каждая противная сторона старается как можно больше и эффективнее воспрепятствовать или затруднить чужие разведывательные операции, принимая разнообразные меры безопасности, чтобы надежно защитить секретную информацию, жизненно важные объекты и персонал от вражеской агентуры. Однако эти совершенно необходимые и оправданные действия воспринимаются специалистами из разведки противника как вызов. И они начинают разработку новых, еще более изощренных методов и технических приемов, чтобы преодолеть препятствия, созданные контрразведчиками.

Вполне очевидно, если какая-то страна намерена решительно оборонять себя от непрерывных вторжений разведывательных служб противника, ее органы безопасности должны не только наблюдать за иностранными туристами, охранять важные объекты и территории, проверять благонадежность государственных служащих, особенно тех, кто занимает ответственные посты, но и выявлять, что интересует враждебные разведывательные службы, как они действуют, кого используют в качестве агентов.

Операции, преследующие эти цели, относятся к области контршпионажа, а информация, получен-

ная для их проведения, называется контрразведывательной. Таким образом, контршпионаж следует рассматривать как неотъемлемую составную часть защитных и охранных мероприятий. Главная задача контрразведки — помешать шпионской деятельности против своей страны. Но вместе с тем эта специальная служба может вскрыть проникновение разведки противника в свободные страны. Наша контрразведка, зная, какие цели преследует коммунизм, направляет свои усилия в первую очередь против тайной агрессии, подрывных действий и саботажа. Хотя контрразведывательная информация не используется непосредственно правительством, как это делают с секретными данными, полученными разведкой, при решении важных политических вопросов, все же она, эта информация, часто подает сигнал тревоги, заставляющий администрацию своевременно подготовиться к отражению враждебных политических акций.

В 1954 году мы раскрыли тайные транспорты оружия из Чехословакии в Гватемалу. При этом суда были буквально набиты до отказа. Это был сигнал, и достаточно острый, что Советы оказывают массированную военную помощь коммунистическому режиму в латиноамериканской стране, расположенной недалеко от наших южных границ¹.

Контрразведывательные функции возложены на различные службы США, и каждая из них несет ответственность за определенную территорию, сферу

¹ А. Даллес характеризует гватемальское правительство Х. Арбенса Гусмана как коммунистическое. Таким оно было в глазах реакционных кругов США. На самом деле Арбенс был либеральным буржуазным политиком, отстаивавшим буржуазно-демократическую конституцию 1945 г. Напуганная демократическими преобразованиями в Гватемале, администрация США, опираясь на силы гватемальской реакции, организовала с территории Гондураса в июне 1954 г. вооруженную интервенцию, в результате которой он вынужден был уйти в отставку. Вся акция была спланирована и осуществлена ЦРУ.

или район. Так, ФБР¹ отвечает за территорию самих Соединенных Штатов, где наряду с другими задачами оно пресекает активность иностранной агентуры на нашей собственной земле. Главные интересы ЦРУ в области контршпионажа — за пределами США: там, собственно, создается передовая линия обороны против шпионажа. Управление предпринимает усилия к тому, чтобы раскрыть операции разведки противника еще до того, как агенты появятся на нашей территории. У каждого вида вооруженных сил есть своя контрразведывательная служба, главная задача которой — защита штабов, военных объектов и личного состава от проникновения шпионов противника как в США, так и за рубежом.

Эффективность подобного разделения труда зависит от координации действий различных контрразведывательных служб и оперативности обмена информацией между ними.

Арест супершпиона КГБ полковника Рудольфа Абеля произошел как раз в результате такой координации действий. В мае 1957 года Рейно Хайханен², ближайший помощник советского резидента, выехал в Москву для доклада. По дороге, находясь в Западной Европе, он решил дезертировать и обратился в посольство США в Париже, где связался с резидентурой ЦРУ. Предъявив американский паспорт, Хайханен заявил, что на самом деле он —

¹ Федеральное бюро расследований — ведомство, входящее в структуру министерства юстиции США. Создано в 1908 г. для расследования нарушений федеральных законов. Сочетает функции уголовной и тайной политической полиции, а также контрразведывательной службы.

² Р. Хайханен — кадровый сотрудник внешней разведки КГБ, подполковник. С 1952 г. находился на нелегальной работе в США. В мае 1957 г. изменил родине, дезертировал и связался с американской контрразведкой. Выдал ФБР своего руководителя, нелегального резидента КГБ в Нью-Йорке полковника Р. Абеля.

гражданин СССР, советский разведчик, офицер. А паспорт получил на основании метрического свидетельства другого человека, родившегося в США. Фантастическая шпионская одиссея включала в себя тайные встречи с резидентом Абелем и другими агентами, передачу секретной информации и денежных средств через тайники и многое другое. Сведения, сообщенные сбежавшим советским разведчиком, немедленно передали в Вашингтон. ФБР проверило их, и они полностью подтвердились. Хайханен попросил разрешения вернуться в Соединенные Штаты. И он стал главным свидетелем обвинения на судебном процессе против Абеля.

Как только Хайханен пересек границу США, вся ответственность за него была возложена на ФБР, а ЦРУ продолжало заниматься дальнейшей разработкой этого дела за рубежом.

Классические цели контрразведки — обнаружение противника, его идентификация и обезвреживание. «Обезвреживание» можно проводить разными способами. На территории Соединенных Штатов арестованный шпион, если он взят с поличным, может быть подвергнут наказанию по суду, в том числе и офицер иностранной разведывательной службы, если он не обладает дипломатической неприкосновенностью. Если же такая привилегия у него есть, дело обычно ограничивается высылкой из страны. Но возможны и другие способы обезвреживания агентов противника. Один из лучших — это его разоблачение или угроза разоблачения. Агент потеряет свою ценность, если, скажем, его фамилию и фотографию или описание внешности с особыми приметами опубликуют в газетах.

Задачи американской контрразведки многочисленны и разнообразны, поскольку Советы используют не только свой разведывательный аппарат, но

и секретные службы Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии, накопившие большой опыт в шпионских делах еще до установления там коммунистического режима. Китайские же шпионские и контрразведывательные операции проводятся, можно сказать, без ведома Москвы, несмотря на то, что многие руководящие сотрудники спецслужб Пекина прошли в свое время подготовку в советской разведке.

Хотя цель контрразведки — оборона, ее стратегия носит наступательный характер. Идеал контршпионажа — раскрытие планов разведки противника на их ранней стадии, до того, как они начали наносить ущерб. Чтобы добиться этого, контрразведчики стараются проникнуть во враждебные шпионские службы и их центры, где разрабатываются планы, идет подбор и подготовка агентов.

Одним из наиболее известных примеров удачного проникновения в руководство разведывательной службы считается случай с Альфредом Редлем, возглавлявшим с 1901-го по 1905 год контрразведывательное отделение военной разведывательной службы Австро-Венгерской империи. Позже он был ее представителем в Праге. Как свидетельствуют имеющиеся материалы, Редль с 1902 года и до своего ареста в 1913 году являлся секретным агентом русских. Его завербовали в самом начале карьеры, используя два порока — гомосексуализм и безмерную жадность к деньгам. Он одновременно продавал свой ходкий «товар» итальянцам и французам. Но это еще не все. Являясь одним из руководителей военной разведки, Редль был сотрудником Генерального штаба австро-венгерской армии и имел доступ к военным планам, которые передал русским.

Редль был разоблачен накануне войны и покончил с собой по настоянию своих высших начальни-

ков сразу же после того, как обнаружилось, что он предатель. Тем самым была исключена возможность его допроса, без чего, естественно, остался невыясненным размер ущерба, который он причинил государству. Похоже на то, что военные руководители Австро-Венгрии больше всего были заинтересованы в том, чтобы замять скандал. Даже императору поначалу об этом ничего не сказали.

Это просто ирония судьбы: Редль провалился в результате того, что сработала одна из устроенных им самим контрразведывательных ловушек — перлюстрация почтовой корреспонденции. В отделе писем до востребования главного почтамта Вены обратили внимание на два конверта, в которые были вложены банкноты на крупную сумму. И ничего более. Поскольку их послали из пограничного города в Восточной Пруссии по довольно странно звучавшему адресу, они показались весьма подозрительными. Почти три месяца полиция терпеливо караулила, кто придет за этими письмами. В конце концов явился Редль, а остальное было уже делом техники. Нынешние профессионалы-контрразведчики, знакомясь с делом Редля, удивляются тому, что русские, проводя столь важную для них операцию, прибегли к такому опасному для своего ценного агента способу связи. Ведь почтовая цензура была одной из наиболее эффективных контрразведывательных мер, которую широко использовала сама охранка.

Конечно, нет никакой необходимости вербовать самого начальника разведывательного учреждения, как это было в случае с Редлем. Будь у него секретарь, так тот, вероятно, сработал бы почти столь же хорошо. Судите сами: ныне аппарат более или менее значительной разведывательной организации настолько разросся, что шеф просто физически не может быть в курсе всех деталей, которые интересу-

ют шпионскую службу противника. К тому же центр разведывательной организации ныне столь прочно защищен от проникновения враждебной агентуры, что даже лучшие умы шпионажа, перед которыми бы была бы поставлена подобная задача, оказались бы не в силах ее решить. Поэтому контрразведка обычно ставит перед собою более скромные задачи: проникнуть в менее важные структуры разведки противника, лишь бы они были непосредственно связаны с проведением шпионских операций. Такими объектами чаще всего становятся разведывательные резидентуры в зарубежных странах. Хорошо известно, что они, как правило, находятся под «крышей» посольств, консульских учреждений и торговых представительств, что обеспечивает офицерам разведки дипломатическую неприкосновенность.

Вопрос только в том: каким образом агент контрразведки проникнет на нужный объект? С помощью каких средств он устанавливает контакт с персоналом разведывательной службы противника? Один из этих путей — появиться в одном из представительств со специально подготовленной информацией, которая может заинтересовать вражескую разведку, и предложить ей свое сотрудничество. В новейшей истории отмечены довольно частые случаи, когда нежданные посетители предлагают интересные в разведывательном отношении сведения. Профессионалы говорят: информация поступила самотеком. Но можно сказать, ни один разведчик не прошел мимо нее.

Конечно, в учреждениях советского блока за пределами «железного занавеса» относятся с еще большим недоверием и подозрительностью, чем даже в самих коммунистических странах, к случайному посетителю. Очень может статья, что его не пустят дальше дежурного по посольству или тorgпредству. В конце концов, пройдет ли он дальше входной

двери, зависит в основном от качества предложенной информации. Любая разведывательная служба сталкивается таким образом с проблемой: как распознать среди неожиданных посетителей доброжелателей и отделить их от агентов, подставленных, говоря на разведывательном жаргоне, противной стороной? А это — не простой вопрос.

Если контрразведке повезет, агент внедряется в разведывательную службу противной стороны, которая, проверив его на конкретных делах, постепенно будет давать ему все более важные задания. О них агент, естественно, должен своевременно докладывать контрразведке, внедрившей его во враждебную шпионскую организацию.

Советы использовали это в пятидесятые годы против союзных разведслужб в Западной Германии и Австрии. Поток беженцев с Востока был столь велик в то время, что пришлось привлечь помощников из их числа для проведения сортировки и опросов в целях проверки политической благонадежности перемещенных лиц. Советы, конечно, попытались извлечь для себя пользу в создавшейся обстановке и искусно внедряли в этот поток своих агентов, снабдив их предварительно информацией об обстановке за «железным занавесом», которая не могла не заинтересовать западные разведки. Среди задач, которые перед нами ставили Советы, было и выяснение того, как мы обращаемся с перемещенными лицами. Советским шпионам предлагалось также устанавливать контакты с союзным персоналом и выискивать среди беженцев подходящих кандидатов на вербовку.

Подобная тактика внедрения может быть использована и в совершенно противоположных целях, а именно для провокаций — дела древнего и позорного. Выражение «агент-провокатор» — французского происхождения. Такие шпионы, как известно из ис-

тории, использовались первоначально во Франции во времена политических смут. Метод этот возродили русские, которые сделали провокацию своего рода искусством. Она превратилась в главный инструмент царской охранки для компрометации и физического устранения революционеров и оппозиционно настроенных элементов. Агент внедрялся в нелегальную организацию и не только шпионил за ее членами и докладывал о них жандармам, но и подстрекал революционеров совершить такую акцию, которая могла бы стать предлогом для их ареста — всех полностью или только некоторых. Поскольку агент докладывал охранке, когда и где точно должна состояться акция, трудностей у жандармов, как правило, не возникало.

Впрочем, операции провокационного характера могут быть чудовищно коварными, запутанными и драматическими. Наиболее отвратительные агенты-провокаторы были похожи на злодеев из романов Достоевского. Провокатор должен играть роль революционного лидера и даже террориста, чтобы члены организации верили ему и беспрекословно выполняли его приказания, которые преследовали лишь одну цель: навести точно полицию на заговорщиков. Если полицейским надо было схватить много участников революционного движения и предъявить им обвинения в серьезных преступлениях, заговорщики должны были совершить что-то экстраординарное, нежели только проведение тайных собраний. Вот почему в России начала XX столетия происходили удивительные события.

Среди царских провокаторов самой дурной славой пользовался Азеф¹. Говорят, это он подал идею убить

¹ А з е ф Евно Фишлевич (1869—1918) — один из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров. Возглавлял ее боевую организацию. Провокатор, с 1893 г. секретный сотрудник департамента полиции. В 1908 г. был разоблачен.

ядю царя — великого князя Сергея и российского министра внутренних дел Плеве. Дело было сделано, после чего охранка схватила террористов.

Один из самых доверенных людей Ленина в период с 1912 года и до Октябрьской революции Роман Малиновский в действительности был агентом и провокатором царской полиции. Он вызывал недоверие у ленинского окружения, но лидер большевистской партии всегда брал его под защиту. Малиновский помог полиции найти подпольные типографии, выдал места, где проводились тайные собрания, и конспиративные квартиры. Но самое блестящее его достижение привело к еще более драматичным результатам. С помощью полиции и благословения ничего не подозревавшего Ленина он добился избрания в Думу — русский парламент — депутатом от большевистской партии, где проявил себя блестящим оратором. Полицейские не раз просили его убить революционный пыл в своих речах. Конечно, когда вдумываешься в дела Азефа, или Малиновского, или же многих других агентов-двойников, возникает вопрос, кому они были на самом деле преданы? К кому они были лояльны по-настоящему? Наверно, здесь трудно получить определенный ответ. Очевидно, такие агенты-проповедники настолько вживались в свою роль по прикрытию, что иногда верили в дело, которым прикрывались.

В наши дни, читая в газетах, что в той или иной стране советского блока выдворили кого-то из западных дипломатов, следует иметь в виду: это, возможно, предпринято в ответ на то, что мы задержали с поличным и выслали из США (или какого-либо союзного с нами государства) офицера разведки советского блока. Но не исключено, что подобная мера — следствие провокации, подстроен-

ной какой-либо коммунистической службой контршпионажа.

Выглядит это обычно следующим образом. С иностранцем, работающим где-нибудь за «железным занавесом» неожиданно встречается представитель «антикоммунистического подполья» или личность, недовольная режимом. Встреча происходит в ресторане, на улице или даже в учреждении, в котором служит этот иностранец. Нежданный посетитель передает ему информацию и предлагает свое сотрудничество. Если иностранец проявит интерес, то контакт постепенно развивается. Следуют несколько встреч, поступает новая информация. Все проходит гладко. Но рано или поздно во время очередного randevu местная служба безопасности арестовывает информатора за передачу секретных сведений иностранной державе. Иностранца тоже задерживают, а поскольку он чаще всего официальное лицо, дипломат, то его отпускают. Однако сразу же министерство иностранных дел этой страны уведомляет посольство, что его сотрудник должен в течение двадцати четырех часов покинуть страну пребывания. В газетах публикуется соответствующее официальное сообщение. А информатор, он же агент-привокатор, выводится из игры.

И хотя подобные дела в большинстве своем сфабрикованы советской контрразведкой, несведущие люди в мире принимают их за чистую монету. Советы же используют создавшуюся обстановку, чтобы еще раз обвинить Запад в шпионаже, а западных дипломатов в том, что они злоупотребляют своими привилегиями и вмешиваются во внутренние дела социалистических государств. Конкретные случаи задержания представителей Запада «на месте преступления» очень нужны Советам для подкрепления их антизападной пропаганды.

Агент-двойник — излюбленное орудие контрразведывательных служб. Он предстает в различных ипостасях. В таких районах, как Западная Германия, где сконцентрированы многие военные базы и учреждения западногерманской армии и вооруженных сил НАТО, действуют буквально полчища агентов из государств советского блока, собирающих секретную информацию о военных складах и заводах, американских гарнизонах и тому подобном. Многие из них уже арестованы. Некоторые добровольно перешли на нашу сторону, поскольку нашли здесь подруг и хотят остаться с ними или же просто потому, что считают жизнь на Западе более привлекательной. Их можно перевербовать, сделать агентами-двойниками и уговорить продолжать работать на советский блок под нашим контролем. Арестованные советские агенты часто соглашались с подобным предложением, поскольку не хотели сидеть долгие годы за тюремной решеткой.

В дальнейшем мы стараемся укрепить позицию перевербованного агента у его прежних хозяев: ему разрешают поддерживать с Советами регулярную связь и передавать безобидный, но хорошо препарированный и взвешенный материал, который не содержит важных сведений, но в то же время внешне вызывает интерес у советских разведчиков. Нам представляется, что в таком случае Советы дадут агенту новые задания и указания, а по ним мы сможем судить, что хотел бы узнать противник и каким образом он собирается получить эти сведения.

Иногда с помощью агента-двойника можно заманить на Запад вражеского курьера или другого агента и даже офицера советской разведки. Когда такое случается, у нас есть выбор: либо мы ограничиваемся наблюдением за советским посланцем в надежде, что он выведет на другого, скрывающегося на нашей

территории агента, о котором мы еще не знаем, либо арестовываем. В последнем случае операция, естественно, завершается и мы удовлетворяемся тем, что удалось успешно обезвредить активного сотрудника секретной службы противника.

Еще большего успеха можно достичь в том случае, если агентом-двойником становится гражданин западного государства, к которому советская разведка обратилась с предложением работать на нее. Этот человек должен поставить нас в известность, и мы попросим его согласиться начать игру с Советами под нашим контролем и руководством. Преимущества здесь очевидны. Во-первых, предложение русских свидетельствует: здесь они планируют какую-то серьезную операцию. Во-вторых, тот факт, что человек, на которого вышли советские разведчики, сам сообщил нам об этом, — весомое доказательство его благонадежности, — значит, он будет верно служить нам, а не русским.

Объекту советской вербовки наша контрразведка обычно рекомендует принять советское предложение и симулировать сотрудничество, докладывая о тех заданиях, которые Советы ему дают. Конечно, мы обеспечиваем его информацией, которую нам выгодно «скормить» Советам. Операция может продолжаться до тех пор, пока противник начнет подозревать агента в нечестной игре или же агент, не выдержав нервного напряжения, сам выдаст себя.

Случай с недавно скончавшимся Борисом Морросом, голливудским кинопродюсером, относится к такой категории. Он в течение многих лет сотрудничал с ФБР и с его согласия стал агентом советской разведки. Через Морроса шпионский центр в Москве руководил сетью исключительно важных агентов в политических и интеллектуальных кругах Соединен-

ных Штатов. Операция привела к аресту четы Собль и многих других¹.

Наружное наблюдение — профессиональный термин, обозначающий тайную слежку. Как и любой другой аспект контрразведывательной деятельности, оно ведется с максимальной осторожностью, чтобы объект не обнаружил и даже не почувствовал этого. Уголовный преступник, какой-нибудь вор или убийца, узнав, что за ним следят, располагает ограниченными возможностями уйти от слежки. Лучшее, на что он может надеяться, это то, что ему все же удастся уйти из-под наружного наблюдения, скрыться и найти надежное убежище, где залечь на дно. Шпион же, как только обнаружит слежку, обязан принять меры к тому, чтобы немедленно покинуть страну.

Устанавливая наружное наблюдение, контрразведчики преследуют двойную цель: если данное лицо только подозревается в том, что является вражеским агентом, плотное наблюдение в течение длительного времени может дать дополнительные факты, которые подтвердят подозрение и помогут выяснить, какие задания он получил и как их выполняет. Далее, агент редко действует в одиночку. Он, по-видимому, будет устанавливать контакты тем или иным способом со своими помощниками, источниками информации и, возможно, даже с шефами, от которых получает указания. Надлежащее наблюдение поможет раскрыть разведывательную сеть, в которую он входит, и каналы, по которым переправляет свои донесения.

¹ Борис Моррос (настоящая фамилия Мороз) эмигрировал из Советской России в США. Агент внешней разведки НКВД-НКГБ-МГБ. Перевербован американской контрразведкой. В первой половине 50-х гг. были арестованы связанные с ним агенты советской внешней разведки Собль, его жена и другие.

Неотступное и продолжительное наблюдение в значительной степени способствовало успеху англичан, когда они в январе 1961 года арестовали пять советских агентов, входивших в шпионскую группу Лонсдейла. Гарри Хаутона, служащего Адмиралтейства, стали подозревать в передаче секретной информации неустановленной иностранной державе. Сыщики Скотленд-Ярда вели Хаутона до одной из улиц Лондона, где он встретился с другим человеком, но в течение столь короткого времени, что невозможно было определить наверняка, передали ли они что-либо друг другу или же обменялись короткими фразами.

Однако тот факт, что оба объекта повстречались тайком и вели себя очень осторожно, все время проверяясь, не следит ли кто-либо за ними, убедил англичан: они напали на верный след. Скотленд-Ярд образовал из лучших сотрудников две бригады наружного наблюдения, каждая из которых стала следить за своим объектом. После долгих дней неустанного тайного преследования скотлендярдовцы вышли на безобидную чету граждан США, владельцев букинистической лавки. Занимались ли эти букинисты чем-либо еще, кроме купли-продажи старых книг, сразу установить не удалось.

Через некоторое время Хаутон отправился в Лондон, на этот раз вместе со своей приятельницей, которая тоже служила в Адмиралтействе. Наружка плотно сидела у них на хвосте. Парочка двинулась по улице, Хаутон нес в руке хозяйственную сумку. И тут их обогнал тот же самый мужчина, с которым Хаутон встречался накануне. В тот момент, когда он хотел взять у Хаутона сумку, всех троих задержали. Незнакомец оказался Гордоном Лонсдейлом, нелегальным резидентом советской разведки, прикрывающимся канадским паспортом.

Через несколько часов такая же судьба постигла скромных американских книготорговцев. Оказалось, что их разыскивает ФБР за участие в советской разведывательной сети в Соединенных Штатах: они исчезли оттуда, когда запахло жареным. В Лондоне они являлись агентами-радистами и передавали информацию Лонсдейла в Москву.

Контрразведка, как и большинство секретных служб, располагает различными техническими средствами. На одно из ее подразделений возложена задача обнаруживать и точно устанавливать место-нахождение нелегальных радиопередатчиков. Оно называется службой радиопеленгации и использует высокочувствительную электронно-измерительную аппаратуру, установленную на мобильных средствах передвижения — легковых и грузовых автомашинах. Пеленгация радиосигнала осуществляется путем сравнения громкости его звучания — сильнее или тише, когда мобильное приемное устройство передвигается по населенному пункту или вокруг него и прослушивает работу радиоточки, уже идентифицированной как нелегальный передатчик.

Каждая легальная рация, коммерческая или любительская, в большинстве стран имеет лицензию. В США позывной сигнал и точное месторасположение передатчика зарегистрированы в Федеральной комиссии по связи и коммуникациям. Комиссия непрерывно контролирует все радиоволны — это обязательная процедура, предусмотренная законом. Таким образом выявляют радиолюбителей, которые не позаботились приобрести лицензию. Вместе с тем это приводит к раскрытию нелегальных агентурных передатчиков. Последние легко распознаются, поскольку их сообщения зашифрованы и, кроме того, они не пользуются зарегистрированными позывными сигналами.

Контроль за подозрительными сигналами может обнаружить, что у некоторых радиостов четкий режим выхода в эфир, а это почти наверняка доказательство того, что они ведут передачу, заранее обусловленную с зарубежным центром. Начиная с этого момента, в действие вступают радиопеленгаторы. Главная трудность при определении места нахождения передатчика — это то, что радиост-нелегал вполне понятным причинам находится в эфире в течение очень короткого промежутка времени. Операторы на мобильных установках пытаются зафиксировать сигнал на территории большого города. Но это нелегко. Здесь эфир забит множеством сигналов. И вдруг передача прекращается. Тогда не остается ничего другого, как ждать, призвав все терпение, пока наконец передатчик снова не заговорит через несколько дней или даже недель.

Если имеешь дело с советскими радиостами, следует учитывать, что их графики передач обычно скользящие и закономерности их сдвигов не так-то просто распознать. Кроме того, частоты, на которых ведутся передачи, тоже могут время от времени меняться. Единственный выход для службы радиопеленгации — это непрерывное прослушивание эфира в поисках подозрительного сигнала и засечка его, как можно точнее, когда он появится. Но технические специалисты разработали уже новую, усовершенствованную радиоаппаратуру для агентов, чтобы перехитрить контрразведку и поставить ее в тупик. Одно из последних достижений в этой области — быстродействующие передатчики. В данном случае радиост избавлен от длительной работы с телеграфным ключом, посыпая в эфир сигнал за сигналом со скоростью, на которую только способен. Он заранее записывает свое сообщение на ленту, затем вставляет ее в аппарат, нажимает кнопку,

и сообщение выстреливается с головокружительной быстротой — отдельные сигналы ухом не воспринимаются. Принимающая радиостанция в центре фиксирует сообщение на ленту, которая затем пропускается с нормальной скоростью, и запись расшифровывается. А если радиост-нелегал находится в эфире в течение лишь двадцати или тридцати секунд, служба пеленгации не сможет определить точное местонахождение передатчика.

Во время Второй мировой войны, еще до появления быстродействующих передатчиков, радиопеленгация и у нас, и у наших противников достигла большого совершенства, что позволило контрразведке провести ряд весьма сколь успешных, столь и драматичных операций. Так, в одной из них под кодовым названием «Северный полюс» английский разведывательный центр в Лондоне поддерживал регулярную связь с голландским антифашистским подпольем по радио. Центр в Голландии, в свою очередь, передавал по радио в Лондон разведывательные данные о немецких оккупантах. Голландцы неоднократно обращались с просьбами — сбросить им на парашютах подкрепление в живой силе — агентов и диверсантов, а также помочь оружием и снаряжением. В период с 1942-го по 1944 год англичане, выполняя эти просьбы, сбросили в Голландии в заранее обусловленных районах десятки диверсантов, большое количество боеприпасов и провианта. Немало самолетов, доставлявших людей и грузы, было сбито сразу же после сбрасывания. Жаль, конечно, но, по крайней мере, груз попадал туда, где в нем была крайняя нужда. Так угешали себя шефы разведки в Лондоне. На самом же деле в конце 1941-го и начале 1942 года подразделения абвера, дислоцировавшиеся в Голландии, с помощью радиопеленгационной службы засекли несколько

передатчиков голландского подполья и захватили радиостанции. Немцы затем просто-напросто подменили их своим персоналом, вежливо проинформировав Лондон, что прежние оказались, мол, недостаточно надежными, и руководству подпольем пришлось привлечь других. Англичане поймались на уловку немецкой контрразведки. Пользуясь этим, нацисты заманили в свои сети немало антифашистов, добровольно предложивших свои услуги лондонскому разведцентру, и заполучили большое количество оружия и снаряжения, эффективно воспрепятствовав тем самым проведению важных акций подполья. Теперь понятно, почему немцы сбивали самолеты после, а не до сбрасывания людей и грузов. Немецкая контрразведка была вынуждена прекратить контроль за «Северным полюсом», когда двоим арестованным подпольщикам удалось ускользнуть от нацистов и добраться до Англии.

Германской службе радиопеленгации, которая всегда отличалась высоким техническим уровнем, следует отдать должное в том, что ей удалось захватить несомненное лидерство в период Второй мировой войны. Именно ей, службе радиоперехвата и пеленгации, принадлежит главная роль в раскрытии разветвленной советской шпионской сети в Германии и Европе. В летние месяцы 1941 года было перехвачено и проанализировано много зашифрованных сообщений, что свидетельствовало об активной деятельности в Западной Европе обширной советской разведывательной сети. Систематическая и упорная работа немецкой службы радиопеленгации принесла свои плоды. Правда, Советы сами невольно помогли немцам: после начала военных действий против СССР они требовали от своих резидентур в Германии и оккупированных европейских странах, чтобы в Москву поступала во все большем

объеме информация. Поэтому нелегальные передатчики русских, нарушая строгие правила конспирации, часами находились в эфире.

Насколько важное значение имела деятельность службы радиопеленгации для контрразведки, становится ясным, если понять, что в данном случае у немцев не было ни малейшей зацепки для выявления хотя бы одного-двух из многочисленных советских агентов, собиравших столь важную информацию для Москвы. А сведений было очень много: пять, а иногда и более радиоточек работали с такой большой нагрузкой, что передатчики, образно выражаясь, «раскалялись до предела». Немцы не могли добиться успеха в раскрытии шифров. Чтобы подобраться к этой глубоко законспирированной шпионской организации, надо было определить места, где находились радиопередатчики, к которым стекалась информация. Правда, в данном случае речь шла о точной дислокации не только в границах населенного пункта и даже большого города, а на территории в несколько тысяч квадратных миль.

Что и говорить — задача была исключительно сложной. И все же менее чем за год, с начала агрессии против СССР в июне 1941 года и до лета 1942-го, служба радиопеленгации абвера сумела застечь три самых важных советских нелегальных передатчика и захватить обслуживающий их персонал (операции по захвату проводились неожиданно во время очередных радиосеансов). Две рации находились в Бельгии и одна — во Франции. А когда радисты заговорили на допросах и дали развернутые показания о разведывательной сети — дело было в основном сделано: немцы вышли на агентов и информаторов, от которых получались подробные сведения, загружавшие передатчики. С помощью одного из радиостов, арестованных в Бельгии, немцы

выследили группу Шульце-Бойзена — Харнака в Берлине, о чём я упоминал в предыдущей главе. Как и в операции «Северный полюс», нацистская контрразведка в течение довольно длительного времени использовала несколько «попавших в плен» передатчиков, дурача Москву. В результате московский центр невольно способствовал абверу и гестапо обнаружить и обезвредить еще несколько советских шпионов.

Советская шпионская организация в Германии и на оккупированных немцами территориях к концу 1942 года была разгромлена. Восстановить ее было не только слишком опасным, но и просто невозможным делом. Поэтому Советы перенесли центр тяжести своих разведывательных операций в Швейцарию. Поскольку там не было советских дипломатических учреждений, московский шпионский центр действовал через свою нелегальную резидентуру. В ход опять пошли подпольные радиопередатчики. В альпийской республике в годы войны действовали по меньшей мере три такие радиоточки, пока их не обнаружила и не ликвидировала швейцарская контрразведка¹.

Все, что изложено здесь мною, вовсе не исчерпывает широкой гаммы людских и технических средств, находящихся в распоряжении контрразведки. Главная ее деятельность дополняется незаметной работой по накапливанию сведений в досье и картотеках, составляющих становой хребет любых контрразведыва- тельных усилий. Одним из больших достижений в совершенствовании системы контршпионажа можно

¹ Еще до Второй мировой войны в Швейцарии начала действовать резидентура Разведывательного управления РККА, которую возглавлял выдающийся советский разведчик Шандор Радо (псевдоним Дора). Добытые данные о составе и дислокации войск вермахта, резервах, вооружении, потерях врага оказались весьма полезными для советского командования в период сражений под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге.

считать частичную механизацию картотечного учета, что способствует быстрому и точному получению необходимых данных из банка контрразведывательной информации, собранной во всем мире.

Поскольку значительная часть повседневной деятельности контрразведки состоит во внимательном изучении всех деталей, пусть даже самых мелких, и отличается однообразием, ее всеохватывающие и хитроумные операции очень напоминают гигантскую шахматную игру, доска которой — целый мир.

1942 год. Аллен Даллес в Берне.
В его руках вся американская агентурная сеть в Европе

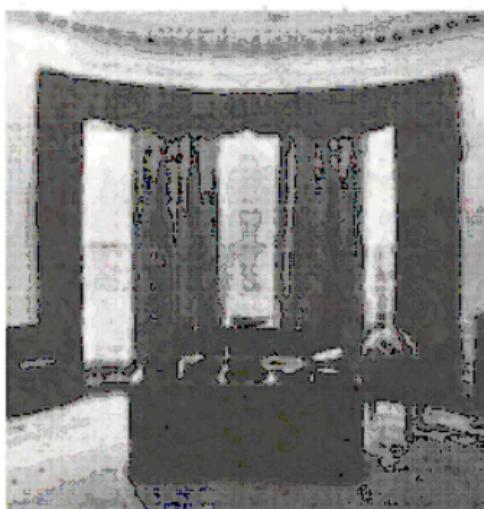

В роду Аллена Даллеса были три государственных секретаря. Джон Фостер — дед по материнской линии — служил при президенте США Бенджамине Гаррисоне (1889—1893), Роберт Лансинг — муж тети со стороны матери — при президенте Вудро Вильсоне (1913—1921) и старший брат Джон Фостер Даллес — при президенте Дуайте Эйзенхауэре (1953—1961).

На снимке: Р. Лансинг (слева)

Джон Фостер Даллес

Кабинет президента США в Белом доме. Здесь Аллен Даллес нередко докладывал обстановку в мире президентам Трумэну, Эйзенхаузеру и Кеннеди

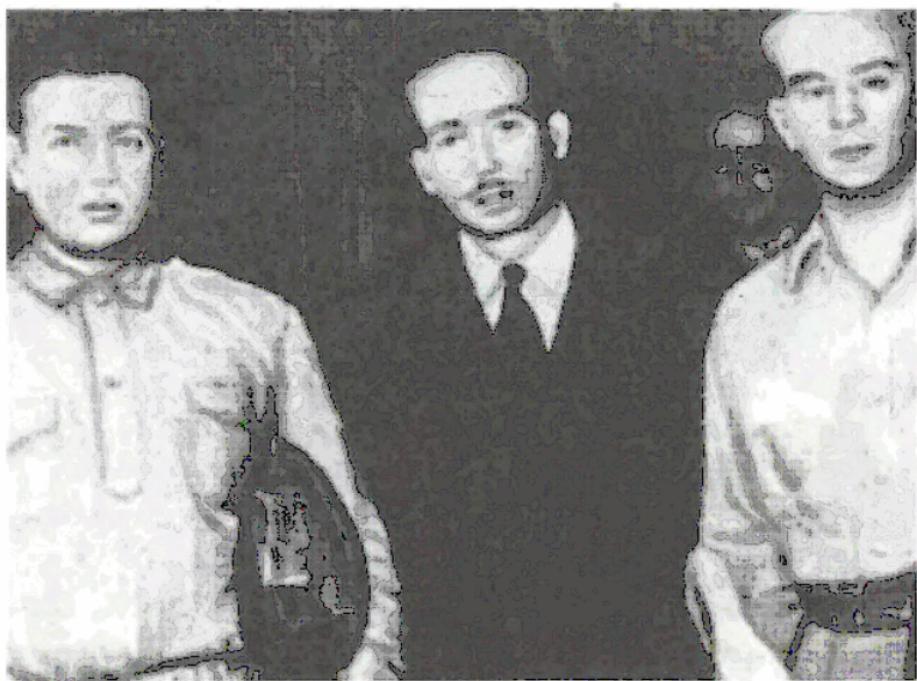
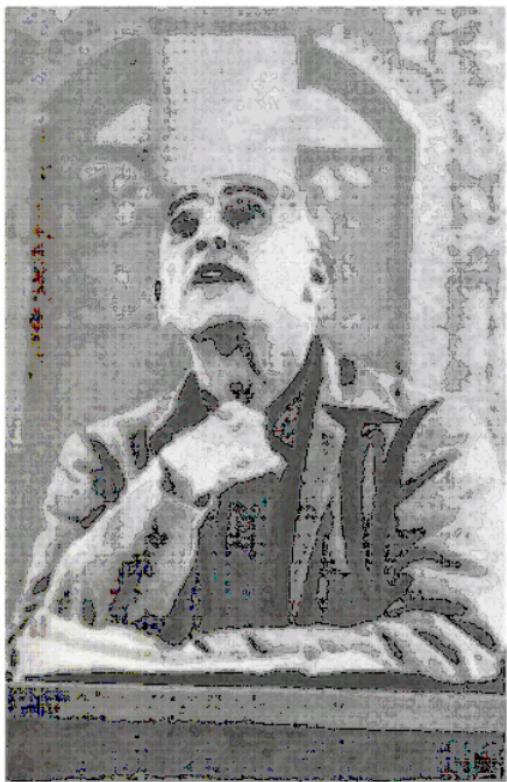

Президент США
Дуайт Эйзенхаузер
(1953—1961).
При нем Аллен Даллес
стал директором ЦРУ

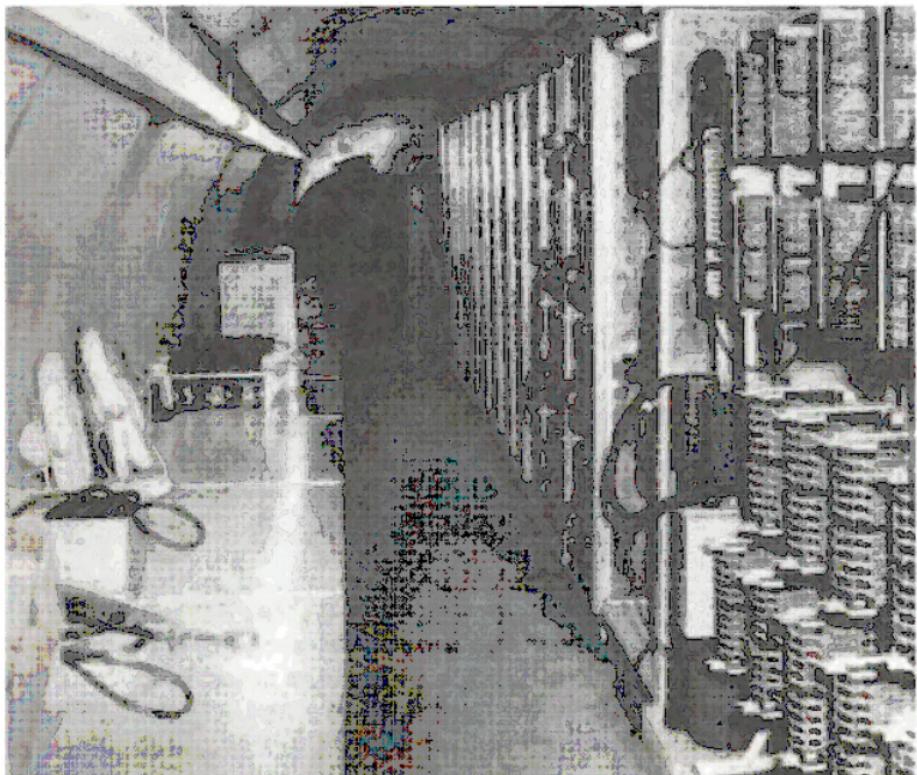

Аллен Даллес на гребне успехов: в течение двух лет ЦРУ удалось устраниć в Иране и Гватемале национально-либеральные правительства Мосаддика и Арбенса, которые пытались ослабить американское влияние в своих странах. 1954 год

Мохаммед Мосаддик

Президент Гватемалы Хакобо Арбенс (справа)

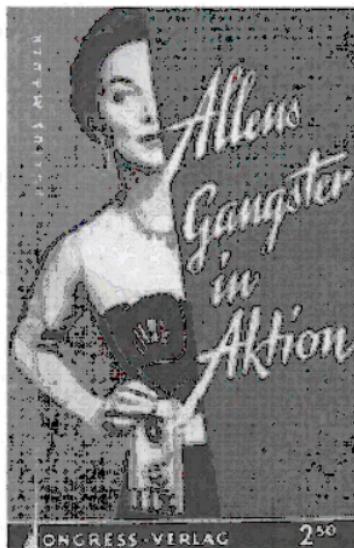
1956 год. Провалилась операция «Голд» — подключение к коммуникациям Группы советских войск в Германии с помощью туннеля под секторальной границей в Берлине, набитого подслушивающей аппаратурой. На снимке: один из участков туннеля

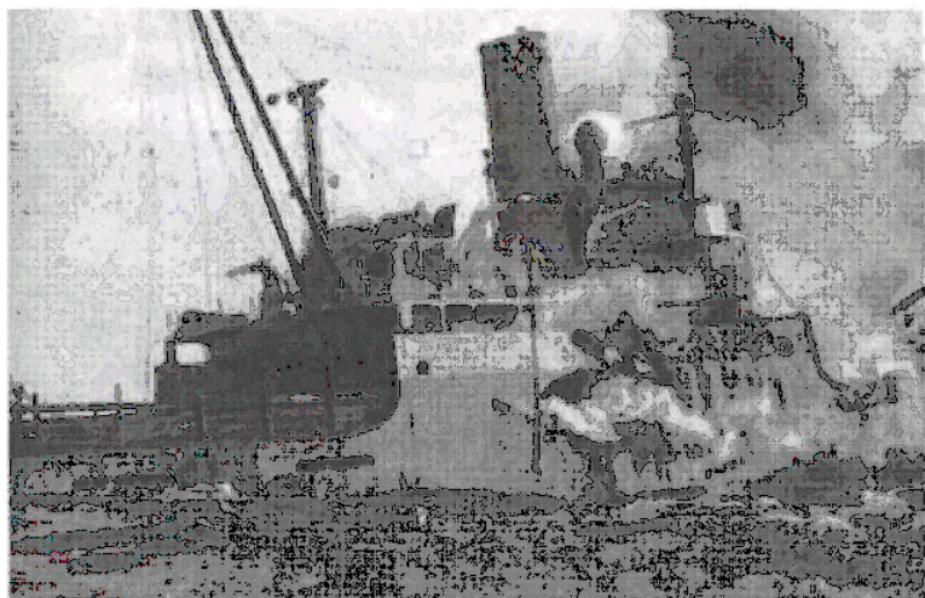
Аллен Даллес был инициатором создания сверхвысотного разведывательного самолета «Локкид У-2». На снимке слева: пилот Гэри Фрэнсис Пауэрс, выполнявший разведывательную программу над Советским Союзом. Был сбит в районе Свердловска 1 мая 1961 года.

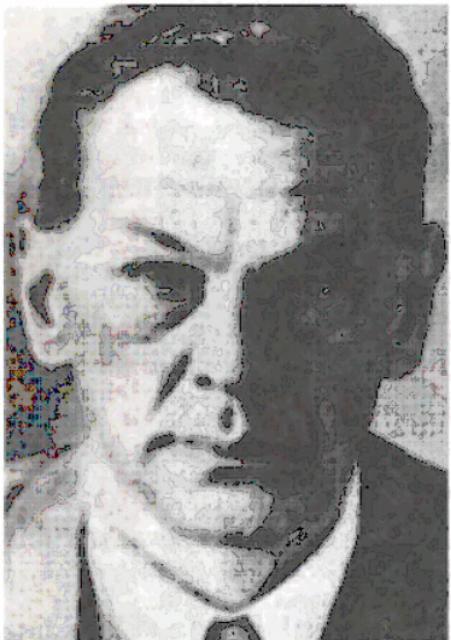
Ричард Биссел — шеф оперативного директората ЦРУ, заместитель Аллена Даллеса. Непосредственно руководил провалившимся вторжением на Кубу вооруженных отрядов кубинских эмигрантов в апреле 1961 года

«Гангстеры Аллена действуют» — первая книжка, разоблачающая ЦРУ, была выпущена в ГДР в 1959 году. Даллес очень низко оценил ее содержание и высмеял обложку, на которой изображена американская Мата Хари. Во всяком случае, такой ее увидел тогда автор, восточно-германский публицист Юлиус Мадер

Транспорт «Хаустон», перевозивший бригаду наемников ЦРУ на Кубу, тонет в бухте Свайей. Он стал мишенью для авиации Кастро. Крах операции стал полным крахом карьеры Аллена Даллеса

Аллен Даллес ценил мастеров разведывательного искусства. Великими шпионами он считал советского резидента Рихарда Зорге (Отто) — слева, ценного агента Рудольфа Расслера (Люци) — справа

Сентябрь 1961 года. Фиаско ЦРУ в кубинской бухте Свиней вывело из себя нового президента США Джона Фицджеральда Кеннеди (на снимке крайний слева). Он отправил Аллена Даллеса в отставку, заменив его Джоном Маккоуном (первый справа)

1967 год. Все позади...

Старый мэтр шпионажа на прогулке

Глава 10

«ДОБРОВОЛЬЦЫ»

Выведывание секретов за «железным» и «bamбуковым» занавесами для Запада значительно облегчалось с помощью «добровольцев», которые являлись сами и предлагали свои услуги.

Нам не всегда нужно самим добывать секретные сведения об интересующем военные или гражданские власти США советском объекте. Данные о нем могут поступить от людей, хорошо с ним знакомых, которые перешли на нашу сторону. Появление перебежчиков — это не дорога с односторонним движением. С Запада люди тоже уходят к Советам. Но к нам перешло гораздо больше «добровольцев», чем от нас к противнику.

В ходе венгерской революции в 1956 году более четверти миллиона человек бежали на Запад. Эмигранты доставили нам сведения о всех аспектах технологических, научных и военных достижений в Венгрии и тем самым помогли составить прогноз развития этой страны на долгие годы вперед. Среди сотен тысяч беженцев и эмигрантов из Восточной Германии, других сателлитов и коммунистического Китая, прибывших на Запад после конца Второй мировой войны, нашлось немалое число оказавших нам подобную помощь.

Термин «дезертир» часто используется в международном политическом языке, а также в разведы-

вательном жаргоне для обозначения официальных лиц и хорошо осведомленных людей, главным образом из стран коммунистического блока, которые покинули свою родину и уехали на Запад. Однако этот термин обижает людей, которые отреклись от общества и покинули его, чтобы присоединиться к лучшему.

Я не настаиваю на том, что так называемые дезертиры бежали на Запад лишь вследствие идеологического и политического несогласия. Одни потерпели крупные неудачи в своей карьере, другие испытывали страх, что режим в их странах еще более ужесточится, третьяи соблазнились возможностью сделать свою жизнь безбедной и легкой. И все же если не большинство, то значительная часть эмигрантов и беженцев оказались у нас по идеологическим мотивам. Они почувствовали такое отвращение к жизни в коммунистическом мире и столь огромное стремление изменить к лучшему свою жизнь, что больше не могли терпеть. Поэтому в данном случае я пользуюсь термином «дезертир» весьма редко и к тому же с оговорками, предпочитая называть таких людей «добровольцами».

Если человек, перешедший к нам, занимал заметное место в советской чиновной иерархии, он хорошо знает сильные и слабые стороны коммунистического режима, его интриги и скандалы, его неэффективность и коррупцию. Если же он специалист, ему непременно известно состояние дел в его области, технологические достижения, секреты производства и так далее. «Добровольцами» могут быть военнослужащие, дипломаты, ученые, инженеры, солисты балета, спортсмены и, правда не столь часто, — офицеры разведки. За «железным занавесом» имеется много недовольных, которых мы не знаем, но которые серьезно помышляют о бегстве.

Кое-кто из них еще колеблется сделать последний шаг из-за страха перед неизвестностью, их ожидающей.

Нам необходимо шире оповещать о том, что добровольно перешедших на нашу сторону встретят радушно, им гарантируют безопасность и счастливую жизнь в нашем обществе. Каждый раз, когда вновь прибывающий политический эмигрант выступает на радиостанции «Голос Америки» и заявляет, что он счастлив быть здесь и что с ним обращаются хорошо, должностные лица за «железным занавесом», которые подумывают поступить таким же образом, примут его слова близко к сердцу. Они станут конкретно прикидывать, каким образом им нужно будет поступить, если их пошлют на Запад в составе делегации или, скажем, назначат торговыми представителями в Осло или Париж. Значит, нам нужно добиться того, чтобы каждый эмигрант или беженец после прибытия на Запад обязательно обратился по радио к своим бывшим согражданам. И еще одно. Граждане стран советского блока, выезжающие в краткосрочные командировки, остались бы гораздо чаще на Западе, если бы у Советов не существовала практика открыто задерживать в качестве заложников их жен и детей.

Советский ученый Олег Ленчевский, стажировавшийся в Англии по стипендии ЮНЕСКО, обратился в мае 1961 года с просьбой о предоставлении ему политического убежища к местным властям. Но напрасно он пытался получить от Москвы разрешение его жене и двум дочерям покинуть страну и присоединиться к нему. Его личное обращение в форме письма Хрущеву было опубликовано во многих западных газетах. Советский лидер, как и ожидалось, не снизошел до этой просьбы. Да и не мог, поскольку хорошо знал: если бы он выпустил семью Ленчев-

ского из России, это стало бы прецедентом для других диссидентов.

По-моему, если бы гражданам коммунистического мира предоставили возможность свободного выезда за границу, число беженцев из государств за «железным» и «бамбуковым» занавесами достигло бы без преувеличения астрономической величины. А так, несмотря на все рогатки и препятствия, их количество, начиная с конца Второй мировой войны и до конца 1961 года, когда возвели Берлинскую стену, составило свыше 11 миллионов.

Коммунисты готовы предпринять все возможные меры, чтобы не упустить ценного для них специалиста и вообще всех, кто может принести пользу для свободного мира. Западные ученые на международных конференциях, в которых принимали участие делегаты из коммунистических стран, часто пытались завязать дружеские контакты с кем-нибудь из них. И нередко сталкивались со «специалистами», которые не могли двух слов связать. Они оказывались сотрудниками КГБ, отвечавшими за безопасность делегации. Но главная их задача состояла в том, чтобы не спускать глаз с настоящих ученых: как бы те не решили остаться в свободном мире.

Китайские коммунисты тщательно замеряют горючее в баках военных самолетов, прежде чем разрешить летчику приступить к выполнению тренировочного полета, чтобы тот, если ему вдруг придет в голову мысль взять курс на свободный Тайвань, не смог бы достичь своей цели.

Другое дело судьба тех немногих, кто перешел от нас к Советам. Она вряд ли сможет служить хорошей рекламой для привлечения новых перебежчиков. Некоторые из них недавно беседовали с посетившими их гражданами из западных стран и признались: выбор они сделали не совсем удач-

ный — в коммунистическом мире у них нет никакого будущего. Перебежчики ученые, вроде физика-атомщика Понтекорво, который приносит большую пользу Советам, активно занимаясь научно-исследовательской деятельностью, находятся, понятно, в гораздо лучшем положении. Он, например, прекрасно обеспечен материально, недавно стал лауреатом Ленинской премии, а это — очень высокая награда. Берджесс и Маклин, Мартин и Митчелл, ставшие публицистами, сводят концы с концами, хотя им платят еще и за то, что они выполняют функции «советников по вопросам пропаганды». Но жизнь у них безрадостная. (Сотрудники Агентства национальной безопасности Уильям Мартин и Бернон Митчелл в 1960 г. попросили политическое убежище в Советском Союзе. — Ред.)

Нередко «перебежчики» с коммунистической стороны в действительности являются не теми людьми, за которых себя выдают. Некоторые, например, были нашими агентами за «железным занавесом» в течение длительного времени. И вернулись они к нам только потому, что почувствовали: над ними нависла серьезная опасность разоблачения (иногда к такому выводу приходим мы, тогда приказ о немедленном возвращении исходит от нас).

Немало из оказавших нам большую помощь перебежчиков были дипломатами или офицерами разведки, действовавшими за рубежом под дипломатическим прикрытием. Для последних, особенно находившихся в странах свободного мира, было, конечно, относительно проще и безопаснее покинуть в один прекрасный день свое учреждение и направиться в местное министерство иностранных дел или в одно из западных посольств и попросить политическое убежище. На Западе, где бы это ни произошло, если к тому же доводы перешедшего выглядят осно-

вательными и искренними, ему предоставляются защита и материальная поддержка до тех пор, пока он не обеспечит себя средствами к жизни в своем новом отечестве.

Если и возникает задержка в предоставлении этих привилегий, так это из-за того, что Советы время от времени засыпают лжеперебежчиков. Это не очень удачный способ внедрения агентуры, но иногда он может иметь эпизодический успех. Лжеперебежчик из встреч с журналистами и различными должностными лицами может, конечно, почерпнуть некоторую информацию и послать ее своим хозяевам.

Нужно иметь в виду, что подобная операция в любой момент может закончиться тем, что «перебежчик» переметнется еще раз — туда, откуда пришел. Он заявит, например, что разочаровался в Западе, обманулся в своих надеждах, что хочет искупить свой грех и вернуться домой, если даже и будет наказан за бегство. Это вызывает в стране, предоставившей ему убежище, замешательство, но в конце концов его по-человечески поймут и из гуманных соображений отпустят обратно за «железный занавес». В действительности же он — агент советской или иной коммунистической разведки. Возвратясь, он доложит своим хозяевам информацию, которую ему удастся собрать.

Офицеры советской разведки и разведок стран-сателлитов пользуются теми же привилегиями и имеют такие же возможности выезда за границу, что и дипломаты. Некоторые из них пользуются этим, чтобы порвать со своим настоящим и осуществить то, о чем долго размышляли. Их дезертирство наносит наиболее серьезный ущерб. Поэтому советские власти ни перед чем не останавливаются, чтобы предотвратить бегство сотрудников своей секретной службы.

Читатель может вспомнить сенсационную фотографию в газетах, появившуюся в 1954 году, на которой были изображены несколько грубых на вид молодчиков и жена перебежчика Владимира Петрова, руководителя резидентуры КГБ в Австралии, в тот момент, когда они пытались насильно посадить ее в самолет, чтобы отправить в Советский Союз. Только быстрое вмешательство австралийской полиции спасло госпожу Петрову от похищения.

Дезертирство офицера разведки сопровождается гораздо меньшим шумом, нежели дипломата или ученого. Сотрудники советской секретной службы или спецслужб стран-сателлитов, конечно, лучше, чем другие, осведомлены, каким образом можно вступить в контакт с «противной стороной» на Западе. Более того, их работа в известной степени состоит в том, как получить такую информацию. Если кто-либо из них принимает решение дезертировать, естественно предположить, что он связется именно с разведывательной службой, нежели с дипломатическим представительством или же полицейскими органами. Расчет здесь на то, что там его не только примут доброжелательно, но и наилучшим образом обеспечат личную безопасность.

Каждое дезертирство офицера разведки противника раскрывает перед западной контрразведкой большие возможности. Зачастую, с точки зрения добывчи секретной информации, оно равноценно прямому агентурному проникновению во враждебный разведцентр. (Ценность сведений, к сожалению, ограничивается только моментом, когда совершился переход.) Но один такой «доброволец», случается, может не на один месяц парализовать деятельность шпионской службы. От него мы получаем точные данные о структуре разведки, ее деятельности, методах и приемах. Он дает развернутые характеристики многих

своих бывших сослуживцев и данные о разведывательном персонале за рубежом, действующем под различными прикрытиями. И что самое главное, он может сообщить информацию об операциях, которые проводятся в данный момент. Жаль, что ему обычно не удается раскрыть много агентов по той причине, что все разведслужбы строят свою работу так, чтобы их сотрудники знали личные дела только тех информаторов, с которыми они непосредственно связаны.

Западу исключительно везет в последние годы: на его сторону перешло значительное число перебежчиков. В 1937 году два сталинских супершпиона, действовавших за рубежом, предпочли остаться в свободном мире и отказались возвратиться в Россию, где могли погибнуть в ходе «обновления» НКВД, проводившегося вслед за чисткой в партии и армии. Одним из них был Вальтер Кривицкий — шеф советского разведцентра в Голландии. В 1941 году его нашли мертвым в одном из washingtonских отелей. Обстоятельства смерти так и остались до конца невыясненными. Склоняются к мысли, что его застрелил советский агент, но тот, по-видимому, скрылся, не оставив никаких следов. Версия о самоубийстве представляется мне маловероятной. Другой перебежчик Александр Орлов — один из старших сотрудников НКВД в Испании в период гражданской войны. В отличие от Кривицкого, ему удалось избежать мести Советов. Он опубликовал ряд книг, в числе которых одна посвящена сталинским преступлениям, а другая — советской разведке.

Сразу после окончания войны на нашу сторону перешел Игорь Гузенко. Он был офицером военной разведки и работал шифровальщиком под гостеприимной «крышей» советского посольства в Оттаве. Гузенко передал нам много ценных материалов, с по-

мощью которых была раскрыта часть международной шпионской сети, занимавшейся сбором информации о производстве атомной бомбы. Советы создали эту разветвленную тайную организацию еще в военные годы. Полностью ликвидировать ее нам удалось в конце сороковых годов.

После казни Берия многим старшим офицерам советской госбезопасности стало ясно: над ними нависла уроза расправы. Среди важных персон, перешедших в это время на Запад, можно отметить Владимира Петрова, о котором я уже упоминал, Юрия Растроva — офицера разведки, работавшего в советском посольстве в Японии, и Петра Дерябина, тоже сотрудника разведслужбы, находившегося в Вене.

На Запад переходили сотрудники советской секретной службы, выполнившиес террористические задания. Николай Хохлов в начале 1954 года был заброшен в Западную Германию для организации убийства известного лидера антисоветской эмиграции Георгия Околовича. Хохлов явился к своей будущей жертве и рассказал о своем задании, после чего перешел к нам. В 1957 году в Мюнхене советские агенты пытались отравить Хохлова, но безуспешно. Осенью 1961 года Богдан Сташинский пришел в Западной Германии в полицию и признался, что несколько лет назад по заданию советской разведки убил двух лидеров украинской эмиграции Ребета и Бандеру. На сторону Запада перешел и советский дипломат Александр Казначеев, работавший в советском посольстве в Бирме. Он был некадровым разведчиком, а так называемым «привлеченным»: его использовали в шпионских целях в тех случаях, когда дипломатические привилегии позволяли ему выполнять задания с меньшим риском, чем сотрудникам разведывательной резидентуры, не имеющим дипломатического прикрытия.

Однако не все важные «добровольцы» — выходцы из советской разведслужбы. Немало офицеров разведки высокого ранга бежали к нам из стран-сателлитов и передали информацию не только о своих службах, но и о советских шпионских органах. Как бы ни пытались правительства европейских сателлитов создавать впечатление о том, что они независимы, в области шпионажа они слепо следуют за СССР. Когда агенты разведслужб сателлитов переходят на Запад, они передают нам немало ценных сведений о политике и планах Кремля.

Иосиф Святло, в 1954 году перешедший на Запад в Берлине, был начальником одного из отделов польской секретной службы, в котором велись дела на членов польского правительства и коммунистической партии Польши. Видимо, нет никакой необходимости подчеркивать, что высокопоставленный перебежчик знал все скандальные истории, в которые была замешана верхушка польского коммунистического общества. Москва часто прибегала к его советам.

Павел Монат был польским военным атташе в Вашингтоне с 1955-го по 1958 год, после чего возвратился в Варшаву и стал ответственным сотрудником военной разведки, контролирующим деятельность военных атташатов во всем мире. Он прослужил в этой должности два года, а затем перешел на Запад. О нем я еще скажу.

Франтишек Тишлек перебежал к нам в Вашингтоне после того, как пробыл там чехословацким военным атташе с 1955-го по 1959 год. Офицер венгерской секретной полиции Бела Лапушняк, рискуя жизнью, в мае 1962 года бежал через границу в Австрию и благополучно добрался до Вены. Но здесь его настигла злая судьба в образе венгерского или чешского агента: он был отравлен,

прежде чем успел передать свой доклад западным властям.

Китайский перебежчик ЧАО ФУ являлся офицером безопасности в посольстве красного Китая в Стокгольме, пока не «исчез» в 1962 году. Это был первый случай бегства сотрудника краснокитайской службы госбезопасности, который официально признали пекинские власти. В действительности на нашу сторону перешли несколько китайских офицеров.

Для аналитиков, изучающих деятельность разведывательных служб Кремля, их роль в советском обществе и влияние на властные структуры, не удивительно, что офицеры разведки имеют возможность заглянуть за кулисы режима, что доступно лишь немногим, узнать о зловещих методах специальных операций, маскируемых разглашениями о социалистической законности. У интеллигентных и посвятивших себя целиком делу правопорядка коммунистов такие сведения вызывали глубокий нравственный шок. Так, один из перебежчиков рассказал нам, что утратил свои иллюзии, когда узнал: Сталин и НКВД, а не немцы, повинны в Катыньской резне (убийство около десяти тысяч польских офицеров во время Второй мировой войны). В результате это привело его к бегству на Запад. Как только советский человек узнает об истинном положении дел, он теряет доверие к системе, для которой он трудится, и к государству, в котором живет. Разочарование в идеалах и в реальной повседневной жизни — мощный движущий фактор для бегства на Запад.

Имена, упомянутые выше, ни в коем случае не исчерпывают списка тех, кто оставил советскую разведывательную службу и аппарат службы безопасности, а также другие важные ведомства. Неко-

торые лица, перешедшие на нашу сторону в самое последнее время, предпочитают «не всплывать на поверхность»: ради собственной безопасности они стараются остаться неизвестными для общественности. Но от этого не становится меньше их вклад в дело изучения деятельности советской разведки и аппарата государственной безопасности и вскрытия каналов, по которым осуществляется подрывная деятельность коммунистической системы против нас.

Соединенные Штаты, в частности, всегда были убежищем для тех, кто стремился порвать с тиранией и оказаться на свободе. Они всегда окажут радушный прием людям, не желающим более работать на Кремль.

Глава 11

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

В разведке термин «дезинформация»¹ обозначает разнообразное множество маневров и приемов, с помощью которых одно государство пытается ввести в заблуждение другое, в основном потенциального или действительного противника, относительно собственных возможностей, намерений и планов. Чаще всего дезинформация используется в военное время или непосредственно перед началом войны. Основная задача — убрать силы обороны противника с запланированного наступающей стороной направления удара, или создать впечатление, что никакого наступления вообще не будет, или же ввести противника в заблуждение о своих планах и целях.

Искусство перехитрить врага столь же старо, как и сама история человечества. Еще Гомер и Фукудид² рассказывали о примечательных примерах: троянский конь способствовал падению Трои, а военная хитрость греков помогла им овладеть Сиракузами в 415 году до нашей эры. В последнем случае греки заслали к сиракузцам ловкого агента. Он завоевал

¹ Д е з и н ф о р м а ц и я — распространение искаженных или заведомо ложных сведений для достижения пропагандистских, военных (введение противника в заблуждение) или других целей.

² Ф у к у д и д (ок. 460—400 гг. до н. э.) — древнегреческий историк. Во время Пелопоннесской войны в 424 г. был стратегом и командовал афинской эскадрой у берегов Франции.

их доверие и уговорил напасть на греческий лагерь. Сиракузское войско вышло из города и направилось к позициям противника. А греческий полководец, посадив своих воинов на корабли, высадил десант у Сиракуз, оставшихся фактически без обороны¹.

В течение странного периода мирного времени, который мы называем «холодной войной», Советы использовали против нас различные хитроумные трюки, в том числе и в области политики. Но не обошлось и без грубых обманов и фальсификаций. В частности, на Кубе Советы применили такой, мягко выражаясь, не слишком-то утонченный финг. Они энергично отрицали свое соучастие в установке там наступательных ракет среднего радиуса действия, но мы их поймали на месте преступления.

Хитрость и обман в стратегическом плане требуют длительной и тщательной подготовки. Разведка должна прежде всего удостовериться в том, что противник думает и чего ожидает, поскольку дезинформация, которая попадает в его руки, должна быть правдоподобной и не выходить за практические рамки планов, которые, по его — противника — мнению, могут быть осуществлены в ходе операции. Затем разведка должна подготовить каналы, по которым дезинформация попадет к противнику. Успех зависит от тесной координации действий между военным командованием и разведывательной службой.

После того как союзники вытеснили немцев из Северной Африки в 1943 году, для всех было ясно, что они следующий шаг сделают в Южной Европе. Вопрос только — где? Поскольку Сицилия была очевидным средством для достижения цели (и на самом деле союзники планировали использовать этот

¹ Этот эпизод произошел во время Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.), которая закончилась полной победой Сиракуз.

остров), состоялось решение о принятии всех мер к тому, чтобы у немцев и итальянцев создалось впечатление, что активные действия на острове не входят в планы англо-американского командования. Попытаться убедить противника в том, что союзники вообще не намереваются наносить удар на этом направлении или что они будут наступать через Испанию, не могло быть и речи. Такой обманный маневр сразу же вызвал бы подозрение. В ложных сведениях нужно было упомянуть о таком месте, которое находилось бы в ожидаемом районе.

Существует несколько способов, чтобы быстро и эффективно довести правдоподобную дезинформацию до верховного командования противника. Но все они должны создать впечатление, что данные попадают к врагу совершенно «случайно» и что для него открывается счастливый шанс. Вот такая «случайность» и была инспирирована англичанами в 1943 году перед вторжением на Сицилию. Немецкое командование приняло развернувшиеся события за чистую монету. На юго-западный берег Испании недалеко от города Хуэльва, между португальской границей и Гибралтаром, волны выбросили труп английского майора. К запястью левой руки погибшего цепочкой был прикреплен портфель, в котором обнаружили оперативные документы и личное письмо из Имперского генерального штаба, посланные генералу Александеру¹ в Тунис. В них содержался явный намек на план союзников вторгнуться в Южную Европу через Сардинию и Грецию. Как стало известно после войны, немцы проглотили приманку. Гитлер послал танковую дивизию в Гре-

¹ Генерал Гарольд А л е к с а н д е р — командующий английской армией в Тунисе. Операция увенчалась полным успехом. Немцы поверили, распылили свои силы и даже отвели боевые корабли из района Сицилии.

цию, а итальянский гарнизон в Сицилии не получил подкреплений.

Это, по-видимому, одна из наиболее удивившихся дезинформационных операций разведки последнего времени с использованием лишь одного канала. Ее закодировали под названием «Минсмит» («Мясной фарш»). Вся эта история рассказана одним из главных ее авторов и исполнителей Ивеном Монтею в книге «Человек, которого не было»¹.

Операцию замыслили, подготовили и провели с большим искусством и большой точностью. Она стала возможной благодаря условиям, которые создали современные средства ведения войны и достижения науки и техники. План операции отличался безукоризненной логикой: офицера, доставлявшего важные документы, вполне вероятно, волна могла смыть с палубы судна в море, или же он явился жертвой кораблекрушения, и мертвое тело оказалось выброшенным на испанский берег.

В действительности для этой операции был использован труп одного из гражданских лиц, недавно умершего. Он был облачен в форму английского майора, в карманы вложили соответствующие документы на имя Уильяма Мартина, удостоверяющие его личность и звание, визитные карточки, фотографию невесты, предметы личного обихода. Останки доставили к берегам Испании на английской подводной лодке, которая всплыла в такой точке, где можно было наверняка рассчитывать: волны вынесут тело на берег. Так оно и случилось.

В операции «Оверлорд» — вторжение союзников в Нормандию в июне 1944 года — тоже эффективно использовалась дезинформация. На этот раз не как отдельная акция, а в виде ряда скординиро-

¹ Переведена на русский язык: М., Воениздат, 1960.

ванных обманных маневров. Теперь хорошо известно, что они удались, поскольку заставили немцев теряться в догадках о точном районе предполагаемой высадки союзников. Ложные слухи распустили даже среди союзных войск, исходя из предпосылки, что немецкие агенты в Англии, услышав их, передадут куда надо. Каналы радиосвязи с французским подпольем также использовались для передачи дезинформационных приказов и требований о проведении акций в поддержку намечаемой высадки союзников, поскольку нам было известно: ряд подпольных радиостанций работали под контролем немцев и, конечно, должны были сообщить им о радиограммах, полученных от союзников. Следовательно, через перевербованных агентов был установлен прямой радиоканал с германской разведывательной службой. Для того чтобы убедить немцев в том, что вторжение произойдет в районе Гавра, подпольщикам дали задание организовать наблюдение за определенными объектами в городе и его окрестностях. В результате у противника создалось впечатление, что союзники проявляют повышенный интерес к фортификациям, железнодорожному сообщению и тому подобному на этом участке побережья. Наконец военная рекогносцировка была организована таким образом, чтобы немцы обратили внимание на назойливую заинтересованность англо-американцев в районах, где на самом деле высадка их войск не планировалась. Над Нормандией союзное командование задействовало меньшее число самолетов-разведчиков, в особенности над побережьем, чем над Гавром и другими населенными пунктами. К тому же союзная разведка распространила слухи о готовящейся диверсионной акции в Норвегии, чтобы отвлечь немецкое командование от концентрации своих войск в Северной Франции.

Таким образом, по существу, есть два пути доведения дезинформации до противника. Можно инсценировать счастливый случай, как сделали англичане в Испании. Такие непредвиденности правдоподобны, поскольку происходят довольно часто в результате исключительного невезения или, наоборот, везения. История полна примеров, когда курьеры с важными депешами попадали в руки противника.

Другой путь — внедрение агента в стан противника, который доложит там о наших мнимых планах, как это проделали афиняне под Сиракузами. Им может быть «перебежчик» или, так сказать, «незаинтересованное» нейтральное лицо. Самая важная и трудная в данном случае проблема: каким образом заставить противника поверить нашему агенту? Он не может просто так перебежать на сторону врага с важнейшими секретными сведениями. Нужно тщательно подготовиться, чтобы правдоподобно объяснить причины, побудившие его бежать, и то, как он добыл эту информацию. Иначе ему не поверят.

С возникновением радиосвязи был создан совершенно новый способ введения противника в заблуждение. Например, на вражеской территории приземляется парашютист, имеющий при себе портативный радиопередатчик. Его захватывают, и он признается, что послан с заданием шпионить за передвижением войск и передавать эти сведения своему разведцентру. У агента есть неплохой шанс быть расстрелянным после допроса — это в порядке вещей. И все-таки лица, его захватившие, обычно в первую очередь решают вопрос: а не лучше ли оставить радиостанцию в живых и перевербовать, так как радиосвязь — прекрасный канал для передачи противнику дезинформации. Но нужно иметь в виду и другое. Если разведыва-

тельная служба, пославшая агента, узнает каким-то образом, что он арестован и контролируется противником, она может ставить перед ним вопросы и давать задания в целях дезинформации другой стороны. Например, просят выяснить, концентрирует ли противник войска в секторе «А». Это создает впечатление, что здесь сторона, пославшая радиста, планирует какие-то военные акции. Именно таким был один из обманных приемов, использованных союзниками при подготовке высадки десанта в Нормандии.

Маскировка важных военных объектов — другая область дезинформации, носящая чисто оборонительный характер. В годы Второй мировой войны аэродромы в Англии камуфлировались под фермерские хозяйства, чтобы ввести в заблуждение пилотов нацистских бомбардировщиков. На крыши ангаров укладывался дерн, а здания принимали вид сараев, скотных дворов и надворных построек. А в отдаленных районах в чистом поле расставляли макеты самолетов — здесь возникали ложные аэродромы. Точно так же вдали от военно-морских баз строились макеты боевых кораблей.

Проведение операций по стратегической дезинформации требует точной координации действий участвующих в них правительственные ведомств и соблюдения строжайшей секретности. Для демократического правительства это сделать несложно, за исключением военного времени, когда конституция разрешает применение чрезвычайных мер.

Для Советов, конечно, эта ситуация выглядит в определенной степени проще. Имея централизованную организацию и комплексный контроль за прессой и средствами информации внутри страны и за информацией, идущей из СССР за рубеж, они могут поддерживать любую операцию по дезинформации.

намного эффективнее, нежели мы. Часто Советы выставляют напоказ свое вооружение, поднимают шумиху, чтобы отвлечь внимание от других видов оружия, уже имеющихся в их арсенале или еще разрабатываемых. Время от времени они демонстрируют макеты самолетов и другого вооружения, которое, может быть, никогда не будет пущено в производство.

Так, например, в День авиации в июле 1955 года присутствующим на параде в Москве дипломатам и военным атташе был показан в полете новый, по нашим данным, тип советского тяжелого бомбардировщика. Число пролетевших самолетов намного превзошло то, что имелось в наличии на самом деле. Таким образом, у нас создалось впечатление, что в СССР со сборочных линий в последнее время сошло значительно больше таких самолетов, чем мы считали, и что Советы располагали возросшим парком тяжелых бомбардировщиков. Позже, однако, было высказано предположение, что одна и та же эскадрилья летала по кругу, появляясь вновь через каждые пять минут. С помощью такого обманного трюка нам старались внушить, что советская авиационная промышленность до предела загружена выпуском огромных бомбовозов. На деле же эта отрасль уже переключилась на производство ракет.

Для дезинформации Советы используют дипломатические, политические и общественные каналы. Например, советский дипломат в беседе со своим коллегой из нейтральной страны конфиденциально сообщает ему сведения на острую тему, зная, что тот завтракает с англичанами и американцами. В этом якобы случайном замечании речь идет о директиве советского Министерства иностранных дел. Когда информация, полученная от нейтрала, попадает в чей-то разведцентр на Западе, там выясня-

ется, что она, по существу, подтверждает подобное же высказывание, сделанное советским официальным лицом в другом месте, отстоящем от первого на десятки тысяч миль. Таким образом создается впечатление, что информация правдоподобна, поскольку объективно подтверждается. В действительности же оба источника играли одну и ту же роль в обманной операции Москвы, проводимой по дипломатическим каналам. Надо сказать, что у Советов имеется ряд программ распространения дезинформации по всему миру, в которых участвуют дипломатические и политические учреждения Восточной Германии, Лаоса, Конго, Кубы и других сателлитов. Москва координирует и направляет все эти акции.

Одной из наиболее успешных политических дезинформаций, распространенных коммунистами среди легковерных людей на Западе перед началом и во время Второй мировой войны, было утверждение, что народное движение в Китае инспирировано не коммунистами, а сторонниками «агарной реформы» и носит социальный характер. Эта рассчитанная на длительный период времени обманная пропагандистская акция началась на Дальнем Востоке с помощью коммунистических и прокоммунистических журналов, а затем ее продвинули на Запад. На удочку коммунистов там попались многие политические и общественные деятели и организации.

Советы возложили ответственность за планирование и проведение дезинформационных операций на специальное управление Комитета государственной безопасности, известное как «бюро дезинформации»¹. В последние годы эта служба занималась, в частно-

¹ Речь идет о подразделении Первого главного управления КГБ, которое вначале называли службой «Д», а затем — службой «А».

сти, составлением и распространением текстов якобы официальных документов Соединенных Штатов, Великобритании и других стран свободного мира. Для чего? Здесь все понятно — чтобы исказить и представить в ложном свете политику и цели этих государств. Так, в июне 1961 года один из руководителей ЦРУ Ричард Хелмс¹ направил в конгресс США убедительные доказательства относительно клеветнической деятельности КГБ. Из большого числа имевшихся в его распоряжении фальшивок он подобрал тридцать два особенно отвратительных лживых опуса, сфабрикованных в 1957—1960 годах.

В своем выступлении перед конгрессменами Хелмс подчеркнул, что русская секретная служба располагает обширным и долгим опытом фабрикации документов, начиная с «Протоколов сионских мудрецов», которые появились более шестидесяти лет тому назад и привели к вспышке антисемитизма в России. Советская разведка стала способной ученицей своей царской предшественницы. Нынешние фальсификации, отметил Хелмс, преследуют цель дискредитировать Запад и, в частности, Соединенные Штаты в глазах остального мира, посеять подозрение и вражду среди западных союзников и вбить клин между народами некоммунистических стран и их правительствами, распространяя утверждения, что они, эти правительства, — марионетки США.

Фальсифицированные документы включают различного рода переписку между высокопоставленными официальными лицами и президентом Соединенных Штатов, письма в адрес госсекретаря, руководства госдепартамента, министерства обороны и Информационного агентства США (ЮСИА).

¹ Тогда Р. Хелмс был заместителем директора ЦРУ. В 1966 г. он стал его директором.

Компетентные лица знают, что эти документы подделаны на высоком профессиональном и техническом уровне, поскольку тексты составлены логично и продуманно. И все же специалисты нашли в них большое количество погрешностей и несоподчиненостей. К сожалению, этого не замечает широкая публика, на которую они рассчитаны, особенно в развивающихся странах, получивших недавно независимость. К тому же фальшивые документы изготовлены прежде всего, так сказать, для массового потребления, а не для интеллектуалов. Один из наиболее искусно сфабрикованных материалов такого рода, якобы представляющий собой часть меморандума британского кабинета министров, полностью искажает позицию Соединенных Штатов и Англии в отношении политики профсоюзов (трехдюнионов) в Африке.

Типичным советским подлогом можно считать публикацию в одной из газет, издающейся в Индии на английском языке, двух фальшивых телеграмм, приписываемых американскому послу в Тайбэе и будто бы посланных им госсекретарю в Вашингтон. В них обсуждаются целиком высосанные из пальца предложения по устранению Чан Кайши¹.

Для того чтобы объяснить, каким образом эти «телеграммы» попали в их руки, Советы умело использовали тот факт, что незадолго до публикации толпа вторглась на территорию посольства США в Тайбэе и разгромила служебные помещения.

Коммунисты прекрасно владеют техникой изготовления фальшивок и широко используют метод подлога для быстрого распространения фальсифи-

¹ Чан Кайши (Цзян Цзеши) (1887—1975) — глава гоминьдановского режима, свергнутого в результате народной революции в Китае в 1949 г. С остатками войск бежал на остров Тайвань, где закрепился при поддержке США и стал президентом островной Китайской Республики.

каций. Газеты и, по сути дела, весь рынок сбыта новостей доступны им фактически повсюду в мире. И хотя многие издательства завоевали дурную репутацию и не пользуются доверием общественности из-за того, что выпускают прокоммунистическую литературу, они тем не менее могут быстро опубликовать любую фальшивку, которую прочитают миллионы людей. Для опровержения требуется время, иногда немалое, так что фальшивки успевают сделать свое черное дело: дезинформация пойдет гулять по всему свету. С другой стороны, метод фальсификаций не особенно годится для западных разведок в мирное время, ибо, не говоря уже об этических и нравственных соображениях, слишком велика опасность грубо обмануть или ввести в заблуждение народы и прессу свободного мира¹.

Если кто-либо сознательно вводит других в заблуждение, обманутыми иногда бывают как друзья, так и враги. И впоследствии обманщику уже не поверят, если он даже и будет говорить правду. В такую ситуацию попали Советы сейчас, после событий на Кубе².

Часто боязнь дезинформации ослепляет противную сторону и мешает правильно оценить сведения, попавшие случайно или целенаправленно в результат разведывательной операции в ее руки.

Вальтер Скотт писал:

Как трудно преодолеть сеть обмана,
Которую сплели мы в первый раз.

¹ Автор пытается скрыть ныне широко известный факт, что спецслужбы США, Англии, Франции, ФРГ и других западных государств широко использовали и используют фальшивки в целях дезинформации общественного мнения отдельных государств и всего мира, не особенно считаясь с этикой, нравственностью и просто элементарной порядочностью.

² Имеется в виду так называемый Карибский кризис 1962 года, вызвавший угрозу термоядерной войны. Он был разрешен благодаря советско-американской договоренности в октябре—ноябре. СССР вывез с Кубы свои ракеты среднего радиуса действия, а США прекратили военную блокаду острова.

Если есть подозрение, что противник систематически прибегает к обманным трюкам, тогда почти все, что исходит от него, невольно вызывает недоверие — это дезинформация. Эффект обманной акции, пусть даже она имела частичный успех, состоит и в том, что в дальнейшем противник уже не может правильно разобраться в очередной полученной информации. Он становится подозрительным и недоверчивым. И это понятно: ему не хочется больше быть застигнутым врасплох. Поэтому он осторожничает и колеблется — и это мешает ему принять правильное решение.

Десятого января 1940 года, в первый год Второй мировой войны, немецкий связной самолет, летевший из одного пункта на территории Германии в другой, потерял в облаках ориентировку, израсходовал горючее и был вынужден приземлиться в Бельгии. На борту его находился план немецкого вторжения во Францию через Бельгию (Гитлер уже дал приказ о его выполнении). Когда майор люфтваффе (германских BBC), пилотировавший самолет, сообразил, где произошла вынужденная посадка, он соорудил из сухих веток костер и попытался сжечь имеющиеся у него документы. Однако бельгийские полицейские быстро оказались рядом с ним и спасли часть бумаг, полусгоревших и тронутых огнем. Их оказалось достаточно, чтобы составить достаточно полное представление об этом плане.

У некоторых французских и английских экспертов, изучавших материал, возникло опасение, что все это — дезинформационная операция немцев. В самом деле, рассуждали они, неужели германское верховное командование могло допустить такую небрежность, разрешив послать строго секретный план вторжения на одноместном связном самолете?

по маршруту вблизи бельгийской границы, да еще при неблагоприятном прогнозе погоды? Их мотивировка основывалась на внешних обстоятельствах, а не на содержании документа. Черчилль писал, что он возражал против такой интерпретации. Поставив себя на место немецких руководителей, он задался вопросом, какое преимущество они рассчитывали получить, подбрасывая подобную дезинформацию? Ведь Бельгия и Голландия сразу насторожились бы и приняли соответствующие оборонительные меры. Значит, это — не дезинформация. Но к Черчиллю тогда не прислушались. После войны стало известно: Гитлер перенес срок вторжения в Бельгию на 10 мая (планировалось 16 января), главным образом, из-за того, что план попал в руки союзников.

Иногда неоправданное подозрение в том, что то или иное событие свидетельствует об обманной операции противника, возникает и в иных обстоятельствах, чем в описанном выше случае. Мы уже подчеркивали, что, засыпая агента-дезинформатора к противнику, следует сделать все, чтобы он заслужил доверие. С другой стороны, нередко сомневаются в счастливом случае: нет ли, мол, тут дезинформации — и с легкостью проходят мимо него.

Так произошло с нацистами, провалившими операцию «Цицерон» (этот псевдоним был присвоен камердинеру английского посла в Турции). Ему удалось подобрать ключ к личному сейфу главы дипломатической миссии и извлечь оттуда совершенно секретные документы, касавшиеся ведения войны союзниками. Через некоторое время он связался с немецкими разведчиками и предложил продать их. Сделка состоялась. Немцы стали систематически получать большое количество документальной информации.

Однако некоторые гитлеровские эксперты не могли до конца поверить, что «Цицерон» ведет с не-

мецкой разведкой честную игру, и считали — это британский обманный трюк. Такое поведение компетентных лиц в Берлине, впрочем, диктовалось не только опасением попасться на крючок дезинформации противника. Были и другие причины. Но так или иначе, дело «Цицерона» — яркий пример того, как предвзятое мнение и необъективное отношение приводят к поверхностной оценке важной информации. С одной стороны, документы, переданные агентом, свидетельствовали о планируемых крупных военных операциях и растущей мощи союзников — это была информация, которая противоречила иллюзорным представлениям в руководящих кругах Германии. С другой — конкурентная борьба и стычки между немецкими правительственные ведомствами мешали объективно проанализировать данные, поступающие от этого источника. Разведывательная служба Гиммлера и Кальтенбруннера¹ и дипломатическое ведомство Риббентропа не ладили друг с другом, в результате, если Кальтенбруннер считал информацию качественной, то Риббентроп с ходу относился к ней с недоверием. Там, где гитлеровские головорезы соперничали между собой в борьбе за власть и влияние на фюрера, не могло быть и речи о тщательном и добросовестном анализе агентурных сведений.

В случае с «Цицероном» Риббентроп и дипломатическое ведомство подозревали, что этот агент — английская «подставка», с помощью которой Лондон старался продвинуть дезинформацию в руководящие нацистские круги. Насколько удалось

¹ К аль т е н б р у н н е р Эрнст (1903—1946) —obergruppenfюрер СС и генерал полиции. С 1943 по 1945 г. — начальник Главного управления имперской безопасности. В 1946 г. по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге казнен как главный военный преступник.

установить, материалы «Цицерона» не оказали ощущимого влияния на стратегию Берлина. И вопреки создавшемуся мнению, могу сказать: нет никаких доказательств, что нацисты получили от своего анкарского агента какую-либо информацию о планируемом вторжении в Европу, за исключением, может быть, лишь кодового названия операции «Оверлорд»¹.

По иронии судьбы у этой знаменитой операции оказалась трагикомическая концовка. Нацистская разведка выплатила ценному агенту сотни тысяч фунтов стерлингов, но фальшивыми банкнотами. Сейчас Цицерон ведет тяжбу с нынешним германским правительством, чтобы оно уплатило ему за службу настоящими деньгами.

¹ А. Даллес пытается принизить ценность информации, полученной гитлеровской разведкой от агента Цицерон (им был камердинер британского посла в Анкаре сэра Хью Нэтбулл-Хьюгессена албанец Эльяс Базна). Около четырехсот важных документов, изъятых из сейфа высокопоставленного дипломата, касались решений Московской и Касабланской конференций руководителей государств антигитлеровской коалиции, планов массированных налетов авиации союзников на Германию, вторжения союзных войск в Европу. Немцы получили от Цицерона ключ к английскому дипломатическому коду.

Глава 12

РАЗВЕДКА — ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Информация, получаемая разведывательной службой агентурным путем или из открытых источников, мало полезна, пока не попадет в руки, так сказать, «пользователей» — облеченных властью лиц, которые делают политику. И они должны получать сведения в максимально короткий срок, четко и ясно составленными, чтобы факты могли быть легко соотнесены с политической проблемой, которая решается в данный момент.

Эти критерии соблюсти не просто, так как объем имеющейся разведывательной информации по интересующей проблеме обычно очень велик. Тысячи донесений, еще больше различных данных ежедневно поступают в штаб-квартиру ЦРУ непосредственно, либо через другие правительственные ведомства, в частности, госдепартамент и министерство обороны. Много других сведений управление получает в результате исследовательской работы ученых, и не стоит удивляться, что объем требуемой информации достигает таких колоссальных размеров: нам нужно знать в идеале обо всем, что происходит за «железным занавесом» и в более чем сотне других стран. В любой точке земного шара возможны события, которые могут затрагивать безопасность Соединенных Штатов. Таким образом обрабатыва-

ется вся эта масса информации в службах, ее собирающих? Как ведется этот процесс в государственном департаменте, министерстве обороны и ЦРУ?

Между этими тремя ведомствами ведется постоянный обмен важными разведывательными сведениями. Конечно, кто-то должен решать, какую информацию надо считать важной и приоритетной. Тот, кто направил в центр разведывательное донесение (один из наших официальных представителей за рубежом — дипломат, военный или разведчик), обычно сам определяет категорию его важности, однако вопрос приоритетности решают, как правило, в центральном аппарате. Если в донесении затрагивается вопрос о возможности опасных враждебных действий против США или серьезной угрозы нашей национальной безопасности, то отправитель пошлет его по каналам, которые автоматически обеспечат поступление к офицеру разведки в государственном департаменте, министерстве обороны и ЦРУ. Последний, будучи координатором зарубежных шпионских сведений, имеет право доступа ко всей разведывательной информации, получаемой любым правительственным ведомством. Это его право обеспечивается законом.

Важная информация поступает в государственный департамент, министерство обороны и ЦРУ круглосуточно. В течение рабочего дня (а он в разведслужбах никогда не бывает нормальным) ответственные офицеры анализируют полученные сведения и определяют, нет ли среди них таких, которые требуют принятия срочных мер. Ночью в этих трех ведомствах дежурят компетентные офицеры — оценка поступающей информации не прекращается ни на минуту. Они поддерживают тесную связь и постоянно обмениваются идеями и соображениями, что, безусловно, помогает быстро и надежно определить кри-

зисную обстановку и проследить за ее развитием. Если в потоке ночных донесений офицеры выловят данные опасного характера, они немедленно докладывают своим непосредственным начальникам. Последние решают, кому из руководителей трех ведомств или даже президенту направить тревожное донесение. Дежурные офицеры следят также за сообщениями печати и передачами радиостанций, включая советские и коммунистического Китая.

Важные новости, рассчитанные на широкую публику, такие, как смерть Сталина, революция в Ираке, убийство какого-либо политического лидера и тому подобное, благодаря высокому уровню развития обычных средств связи могут дойти до Вашингтона гораздо быстрее, чем по разведывательным каналам. Наши официальные лица за рубежом, конечно, располагают быстродействующей радиотехникой для передачи донесений из наших посольств и других зарубежных учреждений. Но нужно иметь в виду, что процессы зашифровки и последующей дешифровки текстов требуют немало времени.

Когда происходит какое-либо важное событие, затрагивающее нашу безопасность и требующее политических решений и действий, обычно проводится тщательное расследование, насколько эффективно обрабатывалась имевшаяся по этому вопросу информация и поступали ли до того предупреждения по линии разведки. Такое разбирательство состоялось, например, после революции в Ираке и возведения стены, разделившей Берлин 13 августа 1961 года, так как и в том и в другом случаях по разведывательным каналам не передавалось никаких более или менее ясных предостережений. Цель подобных тщательных разборов — избежать в дальнейшем возможных ошибок в повседневной трудной и сложной деятельности.

Обработка поступающей информации включает три фазы. Сначала производится сортировка сообщений. Затем следует обработка данных, сгруппированных по крупным проблемам, которые интересуют правительство. Например, одна группа аналитиков работает над информацией о советской экономике, другая — о сельском хозяйстве, третья — о производстве стали и средств производства, и, наконец, еще одна занимается сведениями о развитии авиации и ракет в Советском Союзе. Эти группы определяют основные параметры дальнейших специальных исследований (аналитики называют их «базовыми разведданными»). Последняя фаза — сопоставление всех полученных данных и их итоговая оценка.

Иногда не хватает времени для того, чтобы детально проанализировать каждое важное сообщение — до того, как оно будет передано в компетентное правительственные учреждение. Но сырой, то есть не перепроверенной, разведывательной информацией пользоваться опасно — ведь в таком виде она лишь неподтвержденное донесение, часто отправленное с места событий сотрудником, у которого не было возможности определить окончательно степень его точности и надежности. Поэтому получателей таких сведений в форме периодических сводок или отдельных сообщений, если их важность требует срочного решения, специально предупреждают не предпринимать поспешных действий лишь на основе сырого разведдонесения.

Сводки, как ежедневные, так и недельные, включают собранные во всем мире сведения о важных событиях и процессах за истекшие часы или дни. Они содержат также оценки пославших их лиц или комментарии ЦРУ, составленные после консультации с представителями других правительственных

разведслужб. Последние часто встречаются между собой для оценки сообщений, которые включаются в ежедневную сводку. Новая информация всегда может быть включена сюда дополнительно вплоть до раннего утра следующего дня, когда заканчивается работа над составлением сводки. При рассылке самой сводки нередко прилагается отдельное пояснение об источниках, способах получения и надежности включенных в сводку материалов. Доказательство подлинности сведений иногда можно найти в самом тексте, где изложено данное событие.

Кроме текущих сырых разведдонесений и материалов с базовыми разведданными имеются еще и более основательные оперативные сводки. Их называют национальными оценками, и готовятся они всеми правительственные разведслужбами, входящими в разведывательное сообщество США. В них учитываются все данные по конкретной проблеме, имеющиеся в нашем распоряжении. Здесь мы подходим к одной из самых важных функций всей деятельности разведки — как выделить из огромного количества информации о текущих процессах и перспективном развитии во всем мире полезные для наших руководителей данные. Именно такие, которые помогут им правильно ориентироваться в обстановке и принимать важные решения по самым острым политическим проблемам — сегодняшним и завтрашним, таким, как Берлин, Куба, Лаос, цели и планы коммунистов, военные и ядерные программы Советов, экономика СССР и коммунистического Китая... Список этот может быть продолжен до бесконечности, ибо он отнюдь не ограничивается делами государств восточного блока. Иногда «национальную оценку» приходится выдавать в кратчайший срок. Но когда речь идет о долгосрочных оценках, требуется, естественно, длительное вре-

мя — несколько недель, чтобы произвести тщательный анализ.

Главная причина, вызвавшая организацию ЦРУ, — необходимость создания механизма координации деятельности по составлению «национальных оценок», чтобы президент, госсекретарь и министр обороны в любой момент могли бы иметь их перед собою с единым и обоснованным анализом международной ситуации, затрагивающей нашу национальную безопасность. Президент Трумэн, который в 1947 году внес законопроект о создании ЦРУ, так объяснил в своих мемуарах необходимость своего шага:

«Война преподала нам урок: добывчу разведывательных сведений необходимо организовать таким образом, чтобы информация, когда в ней возникает необходимость, всегда оказывалась под рукой и к тому же — в продуманной и понятной форме. В противном случае она бесполезна».

Трумэн вместе с тем определил систему координации разведывательных сведений и роль в этом правительственные ведомств:

«Всякий раз, когда Совет национальной безопасности собирается рассматривать какие-то планы, скажем политику в отношении Юго-Восточной Азии, он тут же предлагает ЦРУ дать оценку возможных последствий этой политики. Директор управления участвует в работе СНБ, постоянно информирует его членов в связи с той или иной рассматриваемой им проблемой. Его оценки выражают мнение центральной разведки и учитывают точки зрения всех других служб, сообщающих свои рекомендации ЦРУ (разведывательных управлений штаба армии (Джи-2), штаба военно-морских сил (А-2), штаба военно-морских сил (Оу-Эн-Ай), Бюро разведки и исследований госдепартамента, Федерального бюро расследований и разведывательного отдела Комиссии по атомной

энергии¹). Затем госсекретарь дает заключительную рекомендацию по рассматриваемому вопросу, а президент принимает окончательное решение².

Механизм, который президент Трумэн назвал «службами, сообщающими свои рекомендации ЦРУ», был создан в 1950 году и получил название Разведывательный консультативный комитет. Позже его переименовали в Разведывательный комитет США (нередко его называют Разведывательным советом). Недавно в этом комитете прибавился еще один член — руководитель вновь созданного Разведывательного управления министерства обороны (РУМО), в задачу которого входит координация деятельности армейской, морской и авиационной разведок. Роль РУМО в разведывательном сообществе непрерывно растет. То же самое можно сказать и о Бюро разведки и исследований госдепартамента, директор которого является одновременно помощником руководителя дипломатического ведомства. Члены комитета встречаются регулярно не реже одного раза в неделю (бывает, и чаще в периоды кризисов или когда поступают важные разведывательные сообщения). Директор ЦРУ, председательствующий в комитете, несет ответственность за выработанные оценки. Вместе с тем, если кто-либо из его членов расходится со взглядами большинства, он вправе потребовать, чтобы его особое мнение было запротоколировано и включено в текст оценки. В таком виде она представляется в конечном счете президенту и членам Совета национальной безопасности.

При возникновении критических ситуаций директор ЦРУ имеет право срочно обратиться к президенту и другим членам правительства, а руково-

¹ Сейчас входит в министерство энергетики США.

² Мемуары Гарри Трумэна. Даблдей и К°, 1958. (Примеч. автора.)

дители других разведслужб — к своим министрам или начальникам правительственные ведомств. Многолетний опыт показал, что эта система работает бесперебойно. За время моей службы в качестве директора ЦРУ не было ни одного случая, чтобы я не связался с президентом в течение нескольких минут, чтобы доложить ему разведывательные сведения, которые считал исключительно важными.

В ЦРУ также создана комиссия по национальным оценкам, в которую включена группа гражданских и военных аналитиков — специалистов по разведывательной информации. Комиссия готовит проекты большинства оценок, которые затем обсуждаются с представителями Развеывательного комитета. Для рассмотрения сложных научно-технических проблем, таких, как советские ракеты, авиация или ядерная программа, в Комитете образованы компетентные подкомитеты из специалистов высшей квалификации. В отдельных случаях для консультации привлекаются эксперты со стороны.

Понятно, что процедура подготовки и согласования первоначального проекта оценки, представление его в Развеывательный комитет, формулировка последним окончательного текста с учетом мнения оппонентов и передача его компетентным правительственным ведомствам занимает много времени. Но иногда требуются немедленные оценки. Так было, например, в ноябре 1956 года, когда возник суэцкий кризис. Я выехал из Вашингтона на место своего жительства в штат Нью-Йорк, чтобы выполнить свой гражданский долг — подать свой голос на президентских выборах. А вечером накануне этого события мне позвонил генерал Чарльз Кейбелл, заместитель директора ЦРУ. Он прочитал текст советской ноты, только что переданной по телеграфу.

леграфу. Булганин¹ угрожал, что нанесет ракетные удары по Лондону и Парижу, если английские и французские войска не выведут из Египта. Я попросил генерала Кейбелла собрать Разведывательный совет и немедленно вылетел в Вашингтон. Мы заседали всю ночь, а утром в день выборов я представил президенту Эйзенхауэру единогласно принятую оценку советских намерений и наши соображения относительно возможного развития кризиса.

Содержание этого доклада, как и в большинстве других случаев, держалось в секрете. Однако общество должно знать, что такой механизм существует и может действовать оперативно. Это — важная часть нашей структуры национальной безопасности. И люди были об этом осведомлены.

Когда 22 октября 1962 года президент Кеннеди обратился к нации и заявил о том, что Советы тайно установили на Кубе ракеты среднего радиуса действия, наши разведывательные службы уже систематически получали сообщения от агентов и беженцев, в которых речь шла о возводимых на острове таинственных сооружениях, похожих на ракетные базы. Хорошо известным фактом являлось и то, что некоторое время назад Кастро построил несколько полигонов для запуска ракет класса «земля—воздух». Это, однако, были ракеты ближнего радиуса действия, которые предназначались для борьбы с самолетами, вторгнувшимися в воздушное пространство Кубы. Поскольку донесения поступали в основном от лиц, мало разбирающихся в ракетном деле, нельзя было с достоверностью сказать, являлись ли все ракеты ра-

¹ Булганин Николай Александрович (1895—1975) — советский государственный деятель. Министр Вооруженных сил в 1947—1949 гг., министр обороны СССР в 1953—1955 гг. Председатель Совета министров СССР в 1955—1958 гг. Член Политбюро ЦК КПСС в 1948—1958 гг.

кетами противовоздушной обороны или же среди них были более опасные, серьезно угрожавшие нам.

Собранных доказательств вполне хватило, чтобы встревожить Разведывательный совет, который дал указание своим службам установить за Кубой непрерывное наблюдение. Полеты разведывательных самолетов дали конкретные доказательства. Президент использовал их в своем обращении к нации, когда объявил о карантине и блокаде Кубы. Предварительно пришлось, конечно, не только самым тщательным образом проанализировать все разведданные, но и быстро оценить их. Как заявил президент, воздушная разведка позволила точно установить, что на Кубе велось строительство не только баз противовоздушной обороны. Это был, между прочим, тот случай, когда выводы разведки нужно было довести до сведения общественности. Последующие заявления Хрущева и его действия подтвердили правильность анализа.

И в данном случае потребовалась блицоценка. Конечно, большей частью работа над информацией ведется в более спокойной обстановке. Безусловно, относительной, ибо вся разведывательная деятельность проходит под знаком вечной нехватки времени.

Но идет ли речь об оценке, принятой в течение нескольких недель, или же она сделана за одну ночь, все равно для этого требуются годы для подготовки аналитиков, пока те сумеют быстро, а главное, точно выдавать конечный информационный продукт. В случае с Кубой оценку смогли подготовить незамедлительно, потому что ей предшествовала многолетняя работа высококвалифицированных специалистов в области аэрофотодесифровки. Эти мужчины и женщины достигли высочайшей компетенции, изучая длительное время предшествующие

снимки ракет. То, что для новичков показалось бы неразборчивым, расплывчатым и могло бы привести к неверному истолкованию, для квалифицированных экспертов было четкой и достоверной информацией, когда они изучили эти снимки.

Анализ разведывательной информации необходимо вести по всем странам, где могут быть затронуты наши интересы, а также в некоторых областях военного дела, экономики, международных отношений, которые требуют нашего внимания, например, советские достижения в ядерной физике, баллистике, аэrodинамике и космонавтике, а также в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. Естественно, нас может заинтересовать политическое, экономическое или социальное положение в любом государстве. Я вспоминаю, что однажды мне потребовалась подробная информация о Гренландии. Буквально через несколько минут передо мной лежала подробная справка о географии, геологии, климатических условиях, населении и истории этой мало посещаемой страны.

Быстрота получения необходимых справок — не результат лишь механизации и автоматизации учетных картотек и архивов. Но использование технических новинок не ухудшает качество справочного материала. Оно лишь ускоряет процесс. Чем больше достижений дарят нам наука и техника, тем выше требования, которые предъявляются к аналитикам и персоналу, обслуживающему сложные вычислительные машины и приборы. Без этих знаний мало пользы принесет информация, полученная с помощью современных технических средств. Обязательно нужен терпеливый и настойчивый аналитик, который классифицирует, взвешивает, исследует, сравнивает различные гипотезы и версии, а затем делает соответствующие выводы. Для выпол-

нения своей задачи он должен обладать глубокими знаниями, воображением и самостоятельным мышлением объективного и пунктуального ученого.

Случается, что известные вещи вдруг предстают перед нами непонятными и даже загадочными. Иногда просто, а иной раз очень трудно объяснить, почему так получается. И это рождает чувство неуверенности. В таких случаях, если нужда в обоснованном предположении сохраняется, мы переходим к другой фазе аналитической работы — предполагаемой оценке. Оценочные выводы можно делать не только по известным фактам, но, как увидим далее, и по таким, о которых абсолютно ничего не известно.

Это — невоспетая и, можно сказать, незаметная часть разведывательной деятельности, но я часто сталкивался с удивительными результатами, достигнутыми нашими аналитиками, когда они готовили предполагаемые оценки для компетентных правительственные учреждений.

Некоторые оперативные сводки, составленные по такому методу, специально заказывали руководители правительства, чтобы правильно ориентироваться при рассмотрении сложных проблем или получить ясное представление о том, как противник будет реагировать на их действия — с чем им необходимо считаться. Другие оперативные сводки готовятся регулярно на плановой основе в установленные сроки, как, например, сообщения о военных мерах Советов или о развитии техники в СССР. Прежде чем приступить к подготовке сводки, делается срочный запрос тем, кто собирает информацию, чтобы попытаться заполнить отдельные пробелы в уже имеющихся данных по конкретной проблеме. Такие «белые пятна» возможны в военной или экономической информации, а также в наших знаниях о намерениях тех или иных правительств.

Наконец, оценки часто готовятся потому, что кто-то из членов Разведывательного совета считает: данное положение вещей требует особого внимания. Облако на небе размером с ладонь может предвещать бурю. Поэтому задача разведки — подать сигнал тревоги, прежде чем небольшое усложнение обстановки достигнет критических размеров. Иногда выдвигают обвинение, что разведка, мол, не смогла своевременно предупредить о наступлении того или иного кризиса. Я должен на это ответить следующее: прессы и сторонние наблюдатели просто не знают, сколько раз разведка предупреждала об опасности, ибо разведывательная деятельность, по вполне понятным причинам, не афишируется.

Одно из основных направлений наших разведывательных усилий, которому постоянно уделяется серьезное внимание и по которому очень часто, можно даже сказать, регулярно делаются обстоятельные оперативные сводки, — это развитие промышленности, производящей вооружение, особенно в СССР. Интерес представляют советские программы и новейшие достижения в ракетном деле, в области производства ядерных боеголовок, строительства атомных подводных лодок, новейших самолетов и всего того, что может привести к рывку в каком-либо виде вооружений, как случилось в области космоса. Это — одна из наиболее трудных задач, с которыми сталкивается аналитик разведывательной информации.

Речь здесь идет о возможностях Советского Союза по производству какого-либо вида оружия, роли, которая отводится этому виду военными, и его истинном месте в данном секторе военного производства. Всегда трудно предсказывать, какое место отводится конкретной системе оружия до тех пор, пока не завершится разработка и испытания на эф-

фективность, а заводы не получат приказа начать серийное производство. В начальной стадии создания новой системы мы можем оценить лишь производственные возможности и прикинуть, где и как будет использоваться это оружие. Как только станут известными фактические данные, появится возможность точно оценить программу производства оружия и само оружие.

В 1954 году были получены сведения, что Советский Союз начал производство межконтинентальных тяжелых бомбардировщиков дальнего радиуса действия, сравнимых с нашими «Б-52». Поначалу все — даже их демонстрация на параде в 1955 году, о чем я уже писал, свидетельствовало, что русские рассматривают это оружие как главный элемент своих наступательных сил и планируют организовать серийное производство тяжелых бомбардировщиков столь быстро, насколько позволят их экономика и уровень техники. Разведывательный совет по просьбе министерства обороны подготовил прогноз — как будет развертываться выпуск супербомбардировщиков в ближайшие годы. Документ основывался на имеющихся у нас данных о том, что представляла собой советская авиационная промышленность и какие типы самолетов она выпускала. Он включал в себя и предположение: число бомбардировщиков, которые могут быть построены дополнительно, исходя из имеющихся производственных мощностей и с учетом того, что потенциал отрасли наверняка будет увеличен. Далее высказывалось твердое мнение: если Советы захотят, они смогут ежегодно удерживать повышенный уровень производства тяжелых бомбардировщиков. К моменту окончания доклада бывшие в нашем распоряжении факты свидетельствовали: такое желание действительно имелось. Более того, Советы намеревались использовать все свои возможности для

выполнения программы. Это вызвало у нас толки об «отставании» США от СССР в области строительства тяжелых бомбардировщиков.

Естественно, наша разведка продолжала пристально наблюдать за развитием событий в Советском Союзе. Производство самолетов не увеличивалось столь быстро, как мы предполагали. Стали накапливаться данные, что эксплуатационные качества бомбардировщика оказались низкими. Где-то в 1957 году советские лидеры приняли решение резко сократить производство таких самолетов. «Отставания в бомбардировщиках» не получилось.

Однако появились данные об успешном развитии русской программы строительства межконтинентальных ракет, что, естественно, вызвало нашу озабоченность. Таким образом, хотя прежняя оценка возможностей производства тяжелых бомбардировщиков в принципе не потеряла своей актуальности, изменение советской политики в области вооружения потребовало нового прогноза — как будет развиваться ракетное производство в ближайшие годы.

Планы могут меняться и даже превращаться в свою противоположность, поэтому разведка никогда не должна удовлетворяться достигнутым. Кстати, такие изменения бывают и у нас. Недавно мы скорректировали свои планы в отношении ракеты «Скайлэйт», что заставило советскую разведку изрядно поломать голову.

Советская ракетная программа, как и программа строительства тяжелых бомбардировщиков, претерпела немало превратностей. Советы быстро (во всяком случае раньше нас) смекнули, что ракеты — это оружие будущего и что успехи в космосе оказывают колossalное психологическое воздействие на человечество. Они увидели это даже до того, как стало ясно: можно значительно уменьшить вес и раз-

меры ядерной боеголовки, что позволит доставлять ее к целям, удаленным на гораздо большее расстояние, чем прежде. В Москве вскоре также поняли, что даже ракеты ближнего и среднего радиуса действия, учитывая географическое положение СССР, смогут сыграть важную роль в установлении советского господства в Европе.

Истоки ракетной программы Москвы уходят к концу Второй мировой войны. Советы внимательно следили за успешным использованием немцами ракет «Фау-1» и «Фау-2». Когда Красная Армия оккупировала Восточную Германию, советские власти приняли меры к тому, чтобы, во-первых, захватить как можно больше ракет и запасных частей к ним, а во-вторых, заставить работать на себя немецких ракетчиков — ученых и технических специалистов. Часть из них насильно вывезли в Россию, а некоторые поехали туда добровольно, заключив контракты.

Однако было бы ошибкой отнести советские успехи в области ракетостроения только за счет немцев. Сами русские давно занимались этим делом и быстро достигли высокой компетенции. Они не присвящали немцев в свои секреты и не разрешали им бывать на полигонах. Их держали за чертежными досками, выкачивая знания. Поскольку советские власти предполагали, что немецкие специалисты, возвратившись в Германию, несомненно, привлекут к себе внимание западных спецслужб, они не подпускали пленников к своим актуальным разработкам, чтобы те не стали носителями секретов. И действительно, наши разведслужбы на смогли извлечь ничего существенного из контактов с немецкими ракетчиками, побывавшими в России.

В первые десять лет после окончания войны мы мало знали о советской ракетной программе.

Чертежные доски ничего не расскажут, а ракеты ближнего радиуса действия не производили большого впечатления: они нас не достанут. И лишь когда мы стали применять новые технические средства разведки, а с 1956 года получать фотоснимки с помощью самолетов «У-2», в руки заждавшихся аналитиков начала поступать достоверная информация. Нетерпение было понятным, поскольку на них давило министерство обороны, отвечавшее за свою ракетную программу и противоракетную оборону. Планирование этой области занимает годы, и Пентагон считал, что в данном случае его обращение за помощью к Разведывательному совету вполне оправдано: получение достоверной шпионской информации о развитии ракетостроения в Советском Союзе могло бы ускорить решение проблем, над которыми бились американские ракетчики.

Полагаю, что я имею полное право сказать: разведка была бы счастлива, если бы ее освободили отдачи прогнозов, составленных по методу «гадания на кофейной гуще». Но военные требуют даже таких оценок — без них они обойтись не могут, — заявляя офицерам разведки: «Если вы не желаете снабжать нас оценками на ближайшее будущее, мы подготовим их сами. Однако ваши аналитики сделают такие прогнозы лучше нас». Отрицать это утверждение разведывательная служба не могла, ибо в противном случае ей пришлось бы признать свою несостоятельность.

Первые данные о производстве ракет в Советском Союзе мы получили не агентурным путем, а чисто аналитическим методом, оценив предполагаемый объем продукции в данный момент и ее возможное увеличение в ближайшем будущем. Плюс к этому надо было прикинуть, как Москва распределяет свой промышленный потенциал между различ-

ными видами вооружений. Какая часть его пойдет на ракеты? А на производство ядерного оружия? А что достанется тяжелым бомбардировщикам, истребительной авиации и наземной противовоздушной обороне? Что получит строительство подводных лодок? И в конечном счете: сколько будет выделено наступательным видам и сколько останется оборонительным?

Атмосфера неуверенности и неопределенности, характерная для конца пятидесятых годов, вызвала в нашем обществе толки о так называемом «ракетном отставании» США от СССР. Основываясь на реальных данных о возможностях Советов и наших прогнозах об их стратегических планах, мы несколько позже определили количество ракет и ядерных боеголовок, которые в ближайшие несколько лет могут оказаться на пусковых установках в Советском Союзе.

Испытания советских ракет в 1957 году и вслед за этим значительное увеличение их мощности доказали высокую компетентность советских специалистов в области межконтинентальных баллистических ракет (МКБР). Советы произвели запуски на расстояние от семи до восьми тысяч миль в районы Тихого океана, о чем широко оповестили весь мир. Они вывели на орбиту первый спутник. Результаты испытаний МКБР, по-видимому, их вполне удовлетворили. Но станут ли Советы применять сейчас громоздкие и в какой-то степени неуклюжие межконтиненталки первого поколения, хотя и достаточно эффективные, или же они, по зреющему размышлении, подождут, пока появятся МКБР третьего поколения? Намерены ли они использовать свое вероятное в данный момент ракетное превосходство и принести в жертву строительство более совершенных ракет? Ответ предполагал, что они выберут по-

следнее. Однако, как только мы получили достоверные данные, прогнозы по МКБР, как и в случае с тяжелыми бомбардировщиками, были пересмотрены: разговоры о нашем «ракетном отставании» также оказались преувеличенными.

Ныне, после инцидента на Кубе¹, может возникнуть вопрос, не свидетельствуют ли последние действия Советов о том, что они должны были поторопиться со своей ракетной программой. Ведь Москва пошла на большой риск, установив на Кубе несколько ракет среднего радиуса действия, чтобы усилить угрозу Соединенным Штатам, которую представляли МКБР, расположенные в России.

Во всяком случае, собранные разведывательные данные по советским ракетам прекрасно обрисовали, насколько велика потенциальная опасность, нависшая над США. Наша разведка своевременно получила достаточно полные данные о советском производстве высоконадежных ракет, работах по созданию искусственного спутника Земли и подготовке его запуска. Эта информация заставила нас заняться собственными ракетной и космической программами, бросив на них большие силы и средства.

Если перейти от военной области к политической, то здесь стоящие перед аналитиком проблемы зачастую еще более сложны. Анализ поведения человека и прогноз его реакции в той или иной ситуации нельзя поручать компьютеру. Такое задание даже для самого опытного исследователя может стать неразрешимой проблемой.

Более десяти лет тому назад осенью 1950 года наша страна столкнулась в Северной Корее с необходимостью принять решение по сложной пробле-

¹ Имеется в виду Карибский кризис в 1962 г.

ме: продвигаться к реке Ялу¹ и воссоединить тем самым Корею или нет? Ответят ли китайские коммунисты на такой шаг прямой атакой? Или тронулись бы они со своих позиций, если бы, например, основную массу наступающей группировки составили южно-корейские силы, а не войска США и ООН? Или же, если бы мы не разбомбили в Северной Корее электростанции, снабжавшие электроэнергией Китай?

В то время мы были хорошо осведомлены о силе и дислокации краснокитайских войск на другом берегу реки Ялу. Нам нужно было выяснить планы Москвы и Пекина. Мы ничего не знали об их секретных совещаниях и о принятых на них решениях. В подобных случаях опрометчиво и даже опасно офицеру разведки высказывать твердое мнение, не имея надежных сведений о расположении и передвижениях войск противника, подходе стратегических резервов и подвозе снабжения и тому подобного. Я могу говорить совершенно объективно и беспристрастно об оценке положения на Ялу в 1950 году: она была дана незадолго до начала моей службы в ЦРУ. Тогдашние аналитики пришли к заключению, что при определенных обстоятельствах китайцы, возможно, не вмешаются в конфликт. В действительности мы не имели понятия, что предпримут китайские коммунисты. Не знали мы и того, сколь настойчиво Советский Союз будет оказывать на них давление и как далеко зайдет Москва в поддержке Пекина, если он все же решит вмешаться.

Нельзя исходить из того, что коммунистический лидер будет действовать так же, как мы, или что он всегда правильно оценит наши шаги. Нам часто

¹ Ялусзян (китайское название), Амноккан (корейское). По этой реке проходит граница между КНДР и КНР.

трудно понять Советы, а им нас. В случае с Кубой Хрущев в октябре 1962 года самонадеянно рассчитал, что ему удастся незаметно доставить на остров свои ракеты, установить и замаскировать их, а затем, выбрав удобный момент, поставить Соединенные Штаты перед совершившимся фактом, который США вынуждены были бы признать, предпочтя это риску войны. Конечно, он допустил ошибку — также как и кое-кто у нас, поверхностно оценив ситуацию: они утверждали, что Хрущев не решится разместить наступательное оружие прямо под нашим носом.

Роль разведки на ранней фазе кубинского кризиса в октябре 1962 года стала темой официального доклада, подготовленного согласительным подкомитетом сенатского комитета по вооруженным силам под председательством сенатора Джона Стенниса от штата Миссисипи. Главный вывод: «Ошибочная оценка создавшейся ситуации и поверхностные умозаключения руководителей разведки, увлекшихся философствованием, а не анализом конкретных фактов, привели к ошибочному решению: размещение стратегического ядерного оружия на Кубе противоречит советской политике. Однако позже выяснилось, что этот прогноз оказался совершенно неверным».

Эта критика в адрес разведки относилась к сентябрю — началу октября, то есть еще до получения качественных аэрофотоснимков. Но затем в наше распоряжение поступили данные, которые создали впечатление, что вряд ли русские доставили на Кубу ракеты среднего радиуса действия, которые могут поразить цели в глубине территории Соединенных Штатов. Но среди американских государственных и политических деятелей были и такие (упомяну хотя бы тогдашнего директора ЦРУ Маккоуна), которые

высказывали серьезные сомнения в отношении такого вывода. Однако в Разведывательном совете верх взяло все же убеждение: Хрущев, мол, не рискнет сделать шаг, который означал бы прямую угрозу Соединенным Штатам. Карибский кризис явил собой пример того, что Хрущев может действовать неожиданно, необычно, шокирующе. И в то же время он уверен, что сумеет сразу же отступить, если увидит: противник настроен решительно и даст отпор. Советский лидер, кроме того, заранее рассчитал, что уступка на Кубе не нанесет существенного ущерба его собственным позициям в СССР. Полностью контролируя советские средства массовой информации, он без труда сможет убедить общественность в своей стране и во всем коммунистическом блоке, что отступление на Кубе было сделано, чтобы сохранить мир.

При подготовке оценок политики Советов и их действий всегда полезно иметь среди аналитиков одного или двоих человек, которые должны играть роль «адвокатов дьявола»: аргументировать и объяснить, почему Хрущев или какой-либо другой советский руководитель предпринял необычный, драматический, а иногда, с нашей точки зрения, даже неумный и невыгодный для собственных интересов шаг. Конечно, в большинстве случаев можно прийти к нелепым и, вероятно, даже ошибочным выводам, если исходить из предположения: все, что делает или будет делать Советский Союз, нужно рассматривать как нечто необычное или аномальное. Политикам надо время от времени напоминать, что Советы в общем действуют вполне логично и расчетливо, хотя иногда их шаги нам трудно понять и объяснить.

Если некоторые наши аналитики сделали неверный вывод из кубинской аферы Советов, то Хрущев со своими советниками допустил еще более серьез-

ный просчет, полагая, что его грубый и дерзкий маневр не встретит энергичный и решительный отпор Вашингтона. Офицерам разведки приходится сталкиваться с возмущением общественности по поводу того, что опять, мол, «наши шпионы прохлопали». Это происходит обычно в тех случаях, когда на международной арене разыгрываются какие-то драматические события, к которым широкая публика оказалась неподготовленной. Правда, иногда обвинения бывают и справедливыми. Но в большинстве случаев разведка предвидит события и дает им правильную оценку. Но люди этого не знают, а мы не имеем права рекламировать свои успехи.

Так было, например, с вторжением в район Суэца в 1956 году. Наша разведка тогда была полностью в курсе того, что Израиль, а затем Англия и Франция намеревались предпринять. У общественности же сложилось впечатление, что разведслужба допустила промах, поскольку официальные лица США заявили с расчетом на определенный эффект, что страна не была своевременно предупреждена об этом. Официальные представители США, конечно, подразумевали под этим то, что Англия, Франция и Израиль забыли предупредить нас о своих планах. В действительности же разведка Вашингтона постоянно информировала правительство обо всем, но, как обычно, не имела права рекламировать свои успехи.

Другой пример — искусственный спутник Земли. Здесь, несмотря на повсеместно сложившееся в стране мнение, Разведывательный совет очень точно предсказал прогресс Советов в области космической технологии и приблизительное время, когда они смогут вывести свой спутник на орбиту.

В других случаях пресса и общественность впадали в ошибку относительно реальной роли разведки в конкретных ситуациях. Считая, что действия пра-

вительства должны обязательно опираться на разведывательные сводки, газеты и политики, когда у нас что-нибудь не получалось в международных делах, обвиняли в первую очередь разведслужбы даже тогда, когда на самом деле последние в подготовке таких шагов никакого участия не принимали.

Взять, например, эпизод в бухте Кошинос в 1961 году¹. Большая часть американской прессы в то время считала, что операция потерпела неудачу из-за ошибочной оценки разведслужбы, которая уверяла: высадка вооруженных отрядов эмигрантов вряд ли вызовет народное восстание на Кубе. Те, кто работал, как это пришлось мне, с антигитлеровским подпольем за линией фронта во Франции, Италии и Германии во время Второй мировой войны, и те, кто наблюдал трагедию венгерских патриотов в 1956 году², должны понять: спонтанные революционные выступления невооруженного народа в современную эпоху — неэффективны и часто гибельны. Я не разбирал нигде детально кубинскую операцию 1961 года и не собираюсь делать этого здесь. Повторю лишь то, что уже сказал где-то откровенно: «Я не знаю никаких прогнозов о том, что такая высадка вызовет самопроизвольное восстание невооруженного народа Кубы».

Ясно, что наши оперативные сводки, особенно те, где речь идет о коммунистическом блоке, дол-

¹ 17—19 апреля 1961 г. близ населенного пункта Плай-Хирон в бухте Кошинос (Свиней) на южном берегу острова Куба повстанческая армия Кубинской республики разгромила отряды кубинских контр-революционеров. Их высадку организовало ЦРУ с целью организации вооруженной борьбы против кубинского правительства, возглавляемого Фиделем Кастро. В результате провала этой операции президент США Д. Кеннеди уволил А. Даллеса в отставку с поста директора ЦРУ.

² В октябре 1956 г. в Венгрии произошло народное восстание против режима лидера Венгерской партии труда М. Ракоши, управлявшего страной сталинскими методами. Оно было подавлено введенными в Венгрию частями Советской Армии.

жны отражать не только естественное и обычное, но и необычное, жестокое и неожиданное — короче говоря, все, что там делается. Действия и намерения Советов нельзя оценивать лишь с точки зрения того, как бы мы поступили сами в том или ином случае, будь на месте Хрущева. А советский лидер не особенно соблюдает приличия, как это было в Организации Объединенных Наций, когда он даже разился перед высоким собранием¹. У нас часто создается впечатление, что меры советского правительства принимаются под влиянием теории Ивана Петровича Павлова, известного русского физиолога, который стимулировал определенные рефлексы у подопытных животных, а затем, резко изменения обращение с ними, приводил их, этих животных, в состояние полного смятения. Внезапные изменения в поведении и действиях Хрущева заставляют вспомнить о теории Павлова. Торпедирование Парижской встречи на высшем уровне в 1960 году, хотя советский лидер уже несколько лет знал о разведывательных полетах над территорией СССР «У-2», неожиданное возобновление ядерных испытаний, когда в 1961 году неприсоединившиеся страны собирались в Белграде, и даже его знаменитая выходка с ботинком на трибуне ООН были рассчитаны на то, чтобы их шоковый эффект помог ему достичь желаемого результата. Советский лидер, по-видимому, надеялся, что его афера с размещением ракет на Кубе тоже потрясет США и мировое сообщество. Наши дальнейшие оценки, как Хрущев будет действовать в той или иной ситуации, должны обязательно учитывать эти особенности.

¹ Такой эпизод действительно имел место. На пленарном заседании Генеральной ассамблеи Н. Хрущев держал с трибуны эмоциональную речь. В запале он снял с ноги ботинок и стал стучать им по пюпитру, желая утихомирить зашумевших слушателей.

Готовность страны согласиться с падением ее международного престижа в результате мер своего правительства по обеспечению жизненно важных интересов тоже можно рассматривать как элемент силы. Из-за нашего стремления к тому, чтобы нас все любили в этом мире, такой элемент часто отсутствовал в американской внешней политике, но это вовсе не означает, что мы должны соревноваться с Хрущевым в использовании его любимых шоковых приемов.

Конечно, мы не часто располагаем сведениями обо всех факторах, влияющих на ту или иную конкретную ситуацию. Никто не может с уверенностью предсказать ход мыслей лидеров, решения которых делают историю. И будем предельно откровенны: если бы нам пришлось давать оценку того, каковыми будут наши политические решения через несколько лет, мы вскоре заблудились бы в чащобе неуверенности, как в густом лесу. И тем не менее наши аналитики призывают решать, что намерены делать другие политические лидеры и правительства. Печальная правда состоит в том, что анализ разведывательной информации никогда не станет точной наукой.

И тем не менее мы достигли некоторого прогресса в искусстве составлять по отдельным элементам цельную мозаику конкретного события и поэтому в состоянии оказать большую помощь нашим правительственным учреждениям. Ныне все чаще из многих возможностей и вероятностей нам удается выбрать именно те факторы, которые смогут оказать существенное влияние на решения Кремля и Пекина. Одно несомненно: со временем Пёрл-Харбора мы многому научились и отказались от наших тогдаших методов в большей или меньшей степени зависевших от случайностей.

Глава 13

ЛЮДИ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

ОФИЦЕР

С созданием в 1947 году регулярной разведывательной системы в Соединенных Штатах было связано появление совершенно новой для нас профессии — офицера разведки. Следует признать: этим ремеслом занимается немного людей. И тем не менее остается фактом: ныне в нашей стране тщательно отобранным молодым людям — мужчинам и женщинам — предоставляется возможность посвятить свою жизнь карьере разведчика.

В годы Второй мировой войны были подготовлены тысячи офицеров разведки, однако большинство из них после ее окончания возвратились к своим гражданским делам. В настоящее время в армии, на флоте и в военно-воздушных силах имеются разведывательные подразделения мирного времени, в состав которых включены и гражданские лица. Большинство находящихся там военных за время своей службы перемещаются лишь в рамках этих подразделений. Поэтому вплоть до последнего времени назначение в разведку рассматривалось амбициозными армейскими и флотскими офицерами как зачисление в «похоронную команду». Сейчас, правда, такого нет. И все же военнослужащие из состава вооруженных

сил, длительное время находившиеся в разведке, являются скорее исключением, чем правилом.

Со дня основания ЦРУ заботилось о том, чтобы его сотрудники были заинтересованы в разведывательной карьере. Поэтому им предоставлены привилегии и льготы, которыми пользуется персонал дипломатического ведомства и министерства обороны. При этом управление исходило из того, что большинство кадровых сотрудников прослужит в нем длительный срок. Дело еще и в том, что ЦРУ в такой же мере, как и другие крупные государственные и частные учреждения, не может позволить себе расходовать денежные и материальные средства на подготовку лиц, которые уйдут с работы, едва приступив к ней.

Кроме того, существует и другая причина, собственная, впрочем, всем разведкам мира — сохранение секретности и соблюдение строгой безопасности. Большая текучесть кадров представляет реальную опасность утечки государственных тайн, а именно к ним относятся методы и приемы разведывательной работы, осуществленные и планируемые операции, структура и персонал разведывательных органов.

Сам характер профессиональной разведывательной организации требует, чтобы ее кадры набирались на длительные сроки. При этом кандидатуры тщательно проверяют во всех отношениях. Когда же их примут в разведку, важно проследить за тем, чтобы они продвигались по службе и их карьера складывалась к обоюдной выгоде разведывательного учреждения и самого офицера.

Каким образом набирают новобранцев в разведывательную организацию, в частности ЦРУ? Характер работы, на которую кандидат подойдет лучше всего, определяется контрольным тестированием, ибо на начальной стадии его нельзя пригласить в

само учреждение и совершил с ним экскурсию по всем отделам, чтобы показать, сколь разнообразны и увлекательны перспективы. Вместе с тем ему нельзя дать и иллюстрированную рекламную брошюру об управлении. Хотя в ЦРУ и имеется нечто подобное, но это скорее пособие общего характера, без какой-либо конкретики. Оно не содержит никакой информации, которая могла бы хотя бы в самой малой степени оказаться полезной для противника. Работодатель, то есть ЦРУ, конечно, желает знать все о кандидате, прежде чем принять его к себе, однако на такой стадии не может рассказать ему многое о самой организации и характере работы, которая ожидает новобранца, если тот пройдет проверку и выдержит испытание.

Очевидно, в подобной ситуации работодатель не только должен определить, является ли кандидат подходящим лицом, но и будет ли он доволен, когда узнает более подробно, что ему предстоит делать. Кандидату же приходится целиком полагаться на слово работодателя. А разведывательная организация может дать такие заверения лишь после того, как глубоко изучит прошлую жизнь и образ мышления претендента, его характер, качества и способности.

Единственная неприятная сторона этого процесса — проверка. Она строга, подробна и точна. Цель ее — установить, что у кандидата нет порочных наclонностей, отрицательных качеств характера и подозрительных связей. Но можно сказать, что девяносто девять из ста американцев выдержат ее без особого труда. По-видимому, можно понять, почему разведывательная организация в наше время не может принять на работу людей, имеющих близких родственников за «железным занавесом», или лиц, которые ранее участвовали в коммунистическом

или других антиамериканских движениях, а также тех, кто в прошлом поддался порокам и слабостям или оказался неустойчивым в моральном отношении. Наличие или отсутствие всего этого у кандидата на должность в разведке, собственно, и определяет решение: быть или не быть ему сотрудником секретной службы.

Работа в разведке разнообразна, и в ней всегда найдется место для любого способного человека. В каждой разведывательной специальности сотрудник — будь то мужчина или женщина — всегда может добиться своей цели, если действует энергично и нестандартно.

Недавно, выступая перед группой молодых кандидатов на должность в ЦРУ, я попытался перечислить те качества и способности, которыми, по моему мнению, должен обладать хороший офицер разведки:

уметь разбираться в людях;

быть способным сотрудничать с другими в трудных условиях;

научиться отличать правду от вымысла;

уметь отличать важное от второстепенного;

быть пытливым и любознательным;

быть ловким и уметь выбраться из любого трудного положения;

обращать внимание на самую незначительную мелочь;

формулировать свои мысли ясно, кратко и, самое главное, увлекательно;

научиться молчать, когда требуется.

Сейчас я хотел бы добавить к этому списку еще несколько качеств. Они, правда, не связаны с его трудолюбием, а скорее всего относятся к его поведению и мотивациям.

Хороший офицер разведки должен относиться с пониманием к другой точке зрения, иному образу

мыслей, непривычному поведению, даже если они кажутся ему совершенно непонятными и чуждыми. Жесткость, нетерпимость и, конечно, упрямство — вот те качества, имея которые нельзя рассчитывать на успех в разведке.

Вместе с тем офицер разведслужбы не должен быть чересчур честолюбивым и слишком петься о своем вознаграждении — моральном — в форме благодарности начальства — или же материальном — в виде денежных премий. И то и другое противопоказано в секретной службе. Но ему необходимо прежде всего другое, чему его никто не научит, — профессиональное чутье.

Что побуждает человека посвятить себя разведке? Ответ на этот вопрос мы можем, пожалуй, получить, если проследим за судьбой некоторых сотрудников нашей разведслужбы. Возьмем, к примеру, человека, занимающего ныне ответственную должность в ЦРУ. Он сражался в Европе во время Второй мировой войны, был в Германии в оккупационных войсках, находился в Берлине, когда русские в 1948 году установили блокаду этого города, участвовал в создании «воздушного моста». Возвратившись в США, он демобилизовался и вернулся к своим дооценным гражданским делам — занялся бизнесом. Но через три месяца этот человек обнаружил: работа, привлекавшая его ранее тем, что давала неплохую возможность делать деньги, не удовлетворяет его более. А в мире продолжает сохраняться международная напряженность, идет борьба с сильным и безжалостным противником. У него же есть умение и знания, приобретенные им в военное время и на до- и послевоенной службе. Он решил попасть на, так сказать, передовую, стать активным участником невидимых сражений — то есть заняться более значительными делами, нежели то, что он делал на гражданке.

Второй пример. Это человек помоложе, окончил колледж в начале пятидесятых годов. Отец настаивал, чтобы сын занялся семейным бизнесом, но он не захотел погрязнуть в рутинных делах, по крайней мере в то время. Собственно, он сам точно не знал, к чему его влекло, но в конце концов понял: наибольший интерес представляют проблемы, с которыми он поверхностно столкнулся в колледже и которые волновали его всякий раз, когда он читал заголовки газет — дипломатическая деятельность Соединенных Штатов за рубежом и вызов, брошенный Советами нашему образу жизни, нашим идеалам. Поэтому он отправился в Вашингтон и поступил в одно из правительственныех ведомств, имевшее лишь косвенное отношение к международным делам, где пробыл некоторое время, а затем нашел в разведке то, что искал.

Третий пример. Здесь мы рассмотрим судьбу молодого человека родом из небольшого городка на Среднем Западе. Он не успел окончить колледж, так как его призвали в армию. Служил в одном из подразделений связи за рубежом, попал на Дальний Восток, был свидетелем нападения китайских коммунистов на Корею, затем возвратился в Соединенные Штаты и демобилизовался. Благодаря подготовке, полученной в армии, он мог бы заняться электроникой, открыть, скажем, собственную мастерскую по ремонту телевизоров. Вместо этого он через некоторое время обратился в ЦРУ и предложил свои услуги. Его приняли в управление и послали на важный участок работы в области разведки средств связи за рубеж.

Общим для этих мужчин было то, что они поняли: напряженность в мире усиливается. Соединенные Штаты втянуты в международные конфликты, мир и благополучие народов находятся под угрозой, и они

решили: надо попытаться хоть что-то сделать, чтобы устраниить опасность, нависшую над Соединенными Штатами и всеми свободолюбивыми странами. Чувство, что двигало ими, это — не обычный патриотизм и даже не всем понятная тяга к приключениям. Это — возвышенное и чистое стремление. Каждый офицер разведки, служит ли он дома или за рубежом, испытывает чувство, что находится на «линии фронта» или, точнее, «передовой линии обороны». Оно не притупляется, а, наоборот, со временем становится острее, так как он, сотрудник разведслужбы, ежедневно сталкивается с агрессивной деятельностью противника. Конечно, любовь к приключениям, честно говоря, нельзя сбрасывать со счетов, она играет какую-то роль, но главное все же в гражданской позиции разведчика, в сознании своего патриотического долга и в стремлении сделать личный вклад в дело укрепления безопасности своего государства и нации.

Если деятельным, любознательным и патриотически настроенным человеком движут такие мотивы, то при соответствующей подготовке он может стать хорошим разведчиком. Именно такие качества стремится найти разведслужба у желающего стать ее сотрудником. Ни воспитание, ни образование, ни талант и самые блестящие результаты проверки на благонадежность не смогут сделать из него настоящего офицера разведки, если он не руководствуется высокими целями. Лишь в этом случае молодой сотрудник достигнет того, что называют призванием.

ЦРУ не раз предъявлялось обвинение, что оно набирает свои кадры в основном из колледжей так называемой «Айви-лиг» («Лиги плюща») на востоке страны, причем подчеркивалось: у нас, по-видимому, слишком много глупцов и «либералов», готовых работать в шпионском ведомстве. Но истина в том, что среди наших сотрудников действительно

много выпускников восточных колледжей — Гарварда, Йеля и Принстона, но за ними вплотную следуют питомцы университетов Чикаго, Иллинойса, Мичигана, Калифорнии, Стэнфорда.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что из примерно ста высших офицеров ЦРУ — согласно статистике — подавляющее большинство имеют ученые степени, полученные в шестидесяти одном университете и колледже из всех районов страны, а некоторые — в иностранных высших учебных заведениях.

Каждый, кто обращается в ЦРУ в письменной форме или лично, чтобы определиться на работу, может быть уверен: его просьбе будет уделено самое серьезное внимание. Если в данное время нет подходящих должностей, которые можно было бы ему предложить, об этом сообщается, как только поданные им документы будут изучены. Если же представляется, что он обладает необходимыми качествами, чтобы занять имеющуюся вакансию, его приглашают на беседу. Далее все зависит от результатов личного знакомства с кандидатом. Если у проводившего разговор сотрудника отдела кадров создается положительное впечатление и он приходит к выводу, что имеет дело с человеком, действительно желающим длительное время поработать в ЦРУ, а не с искателем приключений, тогда кандидату на должность предлагаются соответствующие тесты.

Война в Корее потребовала быстрый рост численности персонала управления. Правда, в последнее время этот процесс замедлился. Следует, однако, учитывать, что ЦРУ постоянно нуждается в специалистах, хорошо знающих свое дело. Кроме того, есть настоятельная потребность в подборе и подготовке молодых разведчиков, обладающих определенными административными задатками и способных со временем заменить нынешних старших

офицеров и руководство управления. В этих целях составлена «Программа подготовки молодых офицеров», а для сотрудников немного постарше, которым исполнилось двадцать шесть лет, — «Программа стажировки молодых офицеров». Все они проходят ряд учебных курсов, включающих в себя разбор возрастающих по сложности и масштабам разведывательных операций и изучение специфических видов разведывательной деятельности. Учеба завершается практикой на местах с использованием полученных знаний, в ходе которой окончательно определяется их возможная пригодность для той работы, по которой они получили специализацию. Преподаватели курсов и руководители практики стремятся развить в своих подопечных их выгодные индивидуальные качества, сильные стороны характера, самым лучшим образом подготовить их к выполнению будущих заданий. Такой прагматический подход оправдал себя целиком и полностью.

В поисках молодых людей, талантливых и перспективных, ЦРУ полагается не только и не столько на лиц, которые сами предлагают свои услуги. Представители управления выезжают в колледжи и университеты буквально всей страны. Если зачисление на службу в ЦРУ протекает несколько иначе, нежели в обычные государственные учреждения, то страхование, пенсии, денежные оклады и отпуска оформляются точно так же, как на всей государственной службе.

Управление разрабатывает ежегодные перспективные планы прохождения службы каждого сотрудника, чтобы заблаговременно определить должности, на которые тот может рассчитывать. Они, эти планы, учитывают как пожелания самих сотрудников, так, естественно, и характеристики их непосредственных начальников. Дело в том, что амбициозные молодые

люди иногда строят планы своей карьеры, которые порою противоречат оценке их действительных способностей. Поэтому перспективные наметки кадровой службы управления объективно ставят все на свои места. При этом преследуется цель избежать ошибок при назначении и обеспечить адекватное замещение соответствующих должностей.

Женщины в ЦРУ проходят в основном ту же подготовку, что и мужчины, и могут в принципе занимать все должности, что и представители сильного пола. Правда, для представительниц лучшей половины человечества существуют ограничения на некоторые виды деятельности за рубежом. Одна из причин — бытовое повсеместно предубеждение: женщина не может руководить мужчинами. Поэтому считается, что агент, воспитанный на такой традиции, будет чувствовать себя ущемленным, получая указания и приказы от женщины.

А ведь во время Второй мировой войны американки часто разделяли опасности с мужчинами, участвуя в разведывательных операциях. Некоторые из них сбрасывались на парашютах во Францию в составе десантных групп, предназначенных для поддержки французского подполья. И если ныне в направлении разведчиц в горячие точки нашей планеты, где люди рискуют жизнью и здоровьем, мало резона, то в военные годы многие американские женщины длительное время действовали бок о бок с мужчинами в тылу противника в условиях полного лишения современных удобств и, более того, ежедневно подвергаясь смертельной опасности.

Человек, в большей степени заинтересованный в умственном труде, чем в общении с людьми, предпочитающий наблюдать и размышлять, нежели действовать, будет лучшим аналитиком, чем оперативником. По этой причине неудивительно, что люди

с академическим образованием и научным складом ума выполняют в разведке большую часть аналитической работы.

В оперативники же набираются люди активного действия, не испытывающие трепетного преклонения перед общепризнанными нормами поведения и правилами. Главное, они должны быть жизнерадостными, любознательными, неутомимыми, общительными и умеющими быстро располагать к себе окружающих.

Тот, кто собирается заняться разведывательной деятельностью, должен иметь солидную основу, то есть быть широко образованным, обладать глубокими познаниями в области истории, знать иностранные языки и желательно располагать хотя бы некоторым опытом в международной области. Карьере разведчика, таким образом, способствуют полученные им образование и приобретенный опыт. Собственно, это и определяет направление его деятельности — будет он аналитиком или оперативником. Если он технический специалист, то тогда ему предложат работать в какой-либо специализированной области разведки. И еще одна существенная вещь. Если аналитик может посвятить себя в течение многих лет какой-то определенной области, то с оперативником дело обстоит иначе, поскольку для него самое важное — в совершенстве владеть разведывательным искусством. Другие знания, скажем, знакомство с каким-либо конкретным районом земного шара или владение каким-либо иностранным языком, имеют второстепенное значение. Оперативник за время своей службы обычно не один раз меняет страну или район мира, где действует, и искусство разведки он постигает в разведшколе и затем непрерывно совершенствует его в течение всей своей карьеры, особенно в ходе выполнения зада-

ний, когда он действует в значительной степени или совершенно самостоятельно и на собственный страх и риск.

В разведывательных школах применяются многие методы, используемые при обучении другим профессиям, с тем чтобы дать будущему офицеру разведки не только знания, но и опыт, а также привить ему чувство уверенности в себе. Однако шпионаж, в отличие от многих других профессий, не является бизнесом, в котором даже значительные ошибки в практической работе, не говоря уже о мелких просчетах, могут восприниматься с улыбкой или сопровождаться плоскими остротами, как это обычно делается на военной службе. В разведшколах ведутся учебные курсы по географии и иностранным языкам, которые не очень отличаются от университетских, но построены так, чтобы слушатель получил все нужное для профессии разведчика. Кроме того, там преподают специальные дисциплины: как ведется разведывательная служба, каким образом надо анализировать информацию, как составляются разведдонесения и тому подобное. Существенная часть подготовки офицера-оперативника — практическая работа; в ходе обучения используются конкретные методы юридических школ и военных училищ, в частности, методы сбора доказательств. Создаются также конкретные ситуации, максимально приближенные к жизни, в которых слушатель должен действовать так, как если бы он действовал самостоятельно в той или иной зарубежной стране.

В курсе «Методы разведывательной работы» изучаются операции разведок США и других стран. Учебные материалы, которыми пользуются слушатели, не конспекты или тексты прочитанных лекций, а копии подлинных дел — агентурных и оперативных донесений агентов, инструкций, указаний, перепис-

ки между центром и зарубежной точкой, результатов расследований, наружного наблюдения, проверок и других документов, подшитых в хронологическом порядке. По ним можно видеть, как изо дня в день развивались события и осуществлялось руководство операцией. Чтение таких материалов захватывает слушателей сильнее увлекательных романов. Но не это главное, знакомясь с настоящим делом, они видели, где были допущены ошибки, имелась ли возможность избежать их, чего не предусмотрели оперативные работники, которые вели дело, и так далее. Аналогичный метод, к слову сказать, применяется на юридических факультетах. Там студент тоже имеет возможность досконально изучать архивные дела. Он знакомится с показаниями свидетелей и может видеть, в каком месте судья упустил момент, чтобы задать обвиняемому или свидетелю нужный вопрос, и когда при обсуждении итоговых результатов присяжные не смогли привести наиболее убедительное доказательство невиновности подсудимого. Подобным же образом слушатель разведшколы, изучив во всех деталях реальное дело, начинает постепенно понимать, на каком этапе офицер разведки беспечно упустил возможность задать своему агенту вопрос, который помог бы установить, что последний двурушничает, как это выяснилось значительно позже. Или когда разведчик забыл оговорить со своим агентом сигнал опасности, что привело к разоблачению агента противником. Или же когда с агентом была разработана слишком сложная система связи, из-за чего произошла потеря важного канала информации, так как агент не смог запомнить, что он должен делать, чтобы вовремя передать свое сообщение. Подобное изучение реальных дел высвечивает ошибки, без которых не обходится ни один человек. А у будущего разведчика такой метод вырабатывает пра-

вильную реакцию на непредвиденные ситуации, которые, несомненно, будут возникать в его предстоящей деятельности.

Детальное изучение громких в прошлом дел — о некоторых из них я уже упоминал — необходимо прежде всего для того, чтобы слушатель мог понять, в чем причины успехов и неудач выдающихся разведчиков, имена которых навсегда остались в истории разведывательного искусства. Каким образом Редль, Зорге и другие известные шпионы сумели активно действовать столь длительное время? Что привело в конце концов к провалу? Как удалось русским изолировать друг от друга отдельные звенья «Красной капеллы» и канадской сети атомного шпионажа, что арест одного шпиона или даже разоблачение части организации не привели к ее провалу в целом?

Сравнивая специфику методов различных спецслужб, слушатель учится распознавать слабые стороны приемов, используемых ими. В конце концов он начинает сразу определять характерные черты приемов, применяемых разведчиками разных наций, также, как и человек, изучающий международную политику или военные доктрины тех или иных стран. Все это нужно разведчику, чтобы понимать, что он может ожидать от своих будущих противников.

Создание ситуаций, приближенных к реальной жизни, в разведывательных школах преследует цель достичь тех же конечных результатов, какие стремятся получить в армии, организуя боевую подготовку личного состава в условиях, имитирующих настоящую войну, когда применяются снаряженные боеприпасы. Такая подготовка была впервые проведена во время Второй мировой войны в училищах сухопутных сил США, где курсантов обучали, как допрашивать военнопленных. Перед ними ставили человека, одетого в офицерскую или солдатскую форму

противника, прекрасно говорившего по-немецки или по-японски. Он разыгрывал из себя попавшего в плен. Ему это было сделать нетрудно, так как для этой цели подбирали профессиональных актеров. Войдя в роль, он делал все возможное, чтобы сбить с толку и одурачить курсанта, ведшего допрос. Предварительно актеров знакомили с десятками приемов, которые пускали в ход настоящие вражеские офицеры и солдаты, взятые в плен на фронтах в Европе и Азии. «Пленный» то отказывался говорить, то обрушивал на следователя поток малозначимой и сумбурной информации. Он был то замкнутым, то наглым, а то и раболепным. Он мог даже угрожать следователю. После нескольких «сеансов» следователь был уже лучше подготовлен к допросу реального военнопленного или псевдодезертира, и его не так-то просто было чем-то удивить.

Этот метод применяется ныне в подготовке разведчиков. Ситуации здесь, однако, значительно сложнее тех, с которыми приходилось сталкиваться офицеру, допрашивавшему военнопленных. Разведывательные школы сделали шаг вперед в этой области. Там создают обстоятельства, которые можно сравнить с теми, что используются при обучении психиатров. Последние должны прежде сами пройти весь курс лечебных процедур, чтобы приобрести необходимую квалификацию врачевателей душевных болезней. «Жизненные» ситуации, с которыми приходится сталкиваться слушателю разведшколы, не ограничиваются лишь вопросами, на которые им придется в будущем отвечать уже как офицеру-разведчику. Он должен вместе с тем выступать и в роли «агента» — не потому, что ему придется быть самому агентом, но лишь для того, чтобы понять, как чувствует себя человек в шкуре шпиона. Это поможет оперативному работнику лучше понять трудности положения людей, согла-

сившихся работать на него, получать и выполнять распоряжения и часто рисковать жизнью ради него. Несомненно и то, что офицер-разведчик после такой подготовки будет испытывать к своему агенту больше уважения и симпатии.

Практические трудности для разведчика и его семьи связаны с условиями конспирации, которую обязаны соблюдать все, кто занимается разведывательной деятельностью. Каждый сотрудник, вступая в должность, дает клятвенное обязательство не разглашать все, что он узнает или сам выполнит в ходе своей работы. Обязательство сохраняет свою силу даже после того, как он уйдет из разведки. Это означает, что сотрудник не имеет права обсуждать служебные вопросы с другими членами семьи и родственниками, друзьями и знакомыми. Короче говоря, ни с кем. Однако до сих пор мало кто жаловался на эти ущемляющие права человека условия. Конечно, тем, кто впервые сталкивается с ними, они могут действительно показаться невыносимо строгими и даже унизительными. Но это на первый взгляд. По сути дела, если спокойно вдуматься, на практике такое обязательство вовсе не представляется большим бременем. Оно может даже принести определенные, так сказать, социальные выгоды, поскольку побуждает людей тратить свободное время не на пересуды о своих служебных делах, а на полезные увлечения, повышение общеобразовательного и культурного уровня и тому подобное. Я знаю одного выдающегося офицера разведки, «хобби» которого — разведение орхидей. Другие пишут романы, криминальные истории. Есть и такие, кто посвящает свой досуг музыке и рисованию. И еще одно: многие молодые жены, чьи мужья не имеют никакого отношения к разведке, после медового месяца быстро устают, слушая бесконечные разглагольствования своих благоверных об их делах,

о трудностях по работе, о сложностях того общества, в котором они врачаются. Спутницы жизни разведчиков от этого избавлены.

Персонал ЦРУ — типично американский, поскольку рекрутируется из представителей всех классов и слоев общества из разных концов Соединенных Штатов. Типичный в той же, если даже не в большей степени, как и в других правительственные учреждениях или крупных предприятиях бизнеса. Многие сотрудники разведки являются эмигрантами первого поколения, натурализованными американцами,носителями малоизвестных языков (конечно, последнее обстоятельство никогда не было единственным основанием для приема на работу в ЦРУ).

В свободном обществе секретная разведслужба обязательно является демократической структурой не только потому, что ее создал демократический парламент — конгресс Соединенных Штатов. И не потому, что она подчиняется демократической исполнительной власти. Главное — разведка состоит из представителей всего народа, всего общества, которому она служит. Наряду с обязательным соблюдением секретности наиболее важным для офицеров разведки является сознание, что они — верные слуги нации и в этом качестве обязаны всегда образцово исполнять свои служебные обязанности.

К сожалению, ЦРУ не удалось привлечь на свою службу лучшие умы Соединенных Штатов, чтобы обеспечить превосходство нашей разведки над секретными службами других государств, в том числе и Советского Союза. Это произошло потому, что мы совершили крупную ошибку — не сумели в полной мере использовать ни с чем не сравнимую возможность, предоставленную нам нашей страной. Конгресс утвердил значительные денежные средства и принял всеобъемлющий закон о ЦРУ, предоста-

вивший управлению большие полномочия. С момента его создания в 1947 году исполнительная власть при трех президентах оказывала ему всестороннюю помощь. Америка — это огромный человеческий резервуар, в который стекаются люди из всех стран: сто восемьдесят пять миллионов наших граждан вобрали в себя представителей всех народов и рас. Кроме того, после войны ряды ЦРУ пополнили бывшие сотрудники УСС и армейских разведслужб. Способнейшие, с большим опытом офицеры разведки составили ядро управления.

АГЕНТ

Занятый сбором секретной информации офицер — это кадровый сотрудник разведывательной службы, американский гражданин, выполняющий свои служебные обязанности на соответствующей должности в стране или за рубежом и действующий по указаниям своего руководства. Он организует работу, вербует на месте своих помощников и первым оценивает их сообщения. Человек, которого офицер находит, занимает, обучает, использует для добычи информации и дает оценку его действиям, является агентом. Он может иметь любые национальность ичество, давать информацию сам или быть связанным с внедренным на нужный объект источником, который снабжает его интересующими сведениями. Отношения агента с разведслужбой поддерживаются до тех пор, пока обе стороны считают их нужными и полезными для себя.

Если кадровому офицеру разведки удается найти человека, представляющего интерес для разведслужбы в силу того, что знает или имеет доступ к информации, он должен вначале удостовериться, на какой

основе кандидат на вербовку согласится сотрудничать с ним или же какими средствами его можно привлечь к этому. Если кто-то сам предлагает свои условия, такой проблемы у разведчика не возникает, но он тем не менее обязан выяснить, что привело кандидата в агенты к нему. И не только в целях проверки своего будущего помощника: не подставлен ли тот противником, но и для того, чтобы лучше его понять и определить, какие отношения целесообразнее всего установить с ним.

Идейные и патриотические убеждения стоят на первом месте среди побудительных мотивов к вербовке. Человек, который добровольно предлагает свои услуги разведке по идейным соображениям, как правило, становится надежным агентом, в котором едва ли нужно сомневаться. И напротив, людям, которых в разведку привела жадность к деньгам, или любовь к приключениям, или же склонность к интригам, никогда нельзя доверять полностью.

Собственно говоря, идеяность — не совсем точное слово для обозначения того, о чем здесь сказано. Однако оно больше всего подходит для этого случая. Лучшего просто нет в нашем распоряжении. Лишь немногие люди, используя аналитическое мышление, могут прийти к абстрактному доказательству того, что одна общественно-политическая система лучше другой. Незначительное число составляют и те, кто находит своему предательству псевдонравственное оправдание, как это, например, сделал Клаус Фукс, который заявил, что мог принести присягу в верности британской короне и одновременно выдавать английские секреты Советскому Союзу, поскольку марксистская философия дала ему возможность мыслить сразу двумя категориями. Нет необходимости доказывать, насколько фальшива такая концепция: тут нет ни грана нравственности. Подобные взгляды

и оценки базируются не на высокой материи, а на низменных эгоистических соображениях.

Советские бюрократы не настолько слепы, чтобы безоговорочно принимать на веру методы своего государства, которому служат. Они начинают сознавать, что их высшие руководители, обуреваемые цинизмом и безудержной жаждой власти, день и ночь одурманивают народ лживыми марксистскими лозунгами. При коммунистической системе власти безжалостно обращаются со всеми, кроме своих фанатичных сторонников и приспособленцев, которые нашли способ извлекать из этого выгоду для себя и ублажать начальников. В любом коммунистическом государстве большая часть жителей пострадала от преследования властей или гонений, которым подверглись их родственники и знакомые, для многих из них достаточно легкого толчка, чтобы они согласились заниматься шпионажем против режима, который они презирают, на который они в большой обиде или в котором они глубоко разочаровались.

Агент, сотрудничающий на идеиной основе, обычно не считает свои действия предательскими в том смысле, что он не обманывает своих сограждан. Его мотивация исходит прежде всего из желания ускорить падение ненавистного режима. Поскольку Соединенные Штаты, как демократическое государство, выступают против авторитарных правительств коммунистических стран, а не их народов, принципиальные цели агента, сотрудничавшего на идеиной базе, и разведслужбы свободного государства могут полностью совпадать. Но чем больший идеализм питает такого человека, тем труднее ему целиком посвятить себя шпионажу. Скорее он предпочтет примкнуть к подпольному движению сопротивления, если такое есть в стране, или попытается поддержать политическую деятельность эмигрант-

ской организации, преследующей цель свергнуть ти-
ранию на его родине.

Во время Второй мировой войны один из моих лучших агентов в Германии, информация которого представляла чрезвычайную важность для союзного военного командования, настойчиво пытался убедить меня, чтобы ему разрешили принять участие в растущем подпольном антинацистском движении. Всякий раз на встрече с ним я старался доказать ему, что если он так поступит, то привлечет к себе внимание и нанесет ущерб собственной безопасности, и что для общего дела — поражения гитлеризма — информация, которую он добывает, гораздо нужнее, чем все остальное. Агент в конце концов согласился со мной, но уходил со встречи расстроенным, поскольку рвался в бой. К тому же он считал: его положение после окончания войны было бы значительно лучше, если бы он участвовал в свержении нацизма. Никто не воздаст ему почестей за то, что он снабжал информацией, пусть даже очень важной, союзников. К сожалению, он оказался прав. Другой антинацистски настроенный агент, который сотрудничал со мною в это же время, был готов снабжать нас любыми сведениями, кроме тех, что могли повлечь непосредственно гибель его соотечественников в боевых действиях. Люди, посвятившие себя разведывательному ремеслу из самых чистых побуждений, не застрахованы от конфликтов с собственной совестью. И они, эти конфликты, бывают самые разные.

Каждая разведслужба вместе с тем использует и людей, которые сотрудничают, главным образом, из-за денег. Или же их привлекает таинственность и острые ощущения двойной игры. Некоторые процветают на хитрости и обмане в целях достижения собственного благополучия, другие испытывают чув-

ство извращенного удовлетворения в том, что из-за кулис скрытно направляют те или иные события. Такая черта характера особенно часто встречается у заговорщиков — коммунистов. Люди, знавшие Уиттакера Чэмберса, утверждают: он был именно таким типом.

В перевернутом вверх дном, абсурдном мире шпионажа можно найти людей, которыми движут огромная жажда власти и непомерное честолюбие — их они никогда не смогут удовлетворить, занимаясь обычным нормальным делом. Агент часто находится в центре важных событий, нередко его деятельность влияет на политику правительства. Он получает возможность войти в высшие круги общества.

Приведу небольшую выдержку из истории, рассказанной Сомерсетом Моэром. Писатель раскрывает в ней побудительные мотивы, заставившие человека заняться шпионажем:

«Он (Кейпор) не думал, что станет шпионом главным образом из-за денег; он был человеком с современными вкусами... Может быть, он был одним из тех людей, которые предпочитают сложные пути для достижения сомнительного удовольствия — разыграть своих приятелей... что он, мол, сделался шпионом... из-за желания восторжествовать над великими и могучими, которые даже не знали о его существовании. Может быть, тщеславие побудило его чувство, что его способности не были оценены по достоинству, а может быть, просто мальчишеская страсть беспричинно творить зло»¹.

Моэм здесь образно показал, что побудительные мотивы лишь в редком случае могут быть приведены к одному общему знаменателю. Обычно же почти

¹ М о э м У. С. «Пепельный» или «britанский агент». Даблдей, 1927. (Примеч. автора.)

всегда они представляют из себя причудливую смесь разнородных желаний и устремлений. Впрочем, об этом прекрасно знает хороший писатель или психолог, ну и, конечно, компетентный офицер разведки.

Для человека, который идеологически уже перешел на другую сторону, возможность получить материальную выгоду или протекцию часто придает смелость сделать решающий шаг к сотрудничеству с разведкой противника (к чему он морально уже подготовлен). Некоторые разведслужбы считают необходимым, чтобы агенты, сотрудничавшие на идейной базе, получали время от времени денежное вознаграждение (какие-либо льготы или подарок), потому что это в какой-то степени делает агента обязанным разведслужбе и тем самым укрепляет их союз. Уиттакер Чэмберс и Элизабет Бентли сообщили, что русские, которые во время Второй мировой войны руководили операциями по внедрению агентуры в правительственные круги Соединенных Штатов, старались всучить деньги даже американским коммунистам, сотрудничавшим с советской разведкой из идейных побуждений. Поскольку последние решительно отказывались от любого денежного вознаграждения, Советы в конце концов добивались своего, вручая им дорогие подарки к Рождству, от которых нельзя было отказаться, — к примеру, восточные ковры. «Подарок от советского народа в знак благодарности за вашу помощь», — так сказал Уиттакеру Чэмберсу Борис Быков, занимавший в 1936—1938 годах пост советского военного атташе в Вашингтоне¹.

Среди людей, которые занимаются шпионажем за деньги, имеются и такие, кто попал в затруднитель-

¹ Уиттакер Чэмберс привел это высказывание Б. Быкова в своей книге «Свидетель», изд-во «Реноме хаус», 1952 г. (Примеч. автора.)

ное финансовое положение: наделал долги, которые не в состоянии оплатить, или растратил казенные деньги и не может их покрыть. В страхе, что это могут обнаружить, и будучи не в состоянии изыскать средства нормальным путем, такие лица в поисках выхода из создавшегося положения иногда решают предложить свои услуги иностранной разведке, если риск будет достаточно высоко оправдываться. То, что преступления, связанные с коррупцией, случаются довольно часто за «железным занавесом», подтверждается, в частности, неотложными мерами, принятыми недавно Хрущевым для их устранения (я уже упоминал об этом). Человек, пытающийся таким образом выйти из затруднительного положения и избежать уголовного наказания, легко попадает в сети шпиона и будет, по всей видимости, верно служить разведке, поскольку не видит другого выхода. К тому же он понимает: в случае чего у тайных хозяев всегда найдутся способы и пути выдать его собственным властям.

Странные, с точки зрения здравомыслящего человека, особенности структур коммунистического государства дают возможность Западу привлекать на свою службу недовольных жителей советского блока. Я уже упоминал, что для каждого правоверного коммуниста нет страшнее преступления (его, кстати, очень легко совершить), нежели политический проступок, и нет худшего прегрешения, чем «неправильные взгляды» или отклонения от линии партии, не важно, куда эта линия направлена. А такое с партией бывало в прошлом не один раз. Ее политическая линия менялась, изменения эти становились необратимыми, и многие коммунисты, не успев уловить их, становились «уклонистами». Тогда наступало время очередной «чистки», сопровождающейся пересмотром программы партии или ревизий отдельных положений ленинизма.

Чистки последних пятнадцати лет являются примерами циничного поиска козлов отпущения или оправдания крутых изменений в управлении государством, политике или правительственной структуре. Самым большим политическим преступлением для коммунистических лидеров в начале пятидесятых годов считался титоизм. Многие честные и преданные марксизму-ленинизму коммунисты, стоявшие у руля восточноевропейских государств, узнали, к своему ужасу, что они были титовцами еще до того, как появился титоизм, и должны понести за это наказание. После смерти Сталина и предания его проклятию самым большим преступлением для коммуниста стал сталинизм.

Западные разведывательные службы (это хорошо известно коммунистам) внимательно следят за этими проявлениями, более того, аккуратно ведут персональные досье на членов компартий всех рангов и уровней, от высших до низших, и тщательно фиксируют их действия и выступления, факты личной и общественной жизни.

При первых признаках новой чистки западные разведывательные службы стараются установить контакт с лицами, которые, по их мнению, окажутся в числе тех, кого смесят или кто попадет в немилость, а возможно, подвергнется и более строгому наказанию, чтобы попробовать убедить их в том, что они нуждаются в помощи и могут получить ее, если согласятся сотрудничать с ними. Это не столько попытка оказать давление на таких лиц, сколько стремление продемонстрировать, что мы готовы оказать им помощь в обмен на согласие сотрудничать с нами. Одна из причин, что такое предложение принимается не сразу или вообще встречает отказ (это удивительно, с точки зрения здравого смысла), — типично рационалистический подход к подобным проблемам,

возникающим, когда человеку непосредственно грозит опасность. Большинство людей в таких случаях рассуждают примерно так: «Если начнут падать бомбы, то они угодят в дом соседа. Почему они свалятся непременно на мое жилище? Поэтому рискну — попробую отсидеться».

Чтобы создать разведывательную службу, необходимы самые разнообразные кадры: ученые и оригинально мыслящие специалисты, которые могут глубоко и всесторонне анализировать и оценивать сырой разведывательный материал, поступающий со всех концов земного шара; техники и технологии по наладке, эксплуатации и ремонту многочисленных технических устройств для сбора информации; старшие офицеры, офицеры-направленцы и офицеры, занимающиеся организацией добычи информации и своевременной ее доставки в центр. Для выполнения этих сложных задач требуется высокое мастерство, основательная подготовка и настоящий профессионализм.

Глава 14

СЛУХИ, ПРОВАЛЫ И ЖУЛИКИ

СЛУХИ

За последние десять лет появилось множество клеветнических слухов о ЦРУ и нашей разведке вообще, как масштабных, чреватых серьезными последствиями, так и мелких, незначительных. Эти инсинуации отчасти — дело рук враждебной коммунистической пропаганды. Но гораздо чаще они вызваны ложными представлениями, возникшими в нашем обществе из-за недостаточной осведомленности о том, что делает разведслужба, и естественной подозрительностью, которую люди питают к любой секретной организации.

Порою слухи возникают в результате публикации сообщений в газетах, выполняющих роль пробных шаров; с их помощью стараются выяснить истинное положение вещей. Журналисты в таких случаях надеются: чем невероятнее преувеличение, тем больше шансов получить опровержение, или уточнение, или же какой-либо иной ответ, а не

сухо-враждебный «Без комментариев» — традиционный и, как я думаю, в общем-то оправданный стандартный ответ ЦРУ на все вопросы репортеров. Итак:

Слух первый

ЦРУ влияет на политику

Меня часто спрашивали, какой из вымыслов о ЦРУ нанес нам максимальный ущерб. Признаюсь, я колебался с ответом, поскольку трудно было выбрать из нескольких одинаково злостных слухов самый вредный. В конце концов остановился на том, который обвиняет управление в том, что оно якобы вмешивается во внешнюю политику, часто действует вопреки планам и директивам президента и государственного секретаря и наносит ущерб деятельности американских посольств.

Это обвинение ложно, но его очень трудно опровергнуть без привлечения секретных документов. К тому же трудность заключается и в том, что этой выдумке в определенной степени верят, а иногда слухи распространяют даже служащие правительственные ведомств, будто бы «посвященные» в государственные тайны.

Фактом является то, что ЦРУ никогда активно не проводило самостоятельную политику и не оказывало поддержки отдельным лицам, правительствам или общественно-политическим движениям за границей, не получив четкого согласия высших правительственные инстанций Вашингтона.

Приведем в качестве примера один из самых последних слухов, который приписывает ЦРУ политическое вмешательство в международные дела. За границей утверждают: управление будто бы тайно

поддерживало заговор генералов — членов ОАС¹ — против де Голля².

Этот слух от первой до последней буквы явно выдумка коммунистов. Одной из первых этот слух опубликовала 23 апреля 1961 года левая итальянская газета «Паэзе», на страницах которой советская пропаганда время от времени запускала пробные шары. Затем его подхватила московская «Правда», а ТАСС сообщение этой газеты разослал во все страны Европы и Среднего Востока, на которое громким эхом отклинулась левая печать Западной Европы и Восточного Средиземноморья. Женевьеве Табуи, известная французская журналистка, подбросила в пропагандистскую мельницу три фантастические истории, давшие Москве новую пищу. Между тем некоторые солидные западные газеты и обозреватели стали пересказывать слух, в результате чего вся эта история, дискредитирующая американскую политику вообще и ЦРУ в частности, была окружена ореолом порядочности и достоверности.

В этом случае, как и в большинстве других аналогичных, нет абсолютно никакой возможности опровергнуть слухи. В них нет ничего, за что можно было бы зацепиться. Дать отповедь клеветникам могут ком-

¹ ОАС — Секретная вооруженная организация — военно-фашистская группировка во Франции, созданная весной 1961 г. ультра-колониалистскими элементами офицерства и крайне правыми политическими деятелями. Главная цель — не допустить предоставления независимости Алжиру, где разгоралась национально-освободительная война. После завоевания Алжиром независимости перебазировалась в метрополию, но, потеряв цель своей террористической деятельности, выродилась в толпу уголовных преступников и была быстро обезврежена.

² Де Голь Шарль (1890—1970) — президент Франции в 1959—1969 гг. Во время Второй мировой войны возглавил патриотическое движение «Сражающаяся Франция», примкнувшее к антигитлеровской коалиции. В 1944—1946 гг. глава временного правительства Франции. В 1958 г. премьер-министр. В годы его президентства Франция вышла из военной организации НАТО, значительное развитие получило советско-французское сотрудничество.

петентные лица, если они выступят перед мировой общественностью с убедительными контрдоводами. Это, по существу, единственная возможность. Но в данном конкретном случае высокопоставленные представители французского правительства не предприняли ничего против распространения этих слухов.

В другом слухе ЦРУ обвиняют в том, что оно всегда готово поддержать диктаторские режимы. Это хитрое измышление типично для московской пропаганды: раз управление не поддерживает коммунистов и их союзников, то, по советской логике, оно должно помогать капиталистическим поджигателям войны, колонизаторам и тому подобным. А поскольку последних теперь не стало — значит, помочь оказывается диктаторам.

Направления внешней политики разрабатывают президент и государственный департамент. И только они определяют характер действий всех правительственные ведомств на международной арене. Несмотря на этот общеизвестный непреложный факт, слухи о тайной самовольной политике и несанкционированных действиях ЦРУ, к сожалению, продолжают распускаться, нанося нам большой ущерб. Но я не теряю надежды на то, что в конце концов они исчезнут — обман и ложь не могут существовать вечно. Мы должны только научиться больше верить фактам и меньше попадать под влияние подрывной пропаганды Советов.

Кремль старается использовать свою чудовищную пропагандистскую машину, чтобы разрушить, где только возможно, учреждения свободного мира. Как этому помешать? Легко сказать: нам надо удовлетворять любопытство всех, кто бы они ни были, в том числе и Советов, — открыто заявляя о каждом своем шаге, который предпринимается для противодействия Москве, и сообщая, кому мы оказы-

ваем помочь, почему и где. Но стоит ли игра свеч? Признаться, нет. Последовать такому совету — значит проиграть сражение. Мы не должны впадать в гнев или раздражение и не отвечать на клеветнические нападки даже в том случае, если злобные слухи будут продолжать муссироваться.

Слух второй **СОВЕТСКИЙ СУПЕРШПИОН**

Никто не будет возражать, если его сочтут непобедимым. Поэтому, я думаю, Советы испытывают глубокое удовлетворение от того, что в умах очень многих людей на Западе создан героический образ офицера и агента советской разведки. Это явление представляет для Москвы тем большую ценность, что свободный мир испытывает страх перед кремлевской агентурой еще до того, как она начинает действовать.

Если кто-то из моих читателей упрекнет меня, что я сам в некоторой степени способствовал созданию мифа о советских супершпионах, когда пытался набросать характеристику офицера разведки Кремля, то должен напомнить: я писал о его подготовке, образе мышления и квалификации и совсем немного — о его успехах. Примеров провалов советской разведки имеется предостаточно. В прошлом ее шпионские сети, зачастую чересчур разветвленные и громоздкие, либо распадались сами под грузом собственных слабостей и ошибок, либо раскрывались в результате энергичных мер западных контрразведок. Даже лучшие советские разведчики иногда допускали крупные просчеты, что свидетельствует о том, что они тоже не без греха. Часто в ситуациях, когда требовалось безотлагательно принять собственное решение и проявить инициативу, а готовыми ответами, почер-

пнутыми в учебных пособиях, они не располагали, как и временем, чтобы получить инструкции из центра, офицеры советской разведки не выдерживали испытания.

Советы приложили большие усилия к тому, чтобы исключить непредвиденные обстоятельства, связанные в первую очередь с недисциплинированностью и своеволием персонала, из разведывательной работы, построив соответствующим образом подготовку своих офицеров и агентов, но это не принесло никакого успеха. Гарри Лаутон выдал сам себя, ибо пустил полученные за шпионскую деятельность деньги на спекуляцию недвижимостью — он хотел обеспечить свое будущее. Вассал тратил большие суммы денег на шикарную одежду. Каждый из них жил на широкую ногу — не по средствам, а это привело к тому, что раньше или позже на них обратили бы внимание. Хайханен, помощник полковника Абеля, одного из лучших московских шпионов, был алкоголиком. Он довел себя до такой степени, что решил: для него осталось лишь одно — сдаться американским властям и все рассказать о себе, что он и сделал. Сташинский, убивший до приказу Советов двух украинских эмигрантских лидеров, влюбился в немецкую девушку и вступил в конфликт со своими хозяевами из КГБ, которые были против его увлечения. Собственно, желание соединить свою судьбу с ней и было главной причиной его бегства на Запад. Советы, видимо, придавали слишком мало значения этим человеческим слабостям.

Советы не могут устранить из жизни любовь, секс и алчность. А поскольку они используют их в качестве приманки, чтобы завлечь людей в ловушку, просто удивительно, почему они не смогли понять: чувства — мощный фактор, способный сорвать тщательно спланированную операцию. Типичный пример приводит

Александр Фут в книге, где он рассказывает о своей шпионской деятельности на службе у Советов во время Второй мировой войны¹.

Мария Шульц, опытный советский агент, была замужем за Альфредом Шульцем, тоже советским агентом с многолетним стажем, арестованным в Китае за шпионаж. В Швейцарии Мария влюбилась в радиостата, который передавал ее информацию, развелась с супругом и оформила брак с возлюбленным. Вероломный поступок так возмутил ее старую служанку Лизу Броккель, что та, дрожа от гнева, позвонила однажды в британское посольство в Лозанне. То, что она сообщила чиновнику, ответившему ей, было вполне достаточно, чтобы ликвидировать советскую разведывательную сеть в Швейцарии. К счастью для Советов, английский язык служанки был ужасным, а голос ее от волнения прерывался, поэтому в консульстве подумали, что звонил душевно больной человек, и разговор всерьез не приняли.

Время от времени Советы и их спутники делают грубые ошибки при вербовке своей агентуры. Причина: плохое знание людей, недооценка честности и мужества. При циничном взгляде на честность и преданность исключение делается только для своих идолов, а это не позволяет им видеть причины, которые в действительности определяют характер жизни любого честного гражданина в свободном обществе. Сказанное прекрасно иллюстрирует случай с румынским бизнесменом В. Джорджеску. В 1953 году, спустя непродолжительное время после бегства из Румынии, он начал хлопотать в Соединенных Штатах о принятии его в американское гражданство. И тут с ним связался агент коммунистической секретной службы, который, с ведома Советов, предпринял отвратитель-

¹ Руководство для шпионов. (Примеч. автора.)

ную по своей жестокости попытку шантажа. Он без лишних слов заявил Джорджеску: если тот согласится шпионить в США для Румынии, то бухарестские власти вернут двух его малолетних сыновей, которые удерживались в Румынии. В противном случае, угрожал агент, он никогда их более не увидит. Джорджееску категорически отказался вести переговоры по этому вопросу. Он указал ловцу душ на дверь и сообщил обо всем американским властям. Эта история очень сильно возмутила общественность США и настолько осложнила отношения Румынии с нашей страной, что в конце концов бухарестские власти, чтобы как-то выйти из неприятного положения, в которое они попали, были вынуждены выполнить личную просьбу президента Эйзенхауэра об освобождении детей.

Советская разведка слишком самоуверенна. Ее структура чересчур сложна. А самое главное — уже очень ее переоценивают. Главную опасность представляют не мифические способности советских шпионов, а огромный масштаб шпионской деятельности Кремля, многочисленный разведывательный персонал, колоссальные денежные средства, которые затрачиваются на разведку, и риск, на который идет руководство советской разведки для достижения своих целей, совершенно не считаясь с людскими и материальными потерями.

Слух третий

**МЫ, АМЕРИКАНЦЫ,
СЛИШКОМ НАИВНЫ И К ТОМУ ЖЕ НОВИЧКИ**

В общем американцы вправе гордиться тем, что склонность к тайным делам, врожденная или благоприятная у многих других народов, у них, можно

сказать, полностью отсутствует. Но есть и обратная сторона медали: американская общественность, зная об этой особенности нашего народа, убеждена, что в дипломатии и шпионаже мы уступаем «хитрым иловким иностранцам». Да и сами иностранцы считают американцев легковерными и наивными. К тому же бытуют и другие понятия: официальный представитель США за границей ведет себя как миссионер, влезающий в чужие дела, не смыся в них ничего, и настаивающий на том, чтобы все делалось на американский манер. Такого «американца» мы встречаем в романе Грэма Грина «Тихий американец». Другое произведение, «Вздорный американец», отражает тоже расхожее мнение, но под другим углом зрения: полное отсутствие понимания реальной обстановки и образа мышления местного населения, многие бестселлеры (книги, пользующиеся повышенным спросом) производят впечатление, что такая тема очень популярна у наших читателей и что нам самим нравится, когда нас в книгах изображают бестолковыми. Поэтому просто удивительно, что такие глупцы все же попадают под огонь как своей, так и зарубежной критики за неправильное проведение акций за рубежом, включая разведывательные операции.

Должен признаться, что в кадровых делах я предпочитаю иметь дело с, так сказать, «сырым материалом», который мы находим в Америке, — наивными, выросшими где-нибудь в глубинке простыми людьми, и готовить из них офицеров разведки, как бы долго ни длился этот процесс, чем брать разбитых парней, которые любят выбирать кривые дороги, которые скрыты и лукавы от природы, и пытаться делать из них разведчиков.

Читатель, очевидно, заметил: когда я рассказывал о требованиях к офицеру разведки, то не упоминал эти качества. Кто набирает новых сотрудни-

ков в разведслужбу, старается не пропустить в число кандидатов лиц с неустойчивым характером. Наши кадровики именно этим и руководствуются. С самого начала они внушают новичкам: офицер разведки должен рассматривать свое дело как труднейшую профессию, а не как рутинный способ добычи средств к существованию. Его личная жизнь должна быть подчинена интересам службы.

Наряду с убеждением в том, что наша разведка чрезчур наивна, существует мнение: она, мол, еще молода, у нее не было времени, чтобы прочно стать на ноги. Поэтому мы за короткий срок не смогли подготовить необходимое число кадровых офицеров, которые ни в чем не уступят сотрудникам разведслужб, возникших раньше нашей, будь то дружественных нам или враждебных. Я не разделяю такое мнение. Возьмем, например, Японию и Россию, которые вплоть до начала нынешнего столетия имели феодальные режимы, из-за чего сильно отстали в своем развитии, но смогли овладеть в течение жизни одного поколения, не пройдя многовековую эволюцию общественных систем Запада, всеми техническими достижениями последнего времени. Мы пережили также и то, что полное уничтожение промышленных предприятий во время войны в Германии и частично во Франции и Италии объективно сыграло положительную роль, когда началось послевоенное восстановление экономики, в том смысле, что при реконструкции не надо было оставлять устаревшие оборудование и методы, ставшие теперь обузой. Вместо них использовали самые последние и новейшие достижения науки и техники.

Американская разведка находится в точно таком же положении. Во время Второй мировой войны мы переняли многовековой опыт стародавних разведывательных служб. Когда же после победы наступил

момент создать собственную разведку, мы сочли возможным, более того, настоятельно необходимым построить ее таким образом, чтобы она была способна справиться с текущими проблемами и с задачами будущего. То, что американская разведслужба относительно молода, еще ни о чем не говорит. Важно то, что она современна и не отягощена устаревшими теориями и воззрениями. Вместе с тем хочу обратить внимание на ее заслуги: мы первыми широко использовали в разведывательных целях достижения современной науки и техники.

Служ четвертый

ТАЙНЫЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ — НЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ТРАДИЦИИ. ЕСЛИ МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ПОЙТИ НА НИХ, НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ОНИ ПОЛУЧИЛИ ПРИЗНАНИЕ

Это лишь отчасти миф, который постепенно меркнет. И сейчас есть еще американцы, которые с подозрением относятся к любой секретной организации, даже если ее создало собственное правительство. Естественно, такое ведомство должно взять на себя бремя доказательства, что требование к соблюдению секретности — оправданная мера, проводимая в национальных интересах.

К счастью, в стране растет понимание опасностей, которые угрожают нам в «холодной войне», а также того, что они не все могут быть устранины обычными дипломатическими средствами. И даже те, кто с сожалением воспринимает необходимость этого, признают, что обеспечить национальную безопасность невозможно без активного применения тайных разведывательных операций. В связи с этим достаточно привести следующий факт. Конгресс

почти не колебался, когда принимал решение о финансировании и поддержке нашей разведывательной деятельности. Уже в самом законе о создании ЦРУ управлению поручалось принимать необходимые меры к «защите разведывательных источников и методов от несанкционированного разглашения». И никакому другому правительственному ведомству вне рамок ЦРУ такой задачи не ставилось.

Конечно, когда наши разведывательные операции терпят провал и об этом появляются сообщения в прессе под аршинными заголовками, в адрес ЦРУ поднимается критика, хотя иногда и не очень справедливая. Шпионские акции всегда рискованные предприятия, и успех в них гарантировать нельзя, а поскольку, как правило, известными становятся именно неудачные операции, у общественности создается впечатление: руководители нашей разведывательной службы преувеличивают свои достижения.

И все же тот факт, что каждый год на службу в ЦРУ удается привлечь новое пополнение из числа способных и даже одаренных выпускников колледжей и университетов, свидетельствует: сомнения некоторых американцев по поводу деятельности нашей разведки в целом не проникли глубоко в умы молодежи. Я считаю, что наши юные кандидаты высокого мнения о разведке и убеждены: поступив на службу в ЦРУ, они смогут внести реальный вклад в национальную безопасность Соединенных Штатов. За десять лет моей работы в управлении мне пришлось лишь однажды столкнуться со случаем, когда молодой сотрудник, начав уже работать, почувствовал сомнения в правильности своего выбора. Ему была предоставлена возможность: уволиться по собственному желанию или перейти на подходящую работу в другом подразделении управления.

Сенсационной тайной операцией, которая ныне стала достоянием общественности и которая вызвала беспокойство у некоторых наших граждан — они сочли ее «незаконной», — стала акция, связанная с использованием самолета-разведчика «У-2». Большинство людей знают достаточно много о шпионаже, о том, как он велся с древности и до сих пор. Нелегальная засылка агентов под чужим именем и с фальшивыми документами в другие страны — излюбленный прием коммунистической разведки. Советы часто используют его и против Соединенных Штатов, настолько часто, что мы к нему привыкли. Но вот засылка агента в воздушное пространство над чужой территорией, за пределами видимости и слышимости, на высоте более десяти миль, шокировала огромное число американцев, да и жителей других государств. Это было нечто новое и необычное. А с другой стороны — и это можно назвать парадоксом международного права, — мы не в силах ничего сделать, когда советские корабли приближаются к нашим берегам на расстояние до трех миль и производят фотосъемку (кстати, то же самое не возбраняется делать и нам).

Когда шпион вторгается на вашу территорию, вы можете арестовать его и наказать в соответствии со своими законами. Это производится независимо от средств передвижения, которыми он пользовался для достижения своей цели — железной дорогой, автомашиной, воздушным шаром или самолетом, а также, как говаривали еще наши предки, на своих двоих. Шпионаж не имеет ничего общего с законной деятельностью. Если тайно нарушаются границы — сухопутные, морские, воздушные — чужого государства, то это деяние незаконное. Вот почему нам было довольно трудно отрицать свою причастность к полету «У-2» над Советским Союзом, если даже в дан-

ном случае мы использовали самолет новой конструкции.

Я уже упоминал, что некоторые наши сограждане не желают ничего знать о шпионаже, каким бы способом он ни велся. Другие предпочитают старомодное разведывательное ремесло, так красиво изображенное в шпионских романах и фильмах. И наконец, третья считают: раз шпионаж существует, то шпионить нужно с умом, таким способом, с помощью которого можно рассчитывать на получение ценной информации без привлечения постороннего внимания.

Решение приступить к осуществлению программы «У-2» основывалось на высказанных еще в 1955 году соображениях о ее важности для нашей национальной безопасности. Нам требовалась информация для составления различных военных программ, в частности ракетной. Ее нельзя было разработать без свежих сведений о планах Советского Союза в этой области. Пришлось бы гадать о характере и размерах угрозы внезапного ракетно-ядерного удара Советов, поставившего бы под вопрос само существование Соединенных Штатов. Меры самозащиты являются неотъемлемым правом суверенитета. Само собой понятно, что этот принцип ни в коем случае нельзя использовать легкомысленно.

Возвращаясь мысленно к тем временам, я могу сказать честно и откровенно: большинство американцев было согласно с тем, как мы действовали в тогдашних обстоятельствах. Возникшая в пятидесятые годы ракетная гонка приняла серьезный характер, и полеты «У-2» помогли нам получить необходимую информацию о прогрессе Советов в этой области.

Поскольку я рассматриваю в этой главе различные слухи и мифы, мне хотелось бы упомянуть об одной

выдумке, связанной с операцией «У-2». И в Советском Союзе, и у нас, в Соединенных Штатах, да и в других странах упорно распространялась версия, будто бы Хрущев был потрясен тем, что мы посыпали самолет в воздушное пространство СССР. На самом же деле советскому лидеру еще за несколько лет до злосчастного рейса было прекрасно известно, что мы систематически прибегаем к таким операциям. Возможно, поначалу у него были не совсем точные сведения, но обмен дипломатическими нотами происходил по этому вопросу еще до 1 мая 1960 года, когда самолет был сбит над территорией СССР. Это означало, что средства ПВО Советской Армии стали более точными и мощными.

Следовательно, Хрущев специально разыграл гневный припадок на Парижской встрече¹. В то время он не видел никакой возможности достичь успеха на переговорах по берлинскому вопросу. Кроме того, у него были большие неприятности с китайскими коммунистами. После визита к президенту Эйзенхаузеру осенью 1959 года хозяин Кремля остановился в Пекине по дороге домой и встретился с Мао. Но ему не удалось расположить к себе китайского диктатора. Хрущев также опасался, что советский народ черезесчур дружелюбно отнесется к президенту Эйзенхауз-

¹ 16 мая 1961 г. в Париже началась встреча в верхах четырех держав — СССР, США, Англии и Франции. На ней предполагалось обсудить вопрос о мирном урегулировании в центре Европы и о Западном Берлине. Однако советская сторона предложила вначале рассмотреть ситуацию, сложившуюся после полетов разведывательного самолета «У-2» над территорией СССР. Президент Эйзенхаузэр, взявшись на себя ответственность за это, тем не менее отказался принести извинения за вторжение в пределы воздушного пространства СССР. Без этого, по мнению Хрущева, совещание не могло состояться. Советская сторона предложила отложить его до более благополучного момента. Западные державы заявили о своей готовности принять участие в переговорах с Советским Союзом об урегулировании важных международных проблем «в любое подходящее время в будущем».

ру, когда тот летом 1960 года посетит, как намечалось, Москву. Учтя все эти неблагоприятные для него обстоятельства, Хрущев, поразмыслив, принял решение использовать досадный первомайский инцидент с «У-2» в качестве предлога для того, чтобы торпедировать конференцию и сорвать визит Эйзенхауэра в СССР.

Имеются доказательства, что в течение первых двух недель мая, то есть после того, как «У-2» был сбит, и до намеченного открытия Парижской конференции, на президиуме ЦК КПСС велись долгие дебаты. Как я полагаю, вопрос заключался в том, положить ли инцидент с «У-2» под сукно или же использовать его для срыва конференции. Кроме того, имеются донесения, что Хрущеву был задан вопрос, почему он не упомянул о полетах самолета над страной во время своего визита к президенту в 1959 году, более чем за шесть месяцев до того, как «У-2» был сбит. Говорят, что советский лидер пояснил: не хотел, мол, нарушать дух Кэмп-Дэвида.

Чтобы закончить разговор об «У-2», хочу ответить еще на одно критическое замечание. Нас упрекали: мы, мол, узнав о том, что пилот Пауэрс выбросился с парашютом и остался в живых, подтвердили — он действовал по нашему приказу. А нужно было бы до конца держать язык за зубами и ни в чем не признаваться, утверждая, что Соединенные Штаты в принципе против шпионажа.

Конечно, наши критики теоретически правы, действительно существует старая традиция, прекрасная для своего времени: нельзя ничего говорить о шпионских операциях. И если шпион схвачен, то исходили из того, что он будет держать язык за зубами. Руководители разведки сохраняли молчание даже в тех случаях, когда их несчастливые подопечные начинали говорить.

Но в XX веке этот принцип уже не всегда срабатывает. История с «У-2» — как раз такой случай. Ведь о создании самолета, его истинном предназначении, успешных результатах его использования в течение пяти лет было известно широкому кругу лиц в нашем обществе. Это было неизбежно, учитывая необычность проекта, его высокую стоимость и сложность. Оперативное использование самолета «У-2» нельзя было ставить в один ряд с рутинной засылкой секретного агента через границу. А что это значит? Да в первую очередь то, что множество лиц, имевших то или иное отношение к проекту «У-2», сразу бы поняли: американское правительство лжет, отрицая факт посылки самолета в шпионский полет над Советским Союзом. А раз так, то это вскоре узнала бы вся общественность в США и во всем мире.

Еще более серьезным был вопрос об ответственности правительства. Для исполнительной власти занять позицию, что подчиненные ей лица подготовили и провели, мол, на свой собственный страх и риск такую операцию без санкции сверху, было бы равносильно признать безответственность правительства, отсутствие контроля за действиями нижестоящих учреждений, чреватыми крупным ущербом для нашей национальной политики. Согласитесь: правительство попало бы в труднейшее положение. Попытка замолчать все это дело, по моему мнению, не имела никаких шансов на успех и была бы равносильной нашему признанию совершившегося факта.

На мой взгляд, нельзя считать правильным, что президент, как глава правительства, взял на себя ответственность за операцию с «У-2» (как, впрочем, позднее и за аферу в бухте Кочинос на Кубе). Однако при тогдашних обстоятельствах это, видимо, было единственное возможное решение. Конечно, каждый подчиненный хозяина Белого дома, в том

числе и директор Центрального разведывательного управления, был готов взять на себя полностью или частично ответственность за обе эти акции и даже признать, если бы от него потребовали, что он действовал без необходимой санкции. Теоретически это многим, возможно, показалось бы приемлемым решением, но на практике, по-моему, выглядело бы чрезвычайно сомнительным.

Ныне в области разведки сделано много признаний — молчаливых и подкрепленных действиями или словами. Когда Москва согласилась обменять Фрэнсиса Пауэрса на полковника Рудольфа Абеля, она тем самым с предельной ясностью признала, кем он был на самом деле, — советским супершпионом.

Добрые старые времена, когда руководители разведслужб могли многое молча положить под сукно, давно миновали.

Слух пятый

ЦРУ — «непослушное дитя» ПРАВИТЕЛЬСТВА

В узком кругу «посвященных» лиц иногда можно услышать злобные и даже клеветнические слухи. Не думаю, что они, эти слухи, обошли Вашингтон: их там хорошо знают. Поэтому коснусь их лишь коротко. Слухи эти затрагивают в основном отношения ЦРУ с другими правительственными ведомствами, главным образом теми, с которыми оно тесно сотрудничает. Прежде всего нужно учесть: здесь, как и повсюду, без особой радости встречают «выскочку», расталкивающего локтями старые, заслуженные организации. ЦРУ должно было доказать свое право на существование и завоевать уважение старших, продемонстрировав свою эффективность.

Управление, на мой взгляд, выдержало испытание, заслужив почтительное к себе отношение других правительственные ведомств. Получив в свое распоряжение огромный персонал и колоссальные денежные средства, ЦРУ не позарилось при этом на численный состав и бюджеты старых спецслужб и иных правительственные органов, не имеющих к разведке никакого отношения.

В свете этих фактов удивительно слышать такие утверждения: в некоторых американских посольствах персонал резидентуры ЦРУ превосходит число «чистых» дипломатов. Это типичный пример злобного слуха. То же самое можно сказать и о заявлении: сотрудники ЦРУ в посольствах могут делать все, что им угодно. Все это — вымысел. Вот Советы действительно держат во многих своих посольствах разведывательный персонал, превышающий по численности дипломатов. У нас же этого нет. Сами советские послы иногда являются старшими офицерами или генералами КГБ. Но я до сих пор не слышал ни об одном случае, когда человек из ЦРУ стал бы американским послом. Глава любой нашей дипломатической миссии — полноправный единоличник. Каждый сотрудник посольства, кем бы он ни был, включая и сотрудников ЦРУ, несет перед ним ответственность за свои действия.

Поскольку ФБР и ЦРУ тесно сотрудничают в области контрразведки, нет недостатка в слухах, что они часто вступают в междуусобную борьбу, яростно конкурируют между собой, что их отношения оставляют желать много лучшего и тому подобное. В действительности, их деловые контакты — вполне в норме. Каждое из ведомств предоставляет другому всю информацию, которая затрагивает его специфическую сферу действий, а их усилия координируются.

Шпион-герой, образ которого создан в приключенческих романах, в реальной жизни встречается редко по обе стороны «железного занавеса». Кадровый офицер разведки, по крайней мере в мирное время, вряд ли будет нелегально заброшен на чужую территорию для выполнения опасных, но доблестных заданий. За исключением советских нелегалов, которые внедряются за рубежом на длительный период времени, разведывательной службе нет никакого резона подвергать своего офицера риску быть арестованным и осужденным на длительные сроки тюремного заключения, а то и на смерть. Нет смысла ставить под угрозу разоблачения агентов, связанных с нелегалом, и операции, в которых он участвовал.

По сути, очень мало сходства между героическими похождениями несравненного Джеймса Бонда — героя романа «На секретной службе ее королевского величества» Яна Флеминга, который я прочитал с удовольствием, и скромным образом жизни и очень осторожным поведением советского полковника Рудольфа Абеля в Соединенных Штатах.

Офицер разведки, в отличие от агента, обычно не имеет оружия, не носит с собой скрытую минифотокамеру и не вшивает в складки своих брюк зашифрованных донесений. И вообще у него нет с собой ничего такого, что могло бы его выдать при случайном или преднамеренном задержании полицейскими властями. Он не должен допускать и того, чтобы стать объектом внимания девиц легкого поведения, с которыми может столкнуться в барах или у гостиничных туалетов. Если возникнет подозрение, что за ним установлена слежка, разведчик обязан немедленно отключиться от своих дел и пре-

рвать контакты с агентурой. Главное, он должен всячески помешать тому, чтобы противник опознал его как офицера разведки. В этом качестве он может быть известен только самым доверенным своим сотрудникам, а лучше — никому.

Советскую новую линию, предусматривающую использование в качестве шпионов лиц, которые занимают видное положение в обществе, таких, как Иванов в Лондоне и Скрипов в Австралии, о чем я упоминал в предыдущей главе, можно рассматривать как исключение, подтверждающее правило. (Капитан II ранга Иванов был помощником военного атташе в Лозанне, а Скрипов — резидентом внешней разведки КГБ в Австралии, прикрывающимся должностью советника в Канберре. — Ред.)

После аферы Профьюмо (министр обороны Великобритании. — Ред.), имевшей катастрофические последствия для британского правительства, русские, весьма возможно, решили: вот она — золотая жила для советской разведки. Нужно только шире использовать методы шантажа в прогнившем «благородном обществе». Угроза оказаться опороченными заставит высших сановников свободного мира преданно служить Москве. Кроме того, русские полагали: таким путем можно будет решить и другую важную задачу — подорвать репутацию западных правительств в глазах их собственных народов. Со своей стороны, хочу заметить: с точки зрения профессионала, вряд ли можно серьезно рассчитывать на то, что «колгерлз» — проститутки — станут источником серьезной и надежной информации.

Человек, который нерасчетливо подвергает себя опасностям, занимается махинациями, участвует в заговорах, может быть лишь агентом, но не офицером разведки, задача которого — обеспечить надежное руководство агентом и его максимальную безо-

пасность. Ныне от агента и его источников требуется высокое умение приспосабливаться к обстановке, быть незаметным, не привлекать к себе внимания. А это значит: никакой «сладкой жизни», никаких приключений с «привлекательными блондинками» и «роковыми брюнетками», никаких веселых развлечений.

Александр Фут, который работал на Советы в Швейцарии, описал в своей книге первую встречу во время Второй мировой войны с одним из наиболее ценных советских агентов. Это был Луци, об успешной деятельности которого я уже рассказывал.

«В кафе, — повествует Фут, — я пришел первым и с любопытством ждал появления агента, расположавшего доступом к самым сокровенным секретам Гитлера. Неожиданно к моему столику подсел невысокого роста, невзрачный человек. Это и был Луци собственной персоной. В его образе не было ничего похожего на шпиона, как последнего изображают в приключенческих романах. И именно поэтому он являл собой идеал настоящего тайного агента — неброская внешность, чуть ниже среднего роста, с кроткими глазами за стеклами очков. Он выглядел точно так, как тысячи пассажиров, которых можно встретить каждое утро в пригородных поездах в любой части земного шара¹.

Большинство шпионских романов написаны для аудитории, которая желает скорее развлечься, нежели получить представление о реальной работе разведки. Профессионал не обнаружит там для себя чего-либо действительно достойного внимания. Коренные проблемы настоящего шпионажа (успешная вербовка важного агента, добыча ценной информации), точнее, конкретные примеры их позитивного

¹ Руководство для шпионов. (Примеч. автора.)

решения по соображениям безопасности попадают в популярную литературу лишь по истечении длительного времени.

Невольно напрашивается сравнение разведки с ужением рыбы. Я, например, нахожу, что у хороших рыболовов больше шансов стать хорошими офицерами разведки. Подготовка к рыбалке, тщательный учет погодных условий, освещенности места ловли, скорости течения и глубины водоема, выбор приманки — муха или червяк? — все это важные компоненты успешной рыбной ловли. Мгновение, когда рыба подсекается, это момент особого волнения и искренней радости, который может понять и оценить даже не рыболов-спортсмен, а рядовой любитель. Правда, последнего не заинтересует подготовка к ловле. Но для истинного спортсмена подготовка и сам процесс ловли — суть единое целое, две важные составные части рыболовецкого искусства, без чего и рыбку-то не поймаешь.

Меня всегда интересовал вопрос, почему Даниэль Дефо — шпион и писатель в одном лице — никогда ни слова не упомянул о шпионаже в своих романах. В глазах многих людей Дефо — один из немногих профессиональных агентов в ранний период становления британской разведки. Он был не только удачливым оперативным сотрудником, успешно выполнявшим самостоятельные задания, но и стал позднее первым руководителем разведывательной службы Великобритании. Этот факт получил известность лишь через много лет после его смерти. Знамениты на весь мир романы Дефо «Робинзон Крузо», «Молль Флендерс» и «Дневник чумных лет». Но попробуйте найти в любой из этих книг хотя бы малейшую ссылку на шпионаж или упоминание о шпионах. Вне сомнения, Дефо тщательно избегал писать о прекрасно ему известных

шпионских заговорах и интригах из боязни нарушить секретность. Но ведь человек с его умом и богатой фантазией мог бы придумать сюжет интересной шпионской истории, перенеся ее в другое время и другую обстановку. Тем не менее, я не могу избавиться от мысли, что Дефо никогда не сделал бы этого, поскольку интуитивно чувствовал: по соображениям безопасности он не мог изложить подлинный случай из собственной практики, а как настоящему писателю ему простило придумать оторванную от жизни и целиком высосанную из пальца шпионскую историю...

Свообразно писал о разведывательном ремесле Джозеф Конрад. Я почти уверен в том, что польское происхождение Конрада наложило отпечаток на его проникновение в сущность заговора и образ мыслей шпиона. Ведь его отец был отправлен в ссылку, а два его дяди казнены за участие в заговоре против русских. У поляков большой опыт по части крамольных заговоров, и за это они должны благодарить русских: последние долгие годы пытались поработить Польшу. Нельзя было ожидать, что Конрад, будучи человеком таких качеств, напишет стандартный шпионский или приключенческий роман. Его интересовала моральная сторона разведывательного ремесла, побудительные мотивы, которые заставляли людей стать шпионами, доносчиками, предателями.

В последнее время стало выходить значительно больше книг о разведке. Но меня в первую очередь привлекают такие произведения, в которых (как у Конрада), рассматриваются причинные связи, заставившие людей посвятить свою жизнь разведке или контрразведке. Особенно трудно понять лиц, решившихся шпионить против своей родины. Среди них различают: шпионов, завербованных на идеиной базе; шпионов заговорщиков, готовых оказать

услуги другому государству в обмен на помощь в захвате власти, шпионов, продавшихся исключительно ради денег и, наконец, шпионов, которых заставили работать под угрозой шантажа.

В различные периоды истории преобладал, как правило, один из перечисленных побудительных мотивов к разведывательной работе. Но иногда с равным успехом отмечалось действие сразу всех этих причин. Клаус Фукс — типичный пример идеяного шпиона, Гай Берджесс — заговорщика, шведский полковник Стиг Веннерстрём¹ работал из-за денег, а Джона Вас-сала взяли шантажом. И наконец, есть еще один тип шпиона — тот, что встает со страниц шпионских романов. Это самая многочисленная разновидность, и она неистребима, как сама литература. Пока мы находим удовольствие в чтении историй о приключениях выдуманного шпиона, сохраним его таким, как он есть, хотя это — лишь миф.

ПРОВАЛЫ

В 1938 году офицер советской разведки, служивший в Соединенных Штатах под прикрытием, отдал в химчистку брюки. В одном из карманов оказалась пачка документов, полученных им от агента, работавшего в Управлении военно-морской разведки. Их обнаружил гладильщик. Бумаги передали куда нужно, и в результате был раскрыт самый серьезный случай советского шпионажа в то время. Конечно, офицер советской разведки, профессио-

¹ Ценный агент Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР. Военно-воздушный атташе Швеции в Вашингтоне (1952—1957), затем начальник отдела BBC в штабе министерства обороны Швеции (1957—1961). С 1962 г. — преподаватель в шведской академии BBC и старший советник по вопросам разоружения правительства Швеции. Арестован в 1963 г.

нал, фамилия которого Горин, допустил вопиющую небрежность. Его немедленно отзвали в Москву и наверняка расстреляли за преступную халатность.

Известны случаи, когда люди, которым надлежало быть особенно осторожными и бдительными, забывали портфели с документами в купе железнодорожных вагонов, такси и тому подобном. Внезапный обморок, а от этого никто не застрахован, мгновенно может причинить большие неприятности разведчику, ибо в данном случае речь идет не о состоянии здоровья, а о том, что самая кратковременная потеря контроля над собой может привести к пропаже секретных документов, а следовательно — к провалу тайного сотрудника и даже всей операции, в которой он участвует. Однако большинство провалов случаются не по вине офицеров разведки. Очень часто проколы — результат неумного упрямства или же недоработанного поступка руководства разведслужбы, совершенно не представлявшего, к каким последствиям могут привести его приказы.

Добропорядочная хозяйка пансионата как-то заметила, что у одного ее очень занятого постояльца проходились подошвы ботинок. Она решила оказать ему внимание и по собственной инициативе отнесла обувь сапожнику. Тот порекомендовал заодно заменить и каблуки, а когда он снял их, то обнаружил в каждом пустоты, в которых находились полоски бумаги с какими-то записями.

Один из моих наиболее ценных немецких источников, когда я работал в Швейцарии в период Второй мировой войны, едва не допустил серьезного прокола, поскольку оставил внутри своей шляпы, как это делают аккуратные люди, подлинные инициалы. Однажды вечером мы с ним обедали вдвоем у меня в Берне. Кухарка заметила, что мы говорим по-немецки. И пока мы с удовольствием поглоща-

ли ее блюда — в общем-то она, конечно, готовила лучше, чем шпионила, — она выскользнула из кухни, внимательно исследовала шляпу моего источника и записала его инициалы. На следующий день она сообщила нацистскому агенту, у которого находилась на связи, что человек, посетивший меня, судя по его разговору, немец и назвала его инициалы.

Мой источник постоянно жил в Цюрихе и был представителем адмирала Канариса, шефа абвера — немецкой военной разведки и контрразведки. Он часто посещал германскую дипломатическую миссию в Берне. Когда он появился там в следующий раз, а это случилось через несколько дней после обеда у меня, два сотрудника миссии, которые уже ознакомились с донесением поварихи, отвели его в сторону и предъявили обвинение в контакте со мною. Источник прекрасно владел собой и проявил блестящую выдержку. Глядя старшему прямо в глаза, он холодно заметил, что это действительно так, поскольку я являюсь одним из его главных источников, и если они скажут об этом еще кому-нибудь, он постарается, чтобы их убрали из Швейцарии. Затем добавил, что о контакте со мной знает лишь адмирал Канарис и несколько высших руководителей в Берлине. Гестаповцы рассыпались в извинениях перед моим другом и, насколько мне известно, в дальнейшем сохранили молчание.

Каждый извлек из этого свой урок: я — что моя кухарка — шпионка, мой немецкий друг — что ему следует снять инициалы со шляпы, и оба мы — что нападение — это лучший способ защиты. В данном случае положение спас только блеф. К счастью, добroе имя моего друга было быстро восстановлено. А кухарка через некоторое время отправилась в швейцарскую тюрьму.

Коммунистическая шпионская сеть Зорге в Японии провалилась в результате случайной акции. Лицо, столкнувшее первый камень лавины, на самом деле ничего не знал о советском разведчике и его группе.

Вот как это случилось. В начале 1941 года японцы начали проводить облавы на местных коммунистов и задерживали некоторых лиц по подозрению в шпионаже. Один из них, некто Ито Рицу, который не имел никакого отношения к разведке, заявил, что хочет помочь японской полиции и сообщил, что подозревает кое-кого в измене (на самом деле это оказались совершенно безобидные обычные жители). Среди них он называл некую Китабаячи, в прошлом коммунистку, жившую ранее в Соединенных Штатах, но давно уже отказавшуюся от коммунистических идеалов и ставшую адвентисткой седьмого дня. В 1936 году она возвратилась в Японию и через некоторое время сблизилась с японским коммунистом, которого знала по Соединенным Штатам, художником по имени Мияки, который входил в состав группы Зорге. Он, по-видимому, рассказал ей о себе просто так, без всякой на то надобности, ибо Китабаячи преподавала рукоделие и не имела никакого доступа к интересующей Зорге информации. Рицу ничего не знал об этом. Он скорее всего донес на Китабаячи по злобе, чтобы доставить ей неприятности. Очевидно, она каким-то образом обидела его. Когда ее арестовали, она выдала Мияки. Тот, в свою очередь, вывел полицейских на главного источника Зорге — Одзаки, высокопоставленного чиновника японского правительства, располагавшего ценной информацией. И так продолжалось до тех пор, пока не были схвачены все члены подпольной группы.

Старая истина гласит: чем крупнее разведывательная сеть, чем больше в ней различных звеньев и

чем сложнее система связи между ними, а также между руководителем сети и центром, тем вероятнее опасность ее провала. В организации Зорге участвовало много людей, большая часть их действовала активно. И тем не менее никто из них не привлек к себе внимания полиции. Следователи, которые допрашивали Китабаячи, страшно удивились, когда вдруг начали звено за звеном распутывать хитро-сплетения этой самой эффективной шпионской сети в истории. Раскрытие ее можно рассматривать как результат стечения чрезвычайно неблагоприятных обстоятельств, своего рода несчастных случаев, которые невозможно было ни избежать, ни предупредить, за исключением, пожалуй, лишь одного: не использовать в шпионской деятельности лиц, о которых известно, что они в прошлом были членами компартии. Но почему-то этим довольно простым правилом Советы часто пренебрегают.

Небольшие промахи или ошибки, которые могут привести к провалу всего дела, иногда случаются по вине самих разведывательных служб, причем не офицеров, руководящих агентами, а технического персонала, изготавливающего для агентов необходимые приспособления и материалы. Вот и получается, что в чемодане, к которому прикоснется таможенный чиновник, вдруг обнаруживается второе дно, а тайнопись неожиданно проявляется в самый неподходящий момент и тому подобное.

Часто подводят разведчиков фальшивые документы. Каждая разведывательная служба собирает и изучает все новые документы со всех частей света, а также модификации старых, которые были бы «железными», то есть настоящими во всех деталях. Но иногда допускаются промахи, и внимательный пограничник, который держит в своих руках сотни паспортов в день, может, например, заметить, что

в паспорте пассажира номер серии не вполне соответствует дате выдачи или что виза подписана консулом, который скончался за две недели до даты, когда он якобы учинил свое факсимиле. Даже не обладающий большим воображением контролер знает, что подобные несоответствия могут означать лишь одно: никто другой, кроме агента разведслужбы, не может иметь документа, безупречного с точки зрения художественной и технической, за исключением одной какой-либо незначительной детали.

Кроме того, есть еще и судьба, рок: неожиданное вмешательство потусторонних сил, несчастный случай, стихийное бедствие, препятствие, воздвигнутое людьми там, где его не было еще неделю назад, а также «заговор» вещей, когда, скажем, свеча не желает загораться, а замок отпираться, двигатель отказывается работать или же происходит авария техники. Агент, посланный на задание, может внезапно умереть от сердечного приступа, или на него наедет грузовик, или же он сядет в самолет, который разобьется. И миссия его останется невыполненной. Это, конечно, печально, но не грозит крупными неприятностями, хотя иногда последствия могут быть значительно хуже.

В марте 1941 года капитан Людвиг фон дер Остен, прибывший в Нью-Йорк, чтобы возглавить нацистскую разведывательную сеть в Соединенных Штатах, был сбит такси при переходе Бродвея на углу Сорок пятой улицы, в результате чего погиб на месте. Сопровождавший капитана сообщник, быстро сообразивший что к чему, успел вытащить у него из кармана бумажник и скрыться. Однако записная книжка, найденная у Остена, и различные документы, обнаруженные в его гостиничном номере, свидетельствовали: он — немец, выдававший себя за испанца и, несомненно, связанный со шпионской деятельнос-

тью. А через некоторое время почтовая цензура англичан на Бермудах обнаружила упоминание о фон дер Остене в весьма подозрительных письмах, регулярно посыпаемых из Соединенных Штатов в Испанию. В результате ФБР смогло напасть на след нацистской шпионской сети, которую капитан собирался возглавить. В марте 1942 года дело завершилось судом и приговором Курту Людвигу и его восьмерым сообщникам. Это был как раз тот человек, который сопровождал фон дер Остена, когда тот попал под такси. И именно он, Людвиг, поддерживал связь с нацистской разведкой через Испанию.

Еще один случай из времен Второй мировой войны. Однажды вечером во Франции был сброшен парашютист с заданием установить связь с подпольным движением Сопротивления. Дул сильный ветер, и агента отнесло в сторону. Вследствие этого вместе того, чтобы приземлиться в укромном месте в чистом поле, он опустился прямо среди зрителей, смотревших кинофильм под открытым небом на окраине города. И нужно же было случиться такому, что это был специальный просмотр фильма для солдат войск СС, дислоцированных в округе.

Ныне широко известный берлинский туннель, проходивший из западной в восточную часть Берлина, был проведен западными разведками для того, чтобы тайно подсоединиться к советским линиям связи в Восточной Германии. Это было во всех аспектах хорошо продуманное и комфортабельное сооружение с собственной отопительной системой, поскольку берлинские зимы достаточно холодны.

Все шло прекрасно, пока не наступили морозы. Снег, припорошивший землю над туннелем, стал таять: почва в этом месте была теплее. И к нашему ужасу, четко обозначилась прямая, как стрела, дорожка над туннелем из Западного в Восточный

Берлин. Любой наблюдательный полицейский в Восточном Берлине мог это заметить. Наши люди быстро доложили об опасности. Отопление в туннеле было немедленно отключено, в ход пустили кондиционеры, нагнетавшие под землею холодный воздух. К счастью, снег продолжал идти и предательская дорожка скоро исчезла. Случилось то, чего никто не мог предвидеть при проектировании туннеля. Таким образом, наиболее дорогостоящий и самый смелый разведывательный проект был близок к провалу.

Большинство шпионских операций ограничено во времени: туннель, «У-2» и тому подобное. Это всегда учитывается при разработке проекта. Трудность заключается в правильном решении, когда следует ограничить его использование и когда вообще прекратить.

Через некоторое время Советы все-таки обнаружили берлинский туннель. Они попытались использовать этот факт как убедительное доказательство «коварства» атлантических союзников, которые удерживают под своим господством Западный Берлин, чтобы использовать его в качестве плацдарма для шпионажа против Востока. Советы открыли даже около туннеля киоск с пивом и неизменными сосисками, чтобы граждане ГДР целыми семьями могли бы использовать свои воскресные прогулки для посещения удивительного сооружения. Но это неожиданно привело к противоположному результату, поскольку реакция публики в целом резко отличалась от того, что ожидали Советы. Вместо того чтобы грозить кулаками Западу, немцы просто смеялись над Кремлем, поскольку атлантические союзники обошли его в разведывательных делах, а он оказался настолько глупым, что не придумал ничего лучшего, как показать всему миру, как его об-

ставили. Короче говоря, очень быстро русские ликвидировали там пивные киоски, и осмотр туннеля прекратился¹.

Связь — это та область разведывательной деятельности, где случайные провалы происходят чаще всего. И приводят они обычно к срыву всей операции. Одной из самых лучших иллюстраций проколов такого рода можно найти в известном литературном произведении, впрочем, не имеющем ни малейшего отношения к разведке. Речь идет об эпизоде из книги Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», когда героиня подсовывает важное сообщение в щель под дверью Клары, а оно случайно попадает под ковер, лежавший вплотную к порогу, и никогда не доходит до того, кому предназначалось, со всеми вытекающими из этого печальными последствиями.

Сообщения для агентов часто передаются через тайники. Они могут находиться в любом месте — над землей и под нею, в каком-либо здании или сооружении, в лесу или поле. Как и доктор Банкрофт, секретарь Бенджамина Франклина, большевики, например, предпочитали пользоваться дуплами в деревьях. В настоящее время имеются более надежные и хитрые приспособления, с помощью которых документы защищаются от осадков и плохой погоды в течение длительного периода времени. Однажды сообщение для агента закопали в землю в укромном местечке у края дороги, по которой ездили довольно редко как в дневное, так и ночное время.

¹ Автор, когда писал эту книгу, еще не знал, что провал шпионского туннеля в Берлине произошел не случайно. В наши дни стало известно, что об этой операции в Москву заранее сообщил ценный агент внешней разведки КГБ Джордж Блейк. Советская разведслужба использовала туннель для внедрения дезинформации через каналы разведок США и Англии. А когда надобность в этом отпала, шумно провалила его, организовав соответствующую пропагандистскую кампанию.

Тайником неоднократно пользовались успешно. В рассматриваемом случае все было спокойно в момент закладки сообщения. Однако, когда агент пришел через несколько дней, чтобы изъять материал, он нашел на том месте гору щебня. За короткий промежуток времени между вложением сообщения и появлением агента местные власти приняли решение о расширении дороги и уже приступили к работе.

По вполне понятным причинам в разведывательных операциях часто используются общественные туалеты для устройства тайников. В некоторых странах такие места — единственные, где любой человек может чувствовать себя в одиночестве. Но и здесь фортуна может сыграть злую шутку. Однажды уборщики решили временно использовать крайнюю кабину для хранения швабр, метел и ведер и повесили на дверце замок. А как раз в ней разведчик устроил тайник для связи со своим агентом. И что самое плохое — кабину заперли после того, как агент заложил там свой материал: разведчик не успел его изъять.

Если используются радиосредства, то не исключены ошибки в комплектации радиоаппаратуры, как передающей, так и принимающей. Связь по почте может быть нарушена по самым различным причинам.

Поезда часто опаздывают, и поэтому курьеры не могут прибыть на обусловленную встречу в установленное время. Значит, агент уйдет: он не может долго ждать на одном и том же месте — это закон разведки. Чтобы избежать нарушения личных контактов, связанных со случайностями подобного рода, при планировании операций предусматривают запасные встречи и варианты для чрезвычайных случаев, автоматически вступающие в действие, когда срывается основная встреча. Однако здесь мы затрагиваем

уже другую проблему: нельзя чересчур усложнять условия встреч и явок, это может тоже привести к потере контакта. Ведь люди, находящиеся в состоянии сильного нервного возбуждения, просто не в состоянии запечатлеть в памяти и вовремя вспомнить сложные пароли, устные и вещественные. Фиксировать их на бумаге открытым текстом, понятно, ни в коем случае нельзя. А с шифрованными тоже легко запутаться. Во всем нужна разумная мера, в том числе и в секретности и конспирации.

Один из простейших и самых древних приемов, используемых в разведке, когда обговариваются условия встречи, — прибавление (или вычитание) определенного числа дней и часов к дате и времени, назначаемым при телефонном разговоре или каким-то другим путем. Если даже противнику удастся перехватить эту обусловленность, вычислить действительные день и час ему будет очень сложно. Скажем, агент должен прибавить один день и отнять два часа. Таким образом, названная встреча — вторник в одиннадцать часов в действительности означает: среда в девять. Агенту достаточно проделать это хотя бы один раз, он запомнит условие так же прочно, как свое собственное имя. При этом ничего не требуется записывать. Однако и здесь нет полной гарантии. Может случиться, что по прошествии, скажем, трех месяцев, когда агент получит вызов на встречу, он вдруг засомневается: надо ли прибавлять один день и отнимать два часа или же отнимать один день и прибавлять два часа? А может быть, надо прибавить два дня и отнять один час? Или же... и так далее.

Неправильно понятые условия или плохая память могут привести к тому, что стройная, но сложная система связи превратится в трагикомедию абсурда, когда каждая из сторон будет пытаться угадать ход

мыслей другой, не вышедшей на встречу или не выполнившей какую-то договоренность. Агент, скажем, пропускает встречу, поскольку перепутал свои плюсы и минусы. Другой партнер появился на условленном месте точно. Но агента нет. Значит, партнер приходит к выводу: агент перепутал, что отнимать, а что складывать, и пытается догадаться, что он именно напутал. Наконец он выбирает из четырех альтернативных комбинаций одну, которая кажется ему наиболее вероятной, и идет на встречу. Но он сделал неверный выбор, и никто его не встречает. А агент в это время вспомнил правильный расчет, но уже поздно, так как истинные день и час уже не совпадают с тем, из чего исходила другая сторона. Таким образом, два человека никак не могут встретиться.

Независимо от причин провалы можно подразделить на две категории: те, которые наносят удар по всей шпионской организации, в результате чего она становится известной противнику или местным властям (что не одно и то же), и такие, что приводят лишь к краху одной какой-либо операции, из-за чего нарушается связь с агентурой, но сами агенты не попадают в руки противника. Так происходит, например, тогда, когда важное сообщение не доходит до получателя, но и не становится добычей врага. В любом случае серьезный провал может привести к немедленному свертыванию разведывательной операции или же к тому, что ее откладывают на длительное время, пока не будет восполнен ущерб, восстановлена связь и тому подобное.

Даже небольшие провалы в разведке связаны с неприятностями. Никогда нельзя быть полностью уверенным, нанесут ли они большой ущерб или потеря не будет. А от этого зависит решение, прекращать операцию или же доводить ее до конца. Многие проколы связаны с потерей прикрытия, разоб-

лачением агентуры и другими нежелательными, но вынужденными действиями. Иногда провалы приводят к тому, что у руководства разведки возникают подозрения: не виной ли тут двойная игра того или иного агента. В принципе делу вредит любое подозрение, даже если считают, что тот не связан с разведслужбой противника, а просто плут, мошенник или контрабандист.

Те, кто когда-либо путешествовал под чужим именем, знает: страшнее всего не то, что можно забыть новое имя при регистрации в гостинице. Самое ужасное, когда вы, все-таки вспомнив, как вас теперь зовут, с облегчением расписавшись в регистрационной карточке, вдруг почувствуете, что кто-то сзади дружески хлопнет вас по плечу и громко произнесет: «Джимми Джонс, старина, где это ты пропадал столько лет?» Вы обернетесь и увидите: перед вами знакомый, которого вы не видели уже лет двадцать.

Каждая операция, связанная с использованием лиц, выезжающих временно или постоянно в другие места под другим именем, всегда связана с риском случайной встречи, пусть в одном случае из тысячи или даже сотни тысяч, с людьми, которые знали агента под настоящим именем. Конечно, ему, возможно, как-то удастся выкрутиться. Но это не должно успокаивать, ибо тревогу вызывает то, что в нынешнем мире, где буквально все прекрасно понимают, какой размах приобрел шпионаж, люди могут в первую очередь как раз подумать: человек, которого я прежде знал под другим именем, наверное, занимается разведывательными делами. Значит, вся огромная кропотливая и длительная работа по созданию легенды-биографии из-за такой случайности может пойти насмарку. Советские нелегалы обычно направляются в страны, где риск случайной встречи минимален (но все же не исключен). Слу-

чай, о котором речь пойдет ниже, говорит: подобная несчастливая возможность существует всегда, и Советы, как, впрочем, и мы, фактически не в силах предотвратить ее.

В группе Лонсдейла, о которой я уже упоминал, супружеская пара американцев Крогеров обеспечивала радиосвязь. Их, после ареста Лонсдейла и Хаттона, опознали как давних советских агентов, активно действовавших ранее в Соединенных Штатах. ФБР установило личность, основываясь на отпечатках пальцев. И когда опознание было закончено, нью-йоркский филиал бюро позвонил человек, который представился как бывший футбольный тренер. За неделю до того журнал «Лайф» опубликовал серию фотографий лиц, причастных к делу Лонсдейла. Позвонивший сообщил, что тридцать пять лет тому назад он был тренером в одном из нью-йоркских колледжей в районе Бронкс. И в его команде играл худощавый паренек, который очень походил на Крогера. Правда, тогдашнего его подопечного звали как-то по-другому. И все-таки он считает, что это один и тот же человек. И тренер оказался прав.

Крогеры даже не пытались как-то изменить свою внешность. У самого Крогера был солидный книжный магазин в Лондоне. Его посещали не только англичане, но и иностранцы, интересовавшиеся редкими книгами. Круг покупателей был велик, и нельзя было исключить возможность того, что в их числе не окажется американец, житель района Бронкс, который узнает Крогера. Шансов, конечно, мало, но они были. И тем не менее, Советы пошли на риск.

Мелкие, порою нелепые инциденты могут вызвать подозрение в шпионаже. Но часто они просто указывают на то, что происходит нечто необычное. А вот сумеет ли очевидец увидеть в этом необычном связь со шпионажем, зависит в значительной

степени от того, является ли он простодушным и наивным или же умудренным житейским опытом человеком и чем он занимается — полицейский ли он, трактирщик либо художник. Бывает, что даже профессиональный агент, какие уловки и хитрости он бы ни использовал, не может ускользнуть от внимательного взгляда.

Однажды, поступив, возможно, не слишком хитро, мы послали трех человек на встречу с неким важным лицом, занимавшим целый апартамент на верхнем этаже одной из гостиниц в большом европейском городе. Каждый из них был специалистом в своей области, и его участие обязательно требовалось в начальной стадии операции — дебюте, говоря шахматным языком. Они впервые оказались в этой гостинице и даже стране, о которой идет речь, то есть были там абсолютно неизвестными. Много месяцев спустя, когда по другим каналам установили, что этот джентльмен готов сотрудничать с нами, было решено послать к нему одного сотрудника из той троицы. Перед этим мы долго размышляли и в конце концов пришли к выводу, что встречу безопаснее провести в гостинице, а не в городе, где у нас не было надежной конспиративной квартиры. Офицер же посетил гостиницу всего один раз, можно сказать, промелькнул там много месяцев назад. Вряд ли кто-либо его запомнил. Короче говоря, наш сотрудник отправился в гостиницу, вошел в лифт и назвал лифтеру нужный этаж. Больше в кабине никого не было. Сотрудник смотрел на лифтера, пожилого человека с трудно запоминающейся внешностью, и был абсолютно уверен, что никогда ранее его не видел. Но он постарался запомнить его внешность, чтобы в следующий раз не попасть к нему в лифт. Перед тем как кабина остановилась на нужном этаже, лифтер повернулся и посмотрел на нашего сотрудника. «О! Как

вы поживаете? — вежливо спросил он. — Я вижу, сегодня вы одни, а где же оставили двух своих друзей?» Безобидное замечание? Возможно, но об этом никогда нельзя сказать с уверенностью. Главное заключалось в том, что наш сотрудник вовсе не был столь неприметным, какказалось. Лифтеры, горничные, официанты, вообще весь обслуживающий персонал отелей, обычно хорошо запоминают лица и внешность гостей. А в некоторых странах гостиничные служащие, бармены, швейцары — сплошь информаторы полиции. Догадался ли лифтер, кому наш сотрудник собирался нанести визит? Определил ли его национальность (сотрудник изъяснялся на местном языке хорошо, но не без акцента)? Не выдали ли его одежда или манеры?

Именно такая неопределенность вызывает тревожное настроение после подобных мелких инцидентов, которые и проколами-то не назовешь. Но самое малое опасение достаточно, чтобы взбудоражить бдительную секретную службу. Она отметит начатую операцию, откажется от прежней системы связи и задействует новый оперативный состав.

ЖУЛИКИ

Я уже упоминал, что советские фальшивки сильно мешают деятельности западной дипломатии и разведывательных служб. Вслед за ними я бы поставил вздорную пропаганду, которую ведут Советы, чтобы скомпрометировать в глазах мирового общественного мнения личный состав и методы работы западных разведок. В странах атлантического сообщества люди просто смеются над этой халтурой. Другое дело — страны третьего мира. Здесь жители гораздо легковернее, и на них, собственно, рассчи-

таны московские выдумки. Советы распространяют за пределами «железного занавеса» бесчисленное количество книг, памфлетов, газетных статей и радиопередач, клеймящих нашу разведывательную службу как злобную, реакционную и призывающую к войне организацию, а наших офицеров, включая директора ЦРУ, — как гангстеров и военных преступников.

Такие материалы, за редким исключением, спрятаны на самом низком пропагандистском уровне, изобилуют лживыми историями, фальшивками, групповыми инсинациями. Нас обвиняют, например, в пытках людей и иллюстрируют статьи фотографиями, на которых изображены самые изощренные пыточные инструменты и приспособления, которыми мы якобы пользуемся.

Нужно отметить, что подобные пропагандистские «шедевры» появляются в большом числе в Восточной Германии. Это не случайно. Русские опасаются — и совершенно обоснованно, — что здесь возник удобный плацдарм для деятельности западных разведслужб. Вот и стараются они запугать восточных немцев, чтобы они избегали контактов с «подлым и жестоким» Западом.

В качестве образчика такой халтуры можно назвать опубликованную в 1959 году в Восточном Берлине книжицу «Гангстеры Аллена Даллеса»¹. На ее пурпурно-желтой обложке изображена полураздетая девица, опутанная микрофонными шнурями и обвешанная минимагнитофонами и даже радиопередатчиком с антенной. О точности и достоверности публикуемых в этом опусе сведений можно судить по следующему примеру. Без тени сомнения приводится адрес ЦРУ: 24 Е-стрит, Вашингтон, штат

¹ На русском языке выпущена «Воениздатом» в 1960 г.

Нью-Йорк. Если бы автор не поленился заглянуть в телефонную книгу американской столицы, то обнаружил бы, что номер здания ЦРУ 2430 Е и, как всем известно, штат Нью-Йорк еще не поглотил город Вашингтон.

Однако иногда, хотя и очень редко, в подрывных зарядах советской пропаганды содержатся крохи юмора. Несколько лет тому назад в статье, подводившей итоги событий за год, которая появилась в «Известиях» и принадлежала перу известного советского писателя Ильи Эренбурга, мне было посвящено несколько иронических строк. Явно рассчитывая на дешевый эффект, он сказал примерно следующее: если этот шпион Аллен Даллес когда-либо попадет в рай, то и там будет взрывать облака, стрелять по падающим звездам и резать ангелов. Признаюсь, что я часто с удовольствием использую эти лестные для меня выражения в своих публичных выступлениях, когда мне надо объяснить, чем занимается директор ЦРУ. Впрочем, ныне Илью Эренбурга, кажется, на Западе ценят больше, нежели в Москве.

Несмотря на советские утверждения, мы никогда не устраивали так называемой «промывки мозгов», хотя нам пришлось активно изучать этот пропагандистский феномен, чтобы суметь защититься от него. И делали это по очень простой причине: нам претит силой или грубым обманом заставлять людей принять наш образ мышления. А именно это — главная цель такого психологического «лечения». Мы никогда не разделяли и не будем разделять убеждение Советов, красных китайцев или же северокорейцев, что использование иностранцев с хорошо «промытыми» мозгами в радиопередачах на страны Запада — очень действенный пропагандистский метод. На самом деле безнравственный трюк красных пропагандистов, заставляющих беззащитных людей поносить

своих соотечественников и родину, вызывает отвращение у радиослушателей в свободном мире. Мы никогда не пользуемся такими подлыми уловками, хотя у нас нет недостатка в перебежчиках из стран коммунистического блока. Это люди, пришедшие на Запад добровольно, столь натерпелись от тоталитарных режимов, что нам нет необходимости подсказывать им, когда они обращаются по радио к своим со-гражданам.

Совершенно другой тип пропагандистских интриганов представляют собой сочинители разведывательной информации и мошенники. Среди них может оказаться агент, реальный источник которого иссяк и который поэтому опасается, что разведслужба от него откажется. Он знает, какого рода информация требуется хозяевам. Плюс к этому ему еще доверяют. Если у него нет других средств к существованию и он не слишком честен, вполне понятно, у него может возникнуть идея симулировать, будто бы источник существует и действует, хотя фактически его уже нет. И агент начинает выдумывать донесения, стараясь, чтобы они выглядели максимально правдоподобными. Но рано или поздно разведслужба поймает его, ибо он не сможет избежать фактических ошибок, искажений, у него не хватит цифровых данных и точных сведений, которые он попытается компенсировать приукрашиванием, чего ранее за ним не замечалось.

Обман может быть раскрыт и другим путем. Агент время от времени встречается со своим источником. После встречи он не только передает центру полученную информацию, но и пишет донесение, когда, где и как проходила встреча с источником, какова была обстановка, сообщает о самочувствии источника, его душевном состоянии и о всех других обстоятельствах, интересующих разведывательную службу.

«Слушай-ка, — говорит офицер разведки своему агенту, — ты сказал, что встречался с Иксом двадцать пятого числа. Не так ли? Но ведь это удивительно: нам точно известно, что всю последнюю неделю он находился за границей». Конечно, такой эпизод доставляет мало удовольствия офицеру, когда он уличает во лжи человека, который до этого неплохо поработал на него.

В отличие от преданного агента, оступившегося, случайно ставшего на путь обмана, мошенник в разведке никогда не бывает дельным сотрудником. Как любой другой профессиональный жулик, и в разведывательной сфере он ищет способ побыстрее и потуже набить свои карманы деньгами. Специализируясь на разведке и контрразведке, он знает, как подойти к соответствующим службам и выгодно предложить свои услуги. Мошенники и «липачи» всегда крутились вокруг секретных служб, но сейчас их число значительно увеличилось: новейшие научно-технические достижения, особенно в военной области, предоставили им новые, весьма заманчивые возможности. При этом они пытаются использовать недостаточные познания некоторых офицеров в науке и технике. Хотя каждая современная разведслужба старается восполнить пробелы в знаниях своих сотрудников, превратить всех их в профессиональных физиков и химиков она не в состоянии. В результате даже хорошо разбирающийся в своих делаах офицер разведки клюет на выгодное предложение и активно работает с новым агентом до тех пор, пока специалисты разведслужбы, проанализировав представленную им информацию, не сообщат ему, что он, к сожалению, оказался в тенетах мошенника.

Сразу же после Второй мировой войны аферисты стали широко эксплуатировать появившийся повсюду повышенный интерес к проблемам атомной энер-

гетики. Мы были буквально завалены предложениями появившихся во всех европейских столицах типов, которых прозвали «коммивояжерами по урану». Они предлагали «образцы» урана U-235 и U-238 в свинцовых коробках или обложенным ватой в простых аптекарских склянках. Иногда речь шла о значительных количествах дорогостоящего атомного сырья. Некоторые заявляли, что их образцы — изновь открытых урановых шахт в Чехословакии. Там они, кстати, располагают прекрасными источниками, которые могут снабжать нас детальной информацией о последних исследованиях в этой области за «железным занавесом». Впрочем, тогда было очень много всевозможных баек об уране.

Главный признак мошенничества и одновременно сигнал разведчику, чтобы он соблюдал осторожность — почти обязательное условие, предъявляемое аферистом: деньги немедленно и наличными. Вначале мошенник делает заманчивое предложение, подкрепляя его «образцами», затем запрашивается крупная денежная сумма, после чего якобы последует поставка всей партии. Но, к счастью, все разведслужбы категорически запрещают своим офицерам выплачивать без разрешения крупные вознаграждения агентам. Предложение отправлялось в центр, а там специалисты быстро определяли, что сотрудник напоролся на мошенника. Поэтому лишь в очень редких случаях разведки теряли большие деньги на подобных аферах. Правда, при этом впустую расходовалось время, которое стоит немало, а иногда даже дороже денег. Если предложение выглядело правдоподобно и мошенничество обнаруживалось не сразу, то офицер разведки по причинам, о которых я упоминал уже неоднократно, старался не отказываться от него, хотя бы в течение некоторого времени, чтобы иметь возможность выяснить все до конца.

После урана мода пошла на инфракрасные лучи, затем появилась фиктивная информация о ракетах. Готов держать пари: сейчас на очереди появление сообщений о том, что красные китайцы изобрели «лучи смерти» с использованием лазера. В этом есть своя логика. Китай сильно отстал в разработке водородной бомбы от Запада, поэтому в Пекине, весьма возможно, сосредоточили свои усилия на усовершенствовании лазеров, чтобы оказаться впереди всех.

Более трудоемка, но зато не так легко распознаваема другая фальшивка, которую называют «бумажной фабрикой». Здесь действительно расходуется много бумаги на сочинение пространных донесений, в которых обыгрываются всевозможные слухи. В них нет никаких сенсаций, которыми мошенники обычно стараются привлечь внимание разведслужб. Все просто, буднично, выглядит по-деловому, правдоподобно. Один эпизод логически стыкуется с другим. Но в этих донесениях есть один крупный изъян — в них утверждается, что информация исходит из первых рук, но при тщательном анализе это не подтверждается.

В период расцвета этого бизнеса представители «бумажной фабрики» использовали ситуацию, сложившуюся после того, как Советы опустили «железный занавес» — конец сороковых — начало пятидесятых годов. Западные разведслужбы не смогли решить тогда проблему проникновения в страны советского блока. А многие восточноевропейские интеллигенты, покинувшие свои родные края, не возлагали больших надежд на хорошую жизнь в качестве беженцев на Западе. И вот некоторые из них установили, что западные разведки заинтересованы в самой различной информации о районах, из которых они недавно уехали. Наименее щепетильные из этих беженцев ухватились за возможность ре-

гулярно передавать разведслужбам интересующие их сведения. Однако им нужно было иметь источников за «железным занавесом» —ими могли быть друзья, занимавшие соответствующее положение там, где беженцы ранее проживали, — а также средства для поддержания контактов с источниками: курьеров, радиопередатчики и приемники, секретные адреса для почтовой переписки и так далее. Полученную информацию было трудно проверить, поскольку источники могли черпать ее из газет, издававшихся за «железным занавесом», и передач коммунистических радиостанций, приукрашивать ее или же искусно интерпретировать. И довольно часто добывая таким способом сведения оказывались небесполезными. Беспокоило лишь то, что обходились они значительно дороже своей истинной ценности и поступали совсем не из источников за «железным занавесом», как было договорено с беженцами.

Вскоре после Второй мировой войны группа бывших офицеров, бежавших из одной балканской страны на Запад, предложила нам планы оборонительных сооружений на побережье Далмации, включая фортификации в гаванях, ракетные установки и тому подобное. За это они потребовали пятизначную сумму долларов золотом, согласившись представить нам до оплаты несколько таких документов в качестве образцов. Предполагалось, что это — фотокопии с оригинальных схем и чертежей, а также пояснительных документов к ним. Беженцы пояснили, что они, мол, недавно получили этот материал от бывшего сослуживца, надежного человека, оставшегося на родине и занимающего сейчас должность в военном министерстве. Более того, у них был курьер, хорошо знавший горные тропы, храбрый парень, который доставил документы, но тотчас же возвратился назад: он не мог задерживаться на Западе, так как его

длительное отсутствие могли заметить дома, что не-
безопасно. Если мы примем предложение, то курьер
будет приходить каждый месяц, а источник в воен-
ном министерстве сможет снабжать нас всем, что по-
требуется.

План был превосходным. То же самое можно
было сказать и о документах. Имелась лишь одна
незначительная деталь, на которую мы тем не ме-
нее обратили внимание, ознакомившись с бумага-
ми, представленными в качестве образцов. В тексте
одной из них утверждалось, что новые фортифи-
кационные сооружения возведены с использовани-
ем «рабского труда». Такой термин мог применить
лишь явный антикоммунист. Ведь в коммунисти-
ческих странах не признают, что там есть фактичес-
ки рабство. В своем рвении наши друзья невольно
переусердствовали и выдали себя с головой. Стало
очевидным, что они сами вычертили изумительные
схемы и составили документы где-нибудь в одном
из подвалчиков Мюнхена. И не было у них ни от-
важного курьера, ни сослуживца в военном мини-
стерстве. Впрочем, они сами в этом позднее при-
знались.

Продукция «бумажных фабрик» обычно продума-
на, хорошо составлена и подогнана к требованиям
будущих покупателей, так что ее на первый взгляд
почти невозможно забраковать. Среди аферистов по-
чти всегда есть опытный составитель документов,
поэтому они, эти бумаги, производят солидное вп-
чатление: многоцветные карты и схемы, на которых
изображены сеть агентурных источников, размеще-
ние тайников, линии курьерской связи, конспира-
тивные квартиры, таблицы...

В результате совместных мер, принятых против
«бумажных фабрик», разведкам Соединенных Шта-
тов и других стран свободного мира удалось изба-

виться от этого распространенного способа фальсификаций.

Злобные и завистливые неудачники, а также душевнобольные идут сразу за фальсификаторами секретной информации. Разведкам приходится из-за них тратить впустую немало времени. Многие читатели удивляются, узнав, сколь много психопатов, людей со странностями и просто умственно отсталых ухитряются вступать в контакт с разведслужбами и даже, пусть короткое время, водить их за нос. Понятно, видимо, почему так получается. Разведка находится в невыгодном положении, так как постоянно нуждается в информации и никогда в точности не уверена, из какого источника поступают сведения.

Бредовые идеи вызывают еще большее раздражение. Поскольку шпионаж ныне — повсеместное явление, неудивительно, что люди сальным воображением, разочаровавшиеся в любви или делах или же невзлюбившие своих соседей, могут донести не только на врагов и соперников, но и на друзей и даже на кого угодно, хотя бы на уличного мусорщика, что все они — советские шпионы. Во время Первой мировой войны многие гувернантки-немки, служившие в нью-йоркских семьях, стали жертвой доносов, в которых утверждалось, что те будто бы подавали сигналы всплывавшим у побережья германским подводным лодкам, опуская и поднимая в ночное время оконные жалюзи. Оставалось только неясным, какую информацию могли они передать, опустив раз или два жалюзи. Но это типично для параноиков подозревать, что рядом с ними находится злодей (или злодейка), хотя они никогда не понимали, чего же он хочет. Опытный офицер разведки часто может распознать в заявителе человека со странностями уже по его первым словам. Так, добровольный помощник многозначительно гово-

рит офицеру: «Старший официант с теплохода «Эспланада» наверняка шпионит в пользу одной из стран восточного блока. Я видел, как он исподтишка, забившись в угол, делал какие-то записи после того, как долго и обстоятельно обслуживал двух господ, явно важных правительственных чиновников». А официант, может быть, оформлял их счет. Но заявитель об этом и не думает. И весьма возможно, позднее выяснится, что официант когда-то, подавая суп, капнул заявителю на костюм, за что тот и заставил на него обиду. Фантазеры и душевнобольные, люди с причудами иногда переходят от одной разведки к другой, и если их своевременно не распознают, то могут возникнуть крупные неприятности для разведывательных служб — какая-нибудь из них может клюнуть на сумасбродную приманку.

Однажды в Швейцарии появилась молодая и довольно красивая девушка. Она рассказала о своих похождениях за «железным занавесом» и в Западной Германии, о своей работе на русскую разведку и одну из разведывательных служб союзников. Ее история была довольно длинной, для проверки которой потребовалось бы несколько месяцев. Одно не вызывало сомнений: она действительно была в тех местах, о которых рассказывала, ибо знала конкретных людей, там проживавших, тамошние местность и города, владела местными языками. К тому же нас изрядно переполошило ее заявление: она знает нескольких офицеров союзных разведок в Германии — среди них есть и американцы — которые работают на Советский Союз. Наше расследование дало в конце концов следующие результаты: девушка появилась в Германии как беженка и сообщила некоторые сведения о русских и поляках, у которых работала секретаршей. В процессе выяснения ее личности и проверки сообщенных ею данных она

опрашивалась несколькими офицерами союзнических разведслужб, в результате чего фамилии их стали ей известны. Видимо, девушка надеялась устроиться к ним на работу, но этот вопрос отпал, как только стало ясно, что у нее, как говорится, не все дома. Поэтому она выехала в Швейцарию, привлекла к себе наше внимание. Ее история, которую она всем рассказывала, к этому времени стала еще длиннее, поскольку она включила туда персонажи, с которыми познакомилась в Германии. Их она уже преподносila как шпионов — простых и двойных — выдуманных ею разведслужб. После того как мы расстались с нею, молодая искательница приключений отправилась в следующую страну. Очевидно, что ее история обогатится новыми героями: все, кто с нею познакомились и разговаривали, наверняка будут зачислены в советские агенты.

Один из наших сотрудников выдвинул версию, что русские специально послали ее на Запад без всякой подготовки, такой, как она есть. Ведь девушку можно рассматривать как своего рода эффективное диверсионное средство: она своей пустой болтовней введет в заблуждение любую разведслужбу в Западной Европе и помешает ей выполнять более серьезные задачи.

Глава 15

РАЗВЕДКА В «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»

Незадолго до большевистской революции в ноябре 1917 года состоялись всероссийские выборы делегатов в Учредительное собрание, которое должно было выдвинуть лидеров новой России.

Это были последние и, по-видимому, единствен-ные свободные выборы, которые когда-либо проводились в стране, даже в условиях хаоса, царившего поздней осенью 1917 года в разоренной войной стра-не, проголосовало около тридцати шести миллионов избирателей, решивших судьбу 707 мест в собрании. В результате большевики поручили всего около одной четверти голосов, которые обеспечили им 175 мест. Будучи не в состоянии ни контролировать, ни запугать собрание, Ленин поступил очень просто: он разогнал его, применив грубую силу¹. В последую-щем он отмечал, что распуск Учредительного собра-ния означает решительный отказ от демократической идеи в пользу диктатуры.

Так и оказалось на деле. По этому образцу свобода была втоптана в грязь и в других государст-вах. Ленин доказал, что меньшинство с помощью оружия может полностью подавить большинст-

¹ Учредительное собрание было распущено декретом ЦИК 7(20) января 1918 г.

во, полагающееся лишь на демократические принципы.

Только через тридцать лет коммунизм почувствовал себя настолько сильным, чтобы воспользоваться этой же тактикой за пределами территории России в границах 1914 года. Когда в 1945 году война подошла к концу, коммунизм двинулся в наступление. Он продвинул свои границы до Эльбы, прямо в Западную Европу, а его оккупационные войска рука об руку с карательным аппаратом установили просоветские режимы в Польше, Венгрии, Румынии и Болгарии. Вскоре это произошло и с Чехословакией. Коммунизм вместе с тем стал продвигаться и к Китайскому морю на Дальнем Востоке.

Одно из главных орудий коммунизма в «холодной войне» — тайное разложение свободных народов. Средства, которые он использует, и страны, которые им избираются, держатся в секрете как можно дольше. При этом учитываются тайные слабости и уязвимые моменты. Основное внимание уделяется скрытому внедрению агентуры в армию и службу безопасности того или иного государства.

Я включаю эту проблему, с которой свободный мир в целом и Соединенные Штаты в частности сталкиваются в настоящее время все чаще, в книгу о разведке, поскольку разведслужбы играют здесь весьма важную роль. Подрывные операции, проводимые коммунистами с использованием секретных технических приемов и тайного аппарата, — вот против чего должны быть направлены усилия нашей контрразведки и разведки. Эта задача входит в число главных целей нашей разведывательной деятельности, о которых я уже писал: сбор секретной информации, контрразведывательные меры, координация разведывательных действий и подготовка разведывательных оценок.

Конечно, весь арсенал тактических приемов и средств, используемых коммунистами в «холодной войне», значительно шире, чем тайные акции и подрывные политические операции, с которыми мы сталкивались в Чехословакии и на Кубе. В него входят также: ограниченные войны (в Корее и Северном Вьетнаме), партизанские (в Южном Вьетнаме), гражданские (в Китае); использование собственных войск в зонах «временной» оккупации (в странах Восточной Европы и Северной Корее).

Неудачи, которые потерпели коммунисты, произошли не в последнюю очередь в результате применения специальных средств разведки, и не только нашей, но и наших друзей и союзников. Не нужно забывать и о секретных службах дружественных нам правительств, подвергшихся агрессии коммунистов. Подручные Советов захватили власть в Иране в 1953 году и Гватемале в 1954-м, но были оттуда изгнаны. Они пытались расколоть Филиппины и Малайзию, развязав там партизанскую войну, но потерпели поражение. Они щедро поставляли оружие в Египет, Сирию, Ирак и Индонезию, рассчитывая вовлечь эти страны в коммунистический блок, но пока получили весьма скромные проценты с вложенного капитала.

В целом тем не менее Советы могут с удовлетворением взирать на результаты своей подрывной деятельности, которую они вели два десятка лет с того момента, когда в 1944 году стало ясно, что союзники одержат победу над Гитлером и японскими милитаристами. Здесь уместно напомнить, что уже во время переговоров в Ялте и Потсдаме о послевоенном устройстве мира коммунисты ввели в действие свою глобальную подрывную программу. Следовательно, они думали не о всеобщем мире и справедливости, а о том, каким образом лучше ис-

пользовать общую победу и свои зоны оккупации для дальнейших завоеваний.

В последние пятнадцать лет наступление Советов значительно замедлилось, но отнюдь не остановилось. Но начиная с 1947 года они постоянно сталкиваются с решительным сопротивлением Соединенных Штатов в Греции, Берлине и Корее, а затем в районе китайских островов¹ и во Вьетнаме.

Благодаря плану Маршалла и другим видам помощи, Европа и Япония начали эффективное возрождение экономики. Хрущев же и Мао Цзэдун все более расходились во мнении, какую тактику целесообразнее всего использовать в борьбе со свободным миром, хотя оба были едины в конечной цели: этот мир они должны похоронить.

В 1961 году советская политика скрытой агрессии, которую Москва предпочитала «горячей» ракетно-ядерной войне и в которой произошли значительные изменения, особенно после смерти Сталина и революции в Венгрии, была вновь провозглашена Хрущевым. В речи, посвященной «освободительным войнам»², советский лидер угрожал коммунистической мощью и расхваливал тактику СССР. Он подчеркнул: социализм сегодня идет рука об руку с историей, поскольку основное содержание современного исторического процесса — образование и консолидация социализма в международном масштабе. Недалеко

¹ Имеется в виду помощь США, оказанная руководителю гоминьдановской группировки Чан Кайши, чтобы удержать за ним остров Тайвань. Сюда были эвакуированы остатки чанкайшистских войск после образования в октябре 1943 г. КНР. В декабре 1954 г. правительство США заключило с гоминьдановским режимом договор о взаимной безопасности, по которому взяло на себя обязательство защищать Тайвань и острова Пэнху. До октября 1971 г. Тайвань при поддержке Вашингтона незаконно занимал в ООН место КНР.

² В действительности это был доклад 6 января 1961 г. на общем собрании парторганизаций ВПШ, АОН и ИМЛ при ЦК КПСС «Завоеванные победы мирового коммунистического движения (К итогам совещания представителей коммунистических и рабочих партий)».

время, когда марксизм-ленинизм овладеет умами большинства населения нашей планеты. Развитие событий за 43 года после славной Октябрьской революции полностью подтверждает научную точность и жизненность ленинской теории о мировой социалистической революции... Колониальная система империализма приближается к полному распаду, а сам империализм находится в состоянии упадка и кризиса.

Далее Хрущев привел события на Кубе как типичный пример восстания против империализма Соединенных Штатов. И добавил: могут ли быть в будущем такие войны? Могут. Могут ли быть такие восстания? Могут. Но именно такие войны и есть народные восстания. Могут ли в других странах создаться условия, когда у народа переполнится чаша терпения и он восстанет с оружием в руках? Могут. Каково отношение марксистов к таким восстаниям? Самое положительное. Народные восстания нельзя отождествлять с войнами между государствами и с локальными конфликтами, потому что, восстав, народ борется за осуществление своего права на самоопределение, за свое социальное и независимое национальное развитие. Эти восстания направлены против прогнивших реакционных режимов, против колонизаторов. Коммунисты целиком и полностью поддерживают подобные справедливые войны и идут в первых рядах народов, поднявшихся на освободительную борьбу...

Затем советский лидер отметил: коммунистические партии функционируют в почти 50 странах Азии, Африки и Латинской Америки. Сфера влияния коммунистического движения расширилась, оно, это движение, приняло поистине всемирный характер¹.

¹ В докладе от 6.01.1961 г. сказано: «Сейчас коммунистические и рабочие партии имеются в 87 странах. Они объединяют более 86 миллионов человек. Идеи коммунизма овладели умами миллионов людей во всех уголках земного шара...»

В заключение Хрущев подчеркнул: «Товарищи! В прекрасное время мы живем. Коммунизм стал непобедимой силой нашего века...»

Таково кредо коммунистов, таков их план установления господства во всем мире, в основе которого травля и подрыв свободного сообщества. Наша страна постепенно пришла к пониманию опасности коммунистической тактики, которую в 1961 году четко изложил Хрущев. Начиная с ленинских времен, она, эта тактика, — составная часть программы Компартии. А при Хрущеве она превратилась в основное оружие, которым он пользуется, проводя свою агрессивную внешнюю политику.

В 1947 году президент Трумэн провозгласил доктрину, которая стала носить его имя, в которой он обратил внимание, в частности, на опасность свержения коммунистами правительств в Греции и Турции. Доктрина дала возможность руководителям этих стран почувствовать, что если их свободным институтам и национальному суверенитету угрожает гибель в результате действий коммунистов, то греческие и турецкие лидеры могут обратиться к Америке за помощью и мы выполним их просьбу. Через десять лет те же принципы вновь были подтверждены в доктрине Эйзенхауэра для стран Ближнего и Среднего Востока.

Следует подчеркнуть: обе доктрины вступали в действие лишь в том случае, если соответствующее государство само обратится к нам за помощью. Так было с Грецией в 1947 году, а спустя десятилетие — с Ливаном. В обоих случаях мы оказали поддержку по просьбам дружественных нам правительств. Однако в исключительно сложных и деликатных случаях, когда, например, в каком-либо государстве коммунисты готовы захватить власть, а правительство не вызывает о помощи, ни доктрина Трумэна, ни доктрина Эйзенхауэра не применяются.

рина Эйзенхауэра не дают нам права на вмешательство.

Бывают и такие случаи, когда удар наносится неожиданно, как это было в Чехословакии¹. Руководители чехословацкой демократии не успели официально попросить нас оказать им помощь. Мы в общем-то знали о существовании такой опасности: более трети чешского парламента и несколько членов кабинета министров придерживались коммунистической ориентации, а во многие местные органы внедрилось много просоветских элементов.

Но федеральное правительство в Праге твердо верило в свою способность выстоять перед надвигающейся угрозой. И ошиблось. Коммунисты в течение буквально нескольких часов захватили власть, не сделав ни одного выстрела.

Мосаддык² в Иране и Арбенс в Гватемале пришли к власти нормальным путем, а не в результате государственного переворота, как это случилось в Чехословакии. Поначалу и тот и другой скрывали намерение открыть доступ коммунистам в свои страны. Когда же такие цели стали очевидными, мы оказали поддержку антикоммунистическим элементам в обеих странах. В первом случае — лицам, поддерживавшим шаха, в другом — группе гватемальских патриотов. Все сошло удачно, и коммунистическая опас-

¹ Имеются в виду февральские события 1948 г. 25 февраля президент Э. Бенеш был вынужден принять отставку ряда буржуазных министров и пополнил состав правительства новыми членами, предложенными лидером КПЧ К. Готвальдом. Полнота власти фактически сосредоточилась после этого в руках коммунистов.

² М осаддык Мохаммед (1881—1967) — политический и государственный деятель Ирана. Один из основателей буржуазно-националистической организации Национальный фронт. Премьер-министр в 1951—1953 гг. Активно выступал за национализацию нефтяной промышленности Ирана и независимую внешнюю политику. Во время государственного переворота 19 августа 1953 г., совершенного реакционными элементами при поддержке ЦРУ, был арестован и осужден на 3 года. Затем выслан в свое имение под Тегераном, где находился под надзором властей до своей смерти.

ность была устранена. Правда, правительства, находившиеся у власти в Иране и Гватемале, формально не просили нас о помощи.

Кастро, когда захватил власть на Кубе, не обращался к нам за помощью, чтобы не допустить на остров коммунистов: он сам привел их туда. Подобные кризисы доказывают опасность медленной инфильтрации коммунистов и их сторонников в правительство какой-либо страны, поскольку такой инфицированный кабинет министров конечно же сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать внешним силам вмешаться во внутренние дела государства с целью устраниć влияние коммунистов.

Что нам нужно было предпринять против тайной, подпольной, крадущейся тактики, что была использована в 1948 году в Чехословакии, а в последние годы — на Кубе? Ведь Кастро в своих пространных, бессвязных и сумбурных выступлениях не раз хвастал о том, что на заре туманной юности увлекся марксистским учением. И наши специалисты, сильные задним умом, стали утверждать, что нам следовало бы уже давно предпринять надлежащие меры. Какие именно, они благоразумно не уточняли, за исключением сторонников открытой военной интервенции. Дело в том, что тысячи талантливых кубинцев — среди них политические лидеры, бизнесмены и военные, — оказывавшие Кастро всестороннюю поддержку, рисковавшие своим будущим и даже жизнью, в то время не подозревали, что способствовали установлению в стране коммунистического режима. Ныне многие из них — в эмиграции или за решеткой каскадовских темниц.

Прежде чем я перейду к детальному разбору этих вопросов, хотелось бы сказать несколько слов о фактах, которые способствуют подрывной деятельности Кремля. И чтобы привести эту сложную и мно-

гостороннюю тему к максимально простому общему знаменателю, ограничусь лишь примерами из практики советской администрации. Конечно, красный Китай тоже преследует агрессивные цели, но за десять лет с тех пор, как ему удалось укрепить свои позиции на континентальной части страны, у него не было ни времени, ни средств для разработки технических приемов подрывных действий, которые можно было бы сравнить с теми средствами, какими ныне располагает Советский Союз. В этом — одна из причин, почему китайцы придают особое значение не-прикрытым военным акциям — вроде тех, к которым они прибегли в Корее, Индии, Тибете и на Тайване. И именно это, возможно, способствовало возникновению политической трещины между Пекином и Москвой. Китайские коммунисты считают, что пока утонченные методы Советов не принесут им пользы, и поэтому стараются побудить русских поддерживать их прямые военные акции. Хрущев полагал политику Пекина опасной, хотя и не был против использования «ядерного шантажа» в качестве угрозы для запугивания других стран. Таким образом советская военная мощь оказывает психологическое давление на страны, расположенные в пределах дальности советских ракет и действия военно-воздушных сил.

К подрывному оружию Кремля невоенного характера относятся в первую очередь множество коммунистических партий, возникших в почти ста государствах. Как заявил в 1963 году сам Хрущев: «Международное коммунистическое движение стало самой влиятельной политической силой нашей эпохи. Если перед Второй мировой войной коммунистические партии имелись в сорока трех странах и насчитывали в своих рядах четыре миллиона двести тысяч членов, то ныне действуют уже девяно-

сто компартий с общим числом членов 42 миллиона»¹.

Большая часть компартий в государствах, не входящих в коммунистический блок, подчиняется главной партии в Москве; меньшая, но к ней добавляются все новые, ориентируется на коммунистическую партию Китая. Следует иметь в виду, что приведенные Хрущевым цифры включают лишь активных членов партии. На выборах за коммунистов голосует гораздо большее число людей, разделяющих коммунистические идеи, но не оформивших свое членство. Наиболее многочисленные компартии за пределами коммунистического блока находятся во Франции, Италии, Индии и Индонезии, однако цифры в данном случае вовсе не отражают истинное положение дел.

Для проведения подрывной деятельности более важным фактором может оказаться наличие прочного ядра преданных делу и дисциплинированных активистов, чем высокая численность партии. Где бы ни имелись организационно оформленные коммунистические партии — а они есть почти во всех важнейших государствах и в большинстве менее важных, — в них, как правило, существуют такие подразделения, которые могут выполнить роль ударных группировок при проведении подрывных акций.

К несчастью, коммунистические партии во многих странах превратились в крупнейшие политические организации, находящиеся в оппозиции к правящим режимам. Поэтому они привлекают к себе — не обязательно в качестве членов, но сочувствующих — массы избирателей, используя как националистические лозунги, так и лозунги движений за трезвость, реформы или же против атомного оружия.

¹ Нью-Йорк таймс, 1963, 22 апр. (Примеч. автора.)

Эти люди вовсе не являются коммунистами, ничего не понимают в марксизме и во всех его теориях и даже не проявляют к ним никакого интереса. Когда начинается предвыборная кампания, аппаратчики компартии собирают под свои знамена всех этих людей и многих других, ожидающих перемен и наивно полагающих, что эти перемены могут быть достигнуты только с помощью коммунистов.

Представители коммунистических партий свободного мира регулярно участвуют в работе партийных съездов в Москве (двадцать второй, например, проведен в 1961 году). Их принимают как почетных гостей и часто проводят специальные инструктажи. На XXI съезде в 1959 году гостям из стран латинской Америки уделили особое внимание. Их собрали вместе и ознакомили с основами и методами подрывных операций. Одновременно, чтобы сбить с толку международную общественность и прежде всего людей в Соединенных Штатах, им было предложено разыграть отказ от марксизма и коммунизма и создать собственные организации, используя националистические лозунги и неприязненное отношение части населения Латинской Америки к США. Все это Кастро намотал себе на ус.

Кремль всегда был готов разрешить местным компартиям проводить отличающуюся от официальной московской линии политику, правда, в определенных рамках. Иногда это делалось по предварительной договоренности с Москвой. С другой стороны, Кремлю надо было считаться с тенденциями к автономии в других компартиях. В последние годы, когда раскол между Китаем и Советами стал увеличиваться, Москве стало труднее контролировать позиции других партий, которые когда-то были ей беспрекословно послушными.

Задачи, поставленные Москвой перед компартиями стран свободного мира, соответствуют возможностям отдельных партий или «фронтов» с учетом местных особенностей и генеральной программы Кремля, где расписана очередность прихода к власти коммунистов. Например, для компартии США, у которой очень мало шансов на приобщение страны к коммунизму в обозримом будущем, определены относительно скромные задачи: вести пропаганду против гонки вооружений и ядерных испытаний, против американской политики в Латинской Америке, против НАТО и других наших союзников и наших заморских военных баз. В Англии примерно то же самое: главный призыв к массам — «Прочь атомную бомбу». Эти пацифистские лозунги используются для маскировки реальных советских намерений и ослабления обороноспособности западного мира. Весной 1963 года движение «Запретить атомную бомбу» достигло пика своей подрывной деятельности: оно спровоцировало сильное возмущение общественности, опубликовав секретные данные о месторасположении убежищ для правительственные ведомств с центрами управления на случай ядерного нападения.

В странах, где коммунизм укоренился сильнее и имеет лучшие перспективы, вместе с претензиями компартий на власть растут и поставленные перед ними цели. Во Франции и Италии коммунисты и их союзники собирают от 20 до 30 процентов голосов избирателей. К великому разочарованию тех, кто рассчитывал, что экономическое оздоровление, скажем, Италии способно ликвидировать или по крайней мере существенно ослабить позиции коммунизма в стране, коммунисты на всеобщих выборах в 1963 году получили более миллиона голосов. Здесь и в некоторых других странах западного по-

лушария, а также в Индонезии и Японии, компартии перешли в наступление. Что же касается Африки, как к северу, так и югу от Сахары, коммунистические операции в основном не достигли своих целей.

Ряд замаскированных коммунистических организаций дополняет деятельность местных партий. Они, эти организации, используются для выполнения особых заданий. Так, коммунисты, захватив Всемирную федерацию профсоюзов и ее филиалы, контролируют крупные профсоюзные организации во многих странах мира — во Франции, Италии и в особенности в Индонезии — и манипулируют профсоюзами в Японии и многих странах западного полушария, а также в некоторых странах Африки и Юго-Восточной Азии, где они находятся в стадии становления. В области трудовых отношений компартии искусно обостряют наболевшие проблемы, извлекая из этого немалую пользу. Иногда им даже не требуется завоевывать большинство в руководстве профорганизаций. Хорошо организованное и активное коммунистическое меньшинство, действуя напористо, может повести за собой массу членов профсоюзов и принудить нерешительное большинство к участию в забастовках и других акциях, что парализует экономику всей страны.

Всемирный конгресс мира, различные молодежные и женские организации и творческие союзы также входят в число замаскированных коммунистических структур. Они пытаются завлечь в свои ряды доверчивых и легковерных, выступая с позиций солидарности и порядочности и используя лозунги «защиты мира» и «запрета на атомную бомбу».

Время от времени Советы, не скучаясь на огромные расходы, устраивают «всемирные фестивали мо-

лодежи и студентов», на которые приглашают представителей юного поколения со всего мира. Вначале эти встречи проводились за «железным занавесом» — в Москве, Восточном Берлине и Праге, но в последние годы их устроители осмелились. Последние два фестиваля провели за пределами советского блока — в Вене и Хельсинки. Отношение к ним в этих столицах было столь неблагожелательно, что режиссеры в Москве сейчас раздумывают: стоит им повторять эксперимент?

Всеми этими акциями руководит рука Москвы через сотрудников службы государственной безопасности — КГБ, которые действуют под прикрытием советских посольств и торговых представительств. КГБ в дополнение к своей основной разведывательной функции направляет местный «аппарат», созданный в той или иной стране для проведения подрывной деятельности. Его сотрудники выступают в качестве казначеев, через которых финансируются местные компартии и замаскированные коммунистические организации. Кроме того, они держат Москву в курсе всех важных дел.

Валериан Зорин¹ мастерски руководил из советского посольства государственным переворотом, который коммунисты совершили в 1948 году в Чехословакии. Позднее он был назначен постоянным представителем СССР при ООН.

Посольство Советов в Гаване фактически было также центром, откуда осуществлялось руководство возглавляемым Кастро движением, особенно в его начальной стадии, когда шло проникновение коммунистических элементов во властные кубинские структуры.

¹ Зорин Валерян Александрович — в 1945—1947 гг. посол СССР в Чехословакии. Был заместителем министра иностранных дел СССР (1947—1955 и 1956—1965) и постоянным представителем СССР при ООН (1952—1953 и 1960—1962).

В тех случаях, если это представляется возможным, Советы продвигают коммунистов и лиц, им симпатизирующих, на важные должности в правительстве, а затем через них предпринимают попытки внедрить свою агентуру на военные объекты страны и в структуры национальной безопасности, чтобы в конечном итоге взять их под свой контроль.

В союзнических контрольных комиссиях, созданных в восточно-европейских странах, воевавших на стороне нацистской Германии, большая часть советского персонала состояла из сотрудников разведслужб. В то время, когда английские и американские представители — специалисты по военным и гражданским проблемам — пытались установить минимальный порядок и элементарные свободы, возобновить работу учреждений и предприятий, поднять уровень экономики в таких странах, как Румыния и Венгрия, советские «коллеги» по контрольным комиссиям спешили установить контакты с местными коммунистами и организовать заговоры, чтобы привести к власти всевозможные «национальные фронты», в которых доминировали просоветские элементы, и создать структуры политической полиции под эгидой КГБ¹.

В общем, действует правило: эффективность подобной тактики зависит от обстановки в той или иной стране, в частности, от размаха народных волнений и степени недовольства правящим режимом. Кроме того, существенную роль играют возможности Советского Союза и красного Китая использо-

¹ После войны КГБ у нас не было. Он был создан указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. В те времена, о которых пишет А. Даллес, существовал Народный комиссариат государственной безопасности СССР (образован 14 апреля 1943 г.), который 15 марта 1946 г. сменило Министерство государственной безопасности СССР.

вать временные слабости правительства и склонить на свою сторону местных политических лидеров. И наконец, нужно учитывать и такой фактор, как влияние и мощь аппарата компартии в данной стране.

В государствах, которые недавно обрели самостоятельность, коммунистические движения стремятся выдать себя за защитников получивших свободу народов от их бывших колониальных владельцев. Чтобы подготовить соответствующие кадры для успешного проведения такой линии в будущем, в Москву приглашаются молодые люди — мужчины и женщины — для получения образования и воспитания их в марксистском духе. Из их числа подбирают также подходящие кандидатуры для замещения руководящих лиц коммунистических организаций соответствующих государств. В СССР и страны советского блока командируют способную молодежь и для других целей: обучения разведывательному ремеслу и подрывной деятельности. По окончании учебы такие специалисты зачисляются в аппарат местных компартий.

В рамках этого аппарата Москва активно использует все средства своей пропагандистской машины. По статистике советского Министерства культуры, в СССР только за один год издается около тридцати миллионов экземпляров книг на различных иностранных языках. Эта литература распространяется через книготорговую сеть во многих странах по дешевой цене, ее можно встретить в публичных библиотеках и конечно же в советских информационных и культурных центрах. Во многих странах Советы контролируют газеты, субсидируют большое число «независимых» издательств и имеют широкий доступ на книжный рынок.

Располагая рядом мощных радиостанций, советское пропагандистское ведомство вещает буквально

на весь мир, учитывая особенности различных государств и районов мира.

Советская организация, известная как всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами и выступающая в качестве независимого учреждения, в действительности строго контролируется коммунистической партией. Это общество занимается установлением культурных связей с различными странами, снабжает их советскими кинофильмами и заключает договоры на выступления там советских артистов.

Кроме того, в Советском Союзе есть широко известное агентство по распространению новостей — ТАСС. Оно также контролируется государством и имеет свои корреспондентские пункты в более чем тридцати крупных городах свободного мира. Оно соотносит свои «новости» с теми задачами, которые преследуются Советами в каждой конкретной стране. Все эти пропагандистские органы полностью подчиняются «агитпропу» — отделу агитации и пропаганды Коммунистической партии Советского Союза.

Собранные воедино, эти организации могут составить, так сказать, московский «оркестр ниспровержения» существующего в данном государстве строя. Многие его инструменты в отдельности, а иногда и сразу весь оркестр начинают действовать по взмаху дирижерской палочки Москвы, чтобы оказать давление на страну, которая избрана в качестве объекта подрывной деятельности. Такой «оркестр» играет даже в тех государствах, где процесс «захоронения капитализма» предвидится, даже по оценке Кремля, в весьма далеком будущем (например, в Соединенных Штатах).

Так выглядит аппарат подрывных действий, которому мы противостоим ныне в «холодной войне»,

навязанной нам коммунистами. Я сделал лишь краткий экскурс в недавнее прошлое. Чтобы достойно встретить угрожающую нам опасность, нужно мобилизовать все наши силы и средства и энергично действовать их на главных направлениях, в наиболее важных пунктах. И сделать это необходимо во время — еще до того, как там дело дойдет до государственного переворота, в результате которого будет установлен коммунистический режим. Опыт наставляет: там, где коммунистические службы безопасности и другие исполнительные органы просоветского «аппарата» захватывают власть в свои руки, не будет ни свободных выборов, ни права на протест.

К активным средствам против этой угрозы относятся, во-первых, провозглашенная нами внешняя политика, полную ответственность за которую несут государственный департамент и президент. Во-вторых, занимая оборонительную позицию, можно убедить свободный мир, что мы и наши союзники достаточно сильны и готовы решительно ответить на советскую военную угрозу; что мы в состоянии защитить все страны свободного мира и готовы применить силу, если в этом будет необходимость. И в то же время мы окажем им помощь в создании собственных структур безопасности, способных пресечь любые подрывные действия. Если у государств свободного мира возникнет ощущение, что мы слабы в военном отношении и не готовы к решительным действиям, вряд ли они будут стойко обороняться против коммунизма.

Третьим позитивным фактором является вклад, который вносит разведывательная служба. Она должна: 1) своевременно представлять правительству информацию о том, в каких странах коммунисты наметили начать подрывные действия; 2) внедрять агентуру в важнейшие структуры их подрывного аппарата.

парата, как только тот приступит к таким действиям, и представлять правительству анализ используемых средств, а также данные о доверенных лицах противника, проникших в соответствующие правительства; 3) помогать странам свободного мира, насколько это возможно, в создании собственных оборонных структур против инфильтрации коммунистов и заблаговременно предупреждать правительства этих стран о характере и размерах угрозы, а также оказывать поддержку их службам безопасности.

Многие из подвергающихся самой серьезной угрозе стран не располагают эффективными полицейскими органами или службой безопасности и поэтому не в состоянии своевременно распознать признаки надвигающегося коммунистического переворота. Они нуждаются в помощи, но получить ее могут лишь от такого государства, как Соединенные Штаты, располагающего необходимыми финансово-выми и техническими средствами. Многие правительства в странах, безопасность которых находится под угрозой, приветствуют такую помощь и чувствуют себя уже длительное время уверенно. Однако есть и такие государства, особенно в Южной Америке, где диктатор всецело подчиняет себе службу безопасности, которая изначально была создана для борьбы с коммунистами, и превращает ее в своего рода гестапо — политическую полицию, занимающуюся подавлением его политических противников. Так произошло, например, на Кубе при Батисте¹.

Слишком часто страны, над которыми нависла коммунистическая угроза, считают, что им не потребуется помощь. Опасность они распознают слишком

¹ Б а т и с т а - Сальдивар Рубен Фульхенсио (1901—1973) — диктатор Кубы в 1934—1944 и 1952—1958 гг. В 1940—1944 и 1954—1958 гг. официально занимал пост президента. Свергнут в ходе Кубинской революции.

поздно и быстро попадают под господство тех, кто подготовил захват власти коммунистами. В условиях, когда отсутствует сопротивление и никто не обращается к нам за помощью, трудно что-либо предпринять. Вместе с тем в ряде случаев коммунисты умело и ловко используют демократические процессы, фальсифицируют выборы, организуют прокоммунистические «народные фронты», которые приходят к власти. Затем маскировка отбрасывается, участники коалиции — некоммунисты устраняются, и в стране устанавливается коммунистическая диктатура и режим тотальной слежки тайной полиции. Тогда, конечно, уже поздно принимать какие-либо меры по спасению свободы и демократии. Убедительный пример — Чехословакия, где произошли такие события.

В тех случаях, когда это возможно, мы должны помогать правительствам, попадающим в подобного рода ситуации, и поддерживать их стремление к сопротивлению и уверенность в том, что они смогут выстоять против тоталитаризма. В настоящее время мы уже накопили многолетний опыт борьбы с коммунизмом. Нам известны его методы и приемы, мы знаем по фамилиям немало закулисных руководителей переворотов. Как только нам предоставляется возможность оказать помощь, мы оказываем ее и поддерживаем стремление свободных стран к сопротивлению. И делаем это задолго до того, как коммунисты сумеют проникнуть в правительственные круги и процесс демонтажа демократического строя станет необратимым.

К счастью для свободного мира, вследствие самого характера подрывных действий, в которые вовлечено множество людей, коммунистам трудно обеспечивать секретность операции, соблюдать строгую конспирацию. Я не открою тайны, если скажу: подрывную деятельность ведут множество компартий и

замаскированных коммунистических организаций. Нам известны их планы и тайные агенты. Недавно были опубликованы сведения об эффективной операции ФБР по проникновению в компартию Соединенных Штатов и подчиненные ей организации.

Совершенно очевидно, что получать данные о коммунистической деятельности в других районах свободного мира нам значительно труднее. Тем не менее мы нередко добивались неплохих результатов, что помешало коммунистам достичь своей цели. Многие коммунистические заговоры, составленные для свержения дружественных нам правительств, были раскрыты своевременно. Публикации в местной печати на ранней стадии запланированных «путчей» с указанием фамилий заговорщиков и их связей с Москвой или Пекином оказались весьма эффективными. Этот прием был, в частности, успешно использован против мнимых «национальных фронтов», «молодежных» и «мирных» организаций, а также широко рекламируемых съездов и конференций. Свободная печать оказала нам большую помощь в борьбе против подрывных акций коммунистов.

Мощный коммунистический подрывной аппарат не застрахован от разоблачений и не может устоять против энергичных контратак с нашей стороны. Кроме того, коммунисты не в состоянии реализовать свои планы захвата власти одновременно во всех районах земного шара. Поэтому они вынуждены выбирать районы, где, по их мнению, можно наверняка добиться успеха. Но и мы не теряем зря времени и стараемся сделать как можно больше для поддержки слабых стран свободного мира, чтобы они не попали под господство коммунистов. Был случай, когда мы брали инициативу в свои руки и заставляли коммунистов отступить. Конечно же мы не ограничивались лишь удержанием оборонитель-

ных позиций и контратаками на коммунистических агрессоров. Следует иметь в виду, что некоторые планы коммунистов не удались в результате внутренних противоречий внутри советского блока. Но верно и то, что многие тщательно спланированные подрывные операции против свободных стран потерпели провал из-за нашего противодействия.

После многих неудач в Центральной Африке Советы, по всей видимости, были вынуждены перегруппировать свои силы и пересмотреть планы. Я уже упоминал о том, что их крупные финансовые и материальные расходы на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке не окупились — все закончилось горьким разочарованием. В связи с недостатком опыта у некоторых советских дипломатических представителей и сотрудников и агентов разведки Кремля, а также их неспособностью подрывная деятельность компартий и замаскированных коммунистических организаций во многих случаях провалилась с треском. Например, позорное бегство из Конго¹ в начале шестидесятых годов, которое можно рассматривать, как одну из самых неприятных страниц новейшей истории Советского Союза. Его можно сравнить лишь с бесславным отступлением Советов из Албании².

Коммунистические партии часто буквально разрываются между собственными национальными про-

¹ Так автор интерпретирует события в Республике Конго (ныне Республика Заир), произошедшие в конце 1960-го — начале 1961 г., связанные с отстранением от власти национального правительства Патриса Лумумбы, а затем арестом и злодейским убийством прогрессивного конголезского лидера.

² После 1960 г. руководители Албании прервали сотрудничество с Советским Союзом и странами СЭВ. В декабре 1961 г. были отозваны персонал советского посольства и торгпредства из Албании и персонал посольства и торгпредства Албании из СССР. Начался процесс сближения Албании с КНР: Пекин регулярно предоставлял Тиране разнообразную помощь.

блемами и глобальной политической линией коммунизма. Им трудно перестраиваться столь быстро, как это делает Москва. Какое-то время они должны были поклоняться Сталину; потом в один прекрасный день Хрущев заявил: Сталин — кровавый тиран, предавший «идеалы» коммунистической революции. Они проповедуют московские мирные намерения, как вдруг им приходится объяснять причины жестокого подавления венгерских патриотов. Подобные вещи происходили и в прошлом. Авторитет Советов, как крупной антинацистской державы, был внезапно подорван, когда Сталин заключил союз с Гитлером в целях ликвидации Польши, которую Молотов назвал «гадким утенком» Версальского договора¹.

Пока Хрущев и его последователи продолжают подрывные действия, выдавая их за «освободительные войны», — этим термином они маскируют все открытые или скрытые операции, направленные на свержение некоммунистических режимов. Запад должен быть готов к отражению этой угрозы. Поскольку тактика Советов предусматривает партизанскую войну с использованием банд или регулярных войск (как в Корее, Вьетнаме или Малайе), Запад, со своей стороны, может оказывать соответствующим странам открытую поддержку. Однако западные разведчики должны приступить к выполнению своих задач значительно раньше, чем этим займутся военные структуры, то есть когда подрывные акции Советов еще только готовятся, являясь, с юридической точки зрения, заговором. Для того чтобы мы приступили к активным военным действиям, нам необходимо располагать надежными разведывательными данными о заговоре и заговорщиках и иметь под

¹ На самом же деле В. М. Молотов отзывался о Польше как об уродливом порождении Версальской системы.

рукой требуемые средства для открытых или скрытых контрмер.

Конечно, все, что предпринимает в этом направлении наша разведка, должно быть санкционировано на высшем политическом уровне, а разведывательные операции следует проводить таким образом, чтобы они не выходили за рамки наших национальных задач.

Наши союзники и мы вместе с ними стоим перед выбором. Либо мы сможем оказать энергичное противодействие коммунистическому плану подрывных действий, предусматривающее проникновение коммунистов в правительство и важные ведомства страны, которая не в состоянии отразить угрозу самостоятельно, либо же будем стоять в стороне и наблюдать, как эта страна пытается сама освободиться от пут агрессора. Гарантировать успех во всех случаях нам, конечно, затруднительно. На Кубе, в Северном Вьетнаме и других местах мы терпели неудачи, но во многих случаях, в гораздо больших, чем об этом публиковалось, фортуна была на нашей стороне. Впрочем, воздержусь от большой рекламы, как и от перечисления тех ресурсов, которые были при этом использованы.

Если коммунизму удалось, пусть на короткий срок, установить контроль над правительственным аппаратом таких стран, как Иран и Гватемала, и удерживать его до сих пор на Кубе и в Чехословакии, в Восточной Германии, Польше и других восточно-европейских сателлитах, а также в Северном Вьетнаме и Северной Корее, должны ли мы, как великая держава, стыдливо уклоняться от ответственности за восстановление свободы и демократии в тех государствах, где этого хотят сами народы? Неужели мы опасаемся, как бы нас не обвинили в том, что мы, вроде Хрущева, проводим собственную политику «освободительных войн»?

Отвечая на эти два вопроса, хотел бы подчеркнуть, что обсуждаемая проблема, очень важная для нашего выживания, навязана нам Советами, их конкретными действиями. Ставя в международных отношениях силу выше права, коммунисты вынуждают нас принимать меры к отражению их агрессивных акций, где затрагиваются наши жизненные интересы. Обращения к их разуму и заклинания соблюдать принципы международного права на коммунистов не действуют. А мы не можем чувствовать себя в безопасности, если позволим Советам и их сателлитам использовать тактику «салами», широко разрекламированную Ракоши¹ в Венгрии, когда у свободного мира отбирают одну небольшую часть территории за другой, словно аккуратно нарезая колбасу на тонкие кусочки. Более того, мы не можем согласиться с мыслью о том, что в случае «освобождения» коммунистами по советскому рецепту какой-либо территории она навечно останется за пределами свободного мира и потеряет возможность когда-нибудь вырваться из коммунистической империи.

Если же народ какой-то страны по своей доброй воле, путем общенародного голосования или референдума, примет коммунистическую форму правления, то ситуация будет совершенно иной. Но такое в истории пока не случалось. Ни сама Россия, ни континентальный Китай не стали добровольно на коммунистический путь. То же самое можно сказать и в отношении всего советского блока.

Конечно, во внешней политике даже самая мощная держава вынуждена придерживаться определен-

¹ Ракоши Матьяш (1892—1971) — в 1945—1948 гг. секретарь ЦК компартии Венгрии, в 1948—1952 гг. возглавлял ЦК Венгерской партии трудящихся. За допущенные ошибки решением ЦК ВПТ в июле 1956 г. освобожден от партийных должностей, в августе 1962 г. исключен из партии.

ных рамок. Стратегия и тактика государства на международной арене должны определяться дальновидной политикой, учитывающей в первую очередь коренные национальные интересы, а не абстрактные принципы, какие высокие цели они бы ни преследовали. Ни одна страна не может провозгласить главной целью своей политики гарантию свободы всем народам, проживающим ныне в условиях коммунистической либо какой-нибудь иной диктатуры. И мы не можем, подобно сэру Галахаду¹, скакавшему повсюду на своем боевом белом коне, избавить весь мир от всех зол.

С другой стороны, нам нельзя ограничивать свои контрмеры против коммунистической стратегии захвата власти лишь теми случаями, когда соответствующие правительства сами обращаются за помощью к Соединенным Штатам, или же мы сами убедимся — это бывает, к сожалению, слишком поздно, — что жертва агрессии полностью исчерпала свои возможности в борьбе с коммунистическими захватчиками.

Мы сами должны определить, когда, где и каким образом нам действовать, по возможности, вместе с другими ведущими государствами свободного мира, готовыми оказать такую поддержку. Вместе с тем мы не должны ни на мгновение упускать из виду вопросы нашей собственной безопасности.

Когда же решение принято и спланированы наши меры по противодействию коварной коммунистической агрессии, в дело вступают наши разведслужбы, которые играют важную, а иногда решающую роль в обеспечении успеха всего предприятия.

¹ Персонаж из средневековой легенды Мэллори о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола».

Глава 16

ДЕМОКРАТИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Любой свободный народ с подозрением относится к 'секретным операциям собственного правительства. В том, что руководители государства окутывают завесой таинственности эту сторону своей деятельности, люди усматривают нечто зловещее и опасное. По их мнению, это может быть одним из первых шагов для установления самодержавной формы правления или же в лучшем случае попыткой скрыть ошибки правящих кругов.

В связи с этим довольно трудно убедить людей в том, что пришло время, когда настоятельно необходимо в интересах национальной безопасности держать в секрете некоторые государственные дела, что их свободе может угрожать излишняя болтливость об оборонных мерах государства или же о деликатных дипломатических переговорах. В конце концов все, что правительство сообщает средствам массовой информации или общественности, неизбежно становится достоянием противника. А любое лицо, разгласившее доверенный ему секрет по злому умыслу или по небрежности, может считать, что сведения наверняка попадут к Советам, как если бы он сам вручил их тайно советскому разведчику из рук в руки. Что толку тратить миллионы на борьбу со шпионажем, если наши секреты уплывают к

противнику по неосмотрительности самих американцев. А во многом, по моему мнению, нарушение секретности происходит по вине наших правительственные учреждений и ведомств.

Отцы-основатели нашего государства включили гарантию свободы прессы в «Билль о правах». Об этом говорится в первой поправке к конституции: «Конгресс не должен принимать закон... ограничивающий свободу слова или печати». В результате этой и других конституционных гарантий было принято положение о том, что хотя у нас и имеются различные законы о шпионаже, мы не можем принять такое федеральное законодательство, которое было бы сравнимо с теми законами, что действуют в другом великом демократическом государстве — Великобритании.

«Британский акт о правительенных секретах» (закон об охране государственных тайн) предусматривает серьезные наказания за разглашение сведений для служебного пользования и секретной информации. При этом английское судопроизводство разрешает выносить приговоры по таким деяниям без публикации в печати информации о составе преступления.

Наш собственный метод рассмотрения в суде случаев нарушения национальной безопасности, полагаю, нуждается в улучшении. Ниже я изложу несколько своих предложений по этому вопросу.

Каждый сотрудник ЦРУ сознает необходимость продуманного и четкого планирования своей деятельности с соблюдением полной секретности. Это — главное условие для достижения позитивных результатов деятельности как отдельного сотрудника, так и всей организации в целом. При ныне действующем законодательстве нельзя ожидать большой помощи со стороны суда, как средства сдер-

живания лиц, которые являются носителями государственных секретов. По собственному опыту планирования разведывательных операций могу сказать, что я всегда исходил из необходимости сохранения их в секрете, во-первых, от противника и, во-вторых, от средств массовой информации. При этом проблемы во втором случае зачастую вызывали у нас большое беспокойство. Это, можно сказать, одно из главных дел, которыми ежедневно занимается офицер разведки.

Возникает вопрос, не нанесут ли меры по улучшению системы безопасности ущерб нашему свободному образу жизни и свободе печати и стоит ли предпринимать попытки установить строгие рамки, ограничивающие распространение доверительной и секретной информации. Я убежден, что стоит.

При этом необходимо иметь в виду следующие важные категории информации: во-первых, «подаяние» — то есть сведения, разрешенные к опубликованию властями; во-вторых, «умышленная утечка» секретных данных, переданных прессе доверительно недовольными правительственными чиновниками, несогласными с некоторыми действиями ведомств, в которых они служат, и считающими, что таким образом они помогут своему руководству стать на правильный, по их мнению, путь; в-третьих, «утечка по небрежности». Наш народ чересчур болтлив. Мы слишком охотно стараемся показать другим, что всегда в курсе любого дела. И это следует обязательно учитывать при решении вопросов о надежности персонала, допущенного к секретному делопроизводству, и контрразведывательного обеспечения секретных объектов.

Недавние разоблачения Павла Моната, польского офицера разведки, обученного советскими спецслужбами, как вести шпионаж в Соединенных Шта-

так, выясвили наши слабости. Полковник Монат был одним из руководителей польской разведки до своего назначения в 1955 году военным атташе в Вашингтоне. Через три года, весной 1958-го, он возвратился в Польшу и продолжил службу в варшавском разведывательном центре. Спустя год, после мучительных раздумий он принял трудное решение — порвал с коммунистической системой и покинул родину. В 1959 году Монат обратился в наше посольство в Вене и попросил убежища в Соединенных Штатах. Приведу отрывок из его книги «Шпион в США», где говорится о его деятельности в Соединенных Штатах:

«Америка — прекрасная страна для ведения там шпионажа. Меры, которые приняты для сохранения секретности, по-детски наивны... Одним из самых слабых звеньев национальной безопасности... является удивительное дружелюбие населения... Они, эти люди, просто жить не могут без широкого общения...

Мне удалось найти нескольких американцев, которые после одной-двух рюмок испытывали неудержимое желание посвятить меня в дела, о которых не рассказывали даже своим женам...»¹

Ценную информацию Монат черпал из различных публикаций в печати США. «Американцы, — пишет он, — не только неосторожны и болтливы в разговорах, они делятся в доступных всем печатных изданиях информацией, которую нельзя предавать огласке». Далее он описывает, какой огромный материал извлекал из статей, печатаемых в авиационном журнале «Эвайшн уикли», а также из «Обзора военно-воздушных сил» объемом в 372 страницы.

¹ Монат П. Шпион в США. Харпер и Роу, 1961. (Примеч. автора.)

«Мы потратили бы, — подчеркивает Монат, — месяцы работы и тысячи долларов на оплату агентов, чтобы собрать все эти факты порознь... Журнал же преподнес их нам собранные вместе одним махом на подносে».

Бывший польский разведчик отдает должное и публикациям другого журнала «Миссайльз энд ракетс», посвященным проблемам ракетного вооружения, а также информационным бюллетеням армии, флота, авиации и морской пехоты, на страницах которых в запале межведомственной конкурентной борьбы выплескивается немало закрытых сведений. В заключение он весьма высоко оценивает — естественно, как источники ценной информации — справочники и наставления, выпускаемые командованием родов войск, а также «Слушания в Конгрессе по военному бюджету».

«Военному руководству США, — пишет далее Монат, — чрезвычайно трудно обеспечить надлежащую оборону страны и защиту свобод американского народа в условиях, когда каждодневно в печати подробно разглашаются оборонительные меры».

Дуглас Кейтер из журнала «Рипортер» часто писал по всему комплексу вопросов, связанных с проблемой секретности и безопасности. Его материалы отличались основательностью и честностью. Рассматривая в своей книге «Четвертая рука государственной власти» крушение планов администраций Трумэна и Эйзенхауэра, Кейтер замечает: «Президент Трумэн однажды заявил, что девяносто пять процентов нашей секретной информации публикуются нашими же газетами и журналами; призвал к тому, чтобы газетчики сами отказывались печатать такие материалы, даже если они поступили к ним официально из правительственные учреждений». (Издательство «Хаутон Миффлин», 1959 г.). Я нахожу, что автор слиш-

ком много требует от журналистов, хотя мне известны случаи, когда сами репортеры и их издатели по собственной инициативе не печатали статьи, которые, как им казалось, могли нанести ущерб национальной безопасности, и консультировались с нами, как им следует поступить с такими материалами.

Кейтер приводит следующее высказывание президента Эйзенхауэра на пресс-конференции в 1955 году: «Вот уже два года и три месяца меня мучит то, что из правительственные кругов происходит совершенно непонятная и необъяснимая утечка закрытой информации». Кейтер ссылается также на заявление министра обороны Чарльза Вильсона о том, что Америка дарит военные секреты Советам, за которые — если бы это были советские тайны — мы уплатили бы, по его оценке, сотни тысяч долларов.

Наше разведывательное сообщество давно отдавало себе отчет в важности этой проблемы. Беделл Смит, бывший в то время директором ЦРУ, озабоченный сложившейся ситуацией, принял решение провести следующий эксперимент. В 1951 году он отобрал группу способных и высококвалифицированных ученых одного из крупнейших университетов для выполнения важной исследовательской работы во время летних каникул. Чтобы сэкономить время, он снабдил их всевозможными публикациями: газетными статьями, отчетами о слушаниях в конгрессе, правительственными заявлениями, монографиями и выступлениями политиков, короче, всем, что им могло потребоваться. Затем он поставил перед ними задачу определить, какого рода оценку военных возможностей США Советы могли бы составить на основе открытой информации. Ученые трудились несколько недель и пришли к выводу: используя эти опубликованные источники, доступные

в США любому американскому гражданину и иностранцу, наши противники могут получить важные сведения по многим вопросам нашей национальной обороны. И действительно, когда доклад университетских аналитиков представили президенту Трумэну и другим высшим руководителям в Вашингтоне, те решили: материал этот содержит столь важные сведения, что его необходимо засекретить, а лишние экземпляры уничтожить.

Имеется ли возможность прекратить утечку информации? Один из важных аспектов этой проблемы — установление действенного контроля со стороны правительства и конгресса, то есть исполнительной и законодательной властей. Именно они должны определять, что можно публиковать, и давать соответствующее разрешение, особенно что касается отчетов о проведенных конгрессом дознаниях и следствиях, а также слушаниях там бюджетных вопросов.

Впрочем, есть признаки того, что влиятельные члены конгресса собираются одобрить решение, ограничивающее передачу для публикации любой информации без разбора. Седьмого марта 1963 года Джордж Мэгон, один из самых авторитетных членов конгресса и председатель подкомиссии по расходам на оборону, в своем выступлении, нашедшем широкий отклик в печати, заявил о необходимости положить конец существующему положению вещей, которое он назвал «неслыханным и нетерпимым». Он потребовал: «Президент, вице-президент и спикер палаты представителей конгресса должны предпринять совместные шаги к прекращению срыва наших усилий в области контрразведки... Руководители в Москве, Пекине и Гаване могут только аплодировать нашим глупостям, в результате которых происходит публикация секретных сведений. За их

получение им пришлось бы уплатить огромные денежные суммы. Нам нужно немедленно воспитать в народе чувство величайшей ответственности за такие дела¹.

Мне абсолютно ясно, что в связи с одобрением законопроектов бюджетных ассигнований на оборону и других вопросов национальной безопасности, комитетам и комиссиям конгресса нужна секретная информация и строго доверительные документы исполнительных органов. Но нельзя ли обойтись без подробной публикации всех этих сведений? В большинстве случаев такие детали представляют исключительный интерес для потенциального противника, но совершенно не нужны нашей общественности. Я очень сомневаюсь в том, что американский народ претендует на право знать все эти детали.

Часто утверждают, что конгресс не в состоянии хранить секреты. Но это мнение опровергается множеством примеров из нашего прошлого. Программа «Манхэттен», в рамках которой была создана атомная бомба, на что израсходованы миллиарды долларов американских налогоплательщиков, надежно сохранялась в секрете. А ведь она, эта программа, являлась одной из самых важных составляющих национальной обороны США.

Некоторые читатели могут возразить: секреты хорошо сохранялись во времена «горячей» войны, а в условиях «холодной» это трудно. Из почти десятилетнего опыта моего сотрудничества с конгрессом я могу сделать вполне определенный вывод: секреты могут быть ограждены от разглашения и в подкомиссиях по вооруженным силам, и в подкомиссиях по бюджетным ассигнованиям как в палате представителей, так и в сенате, и вместе с тем вы-

¹ Конгрессил рекорд, 1963, 7 марта. (Примеч. автора.)

полнены требования о доведении до них секретной информации в необходимом объеме. Я не знаю ни одного случая нарушения секретности при обсуждении, например, на комиссиях и подкомиссиях конгресса докладов о деятельности ЦРУ, включая операцию с самолетом «У-2». Верно и то, что значительно сложнее соблюдать секретность при обсуждении вопросов, связанных с национальной безопасностью, не на комитетах и подкомитетах конгресса, а на пленарных заседаниях сената и палаты представителей. Но все же требуется включать мельчайшие детали в доклады перед такими многолюдными собраниями: министерству обороны целесообразнее изложить их, эти детали, в соответствующих комитетах и подкомитетах или комиссиях.

Хотел бы добавить, что весь комплекс затронутых вопросов обсуждался администрацией и конгрессом. Принято решение найти способ, с помощью которого можно было бы в значительной степени уменьшить утечку информации к противнику. Конечно, и впредь сведения будут просачиваться к Советам, но не потоком, как сейчас, а тонкими струйками времени от времени. Ради этого не стоит жалеть усилий.

Много неприятностей в связи с утечкой информации доставляет нам печать, особенно научные и технические журналы. Я вспоминаю время, когда разведка и контрразведка разрабатывали планы по созданию различных технических устройств для обнаружения испытаний советских ракет и экспериментов в космосе. Технические журналы буквально лезли из кожи вон, чтобы опубликовать детальное устройство радарных установок, которые для большей эффективности должны были быть расположены на территории дружеских нам стран вблизи от Советского Союза. Но эти страны согласились сотрудничать с нами только при том условии, что со-

оружение радаров останется строгим секретом. И вот жизненно важная операция была поставлена под угрозу срыва в результате публикации в наших же журналах сведений о секретных объектах. Можно понять возмущение наших друзей, ибо такая неосторожность осложнила их позицию, которая не отличалась прочностью из-за того, что они территориально располагались у самых границ Советского Союза.

За исключением небольшого числа технически подкованных людей, которых это могло заинтересовать, подобные откровения совершенно не повлияли на то, чтобы сделать наш народ более богатым или счастливым. Не повлияли они и на уровень технических знаний американцев.

В наш ракетно-ядерный век очень важно, чтобы мы постоянно информировали американский народ о наших оборонных мероприятиях. Общественность должна знать точные факты, сообщенные официальными властями, а не пользоваться слухами и сплетнями. Сколько, например, велось пустых разговоров об отставании США от Советов в области тяжелых бомбардировщиков, ракет и так далее. Лично я убежден: наше военное положение никогда не было хуже, чем у Советского Союза. И очень хорошо, если наш народ будет твердо знать об этом. Да и совсем неплохо, если и советское правительство убедится в этом. Но для этого совсем не нужно публиковать детальную информацию, где точно расположены стационарные ракетные установки, какое точно число бомбардировщиков или истребителей мы собираемся иметь и каковы их тактико-технические данные и вооружение.

Непреднамеренная выдача секрета — это в основном результат практики открытости правительства. Умышленная же или допущенная по небреж-

ности утечка информации вызывается корыстными интересами определенных группировок в самом правительстве. Умышленной утечкой я называю болтовню по тем вопросам, по которым запрещено вести разговоры с непосвященными лицами или в их присутствии. А такое случается довольно часто в министерстве обороны и иногда в государственном департаменте. Бывали случаи, когда офицеры сталкивались с неверными, по их мнению, толками о деятельности их служб или проводимой ими политике. Чаще всего такие разговоры исходили от представителей печати. Задетые за живое, сотрудники этих служб принимались доказывать, что их оппоненты ошибаются. И в пылу спора оперировали фактами, о которых должны были молчать. Фактически получалось, что офицеры, не спрашивая разрешения у своих начальников, обращались к печати и разглашали через нее секретные сведения. Так случилось совсем недавно в связи с возложением основной ответственности за стратегические ракеты на военно-воздушные силы (раньше этим занималась армия).

Иногда информация, касающаяся проводимой государственным департаментом политики, исходила от чиновников низкого ранга, недовольных теми или другими конкретными мерами. Это же касается и других ведомств, главным образом, военных, несогласных с политикой дипломатического ведомства.

Дуглас Кейтер приводит пренеприятный случай огласки частного меморандума государственного секретаря Раска, направленного министру обороны Макнамаре, в котором Раск без достаточного на то основания предлагал «отражать массированные атаки Советов в Европе только обычным оружием». Вся эта история, пишет Кейтер, «основывалась на

на самом меморандуме, а на его «интерпретации», сделанной каким-то представителем военно-воздушных сил, по-видимому настроенным враждебно к позиции госсекретаря». Он добавляет, что на расследование этого случая затратили более тысячи человеко-часов, прежде чем установили генерала авиации, виновного в утечке информации, связанной с меморандумом Раска. (Генерал, кстати, был переведен с понижением из Пентагона в войска — в часть, расположенную в штате Алабама).

Непреднамеренная утечка информации может произойти, например, в ходе непродуманного разговора с каким-нибудь настырным репортером. Задавая вопросы значительному числу лиц, тот часто бывает в состоянии представить себе истинную картину разработки той или иной засекреченной программы. В таких случаях бывает трудно разобраться в происшедшем, поскольку репортеры, явившиеся прямо или косвенно причиной утечки информации, отказываются назвать источники, и поэтому почти невозможно доказательно установить виновных.

За одиннадцать лет службы в Центральном разведывательном управлении я присутствовал на многих заседаниях, самого высокого правительственно-го уровня, для которых характерна сцена, подобная описанной ниже. При этом все равно, была ли правительственные администрации республиканской или демократической. Высокопоставленный представитель правительства, нередко самый высший, приходил на заседание, потрясая газетной статьей, произносил примерно следующее: «Кто, черт побери, проболтался об этом? Ведь всего несколько дней назад здесь, за этим столом, дюжина нас приняла секретное решение. И вот оно полностью изложено черным по белому здесь, в газете, на радость нашим врагам. На этот раз мы должны найти ви-

новного и повесить его на ближайшем фонарном столбе. Как управлять государством в таких условиях?! Этому должен быть положен конец. Побеспокойтесь о тщательном расследовании и дождите результат. Но смотрите, чтобы на этот раз виновные нашлись обязательно! Я не собираюсь больше терпеть такие безобразия». И так далее.

После этого все приходит в движение. Включается комитет по безопасности, привлекают ФБР, если возникнет подозрение в нарушении закона. По истечении установленного срока расследование приходит к следующим результатам:

Установлено, что решение правительства было изложено в секретном (или совершенно секретном) меморандуме, размноженном в двенадцати экземплярах, которые разосланы в установленном порядке в соответствующие правительственные ведомства, департаменты и бюро, имеющие непосредственное отношение к затронутым вопросам. Несколько сот человек получили затем доступ к этому меморандуму, поскольку он был размножен по распоряжению руководителей департаментов и ведомств, чтобы ознакомить с ним своих подчиненных. Возможно, этот документ был разослан и некоторым правительственным чиновникам высокого ранга в различные районы земного шара, поскольку не исключалось их участие в намеченных мероприятиях. В заключение в расследовании говорилось: документ видели или слышали о его содержании от пятисот до тысячи человек, и кто-то из них мог рассказать о нем «иксу», «игреку» или «зету». Никто из официальных лиц не признает в данном случае нарушения секретности, и никто из газетчиков никогда не назовет своего источника.

После того как расследование закончено, делаются вывод: преступление совершено лицом или ли-

цами, неизвестными и неустановленными. В ходе этой процедуры директор Центрального разведывательного управления обычно получает от высшего должностного лица напоминание, закон о ЦРУ предусматривает, что в обязанность главы управления входит, в частности, «защита разведывательных источников и методов от раскрытия их непосвященным лицам». И затем задается вопрос: что сделано во исполнение требований закона?

В ответ директор в большинстве случаев говорит: закон не дает ему права вести расследование вне вверенного ему управления и, наоборот, однозначно запрещает выполнение любых функций службы безопасности. Но зато закон возлагает на директора ЦРУ обязанность обеспечивать безопасность своих собственных операций.

Со смешанным чувством сожаления и боли хотел бы добавить: за все время моей службы в управлении мне не удалось добиться большого прогресса в поисках рецепта, с помощью которого можно было бы плотно заделать швы и дыры в нашей правительской машине и тем самым хотя бы снизить темпы утечки важной информации к потенциальному противнику.

И все же положение вещей можно улучшить. Я полагаю, что необходимо провести открытую и честную дискуссию по этой проблеме. Англичане, имея закон по охране государственных тайн, располагают в этой области гораздо лучшей, по сравнению с нами, законодательной системой. При этом они высоко ценят и защищают ее так же, как это делается у нас.

Я исходил из посылки, что против свободы печати не должно ничего предприниматься. Однако свобода не означает полнейшую вседозволенность и распущенность, особенно когда дело затрагивает нашу национальную безопасность. Первая поправ-

ка к конституции такого толкования ни в коем случае не предусматривает.

Не думаю, чтобы этот аспект проблемы обеспечения безопасности можно было бы решить законодательным путем, за исключением ужесточения некоторых наших законов о шпионаже. Ниже я поясню, что имею в виду. Будет лучше, если правительство наконец наведет порядок в собственном доме, согласовав свои действия с конгрессом. Когда это будет сделано, оно может позаботиться и о печати.

Вот, на мой взгляд, возможный порядок процедуры: 1) исполнительная власть, в особенности государственный департамент и министерство обороны, совместно с разведывательным сообществом должны сделать все возможное для предотвращения публикации информации, представляющей интерес для наших противников, и предпринять действенные меры против утечки сведений из правительственных органов; 2) в сотрудничестве с лидерами конгресса и заручившись их согласием необходимо предпринять шаги по сокращению публикаций протоколов заседаний сената и палаты представителей, на которых обсуждаются вопросы нашей национальной безопасности, особенно в военной области.

После достижения прогресса по пунктам 1 и 2 целесообразно провести спокойную дискуссию между представителями правительства и руководителями печатных органов и других средств массовой информации, таких как радио, телевидение, технические и специальные издания, чтобы достичь согласия и выработать механизм, обеспечивающий эти средства доверительными консультациями, когда и где именно следует обязательно соблюдать секретность, чтобы не нанести ущерб нашей национальной безопасности (особой осторожности требу-

ют вопросы вооружения и проведения важных разведывательных операций).

Однако, прежде чем проделать это, было бы весьма полезным для заинтересованных членов правительства и представителей прессы рассмотреть, чего добилась Великобритания, введя свою систему уведомления «Д», на основе которой средства массовой информации добровольно сотрудничают с правительственными органами, чтобы исключить разглашение военных секретов.

Предлагая рассмотреть эту систему, я понимаю, что положение дел у нас резко отличается от ситуации на Британских островах, где большая часть газет, журналов и издательств сконцентрирована в Лондоне. В нашей стране нет такого центра, который можно было бы сравнить с английским. К тому же у нас значительно труднее создать относительно небольшую группу руководителей средств массовой информации, мнение и оценки которой безоговорочно принимались бы их коллегами во всех частях страны. Справедливости ради я должен также отметить, что сотрудничество английской печати с правительством не всегда добровольно: иногда к нему принуждают строгие параграфы закона об охране государственных тайн. Газеты часто консультируются с правительством, чтобы иметь уверенность: материал, который они собираются опубликовать, не нанесет ущерб безопасности страны.

Эта система существует в Великобритании более пятидесяти лет. Она введена в действие через год после вступления в силу закона об охране государственных тайн 1911 года (хотя законодательно ее никто не утверждал).

Деятельность английской системы направляется комитетом, состоящим из четырех представителей правительства — глав военного ведомства, адмирал-

тейства, министерства военно-воздушных сил и министерства гражданской авиации — и одиннадцати представителей различных средств массовой информации. Когда какой-либо важный для национальной безопасности вопрос рискует попасть на страницы печати, секретарь комитета собирает его членов на заседание, где данный вопрос обсуждается досконально. Если все они высказывают единодушно положительное мнение, сообщение направляется в печать. В безотлагательных случаях секретарь комитета уполномочен принять единоличное решение об уведомлении «Д» под свою личную ответственность, согласовав, однако, вопрос с не менее чем двумя членами от средств массовой информации. Если в дальнейшем другие представители печатных органов будут возражать против принятого решения, его могут пересмотреть, хотя такая ситуация практически никогда не возникала. Предмет таких уведомлений «Д» — военные вопросы, публикация которых могла бы нанести ущерб национальным интересам. Да и пресса не настаивает на точном толковании такой формулировки.

Последний доклад комиссии, возглавляемой лордом Редклиффом, в котором дается критический обзор английских проблем безопасности, содержит вывод об эффективности системы уведомления «Д». В нем, в частности, отмечается: «Хотя и были случаи несоблюдения установленных правил — больше всего непреднамеренные, нежели умышленные, — издатели после разбора конкретных фактов секретарем комитета никогда не настаивали на своей правоте». Далее подчеркивается, что английское правительство, благодаря этой системе, смогло «из года в год снимать из газет, радио- и телепередач значительное количество материалов, содержание которых оказалось бы весьма полезным для других

держав в случае их опубликования». В докладе затем констатируется: «процедура уведомления «Д» удовлетворяет обе стороны... и ни та ни другая не высказала пожелания изменить существующую систему». В заключение рекомендуется продолжить использование системы в том виде, как она сложилась к настоящему времени.

Смысл детального изучения английской системы состоит в том, чтобы посмотреть, нельзя ли использовать ее положительные стороны для решения нашей собственной проблемы безопасности. Я бы добавил, что эта процедура не имеет ничего общего с историей двух английских репортеров из «Дейли мейл» и «Дейли скетч», попавших на несколько месяцев за решетку, поскольку они отказались называть источники информации, использованной ими в своих статьях, трибуналу, созданному парламентом для расследования дела Джона Вассала. Был еще и третий репортер, избежавший тюремного заключения, так как его источник — широко известный в стране человек — добровольно заявил на судебном процессе, что он — один из тех, кто сообщил автору сведения. Предполагают, что первые два журналиста, осужденные к тюремному заключению, все равно не избежали бы уголовного наказания, если бы решили сознаться, ибо та версия, которую они изложили в своих статьях, была, весьма вероятно, плодом их собственного воображения. Короче говоря, они обманули публику, умышленно помешали следствию, а ведь это наказуемо по закону.

Следующий пункт программы улучшения нашей безопасности — это предложение о пересмотре и обновлении некоторой части федерального законодательства о шпионаже. С 1946 года по различным поводам и причинам исполнительные органы предпринимали попытки внести поправки в закон о

шпионаже. Но все они оказались безуспешными. Трудность заключалась в том, что непросто было доказать: данное конкретное лицо намерено разгласить секретную информацию или даже передать ее представителям иностранной державы. А это может быть использовано в ущерб Соединенным Штатам и обращено на пользу иностранному правительству. Действительно, такое очень трудно доказать. К счастью, требование безупречных доказательств не предъявлялось в случаях, когда речь шла о секретных данных, связанных с законом об атомной энергии и проведением разведывательных операций в области средств связи (подслушивание, перехват, дешифровка сообщений). Если распространяется иной вид секретной и строго доверительной информации, то требование сохраняется.

Много секретной информации было разглашено без соответствующего разрешения властей и даже передано иностранным правительствам в случаях, когда обвиняемые строили свою защиту на утверждении: они, мол, пытались помочь правительству США оказать содействие нашему союзнику — Советскому Союзу, каковым он являлся после 1941 года.

Имеются и другие проблемы, связанные с безопасностью. Они возникают на основе существующего законодательства, когда необходимо доказать, что тот или иной случай имеет отношение к «национальной обороне и безопасности», как того требует действующий закон о шпионаже.

Если сравнить английское законодательство в этой области, то оно базируется на представлении, что вся официальная информация — это королевская собственность и что получившие ее чиновники не имеют права распространять какие-либо сведения без разрешения королевской власти. Эта идея, опирающаяся на привилегию правительства, видит-

ся мне просто великолепной. В нашей стране много случаев разглашения на судебных процессах секретной информации, и притом во всех деталях, которая была получена незаконно и передана врагу в ущерб национальным интересам. Бывали и такие случаи, когда судебное расследование не проводилось, чтобы не разгласить секретную информацию. Некоторые лица, виновные в серьезных нарушениях нашей безопасности, ни разу не привлекались к суду по тем или другим вышеназванным причинам. Зная, что наше правительство решится возбудить судебное преследование лишь в вопиющих случаях, некоторые люди уверены: они могут, мол, безнаказанно совершать небольшие нарушения закона о шпионаже. Об этом известно и Советам.

Если кто-то мчался в автомобиле по улицам, не соблюдая правил движения, в результате чего нанес ущерб здоровью людей или их имуществу, потерпевшие без всяких затруднений привлекут виновного к ответственности; однако если кто-то небрежно обошелся с самыми нашими сокровенными секретами, против него почти ничего предпринять нельзя.

И даже если бы нам удалось залатать все дыры в нашем законодательстве о шпионаже и безопасности и ограничить утечку важной информации к противнику, все равно всегда остается опасность предательства. Я имею в виду наших дезертиров, перебежавших к Советам, и всех, кто выдает секреты — наши собственные и наших союзников по НАТО — независимо от того, случилось ли это в результате угрозы противника или шантажа, из-за денег или по «идейным» мотивам, чтобы избавиться от скуки и пощекотать нервы или же удовлетворить собственное честолюбие.

В свободном обществе, как наше, недремлющее око закона не сможет обеспечить надлежащим об-

разом выполнение защитных мер, не посягая, видимо, на права отдельных граждан. К сожалению, как у нас, так и за рубежом, бывают случаи, когда правительству явно не хватает бдительности. Слишком часто предателям удается действовать довольно продолжительное время, пока службы безопасности не раскроют и не обезвредят их.

Кроме известных случаев шпионажа до войны и в военное время, изменниками стали англичане Берджесс и Маклин, Хаутон, Вассал и Блейк и полковник Веннерстрём в Швеции. Мы были потрясены в 1960 году предательством двух сотрудников агентства национальной безопасности — Уильяма Мартина и Бернона Митчелла, действовавших как герои какого-нибудь дешевого бульварного романа, и Ирвина Скарбека — ничтожного слабака, оказавшегося полностью несостоятельным.

Затем последовал квартет Профьюмо — Уорд — Кристин Килер — Иванов. И если ущерб, нанесенный нашей безопасности в результате их деятельности, точно никогда и не установят, одно мы знаем твердо: офицер советской разведки Евгений Иванов принимал участие в подрыве английского правительства и компрометации ведущих министров. Тем самым своими действиями он нанес больше вреда свободному миру, безразлично, случайно или преднамеренно, чем мог бы добиться с помощью разведывательной информации, которую он, по всей видимости, старался получить.

Эти и другие описанные мною случаи доказывают: у нашего свободного общества есть немало слабостей в защите национальной безопасности. И хотя очень соблазнительно указать пальцем на контрразведку — как единственного виновника создавшегося положения, действительная причина слабостей лежит гораздо глубже.

Разведка и контрразведка в Англии, как, впрочем, и у нас, в общем мало занимаются вопросами безопасности и кадровой политики других важных правительственные ведомств. В деле Профьюмо, насколько я могу судить, разведслужба не имела никаких оснований для вмешательства, пока на сцене не появился советский агент Иванов. Начиная с этого момента, возможность нарушения безопасности принял угрожающие размеры — и все стало ясно. Но представим себе: если бы до этого момента английская контрразведывательная служба активно занялась, как говорится, разработкой министра и даму поймали бы на месте преступления, то разразился бы страшный скандал. Ведь лондонские спецслужбы не имеют права вести слежку за британскими подданными.

В Англии министерство иностранных дел и ведомства, связанные с обороной страны, сами нанимают свой персонал, часто случается так, что, не успев быть принятыми на работу, эти сотрудники подвергают риску безопасность своих ведомств. Секретные службы не раз выявляли такие факты, но в большинстве случаев уже не смогли предотвратить связанные с этим потери. Ни Берджесс, ни Маклин никогда не получили бы доступа к секретным материалам, ибо даже поверхностная проверка их прошлой деятельности повлекла бы за собой увольнение из внешнеполитического ведомства, а Берджесса вообще не приняли бы туда на работу. В отношении Мартина и Митчелла, то, если бы кто-нибудь сообщил руководству об образе их жизни, обязательно последовало бы расследование, в чем я абсолютно убежден. И дело не дошло бы до предательства.

В нашей стране, как и в Англии, не принято длительное время тайно следить за правительственные служащими, да и вообще за любым граждани-

ном, контролировать личную жизнь и частные дела. Нам не нужна тайная полиция типа гестапо. Дом человека — это его крепость, а его частная жизнь никого не касается, пока он честно трудится и не нарушает законы.

Может быть, англичане, а возможно и мы, тоже слишком либеральны в трактовке этого принципа. Правительственная служба, в конце концов, — привилегия, а не право. Чтобы сохранить свое официальное положение, человек должен выполнять определенные моральные требования, а они для чиновника выше, чем для рядового гражданина. Тот факт, что данное лицо принадлежит к порядочному обществу, сейчас мало что значит. В парламенте подчеркивалось: в деле Профьюмо речь шла не столько о морали, сколько о национальной безопасности. В политическом плане это, возможно, был хитрый ход. Английские газеты в передовых статьях высказывали мнение, что не следует бросать слишком большие камни в любителей любовных приключений. А одна из газет даже заявила: «Если следовать пуританским принципам, то Англия уже не раз оказывалась бы без высшего руководства». А другие печатные органы напоминали: Нельсон¹ в свое время открыто и бесстыдно нарушал супружескую верность. Приводился и такой случай. Некая Херриет Вильсон, которая, по описанию историков, может вполне считаться предшественницей Кристин Килер, потребовала у герцога Веллингтона² круг-

¹ Нельсон Горацио (1758—1805) — английский флотоводец, вице-адмирал. Одержал ряд побед над французским флотом, в том числе при Абукире и Трафальгаре (в этом бою был смертельно ранен).

² Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852) — герцог, английский фельдмаршал. В 1827—1852 гг. — главком английской армии. В 1828—1830 гг. премьер-министр кабинета тори, в 1834—1835 гг. — министр иностранных дел, в 1841—1846 гг. — министр без портфеля.

ленькую сумму за то, что не упоминает в своих мемуарах об их близких отношениях. «Публикуй — и будь проклята», — отверг домогательства государственный муж. Короче говоря, английская печать не раз свидетельствовала: некоторые представители британского высшего света отнюдь не могли служить примером высокой морали.

Однако эти давние исторические примеры касаются людей мужественных, занимавших высокие государственные посты и отвечавших за свои поступки перед народом. Они жили во времена, когда не было ни Советов, ни проблем, связанных с излюбленной тактикой последних — шантажировать слабых и неустойчивых и принуждать их шпионить для Кремля. Нельзя стародавние обычаи и порядки брать за образец для сегодняшней кадровой политики, особенно если это касается режимных правительственные учреждений.

Я не понимаю, почему некто должен обязательно получить ответственную должность в государственном учреждении или же кого-то оставить на высоком посту, если получены убедительные доказательства, что у этого лица серьезные слабости характера или пороки, из-за которых он может стать объектом шантажа вражеской разведки.

Конечно, это страшно усложняет проверку благонадежности персонала, потому что вместо одноразового «просвечивания», которым удовлетворялись прежде, ныне контроль проводится несколько раз через определенные промежутки времени. У людей, биография и документы которых представлялись чистыми, как стеклышико, когда их принимали на службу, через несколько лет могут обнаружиться недостатки и слабости, сформировавшиеся за это время. Однако никто не может гарантировать, что они обязательно выявятся в ходе про-

верок. И нельзя быть полностью уверенным в том, что даже самая тщательная проверка обнаружит у контролируемого все имеющиеся у него недостатки.

Мне представляется, что для повышения качества проверки следует привлекать технические средства, такие, как полиграф, более известный под названием «детектора лжи». Исходя из собственного опыта считаю, что «детектор» — это один из важных инструментов исследований человека, чтобы составить о нем объективное мнение. Нередко это устройство используют с целью подтвердить или снять выдвинутое против конкретного лица обвинение. Были случаи, когда с помощью «детектора» вскрывались нарушения долга и присяги. Хвастать, конечно, не хорошо, но не могу удержаться, чтобы не сказать: проверки сотрудников ЦРУ на благонадежность дали отличные результаты. С самого начала я получил большую поддержку в этом вопросе со стороны своего предшественника генерала Уолтера Беделла Смита. Он был строгим, но вместе с тем чутким начальником. И именно он разработал основы строгих правил безопасности для ЦРУ, которыми мы пользуемся до сих пор. Билл, как его иногда называли, шокировал американскую публику и прессу, заявив осенью 1952 года в период избирательной кампании: следует всегда иметь в виду возможность того, что в ЦРУ есть советский агент. И он был абсолютно прав, говоря о такой возможности, так как она постоянно существует, а если до сих пор шпиона не поймали, то вовсе не потому, что его нет, а просто из-за того, что пока еще мы не могли обнаружить преступника. У нас появился более оптимистический настрой, но все же мы с полной уверенностью не можем сказать, проник ли агент противника в управление или нет.

Положительная статистика, свидетельствующая, что в упрочении безопасности в ЦРУ нам удалось добиться успешных результатов, соответствует действительности. Мы абсолютно ничего не приукрашивали, что, по правде говоря, еще бывает кое-где в наших правительственные учреждениях. С самого начала позаботились о том, чтобы среди сотрудников управления не было места гомосексуалистам, лицам с неустойчивым или слабым характером, людям распущенными и с неурегулированными семейными проблемами, так как все это раньше или позже может поставить их в трудное положение, которым — вполне вероятно — воспользуется разведка противника.

В каждом нашем правительственном ведомстве, которое необходимо защищать от проникновения вражеской разведслужбы, есть подразделение службы безопасности. К проверке сотрудников других ведомств, где такие подразделения не предусмотрены, привлекаются Комиссия по гражданской службе и в случае необходимости — ФБР. Их задача обычно ограничивается проведением бесед с коллегами по работе, соседями по дому и другими лицами, которые могут охарактеризовать взятого на контроль. Они также проверяют документы, имеющиеся в его личном деле. Но Комиссия по гражданской службе и ФБР не принимают решения о зачислении кандидата на вакантную должность или об отказе. Это — дело руководства того учреждения, куда он поступает на работу.

Каждая служба безопасности — в госдепартаменте, министерстве обороны, министерствах армии, военно-морских и военно-воздушных сил, Совете национальной безопасности, комиссии по атомной энергии, а также в ЦРУ — стремится использовать опыт работы других аналогичных подразделений.

Поэтому между ними регулярно проводятся консультации и налажено систематическое сотрудничество. На практике испытываются и различные методы, чтобы свести к минимуму риск нарушения безопасности, а затем происходит обмен результатами этих экспериментов.

К сожалению, до последнего времени в некоторых ведомствах не уделяли должного внимания подбору опытных и высококвалифицированных кадров на должности руководителей отделов безопасности. Укоренилось опасное мнение: эту работу может, мол, выполнять любой политик и держать его нужно на этой должности год или два — не более. Такое заблуждение может привести к опасным последствиям. Руководить службой безопасности того или иного ведомства должен специально обученный чиновник, знаток своего дела, настоящий профессионал и как можно более длительный срок.

Добавлю несколько слов о вопросах безопасности в наших зарубежных структурах, выполняющих доверительные и секретные задачи. Это, главным образом, посольства, разбросанные по всему миру, а в отдельных странах — наши вооруженные силы, военные базы и другие объекты. По сравнению с Советами, мы выглядим здесь довольно легкомысленно. Они превратили свои зарубежные представительства, в особенности посольства, в настоящие крепости, надежно огороженные от окружающего мира. За исключением случаев, связанных с проведением представительских мероприятий — приемы, просмотры кинофильмов и тому подобное, — туда допускаются лишь немногие посторонние. В советских учреждениях имеется даже собственный персонал для эксплуатации служебных и жилых зданий и помещений и их ремонта — слесари-водопроводчики, сантехники, электромонтеры, уборщики, маляры, кровельщи-

ки и так далее. Местных рабочих в советские посольства, торгпредства и другие учреждения допускают очень неохотно.

Здание советского посольства в Тегеране с прилегающими постройками и земельным участком произвело на меня большое впечатление, когда я увидел его несколько лет тому назад. Оно занимало целый городской квартал и было обнесено высокой стеной с охраной во всех уязвимых местах. Короче говоря, это была настоящая крепость.

Я не буду перечислять все меры безопасности, предпринимаемые Советами в своих зарубежных учреждениях. Мы не собираемся следовать их примеру и превращать свои посольства в укрепленные пункты. Но во многих случаях в наших учреждениях за «железным занавесом» слишком много местных работников. Это подчеркивалось в докладе¹, представленном в 1963 году парламенту трибуналом, который был создан для рассмотрения дела Вассала. Он, этот трибунал, действовал на основании закона о расследованиях 1921 года. Его тоже возглавлял лорд Редклифф, о докладе которого по делу Лонсдейла я уже упоминал.

¹ Оба доклада Редклиффа, упомянутые в этой главе, представляют интерес для тех, кто занимается вопросами безопасности. Первый, опубликованный в парламентском бюллетене в апреле 1962 г., посвящен шпионской сети Лонсдейла (англичане называют его «портлендским делом») и делу Блейка. В докладе предлагается некоторое упорядочение практики английской безопасности, а также рассматривается проблема безопасности в целом и связь со средствами массовой информации. Второй доклад опубликован там же в апреле 1963 г. Редклифф являлся председателем вначале комиссии, а затем трибунала. Доклад ограничивается судебным расследованием обстоятельств дела Вассала. Это — интересный материал, но поскольку его фактически можно рассматривать как официальное заключение о правильности судебной процедуры, он, естественно, уделяет больше внимания рассмотрению вопроса о том, имели ли место или нет нарушения долга. Поэтому представляется нецелесообразной попытка определить, насколько мудрым было мнение о Вассале его руководства за несколько лет до ареста в свете нынешних знаний о зловещем характере технических приемов советской разведки и ее методах внедрения на объекты. (Примеч. автора.)

В английском посольстве в Москве, когда Вассал служил в аппарате военно-морского атташе, работал советский гражданин, некий Михайльский, о котором в докладе Редклиффа говорится как об «агенте русской секретной службы, с помощью которого ей удалось заполучить Вассала в свои руки». Михайльский, можно прочитать в докладе, был «помощником руководителя административного сектора посольства... и сумел завоевать доверие персонала посольства как переводчик и посредник при найме русской прислуги, организатор воскресных поездок сотрудников за город и тому подобное». Он оказался весьма нужным человеком, создавая комфорт и обеспечивая досуг персонала посольства, а также помогая сотрудникам преодолеть языковые трудности в общении с русскими.

В докладе Редклиффа признается, что такая практика создает «постоянный фактор риска для безопасности», что и подтвердило дело Вассала. А поскольку в докладе явно просматривается попытка смягчить вину сотрудников английского посольства в Москве, принявших на работу русского агента, рассуждениями о том, что это было сделано из желания создать максимальные удобства для посольского персонала, я должен сказать: по моему мнению, такая практика за «железным занавесом» исключительно опасна и от нее следует немедленно отказаться. Во всяком случае, безопасность для нас должна быть важнее, чем комфорт. К тому же будет куда лучше, если в американских дипломатических и военных представительствах в государствах советского блока все должности сверху донизу укомплектуют нашими гражданами.

Тот факт, что в последнее время в западном мире значительно увеличилось число раскрытий советских шпионских операций, вовсе не должен привести нас к выводу, что наши контрразведка и другие службы

безопасности будто бы до того действовали неэффективно. Как раз наоборот — это доказательство силы наших органов контршпионажа. Ведь именно благодаря их активным действиям мы напали на след тайных советских агентов, которые долгие годы действовали в подполье. Хотя нам и пришлось пережить несколько затруднительных моментов, Советы получили удар такой страшной силы, что были вынуждены, насколько можно судить, реорганизовать всю систему своего шпионажа.

В то же время это, пусть даже несколько запоздалое, разоблачение советских агентов, живших среди нас, должно послужить предупреждением, каких крупных масштабов достиг шпионаж Кремля в нашей стране, насколько коварны и изощренны его методы. Поэтому все мы должны понять жизненную необходимость усиления наших мер по укреплению безопасности и совершенствованию контрразведки, чтобы эффективно препятствовать проникновению советской агентуры в Соединенные Штаты.

Глава 17

РАЗВЕДКА И НАШИ СВОБОДЫ

Время от времени нас предостерегают: разведывательная служба и служба безопасности могут стать угрозой для наших свобод, а секретность, в условиях которой эти службы должны в силу необходимости действовать, явление само по себе достаточно зловещее, ибо деятельность спецслужб не совместима с принципами свободного общества. Появлялись и сенсационные опусы о ЦРУ: управление, мол, поддерживает диктаторов, проводит собственную национальную политику как ему заблагорассудится, легкомысленно тратит огромные денежные суммы из своего секретного фонда. Гарри Ренсом, написавший монографию «Центральное разведывательное управление и национальная безопасность»¹, рисует положение дел следующим образом:

«ЦРУ — это организация, добывающая во всемирном масштабе секретный фактический материал и оценивающая его для Совета национальной безопасности. Однако для многих ЦРУ остается загадочным, скрытно действующим и сверхсекретным правительственным ведомством. Незримые роль, сила и влияние управления, а также секретность, пронизывающая всю его структуру и операции, вы-

¹ Издательство «Гарвард юниверсити пресс», 1958 г.

зывают вопросы относительно того, какое место занимает оно в демократической системе. Один из таких вопросов: как демократия может обеспечить, чтобы секретный разведывательный аппарат не превратился ни в рассадник заговоров, ни в карательный орган для подавления традиционных свобод демократической формы правления?»

Вполне понятно, что относительно новая организация в нашей правительственной структуре — ЦРУ, несмотря на стремление к анонимности, должна иметь большую гласность, нежели это выпадает на ее долю, чтобы не быть объектом различных нападок и критики. Желание представить в правильном свете нашу разведку и ее деятельность в американском свободном обществе побудило меня написать этот аналитический труд о секретных службах США. Я уже говорил, что ЦРУ — официально признанное правительственныее учреждение. Его задачи, место в государственной иерархии и контроль за его деятельностью установлены его статутом и директивами Совета национальной безопасности. С другой стороны, многое из деятельности управления, впрочем, как и других правительенных ведомств, должно сохраниться в тайне.

Выше я отмечал, что как в царской, так и советской России, в гитлеровской Германии и милитаристской Японии, а также в некоторых других странах службы государственной безопасности выполняли и выполняют разведывательные функции в целях поддержки диктаторов или тоталитарных режимов и проведения террористических операций за рубежом. Кроме государств советского блока, подобные порядки установлены в ряде стран Латинской Америки, где есть диктаторские режимы. Там разведывательные службы превращены в своего рода персональные гестапо диктаторов, захвативших власть.

Связанная с такой практикой дурная слава способствовала тому, что многие люди стали неправильно представлять истинные функции разведывательной службы в свободном обществе.

В нашей созданной на основании конституции общественной системе категорически исключается возможность существования таких разведывательных органов, которые имеются в полицейских государствах. Гиммлеровское гестапо или хрущевский КГБ никогда не укоренятся в Соединенных Штатах.

В законе, призвавшем к жизни ЦРУ, четко оговорено: «...управление не должно выполнять функции полицейских органов и служб безопасности, ему не дано право вести следствие, задерживать или арестовывать подозреваемых, приводить приговоры в исполнение». Оно, это управление, также не проводит собственную политическую линию, а лишь преданно и верно претворяет в жизнь политику правительства. Все действия ЦРУ не должны выходить за рамки национальной политики. Оно не имеет права предпринимать шаги без санкции властей и высшего политического руководства страны.

Закон, принятый при поддержке обеих партий¹, предусматривает и другие ограничения и гарантии деятельности ЦРУ. Но последние в своей значительной части аналогичны гарантиям, которые используются в любом демократическом обществе.

Центральное разведывательное управление подчиняется непосредственно Совету национальной безопасности и тем самым самому президенту. Таким образом, глава исполнительной власти лично отвечает за контроль над операциями ЦРУ.

Директивы Совета национальной безопасности исходят из положений закона о национальной бе-

¹ Имеются в виду республиканская и демократическая партии США.

зопасности 1947 года, который предусматривает, что в дополнение к задачам и функциям, возложенным на ЦРУ законом, управление уполномочено также:

«...осуществлять, исходя из интересов существующих разведывательных служб, такие дополнительные действия по указанию Совета национальной безопасности, которые могут быть выполнены с большей эффективностью централизованно... а также выполнять другие функции и задачи, относящиеся к разведывательной деятельности, которые Совет национальной безопасности, исходя из интересов безопасности страны, может перед ним ставить время от времени».

Президент лично назначает, а сенат утверждает директоров ЦРУ и их заместителей, но этот процесс не носит рутинного характера. За пятнадцать лет существования управления сменилось четыре директора: первый — контр-адмирал Рокко Генри Хилленкоттер, который блестяще служил на флоте и в военно-морской разведке; второй — генерал Уолтер Беделл Смит, сделавший выдающуюся военную карьеру, а затем почти три года возглавлявший посольство США в Советском Союзе (после ЦРУ он был заместителем госсекретаря); третий — автор этих строк (излагать его характеристику мне было бы неуместно, упомянуть, пожалуй, лишь о том, что он длительное время служил в правительственные учреждениях, в том числе — немало лет в разведке); четвертый — Джон Маккоун, отлично зарекомендовавший себя до назначения на должность директора ЦРУ в 1961 году на различных важных правительственные постах в администрациях Трумэна и Эйзенхауэра (он был членом президентской комиссии по авиационным проблемам, заместителем министра обороны, заместителем министра во-

енно-воздушных сил и, наконец, председателя комиссии по атомной энергии Соединенных Штатов).

По закону директором ЦРУ или его заместителем должно быть гражданское лицо. И хотя теоретически возможно, что обе эти должности могут занимать гражданские лица, военным, по нынешнему законодательству, занимать одновременно эти два поста не разрешается. (Более чем десятилетняя практика показывает, что из двух высших руководителей управления один обязательно был военнослужащим.) Например, у двух последних директоров (оба они — гражданские лица) заместители — опытные военные: генерал Чарльз Кейбелл, когда я был директором, и генерал-лейтенант Маршалл Картер — у Джона Маккоуна.

Исходя из собственного опыта работы в управлении при трех президентах, могу с полной уверенностью констатировать: главы исполнительной власти всегда проявляли глубокий интерес к деятельности ЦРУ. Восемь из одиннадцати лет моей службы (первые три года я был заместителем директора, а затем уже директором) пришли на президентство Эйзенхауэра. Мне довелось регулярно обсуждать с ним повседневные вопросы разведывательной работы. Много говорилось и о расходовании денежных средств. Вспоминаю слова президента о необходимости ввести в управлении учет расходования утвержденного конгрессом секретного фонда (без приложения оправдательных документов — только с разрешения директора). Эйзенхаэр рекомендовал также установить за выдачей средств такой контроль, который не уступал бы, а, по возможности, и превосходил бы контроль Федерального ревизионного управления.

Конечно, большинство расходов нужно хранить в секрете, но ЦРУ в любой момент готово отчитаться

перед президентом, бюджетной подкомиссией конгресса и Федеральным бюджетным бюро за каждый израсходованный цент.

В первые годы его существования было проведено несколько специальных проверок деятельности управления. Я сам, как уже упоминал, возглавлял комиссию «трех», которая в 1949 году представила президенту Трумэну доклад о разведывательных операциях. В рамках двух комиссий, которыми руководил Гувер в 1949 и 1955 годах (они занимались вопросами организации исполнительной власти), детально исследовались наши разведывательные структуры. Результаты проверки, проведенной в 1955 году, когда я был директором ЦРУ, изложены в докладе группы специалистов во главе с генералом Марком Кларком. Примерно в то же время состоялась проверка секретных операций управления группой экспертов, руководимой генералом Джеймсом Дулиттлом, которая доложила свои результаты президенту Эйзенхаузеру. Следует отметить, что группа генерала Кларка выразила недовольство по поводу того, что разведывательные сведения, добытые за «железным занавесом», имеют много недостатков, и предложила нам «активизировать их добычу, действовать более агрессивно и проявлять упорство и настойчивость». Нам рекомендовали делать больше — и это тогда, когда «У-2» был уже в чертежах, и его первый полет планировался на конец года.

В одной из рекомендаций Гувера предлагалось создать назначаемый президентом постоянный комитет из гражданских лиц, который, образно говоря, должен был выполнять роль сторожевого пса. Предполагалось, что он займет место созываемого время от времени особого комитета по специальным исследованиям и будет действовать постоянно. Я обсудил с президентом Эйзенхаузером вопрос, как

это лучше сделать. Мне идея такого органа показалась хорошей. В результате был учрежден Президентский консультативный комитет по разведке, председателем которого долгое время являлся блестящий ученый, ректор Массачусетского технологического института Джеймс Киллиан-младший. Когда к власти пришел президент Кеннеди, он несколько обновил состав комитета, но во главе его по-прежнему оставил доктора Киллиана. Последний ушел в отставку лишь в апреле 1963 года. Его преемником стал выдающийся юрист, крупный специалист по государственному праву Clark Clifford. Все дела, любые документы, отчеты о проведенных операциях, расходах, планы ЦРУ — всегда открыты для президентского комитета, который собирается несколько раз в году.

Другую рекомендацию комиссии Гувера — создать такой же комитет в Конгрессе — постигла плачевная участь.

В 1953 году, еще до гуверовских рекомендаций, сенатор Майк Мэнсфильд внес законопроект о создании объединенного комитета Конгресса по делам ЦРУ, наподобие существующего объединенного комитета по атомной энергии. Двадцать пятого августа 1953 года он написал мне письмо, в котором осведомился о взаимоотношениях между управлением и Конгрессом и спросил, что я думаю о законопроекте, который он внес на рассмотрение Конгресса. Меня тогда не было, я находился в зарубежной командировке, и сенатору ответил мой заместитель генерал Кейбелл: «Узы, соединяющие ЦРУ и Конгресс, крепче, чем существующие в любой другой стране между разведывательной службой и ее законодательным органом». Мне нечего добавить к этим точным словам.

Через несколько лет сенат вновь голосовал по такому же вопросу в связи с проектом резолюции,

внесенным сенатором Мэнсфильдом. На этот раз перспектива для ее принятия оказалась более благоприятной: 35 сенаторов от обеих партий поддержали предложение. К тому же в феврале 1956 года его одобрил руководящий комитет сената. Однако против этой резолюции резко выступил сенатор Карл Хейден — председатель сенатского бюджетного комитета. Его точку зрения поддержал сенатор Ричард Расселл — председатель сенатского комитета по вооруженным силам и сенатор Леверетт Салтонстолл — влиятельный член этого комитета от республиканской партии. После длительных и заинтересованных дебатов в апреле сенат подавляющим большинством голосов отклонил резолюцию, предлагавшую создать в конгрессе консультативный комитет по разведке.

Возражая против проекта резолюции, сенатор Расселл сказал: «Хотя мы и задавали ему (Аллену Даллесу) весьма сложные вопросы о некоторых разведывательных операциях, вопросы, которые иного заставили бы содрогнуться от ужаса, он никогда не уклонялся от искреннего и откровенного ответа. Решение состоялось: на чашу весов легло отрицательное мнение бывшего вице-президента США сенатора Албена Беркли, который в подтверждение сослался на собственный опыт, который он приобрел, будучи членом Совета национальной безопасности. К нему присоединился сенатор Стюард Саймингтон, имевший точное представление о деятельности ЦРУ, поскольку он еще недавно занимал пост министра военно-воздушных сил. Окончательный итог: рекомендацию комиссии Гувера поддержали 27 сенаторов, против голосовали 59. Дело в том, что десять сенаторов, принимавших участие в подготовке проекта, изменили свое мнение и присоединились к большинству, выступавшему против

данного предложения. То, что они услышали во время обсуждения, убедило их: создавать в конгрессе еще один комитет, выполняющий роль «сторожевого пса» по отношению к ЦРУ, нецелесообразно, во всяком случае в обозримом будущем.

В ходе дебатов было подчеркнуто: процедуры, предусмотренные проектом данной резолюции, фактически уже применяются в течение нескольких лет и хорошо себя зарекомендовали.

У общественности иногда возникает впечатление, что конгресс не располагает никакой властью над ЦРУ. Это — глубокая ошибка. Контроль за расходованием денежных средств дает фактически возможность контролировать всю деятельность управления, начиная от численности персонала и кончая объемом разведывательных операций. Прежде чем подкомитет конгресса приступает к рассмотрению бюджета ЦРУ, Федеральное бюджетное бюро готовит свои рекомендации по представленному управлением проекту, предварительно одобренному президентом. Затем бюджет рассматривается подкомитетами бюджетных комитетов палаты представителей и сената. Здесь применяется такая же процедура, как и для других правительственные ведомств и учреждений. Единственное отличие: бюджет ЦРУ не публикуется в печати, но подкомитетам конгресса докладывается во всех подробностях.

Председатель подкомитета палаты представителей — Кларенс Кеннон. О нем можно сказать, что более надежного «сторожевого пса» общественного кошелька вряд ли можно найти. Подкомитет имеет право рассматривать любые аспекты бюджета ЦРУ и запрашивать какие угодно объяснения по сделанным расходам как в прошлом, так и в настоящем.

Обо всем этом было ясно сказано в заявлении Кеннона 10 мая 1960 года в конгрессе сразу же

после неудавшегося полета Фрэнсиса Паузеса на «У-2»: «Самолет выполнял официально разрешенную шпионскую миссию. Расходы на нее покрывались из фонда, утвержденного конгрессом по рекомендации бюджетного комитета». Он также отметил, что ассигнования и сама операция были одобрены Федеральным бюджетным бюро и, как все подобные расходы и акции, получили согласие президента США. Далее сенатор рассказал о праве подкомитета бюджетного комитета конгресса рекомендовать выделение денежных средств на эти цели, а также ответил на вопросы, почему информация о полетах не была доведена до всех членов конгресса и общественности Соединенных Штатов. Он напомнил о том, что во время Второй мировой войны миллиарды долларов были ассигнованы на проект «Манхэттен» по созданию атомной бомбы, причем с такими же мерами предосторожности, как и в случае с «У-2». И сделано это было под ответственность подкомитета бюджетного комитета. Кеннон обратил внимание на тот факт, что Советский Союз активно занимается шпионажем во всем мире и что советские шпионы выкрали секрет атомной бомбы. Сославшись на внезапное нападение коммунистов в Корее в 1950 году, он следующим образом оправдал операции с использованием самолета «У-2»:

«Каждый год мы напоминали ЦРУ, что оно должно в подобных ситуациях применять эффективные контмеры. Мы говорили его руководителям: «Это не должно повториться, и их задача заботиться, чтобы это опять не повторилось». Поэтому план, выполнения которого они потеряли самолет, был их ответом на наше требование».

Сенатор Кеннон воспользовался случаем, чтобы прокомментировать действия ЦРУ, направившего разведывательный самолет в полеты над территори-

ей Советского Союза еще за четыре года до того, как пилот Пауэрс попал в плен:

«Мы убедительно продемонстрировали, — заявил сенатор, — что свободные люди перед лицом угрозы самого жестокого и преступного деспотизма в состоянии, не нарушая конституции Соединенных Штатов, защитить свою страну и сохранить мировую цивилизацию».

Я процитировал все эти высказывания, чтобы показать: даже наиболее секретные разведывательные операции ЦРУ при соблюдении соответствующих мер предосторожности могут быть раскрыты перед представителями народа в конгрессе.

Наряду с бюджетным комитетом, контролирующим деятельность ЦРУ, имеется подкомитет конгресса по вооруженным силам, который в течение нескольких лет возглавляется конгрессменом Карлом Винсоном. Управление по требованию подкомитета представляет сведения о текущих операциях, их объеме и деталях, причем речь в них идет не только о финансовых аспектах операций, сколько о других сторонах деятельности ЦРУ. В сенате имеется такой же подкомитет комитета по вооруженным силам, который тоже имеет право аналогичным образом контролировать управление.

Пятнадцать лет назад, когда рассматривался проект закона о создании центральной разведки, комитеты конгресса, занимавшиеся этим делом, попросили меня высказать свое мнение. Я не только ответил на поставленные вопросы, но и представил памятную записку, которая была опубликована в протоколах слушаний конгресса. Я предложил создать в помощь новым разведывательным структурам специальный совет из представителей президента, госсекретаря и министра обороны. Как я считал, совет должен был давать рекомендации

директору центрального разведывательного органа, контролировать его и осуществлять связь между разведкой, двумя министерствами — иностранных дел и обороны — и президентом. Мое предложение было принято. Все разведывательные операции, вторгающиеся в область политики, подлежали одобрению этого совета.

Конечно, общественность и печать сохраняют свободу критики действий разведки, включая и те, которые получили огласку в результате провала или неосмотрительности. Это относится в такой же степени и к деятельности правительства. Когда какая-нибудь секретная операция проваливается, что влечет за собою публикацию в печати, разведывательное управление и его директор должны быть готовы взять на себя ответственность, если дело замолчать уже невозможно. Но бывают случаи, как, например, с «У-2», сбитым над советской территорией, и кубинской аферой в апреле 1961 года, когда президент, действуя из самых лучших побуждений, публично признал, что несет вину за эти неудачи.

У нас установлено твердое правило: не только управление должно быть вне политики, но любой сотрудник, начиная с директора и кончая последним клерком, обязан воздерживаться от участия в политических делах (речь, конечно, не идет об участии в голосовании на выборах президента, членов конгресса и так далее). Если кто-либо из персонала нарушит это правило, он обязан немедленно подать прошение об отставке. Просьбу сразу же удовлетворяют, а новоявленного политика предупреждают: в случае, если он потерпит неудачу на новом поприще и захочет восстановиться на работе в управлении, его просьба вряд ли будет решена положительно.

В заключение хочу подчеркнуть, что самая надежная гарантия того, что мы достигли, и наших будущих успехов — в твердости характера и самоисциплине руководства разведки и всего персонала, в труде мужчин и женщин, которые безупречно и с большим чувством долга выполняют важные и деликатные задания, внося тем самым свою лепту в дело утверждения идеалов свободы и демократии.

После более чем десятилетней службы в разведке могу заверить, что не встречал мужчин и женщин, столь преданных делу обороны страны и существующему образу жизни, как тех, кто служит в Центральном разведывательном управлении. Люди идут к нам не из-за высокого заработка или в расчете на то, что служба в разведке поможет им занять высокое положение в обществе. Они приходят сюда, потому что здесь им предоставляется возможность раскрыть свои способности на благо нации; потому что верят: участвуя в деятельности разведки, они вносят личный вклад в укрепление безопасности нашего государства.

Не наши секретные службы угрожают нашей свободе. Угроза возникает главным образом потому, что мы мало информированы об опасностях, которые нас окружают. Повторись кубинские события у других народов, уступи некоммунистические страны советским агрессорам — и мы могли бы оказаться в изоляции, а наша свобода была бы поставлена под вопрос.

Мы понимаем, что такое — военная угроза в ракетно-ядерный век, и поэтому расходуем миллиарды долларов, чтобы быть в готовности отразить ее. Мы должны так же энергично выступать против всех проявлений ползучей невидимой агрессии: хрущевских «освободительных войн», подрывных дей-

ствий, которые ведет советская Компартия вместе со всеми своими сателлитами, замаскированными псевдodemократическими организациями и шпионскими службами. Ныне, как никогда раньше, мы не можем позволить себе ограничивать деятельность нашей разведки, мешать ей. Во времена неслыханной угрозы, нависшей над нами, мы не имеем права отказываться от тех возможностей, которыми располагают наши секретные службы, защищающие нацию от коммунистической агрессии и во время предупреждающие нас о замыслах коварного врага.

Содержание

Глава 1.	О СЕБЕ	5
Глава 2.	ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС	19
Глава 3.	СТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКИ	51
Глава 4.	РАЗВЕДКА И СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО	81
Глава 5.	ДОБЫЧА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ	93
Глава 6.	СБОР ИНФОРМАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	110
Глава 7.	ПЛАНИРОВАНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ	134
Глава 8.	ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК – КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА	142
Глава 9.	КОНТРАЗВЕДКА	203
Глава 10.	«ДОБРОВОЛЬЦЫ»	225
Глава 11.	ДЕЗИНФОРМАЦИЯ	237
Глава 12.	РАЗВЕДКА – ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ	253
Глава 13.	ЛЮДИ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКИ	279
Глава 14.	СЛУХИ, ПРОВАЛЫ И ЖУЛИКИ	305
Глава 15.	РАЗВЕДКА В «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»	356
Глава 16.	ДЕМОКРАТИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ	382
Глава 17.	РАЗВЕДКА И НАШИ СВОБОДЫ	412

Д15

Даллес А.

ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. — Пер. с нем. В. Г. Чернявского, Ю. Д. Чупрова. — «Секретная папка». — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. — 427 с.

ISBN 5-227-00540-0

Алан Даллес, директор ЦРУ в 50—60-е гг., когда шла «холодная война» между Советским Союзом и США, как никто другой знал о тонкостях борьбы КГБ и ЦРУ и о том, какими методами пользовался КГБ на политической арене мира, где столкнулись и воединке две общественные системы — коммунизм и капитализм. В таких обстоятельствах разведывательные организации обеих стран делали все, чтобы доставать друг другу как можно больше хлопот. Естественно поэтому, что интересе неизвестного участника «войны спецслужб» о знаменитых шпионских операциях будет интересно всем.

УДК 830
ББК 84(4Гем)

Аллен Даалес

ЦРУ ПРОТИВ КГБ. ИСКУССТВО ШПИОНАЖА

Отвественный редактор *О. И. Лемехов*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Л. И. Витушкина*

Корректор *Т. И. Медведева*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.11.99

Формат 84x108 1/ц. Бумага газетная. Гарнитура "Таймс"

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 19,05

Тираж 10 000 экз. Заказ № 2394

**ЗАО "Издательство "Центрполиграф"
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU**

**Отпечатано в ГУП Издательско-полиграфический
комплекс "Ульяновский Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

Серию

открывают книги:

Олег Гордиевский, Кристофер Эндрю «КГБ — РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ОТ ЛЕНИНА ДО ГОРБАЧЕВА»

Авторы рассекречивают историю самого закрытого подразделения КГБ, снабжавшего политической информацией высшее руководство СССР — Первого главного управления (внешней разведки), чьи «служащие» прямо или косвенно участвовали во всех политических и военных конфликтах, смещали правительства и манипулировали общественным мнением целых государств.

По мнению историков разведки, эта книга является уникальной. Издание, увидевшее свет в 1991 году, не стало достоянием широкой публики. Книга, предлагаемая вниманию читателей, существенно переработана и дополнена новым фактическим материалом.

Твердый переплет, формат 141×221 мм, объем 672 с + 1 альбом вклейк. Цена книги 45 руб. 50 коп.

Олег Гордиевский «СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — РАССТРЕЛ»

Он был заочно приговорен к расстрелу, и его дело до сих пор не закрыто! Как только не называли Гордиевского после его скандального побега из Москвы. Но он всегда лишь был не согласен с существующим в СССР режимом. Оказавшись в сложных жизненных обстоятельствах, он начал сотрудничать с английской разведкой, пока не попал под подозрение Центра.

О своей жизни в КГБ с предельной откровенностью рассказывает Олег Гордиевский в автобиографической книге, которая во многом расходится с общепринятыми представлениями о службе госбезопасности. На Западе книга стала бестселлером сразу после выхода.

Твердый переплет, формат 126×206 мм, объем 496 с + 1 альбом вклейк. Цена книги 39 руб.

Леонид Млечин «ПРЕДСЕДАТЕЛИ КГБ. РАССЕКРЕЧЕННЫЕ СУДЬБЫ»

КГБ — одна из самых знаменитых и загадочных спецслужб XX столетия. Не менее известны и люди, в разное время стоявшие во главе этой закрытой государственной структуры. Дзержинский, Берия, Андропов и другие вошли в историю страны. У каждого из них была своя судьба, в полной мере отразившая судьбу страны. Но кто и что сделал для истории России? Книга известного обозревателя Леонида Млечина — это портреты тех, кто в разные годы возглавлял ведомство на Лубянке, и первое подобное исследование истории госбезопасности с 1917 года и до наших дней.

Твердый переплет, формат 141×221 мм, объем 656 с + 1 альбом вклейк. Цена книги 45 руб. 50 коп.

**Валентин Фалин
«КОНФЛИКТЫ В КРЕМЛЕ»**

СЕКРЕТНАЯ ПАШКА

Как проходила так называемая перестройка и какова действительная подоплека этой авантюры, окончившейся крахом, результатом которой явилось смена политического режима в нашей стране и глобальное переустройство Европы? О том, что скрывалось за лозунгом «демократизация и гласность», чем на самом деле являлось новое политическое мышление, что представляло из себя фигура последнего генсека компартии и первого Президента СССР М.С. Горбачева, рассказывает один из непосредственных участников этих событий.

Валентин Фалин — с 1988-го по 1991 год советник М.С. Горбачева по общеполитическим проблемам. В книге впервые публикуются материалы, многие из которых рассекречены совсем недавно.

Твердый переплет, формат 130×206 мм,
объем 400 с. + 1 альбом вклейк. Цена одной книги 36 руб.

СЕКРЕТНАЯ ПАШКА

**Олег Царев
Найджел Вест
«КГБ В АНГЛИИ»**

В книге на основании документов воссоздается история советских резидентур в Англии. Рассказывается о том, как вербовались агенты из числа подданных английской короны, о резидентах советской разведки, создавших в Англии разветвленную шпионскую сеть и передававших в Союз военные и технологические секреты, о совместной работе советской и английской разведок при открытии второго фронта во время войны, а также о том, как были ложены секреты производства атомной бомбы.

Авторы книги — подполковник внешней разведки КГБ Олег Царев, проработавший долгие годы в Англии в качестве корреспондента газеты «Известия», и Найджел Вест, военный историк и специалист в области разведки.

Твердый переплет, формат 130×206 мм,
объем 496 с. + 1 альбом вклейк. Цена одной книги 37 руб.

СЕКРЕТНАЯ ПАШКА

**Райнхард Гелен
«ВОЙНА РАЗВЕДОК
ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ СПЕЦСЛУЖБ ГЕРМАНИИ
1842—1971»**

История немецкой внешней разведки со временем Второй мировой войны вплоть до начала 70-х годов в книге воспоминаний Райнхарда Гелена — начальника отдела «Иностранные армии Востока» генерального штаба гитлеровской армии и создателя «Организации Гелена» — Федеральной разведывательной службы ФРГ. Эта книга позволяет читателю взглянуть на исторические события 40—60-х годов нашего столетия с совершенно новой точки зрения, не соответствующей привычным стандартом отечественной историографии. Это достоверный исторический документ и интереснейший рассказ о том, что скрывалось за суммами военными сводками и официальной немецкой пропагандой.

Об истории разведок написано много. Но Райнхард Гелен — человек непосредственно причастный к разведывательной службе и его своеобразные свидетельские показания существенно дополняют картину европейской истории уходящего XX века.

Твердый переплет, формат 130×206 мм,
объем 432 с. + 1 альбом вклейк. Цена одной книги 36 руб.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассыпаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Книги г. Москва, а/я 18

Книги «ЦЕНТРОЛИГРАФ»

=111024

Почтовые открытки присыпайте здесь почтой кинотеатра

Номер почтовой открытки в один из следующих

680011

г.Хабаровск, ул. Мира,
д. 10, кв. 5.
Ивановой Г.П.

Чит. адрес: Россия. Хабаровск. Ул. Мира, д. 10, кв. 5
+ 8 42120. ПДДФ Гонконга. 12 53 11

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Указанные цены включают затраты по пересылке Вашего заказа, за исключением авиатарифа.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенного платежа оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по независящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на Ваше понимание.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

РАБОТАЕТ

ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА

К Вашим услугам более 700 наименований книг. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и современные любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, фэнтези, приключения,вестерны, книги по кинологии, филателистические каталоги, детская и юношеская литература, книги по кулинарии, любовная астрология, документально-криминальная хроника, история секретных служб, биографии полководцев, книги о мастерах театра, кино и эстрады, энциклопедии и словари, песни и тосты.

ТОЛЬКО В МАГАЗИНЕ

Действительно низкие цены.

Регулярно проводятся распродажи.

Оформление предварительных заказов и оповещение по телефону о поступлении новинок.

Открыт международный отдел
тел. 284-49-68

Звоните и приезжайте!

**Магазин работает 7 дней в неделю
с понедельника по пятницу с 10⁰⁰ до 19⁰⁰
в субботу с 10⁰⁰ до 17⁰⁰
в воскресенье с 10⁰⁰ до 14⁰⁰
без перерывов на обед**

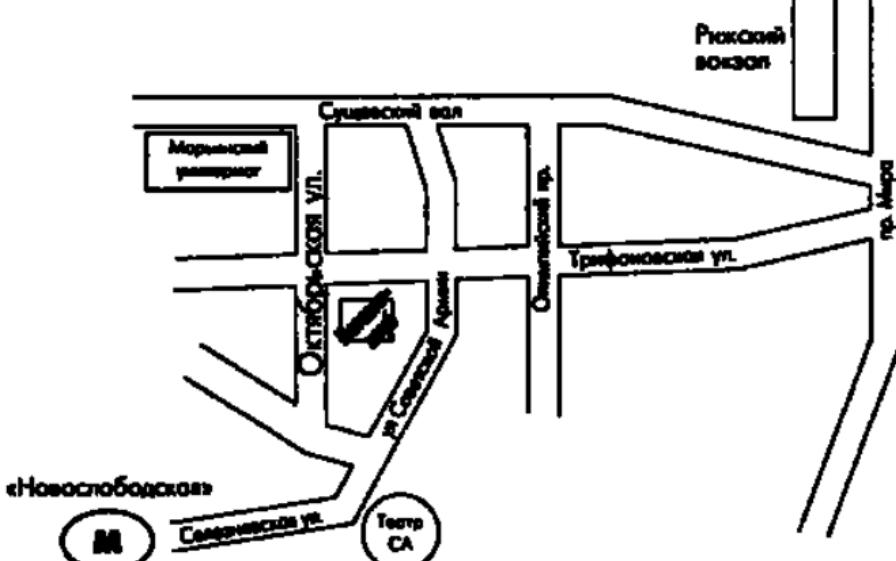
Вас ждут по адресу:

**Москва, ул. Октябрьская, дом 18;
телефон для справок: 284-49-89**

Рижский
 вокзал

«Рижская»

M

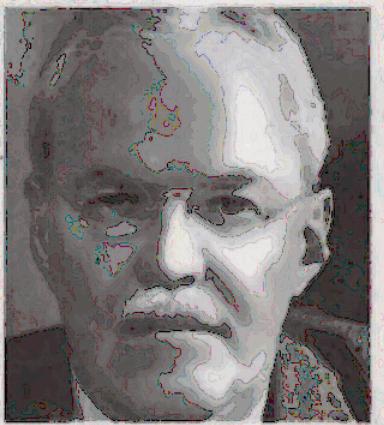
Проезд: м. «Рижская», трол. 18, 42, авт. 84 до ост. «Северная гостиница»

м. «Новоспасская», далее 15 мин. пешком

м. «Белорусская», трамв. 19 до ост. «МИИТ»

**СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА**

ДЕЛО № _____

АЛЛЕН ДАЛЛЕС

Профессиональный разведчик и директор ЦРУ на протяжении десятилетия, Аллен Даллес рассказывает о глобальном противостоянии его ведомства с Комитетом госбезопасности СССР, во время которого отрабатывались приемы разведки и шпионажа, известные с древнейших времен.

«В лице Советского Союза мы имеем противника, который поднял искусство шпионажа на небывалую высоту, разработав новые механизмы подрыва и обмана».

Немцы Зорге и Ресслер, два советских шпиона, по мнению Даллеса, обеспечили руководство Красной Армии бесценной информацией, во многом предвохитившей исход Второй мировой войны.

Арест супершпиона подполковника КГБ Рудольфа Абеля произошел только благодаря предательству его ближайшего помощника. Советы долго отказывались от него, пока не были предъявлены доказательства.

«Отдел терактов всегда являлся наиболее важным подразделением советской службы внешней разведки и блестяще инспирировал «несчастные случаи».

Самолет-шпион Фрэнсиса Пауэрса, сбитый над территорией СССР, был не единственным, но Хрущев решил использовать именно этот инцидент, чтобы сорвать Парижскую мирную конференцию.

Главный противник — коммунистические разведслужбы, как считал Аллен Даллес, и поэтому его исследование в основном посвящено разоблачению разведывательной деятельности КГБ. Взгляд на нее человека с другой стороны бывшего «железного занавеса» — вот несомненная ценность этой книги.

ISBN 5-227-00540-0

9 785227 005403

ЦРУ ПРОТИВ КГБ ИСКУССТВО ШПИОНАДЖА

ЦЕНТРОЛИГРАФ®